
**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ХОЗЯЙСТВО
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ**

Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пироксилитового сланца (на примере поселения Прибытки-I)

С 1996 г. Овручской экспедицией Института археологии НАН Украины в рамках отдельного проекта изучения историко-археологического и палеоприродного наследия Овручской волости на Словечанско-Овручском кряже (Томашевский, 1998а), проводятся исследования средневековых производственных поселений по обработке пироксилитового сланца. В результате этих исследований проверены, уточнены и дополнены данные об уже известных памятниках, открыт ряд новых производственных поселений, локализованы поверхностные выходы пироксилитового сланца и кварцитов, места их древних разработок – карьеров, создана археологическая карта региона. В сезоне 2002 г. впервые на двух производственных поселениях открыты и документированно исследованы остатки мастерских по обработке пироксилитового сланца (Томашевский, 1998б; Томашевский, Павленко, 2003; Павленко, 2005).

Из всех исследованных на кряже поселений наиболее интересными и во многом уникальными оказались памятники микрорегиона с. Прибытки: производственные поселения Прибытки-I, Прибытки-II, местонахождение в урочище “Корчи”, система средневековых карьеров в урочище “Ямы”. Интересной особенностью микрорегиона с. Прибытки является то, что здесь наряду с остатками изготовления пряслиц обнаружены отходы производства мелких украшений – крестиков-тельников, бусин, образков, амулетов из особых высокодекоративных разновидностей пироксилитового сланца.

Поселение Прибытки-I расположено на северо-восточной окраине села, на западных, относительно пологих, склонах долины левого берега р. Татаринки. Разведенная на сегодня площадь поселения составляет 2 га, значительная ее часть распахивается. Поселение впервые открыто и описано в 1983 г. Р.С. Орловым (Орлов, Терпиловский, 1983. С. 62–68). С 1996 г. работы на поселении проводятся Овручской археологической экспедицией ИА НАН Украины.

На противоположном берегу реки, на огородах сельских приусадебных участков расположено поселение Прибытки-II, разведенной площадью

1,5–2 га, также связанное с обработкой пироксилитового сланца и, возможно, железа.

Около 200–300 м к северу от поселения Прибытки-I, в пойме реки (урочище “Корчи”), нами открыто отдельное местонахождение (производственный комплекс) с высокой концентрацией в культурном слое остатков производства крестиков и бус.

В 7–8 км к западу, в 13 кв. Веледницкого лесничества (урочище “Ямы”) экспедицией открыта и исследована система средневековых карьеров-ям, производственно связанных с комплексом поселений у с. Прибытки.

В течение сезона 2002 г. археологические работы в микрорегионе были сосредоточены на поселении Прибытки-I и в урочище “Ямы”. На поселении Прибытки-I в раскопе площадью 140 кв. м исследовано четыре сооружения и 15 хозяйственных ям. Одно из исследованных сооружений – скорее всего остатки жилища, второе – остатки мастерской по обработке пироксилитового сланца. Большинство исследованных объектов датируется XII–XIII вв.

В урочище “Ямы” в 2002 г. впервые проведены пробные исследования средневековых производственных карьеров. В нескольких наиболее репрезентативных ямах-карьерах проведены небольшие раскопки с целью изучения этих комплексов. Проведена шурфовка площади вокруг ям-карьеров, отобраны пробы возможных разновидностей минералов, снят план участка с карьерами.

На поселении Прибытки-II проводились наблюдения за характером, мощностью и сохранностью культурного слоя, сбор материалов. Для выяснения характера культурного слоя местонахождения в урочище “Корчи” заложен специальный шурф.

Хотим отметить, что в ходе работ приобретен беспрецедентный опыт исследования подобных комплексов – поселений и производственных объектов, выработаны методические приемы и способы фиксации и регистрации полученной информации.

Характеристика культурного слоя поселения Прибытки-I. Мощность культурного слоя поселения Прибытки-I небольшая, не везде равномерная и колеблется в пределах приблизительно 25–40 см. Поверхность материка поселения сильно повреждена следами разновременной, в том числе и очень

Таблица 1. Состав и насыщенность культурного слоя поселения Прибытки-I на примере квадрата В2 (раскоп 1, 2002 г.)

Состав культурного слоя	Количество
Фрагменты камней, обломки пироксилитового сланца (кг)	8,3
Отходы и брак, заготовки производства пряслиц (экз.)	355
Фрагменты керамики (экз.)	53
Индивидуальные находки / фрагмент стеклянного браслета (экз.)	1
Шлаки (экз.)	12

глубокой мелиоративной распашки, местами повредившей углубленные части заполнений археологических объектов.

Характер состава культурного слоя поселения, насыщенность его остатками обработки пироксилитового сланца и другими категориями находок можно представить на примере анализа типичного (2 × 2 м) квадрата (табл. 1). Отметим преобладание в культурном слое бракованных остатков и отходов производства пряслиц и обломков сырья различной величины, при незначительном количестве фрагментов керамики и других находок.

В слое поселения преобладает керамика XIII в., достаточно многочисленны обломки керамики X – рубежа X–XI вв. и середины XIII в. Во время распашки площади поселений, местные жители неоднократно находили фрагменты и целые плиты пироксилитового сланца. Такую плиту (размерами 2,2 м на 1–1,2 м) мы зафиксировали у порога одной из усадеб. Культурный слой и исследованные объекты поселений насыщены свидетельствами обработки железа: фрагментами крицы, сопел, шлаками различных видов и размеров.

Характеристика мастерской. Остатки мастерской, исследованной на поселении Прибытки-I, представляют собой слегка углубленное в материк (на 12–15 см) пятно аморфных очертаний, размерами приблизительно 2 × 3 м (рис. 1, 1, 2). Очевидно, основная часть заполнения, скорее всего наземной постройки, уничтожена, а небольшая, сохранившаяся углубленная в морено-валунный материк часть, сильно деформирована распашкой. Исследованный объект заполнен отходами, остатками заготовок, полуфабрикатов, бракованных изделий, смешанными в массиве мелкой стружки с обломками разновидностей розового и бело-розового пироксилитового сланца.

Конструктивных деталей постройки не прослежено в основном из-за степени сохранности объекта. По форме и параметрам объект не похож на хозяйственные или мусорные ямы, исследованные на площади раскопа.

На вскрытой площади поселения специфические артефакты – отходы и бракованные остатки изготовления пироксилитовых пряслиц и крестиков, концентрируются в месте обнаружения объекта.

Во всех соседних исследованных комплексах они единичны и скорее всего связаны с проникновением из слоя.

Следует добавить, что последующий анализ всего материала, происходящего из завала, показал, что мы имеем дело с остатками работы одной технологической единицы со своим стилем. Также отметим, что при обработке материалов отмечены случаи склеивания отдельных фрагментов, происходящих из разных частей завала, составлявших одно целое – полуфабрикаты и заготовки пряслиц. Характер и состав исследованного завала-заполнения (компактность, уплотненность, утрамбованность) имеет достаточно очевидные следы одновременности и однократности.

Сумма перечисленных наблюдений позволяет с определенной степенью вероятности предполагать, что в данном случае мы имеем дело с сохранившимися (при данных условиях существования памятника) остатками производственной постройки – мастерской.

Вне зависимости от решения вопроса об интерпретации объекта и происхождении его содержимого (массив стружки, бракованных изделий и отходов производства): собственно ли это мастерская, или, быть может, выброс из объекта, не попавшего в площадь нашего раскопа (что маловероятно), – его суть и значение не меняется. Такой узко датированный, однократный, фактически закрытый, впервые исследованный производственный комплекс, очень важен для понимания механизмов функционирования узлов овручской индустрии пироксилитового сланца.

Исследования подобных производственных объектов, насколько нам известно, до наших работ не проводились. Поэтому для нас представлял интерес весь массив содержащихся в мастерских материалов. Необходимость полноценно зафиксировать и классифицировать содержимое потребовала применения специальной программы фиксации материалов и их археометрии. С подобным мощным, плотно спрессованным, сильно минерализованным заполнением сложной структуры и состава мы столкнулись впервые. Его разбор потребовал выработки специальной методики и применения специальных инструментов. Для изучения разобранного заполнения применялись просеивание и промывка с последующей сортировкой и обмерами. Такой детальный способ исследования делал сами раскопки крайне трудоемкими и продолжительными во времени. Это в еще большей степени относится ко всем последующим этапам камеральной обработки, фиксации, археометрии и статистического анализа.

В заполнении мастерской зафиксировано 2590 бракованных остатков и отходов изготовления пряслиц, 49 обломков и заготовок крестикотельников и бус, 80 мелких фрагментов керамики (из них 13 – венчики), 2 фрагмента витых стеклянных браслетов. Отдельно отобраны разноразмерные обломки пироксилитового сланца и стружка.

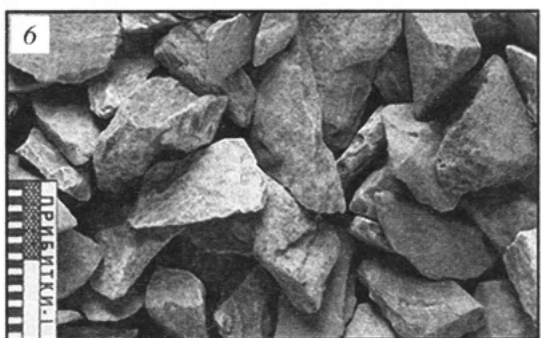
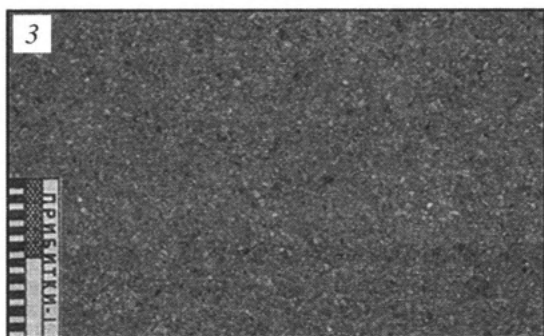
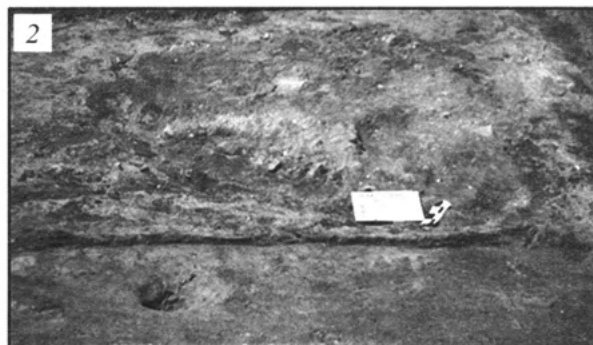

Рис. 1. Поселение Прибытки-I

1 – процесс разбора заполнения производственной мастерской; 2 – выбранный котлован производственной мастерской; 3, 4 – фракции пирофиллитовой стружки; 5 – мелкие (2×2 см) фрагменты пирофиллитового сланца; 6 – фрагменты пирофиллитового сланца размерами не более 10×10 см; 7 – образцы полуфабрикатов, бракованных изделий и отходов производства пирофиллитовых пряслиц

Мастерская датируется рубежом XII–XIII вв. Кратко рассмотрим каждую категорию находок, которые составляли массив завала мастерской.

Минеральная составляющая заполнения мастерской.

а) *фрагменты пироксилитового сланца*. Фрагменты и обломки пироксилитового сланца различных размеров и разновидностей, необработанные и со следами обработки, вместе со стружкой составляют основной объем минеральной составляющей заполнения мастерской. Весь массив обломков пироксилитового сланца в процессе разбора, просеивания и сортировок мы разделили на мелкие и средние фрагменты (табл. 2; рис. 2). Крупных, размерами более 10 × 10 см, кусков и обломков пироксилитового сланца (которые составляют, например, основной объем заполнения исследованной мастерской на поселении Нагоряны), в мастерской поселения Прибытки-I не зафиксировано. Отчасти это объясняется мелкоструктурностью блоков бело-розовой разновидности пироксилитового сланца в карьерах урочища “Ямы”, отчасти – небольшим объемом поверхностных выходов редких разновид-

ностей сланца, что, возможно, заставляло мастеров более полно и интенсивно использовать сырье.

В завале мастерской также зафиксированы обломки кварцитов, брекчие-подобных конгломератов, галькообразных окатышей, обломков необработанного кремния, обожженной глины, мелких угольков.

б) *стружка*. Как объект специального научного интереса стружка исследовалась впервые. Всего в процессе промывки и разбора заполнения мы получили более 9 кг мелкой пироксилитовой стружки, что составляет 22% веса всей минеральной составляющей заполнения мастерской (табл. 2; рис. 2).

Чтобы иметь представление о составе стружки, из общего массива был выделен контрольный объем, принятый за 100%, который с использованием специальных разноячеечных сит был разделен на все выделяющиеся размерно-объемные составляющие. Выделенные такие фракции пироксилитового сланца: мелкие зернистые крупинки, кристаллики и чешуйки, размерами до 1–1,5 мм; кристаллические, зернистые сколы, размерами от 1 до 7 мм; фрагменты различной формы, размерами до 15 мм. Отдельно выделяются круглые полупрозрачные зерна, возможно мусковит или кристаллы кварца.

Отходы и бракованные остатки производства пряслиц. Производственные артефакты заполнения мастерской можно разделить на брак и отходы производства. Бракованные заготовки, в зависимости от стадий производства, отличительных признаков и функциональности, распределяются на несколько групп: заготовки-“таблетки”; заготовки с просверленным внутренним отверстием; заготовки с выточенным конусом с одной и двух сторон; поврежденные, почти готовые и недообработанные пряслица и их обломки. Отходы производства представлены “уголками” – фрагментами заготовок, оставшимися после вытачивания пряслиц и мелкими сколами конуса пряслиц. К отходам производства пряслиц относится и стружка, рассмотренная нами выше. Для каждой из обозначенных групп брака и отходов нами выделены более подробные соответствующие варианты со своими объемно-весовыми характеристиками. Графические изображения вариантов бракованных находок и распределение групп отходов в массиве заполнения мастерской представлены на рис. 3. Мы также постарались показать технологические операции, на которых образуются те или иные категории остатков производства пряслиц, и представить характерные им разновидности брака.

Не останавливаясь на подробной характеристике каждой группы артефактов из заполнения мастерской, выделим наиболее интересные наблюдения. Среди производственных артефактов заполнения мастерской количественно преобладают (60%) отходы производства. Определенную часть (1–2%) среди бракованных остатков и отходов производства каждой стадии составляют вещи, случайно выпавшие из производственной цепочки, возможно

Таблица 2. Распределение отдельных категорий минеральной составляющей заполнения мастерской

	Рис.	Мастерская	
		Вес (кг)	%
Различные фракции стружки	1, 3, 4	9,35	21,84
Мелкие фрагменты (2 × 2 см) пироксилитового сланца	1, 5	9,46	22,09
Средние фрагменты (10 × 10 см) пироксилитового сланца	1, 6	17,4	40,63
Большие фрагменты (>10 × 10 см) пироксилитового сланца	–	–	–
Брак и отходы производства пряслиц и украшений	1, 7	6,61	15,44
Всего		42,82	100

Рис. 2. Поселение Прибытки-I. Распределение категорий находок из заполнения мастерской

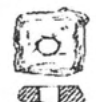
Стадия производства	Технологическая операция	Конечный продукт	Бракованные остатки		Разновидности и варианты брака	Отходы производства данной стадии		
			Количество	Рисунок			Количество	Рисунок
I	подготовка сырья для изготовления заготовок-полуфабрикатов ("таблеток") / распиливание блоков, глыб, кусков, пироксилитового сланца сырья на более мелкие	– плитки 10 × 10 см; – продолговатые бруски 10 × 20–30 см	152					
II	вырезание (вырубание) подквадратных заготовок ("таблеток")	полуфабрикат (заготовка-"таблетка")			– сколы и разламывание заготовок; – возможное несоответствие размерам	фрагменты сланца разных размеров		
III	сверление внутреннего отверстия	заготовка с просверленным отверстием	280		– сломы заготовки во время сверления; – неправильное центрирование отверстия; – люфт и биение сверла	стружка самых мелких фракций		
IV	вытачивание конуса пряслица с одной стороны заготовки	заготовка с выточенным конусом до половины	283		– сломы заготовки во время вытачивания; – сломы конуса во время вытачивания	1) "уголки" – остатки заготовок; 2) стружка;	1398	
	вытачивание конуса пряслица с противоположной стороны заготовки	заготовка с выточенным конусом с двух сторон	228		сломы противоположной к вытачиваемой стороны	3) сколы выточенного конуса		
V	отделение пряслица от заготовки, подрезание и шлифовка поверхностей и ребра	готовое пряслице	97		сколы поверхностей конуса пряслица, разламывание пряслиц	сколы конуса пряслица	84	

Рис. 3. Поселение Прибытки-I, мастерская. Таблица распределения производственных артефактов, бракованных заготовок и изделий, отходов изготовления пряслиц в зависимости от стадий производства

утерянные мастером в силу разных причин. Отдельную часть также составляют вещи, преднамеренно отбракованные мастером на каждой из стадий производства. Наиболее высокий процент брака при изготовлении пряслиц в мастерской поселения Прибытки-I наблюдается при вытачивании конуса пряслица.

Небольшой процент заготовок в завале мастерской поселения Прибытки-I по сравнению с исследованной мастерской в Нагорьях, вероятно, объясняется необходимостью рациональнее использовать более редкое сырье.

В заполнении мастерской обнаружено также два небольших фрагмента витых стеклянных браслетов и шесть фрагментов шлаков. Железных предметов, в том числе и обломков инструментария, в исследованном завале мастерской не зафиксировано.

Стандарты. Исследователями давно отмечена высокая стандартизация пряслиц из пироксилитового сланца (Янин, 1956. С. 189; Розенфельд, 1964. С. 221; и др.). Массовость и объем бракованных заготовок и отходов изготовления пряслиц, отмеченные нами с первых шагов исследования производственных поселений, их последующие обмеры и археометрия подтверждают существование высо-

кой для того времени степени стандартизации производства. Одна из основных задач нашего исследования – реконструкция готового продукта, который непосредственно отсутствует на поселении*, выделение размерно-пропорциональных стандартов пироксилитовых пряслиц, на основе анализа бракованных изделий и отходов производства.

Для статистического анализа и сортировки отобраны информативно пригодные артефакты финальных стадий (IV–V) изготовления пряслиц – с четким вырезанным (выточенным) на определенную высоту, не деформированным сколами конусом и четкой поверхностью основания конуса. При этом учитывалась возможность промеров всех основных параметров: диаметра внутреннего отверстия (d), высоты (h в/н), диаметра оснований (D_0 в/н), максимального диаметра (D_{max}) выточенного конуса, угла наклона поверхности конуса к поверхности основания (α) (рис. 4, 4, 5). Таким образом сформирована выборка для анализа из 172 заготовок. Параметры верхнего и нижнего ко-

* Интересно, что за время наших работ на производственных поселениях Овручского края найдено только одно целое, не поврежденное пряслице, которое можно считать готовым изделием.

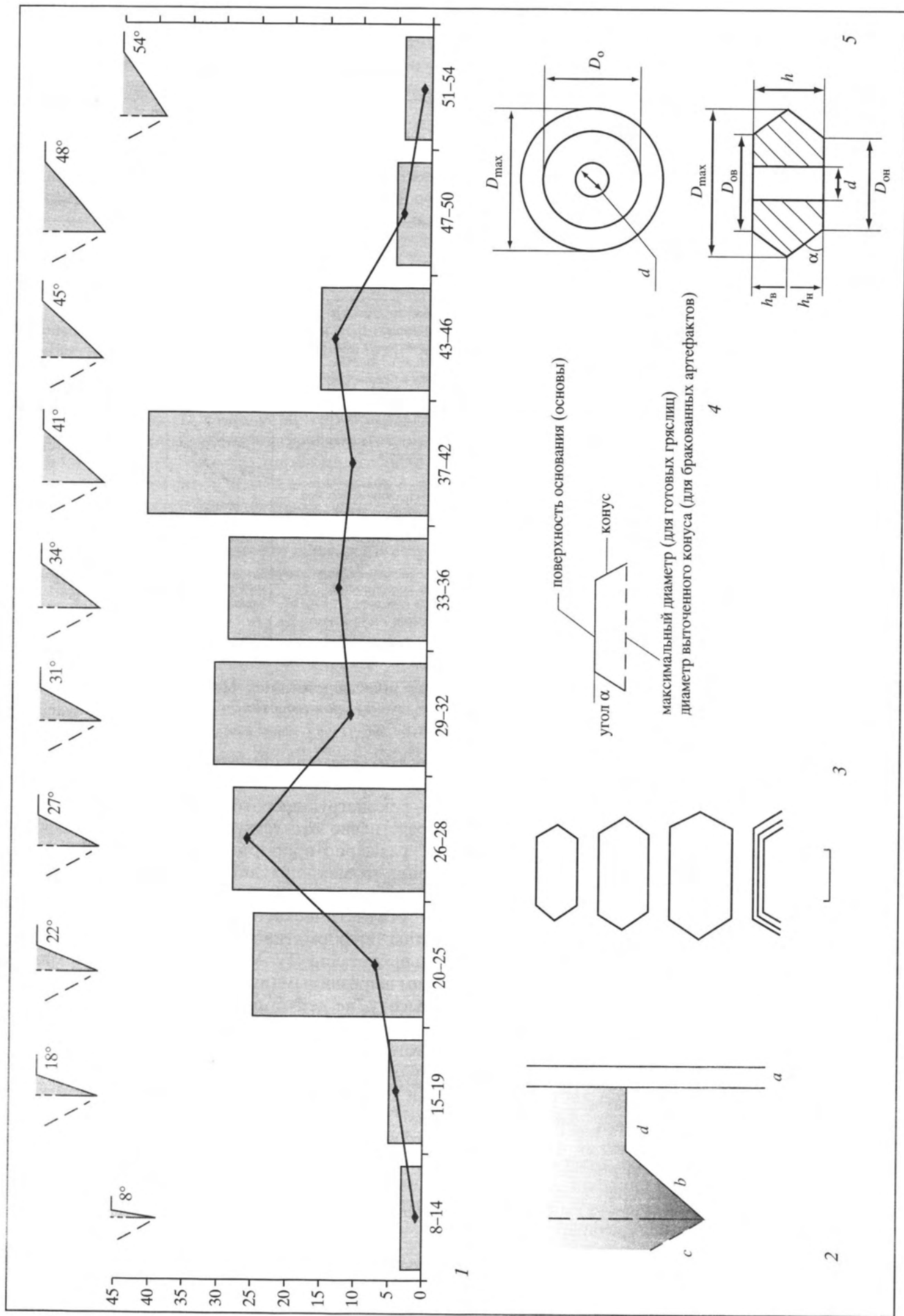

Рис. 4. 1 – графические реконструкции вариантов резцов на основе полученных диапазонов и пиков распределения значений угла (α) наклона поверхности выточенного конуса к поверхности основания (основы); 2 – реконструкция основания пряслица; 3 – реконструкция режущей поверхности резца; 4 – внутренняя режущая поверхность резца; 5 – внешняя режущая поверхность резца; 6) горизонтальная режущая поверхность резца; 7 – графические реконструкции вариантов размерных групп (стандартных) готовых изделий; 8, 9 – схема обмеров параметров пирометрических изделий

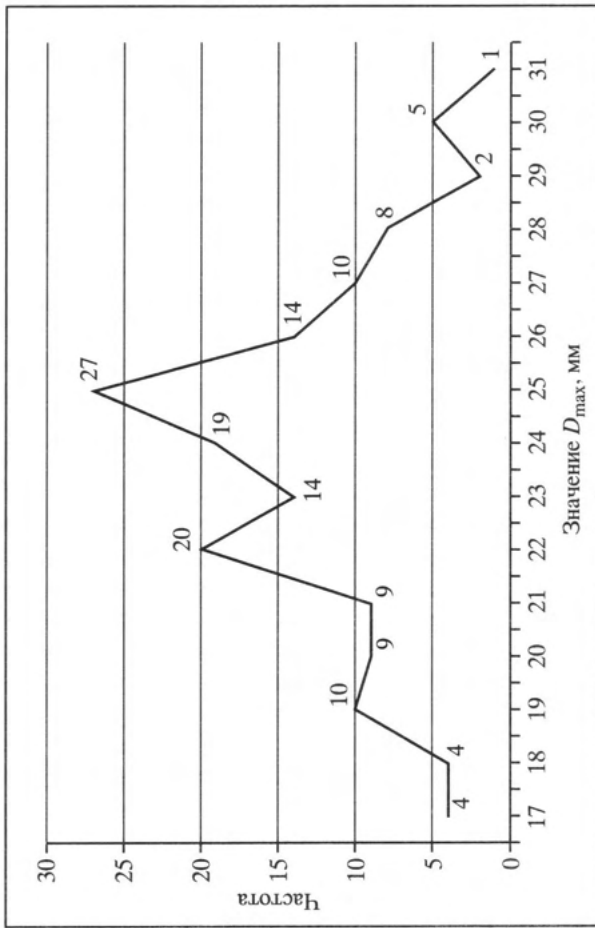
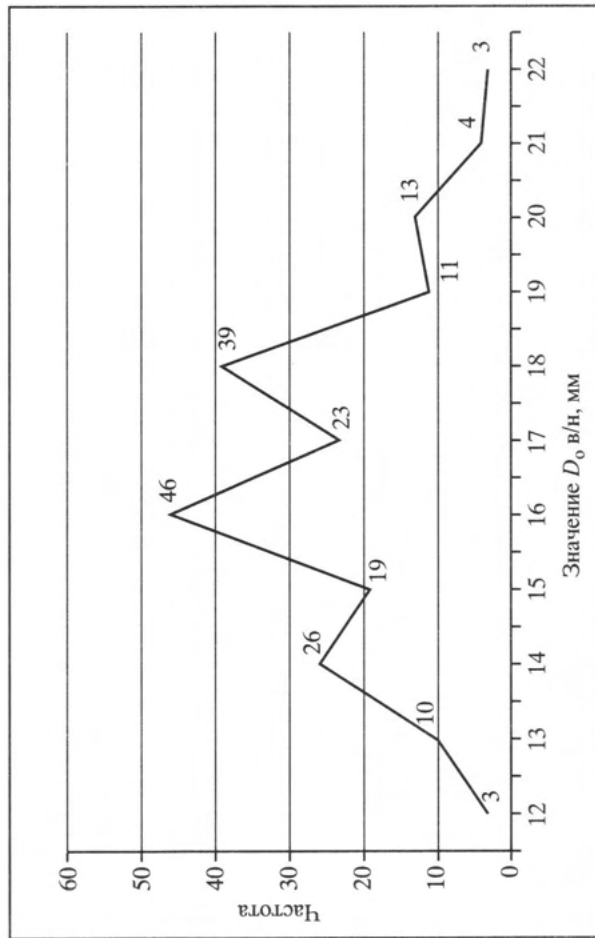
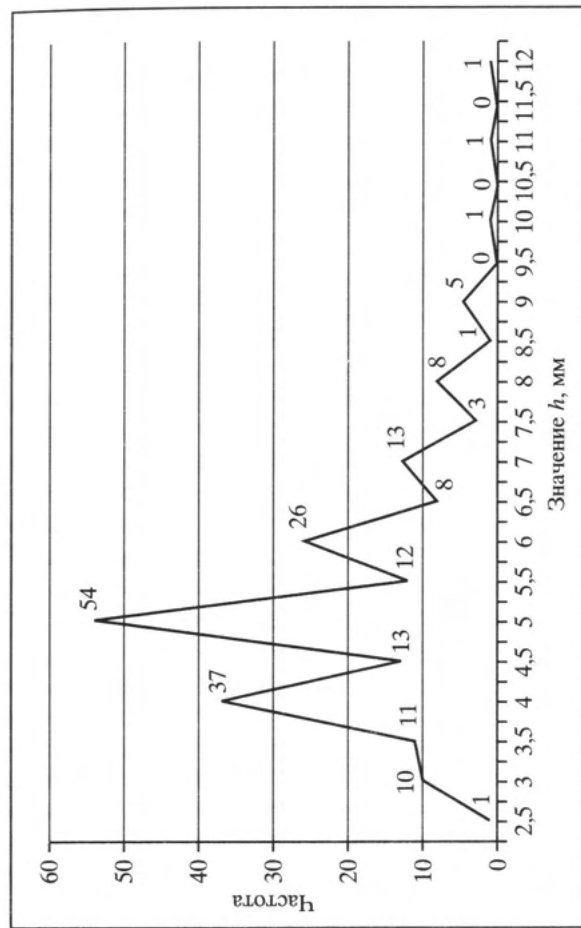
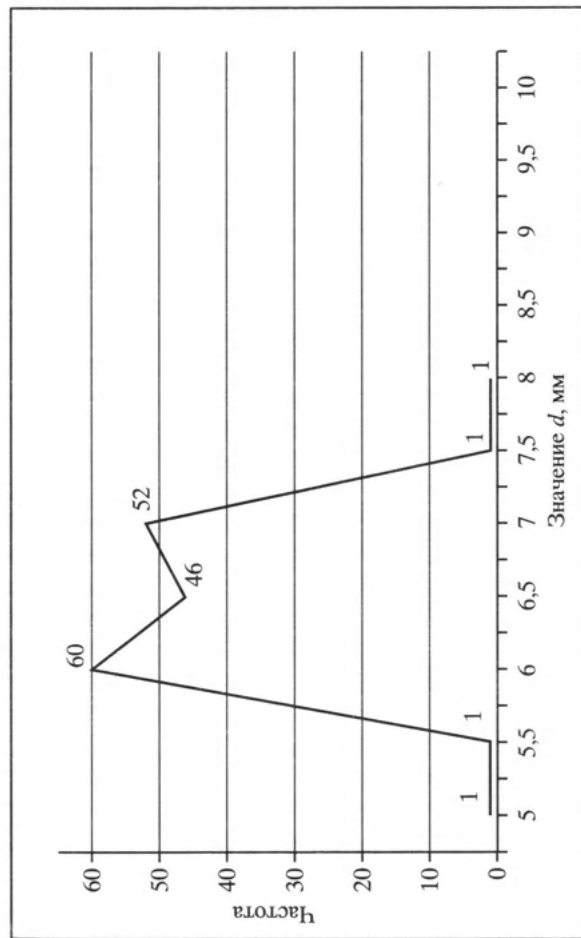

Рис. 5. Поселение Прибытки-1, мастерская. Частоты распределения значений основных параметров заготовок

1 – диаметр внутреннего отверстия (d); 2 – высота выточенного конуса (h); 3 – диаметр поверхности оснований (D_o в/н); 4 – максимальный диаметр выточенного конуса (D_{max}). По оси x – значения параметров, по оси y – частота распределения

нуса бракованных пряслиц и заготовок с выточенным конусом с двух сторон, учитывались отдельно, что несколько увеличило выборку.

В результате проведенного корреляционно-регрессионного анализа подтверждается взаимосвязь ряда образующих форму пряслица параметров: высоты конуса, угла наклона конуса пряслица, максимального диаметра и/или диаметра плоских поверхностей (основ) пряслица. Не находит подтверждения связь размера диаметра внутреннего отверстия с остальными параметрами.

В результате статистических сортировок все основные параметры распределяются на несколько групп, наглядно выраженных на графиках пиками (рис. 5). Диапазон распределения параметров достаточно широк. При этом наблюдается тенденция, когда у трех взаимосвязанных параметров (высота, максимальный диаметр и диаметр основ) количество пиков совпадает (табл. 3).

Допускаем, что эти три группы совпадают и отражают существование трех размерных групп изделий (рис. 4, 3). При этом мы учитываем вариативность стандартов в указанных диапазонах.

Практически все пряслица, изготавливаемые в мастерской, были усеченно-биконической формы. Исследованный нами материал производственных объектов Овручского края не дает никаких свидетельств об изготовлении пряслиц бочковидной формы. Существование еще одной технологической операции (стадии) – превращения биконических пряслиц в овально-бочковидные в рамках технологии овручского производства никаких подтверждений не имеет. Предполагаем, что наблюдаемая бочковидная форма пряслиц, найденных во время исследования древнерусских поселений вне края, является следствием их функционального использования.

При определении (реконструкции) стандартов пряслиц мастерской нельзя не учитывать цветоморфологические особенности бракованных заготовок и отходов (структурно-текстурные характеристики сырья). Для материалов мастерской нами выделено семь цветоморфологических групп (см. табл. 4).

Отметим подавляющее преобладание среди материалов мастерской заготовок и отходов всех оттенков розового цвета.

Таблица 3. Диапазон и пики распределения основных размерных параметров заготовок

Параметр	Пики (мм)			Диапазон распределения (мм)
высота конуса (h)	4	5	6	2,5–12
диаметр основ (D o)	14	16	18	12–22
максимальный диаметр конуса (D max)	19	22	25	17–31
диаметр отверстия (d)	6–7			5–8

Таблица 4. Цветоморфологические группы

Цветоморфологическая группа (структурно-текстурные особенности)	%
Бело-светло-розовые, различной структуры	4,6
Розовые, всех оттенков, монотонные	62,8
Розовые, всех оттенков, зернистые вкрапления (мусковит ?)	22,4
Розовые, всех оттенков, тонкослоистые	2,5
Сиреневые, всех оттенков, различной структуры	1,2
Фиолетовые, всех оттенков, различной структуры	0,4
“Ювелирный”, различной структуры	6,1

К проблеме реконструкции резца. Вопрос об инструментарии, в частности о резцах, станках, агрегатах, является одним из наиболее интересных. Его решение путем моделирования требует глубокого специального анализа и реконструкции с учетом минеральных свойств породы, свойств металла и многих других значимых факторов. Нами разрабатываются различные модели на базе экспериментального и компьютерного моделирования. Работа в этом направлении не завершена, и по мере ее окончания данные о технологическом процессе и инструментарии будут пополняться и уточняться. На сегодня мы можем предложить свою реконструкцию некоторых деталей резца на основании наблюдений над материалами заполнения мастерской.

Пробуя реконструировать резец, мы исходим из того, что при больших объемах производства пряслиц использование ручного резца было нерентабельным. С достаточной степенью достоверности мы можем утверждать, что стадийно и технологически сверление отверстия было отделено от вырезания конуса пряслица и предшествовало ему. Резец, вероятно, имел кронштейн (рис. 4, 2a), который на стадии вырезания конуса входил в уже просверленное отверстие для более точного центрирования пряслица.

Имеющиеся сейчас данные позволяют предположить, что резец имел скорее всего одно перо. Режущая поверхность пера резца, видимо, была прямой, поскольку почти все заготовки соответствующих стадий имеют ровный прямой конус (рис. 4, 2b).

Наблюдения над отходами-“уголками” позволяют предположить, что перо резца могло быть двухлезвийным (рис. 4, 2c). При этом противоположная сторона резца, возможно, имела довольно сложный профиль. Также можно предположить, что резец имел и горизонтальную режущую поверхность (рис. 4, 2d), хотя не исключаем специальной доработки поверхностей основ пряслиц. Эти еще далеко не полные наблюдения заставляют во многом пересмотреть вариант реконструкции режущего инструмента и самого процесса изготовления пряслиц, предложенного В.Л. Розенфельд (Розенфельд, 1964).

Во время археометрии отходов производства и бракованных изделий из заполнения мастерской

фиксируется и измеряется угол (α) наклона поверхности выточенного конуса к поверхности основания пряслица (рис. 4, 4, 5). Статистическая сортировка точно выверенных углов (выборка из 187 позиций) позволила определить граничные и наиболее часто встречаемые значения углов. На основе полученных диапазонов и пиков распределения значений построены графические реконструкции, которые отображают наиболее часто употребляемые варианты резцов (рис. 4, 1).

Трассологические наблюдения. Следы инструментов зафиксированы приблизительно на 90% всех исследованных остатков и отходов изготовления пряслиц. Мы выделяем несколько групп:

- следы разметки разных видов на разных стадиях (разметка заготовок, разметка и центрирование (кернение) места сверления, циркулярная разметка диаметра конуса пряслица);
- следы обработки поверхностей заготовок и полуфабрикатов (следы полирования, шлифовки, срезов, подрезания и стесывания);
- следы разламывания, рубки и возможно распиливания заготовок;
- следы сверления (концентрические следы на стенках внутреннего отверстия, следы люфта и биения сверла, не полностью просверленные отверстия заготовок);
- следы резца по конусу заготовок.

Фиксация и анализ технологических следов, оставленных в процессе обработки на бракованных заготовках и отходах изготовления пряслиц позволяет детализировать процесс производства, уточнить очередность технологических операций, определить набор инструментов и рассмотреть их конструктивные особенности.

Производство мелких пирофиллитовых ювелирных изделий. В результате разбора завала мастерской поселения Прибытки-I найдено 27 бракованных крестиков-тельников и их обломков (рис. XLIV, c, d), 16 ромбовидных заготовок (рис. XLIV, a), из них шесть с началом вырезания лучей (рис. XLIV, b), пять заготовок для бусин (рис. XLIV, e). Всего за время исследования поселения Прибытки-I и производственной округи сформирована коллекция бракованных изделий и отходов производства крестиков и бусин, насчитывающая более 400 единиц. Археометрия и анализ позволили нам составить схему последовательности производственных операций изготовления крестиков (рис. 6), определить наиболее частые причины формирования брака, выделить типы и вариации крестиков-тельников, наметить сырьевые предпочтения. Отходы изготовления бус пока немногочисленны и только в общих чертах позволяют представить последовательность операций их производства.

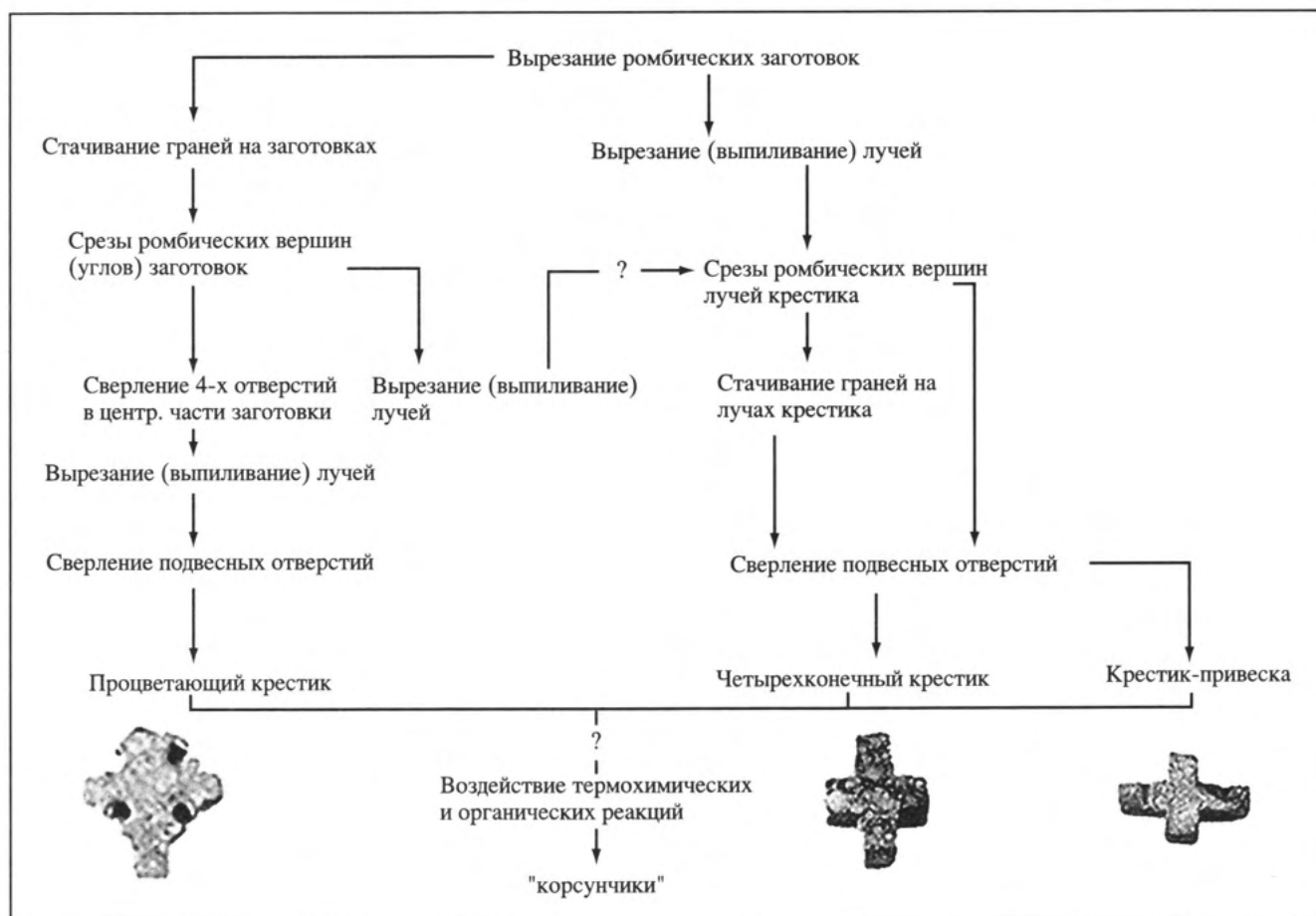

Рис. 6. Схема последовательности производственных операций, этапов-стадий изготовления крестиков-тельников из пирофиллитового сланца

Наиболее частыми причинами брака при изготовлении крестиков были сломы во время вырезания лучей, а также сломы верхнего луча при сверлении миниатюрных, диаметром до 2 мм, подвесных отверстий.

В завале заполнения мастерской (4 экз.) и культурном слое поселения (16 экз.) зафиксированы крестики серого цвета с белыми прожилками и полосами, белыми зернистыми вкраплениями (рис. XLIV, *d*) Возможно, часть продукции специально подвергали воздействию высоких температур и/или определенных термохимических и органических реакций. В результате таких операций крестики приобретали мрамороподобный вид. Подобные пироксилитовые крестики, найденные во время исследований древнерусских памятников вне кряжа, получили в археологической литературе наименование “корсунчиков”.

Проблемы историографии и научной традиции употребления термина “корсунчики” отдельно не разрабатывалась. Насколько нам известно, специального сводного исследования известных каменных крестиков-тельников, их типологии, определения минерального состава с использованием специальных анализов также не проводилось. Проблема крестиков-“корсунчиков” требует дальнейшей разработки с учетом полученных нами данных, для того чтобы в будущем иметь возможность мотивированно выделять изделия, производимые в рамках индустрии пироксилитового сланца от подобных изделий из других минералов и регионов.

Находка “мрамороподобных” крестиков в одном производственном комплексе вместе с остатками изготовления пряслиц и крестиков из пироксилитового сланца, позволяет предварительно, до получения результатов специального минералогического анализа, ставить вопрос о переатрибутировании некоторых известных “корсунчиков” и проверке наших наблюдений на составе коллекций, сформированных вне Овручского кряжа.

В заполнении мастерской кроме отходов производства крестиков и бус был найден фрагмент (четвертая часть) плитки-заготовки пироксилитового сланца, возможно иконки-образка. На одной из поверхностей фрагмента заготовки вырезан крест, на противоположной стороне прочерчен (размечен) нимб лика святого (?). Также найдены фрагмент плитки с прочерченной монограммой, плитка с разметкой в виде решетки, обломок пряслища с насечками на двух поверхностях.

Из микрорегиона с. Прибытки также происходят два амулета с очень интересными знаками-символами, хранящиеся у местных краеведов.

Исследование поверхностных выходов пироксилитового сланца и средневековых карьеров. Карьеры в урочище “Ямы”, представляют собой систему отвалов и ям разного размера, от 1–1,5 до 8–12 м в диаметре, с глубиной от 0,3 до 2,7 м. Крупные и глубокие ямы, очевидно, связаны с добычей, а более мелкие – с поиском и разведкой сырья. Пло-

щадь участка с карьерами, расположенного на покрытом реликтовым лесом скального дуба возвышении, составляет 300 кв. м.

На этом участке были осуществлены пробные раскопки пяти ям – углублений карьеров, двух возвышающихся отвальных отсыпок и нескольких участков предполагаемого культурного слоя вне комплекса ям-отвалов. Заполнения и отвалы состоят из плотной спрессованной смеси разноразмерных минеральных (кварциты, пироксилитовый сланец) обломков, минерализованной супеси подзолистого грунта, густо пронизанного лесной корневой системой. Сумма этих обстоятельств крайне затруднила стандартную процедуру археологических раскопок, требовала применения специальных инструментов и приемов. Несмотря на это, удалось определить типичную структуру заполнения и стратиграфию таких объектов.

Во впервые исследованных карьерах отобраны все возможные разновидности пироксилитового сланца. Наряду с фрагментами породы (всего отобрано 1150 экз.), найдено 250 артефактов (18% от общего количества), на которых обнаружены четкие следы первичной обработки, полировки поверхностей, срезы торцов и граней. В культурном слое вокруг ям-карьеров обнаружены плитки, по форме и технологии обработки сходные с заготовками для пряслиц, найденных на производственных поселениях. Это, возможно, свидетельствует о том, что параллельно с добычей, здесь же производилась первичная обработка какой-то части сырья.

В ходе исследований подтверждено, что выходы на поверхность пироксилитового сланца сопровождаются глыбами красного овручского кварцита.

Программа сбора информации о пироксилитовых артефактах на памятниках Древней Руси и Европы. Параллельно с обработкой полевых материалов с мастерских специализированных поселений Овручского кряжа мы, по мере возможности, проводим сбор сведений о находках мастерских и свидетельств производства (брак, отходы и полуфабрикаты) пироксилитовых пряслиц на древнерусских поселениях вне кряжа. Выполняется программа сбора информации о концентрации пироксилитовых пряслиц в основных поселенческих центрах Древней Руси и Европы, о находках пироксилитовых пряслиц в составе денежно-вещевых кладов и погребальных комплексов.

Как объект научного интереса производство пряслиц самодостаточно, его основные артефакты (отходы и брак) требуют классификации и типологии, о чем мы уже упоминали. Поскольку в слое специализированных поселений и заполнении мастерских в подавляющем большинстве представлены бракованные, испорченные и сломанные изделия, на их основании довольно трудно выделить производственные поселенческие стандарты. У нас есть определенные основания предполагать, что анализ и археометрия больших серий готовых изделий, учитывая вероятные изменения формы и

размеров пряслиц в процессе применения, позволят достаточно корректно выделить и изучить стандартные группы.

Сравнивая выделенные размерно-пропорциональные группы и минерально-сырьевые особенности, учитывая определенный технологический почерк мастерских, мы можем выделить среди коллекций готовых пряслиц изделия, произведенные на конкретных специализированных поселениях. Таким образом, мы можем достаточно достоверно проследить путь изделия (вещи) от карьера через мастерскую специализированного поселения к потребителю. Такую крайне редкую для археолога возможность, в силу своих минеральных особенностей, дают материалы производственного микро-региона Прибытки-“Ямы”.

Для иллюстрации корреляционных возможностей, которые открываются при изучении серий готовых изделий, мы обращаемся к результатам обработки коллекции пироксилитовых пряслиц из города и округа средневекового Переяславля Руского (современный г. Переяслав-Хмельницкий), уже введенной нами в оборот (Павленко, 2001; 2003).

Рассматриваемая коллекция состоит из 189 пироксилитовых пряслиц. Для анализа пригодны 163 (86,2%) пряслица. Биконические пряслица составляют 55,8% (91 экземпляр) от последних. Из них, в свою очередь, отобрана группа целых, не поврежденных пряслиц с четкими параметрами, количеством 60 экземпляров. В результате анализа выделено шесть пряслиц (10% от анализируемых), которые по своим размерам и цвето-морфологическим особенностям (характеру сырья) соответствуют стандартам, условно выделенным нами при анализе материалов мастерской поселения Прибытки-І.

К сожалению, в своих публикациях большинство исследователей ограничивается упоминанием количества найденных во время полевых работ пряслиц из пироксилитового сланца, указанием на их форму, лишь изредка приводятся отдельные размеры. В изданных за последнее время публикациях результатов исследований древнерусских городов, приводятся данные о стратиграфическом распределении пряслиц из пироксилитового сланца. Указанных данных не всегда достаточно для создания

Таблица 5

№ п/п	Экспедиция	Руководитель (исследователь)	Год	Место находки (административно-территориальное устр.)							Памятник (поселение, могильник)
				страна	область	район	населенный пункт	уручище	улица	другое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Объект исследования										№ полевой описи	Датировка			Рисунок
раскоп	траншея	яма	квадрат	шурф	сооружение	курган	погребение	пм	другое		памятника	объекта	вещей	
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27

Археометрия																
h, мм	h _в , мм	h _н , мм	d, мм	D _{max} , мм	D основ мм		Угол (α)		Вес, гр	Цвет	Морфология	Форма	Надписи, насечки	Особенности	Место хранения, инвентарный №	Публикации, архивные документы
28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44

по публикации полной базы данных коллекции пиррофиллитовых пряслиц, ее последующего анализа и сравнения с коллекциями других древнерусских поселений и материалами специализированных мастерских Овручского кряжа.

Учитывая наш опыт, а также то, что исследования средневековых поселений проводятся на широких просторах распространения пиррофиллитовых пряслиц (Западная Европа – Белое море – Приуралье – Черное море – Балканский полуостров), мы нашли уместным предложить вниманию археологов упрощенный, адаптированный к печати, табличный вариант компьютерной базы данных, который позволяет сопоставлять полученные наблюдения на унифицированной основе (см. табл. 5).

Литература

Орлов Р.С., Терпиловский Р.В. Отчет о разведках в Житомирской области в составе экспедиции “Волянь” // Зализняк Л.Л. Отчет об исследованиях археологических памятников в Ровенской и Житомирской областях Волянской экспедиции

ИА АН УССР в 1983 г. (Научный архив ИА НАНУ. 1983/21).

Павленко С.В., 2001. Пірофілітові прясла з Переяслава Руського та його околиць // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький. Вип. 12.

Павленко С., 2003. Археометричне дослідження овручських пірофілітових прясел Переяславщини // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький. Вип. 14.

Павленко С.В., 2005. Исследование производственных комплексов Овручской средневековой индустрии пиррофиллитового сланца в 2002 г. // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький. Вип. 16.

Розенфельд Р.Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4.

Томашевський А.П., 1998а. Овручський кряж: комплексне вивчення та збереження історико-археологічної і палеоприродної спадщини: (завдання, перспективи, структура проекту) // Археологія. № 2.

Томашевський А.П., 1998б. Попередні підсумки Овручської археологічної експедиції у 1996–1997 роках на території Овручського району Житомирської області // Археологічні відкриття в Україні в 1997–1998 рр. Київ.

Томашевський А.П., Павленко С.В., 2003. Археологічні дослідження в Овручському районі Житомирської області у 2002 році // Археологічні відкриття в Україні в 2001–2002 рр. Київ.

Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.

Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1)

Обзор русских селищ, на которых раскопками были вскрыты хотя бы незначительные площади, обнаруживает дефицит изученных поселений второй половины XIII–XIV вв. Большинство памятников сельского круга, на которых проводились стационарные исследования, датируются либо домонгольским периодом, либо слишком широким временным диапазоном, что существенно осложняет вычленение материалов так называемого удельного периода. Такое положение не позволяет с желаемой полнотой оценить глубину и масштаб тех изменений, которые произошли на Руси после татаро-монгольского нашествия. В этой связи особый интерес представляют сельские поселения района устья р. Оки в Нижегородском Поволжье. Летописные сообщения со всей очевидностью свидетельствуют о том, что активное освоение этой территории началось лишь в начале 20-х годов XIII в., только после того как великий владимирский князь Юрий Всеволодович заложил на устье р. Оки город “Новъград”, который впоследствии стал известен как Новгород Нижний (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445). Освоение городской округи существенно активизировалось в середине – второй половине XIV в., во время существования порубежного с Ордой великого Нижегородско-Суздальского княжества. Последнее возникло в 1341 г., когда хан Узбек выдал ярлык на Нижний Новгород и Городец Радилов суздальскому князю Константину Васильевичу (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 54). Вскоре после этого события великокняжеский стол был перемещен из Суздаля в Нижний Новгород. В этот период формируется обширная сельская округа нового великокняжеского центра (Грибов, 2000. С. 41–73). Одно из сельских пригородных поселений – селище Ближнее Константиново-1, раскапывается с 1995 г. (Грибов, 1997а. С. 97, 98). В настоящее время степень изученности этого памятника достаточна для того, чтобы охарактеризовать специфику связанного с ним поселения. Тем более, что раскопанный участок, площадью 1577 кв. м, занимал положение, близкое к центральному в его планировочной структуре.

Селище Ближнее Константиново-1 находится на правом берегу одного из истоков небольшой р. Рахмы (правобережного притока р. Волги), в 11 км к югу от нижегородского детинца. При изу-

чении делопроизводственных документов XVII–XVIII вв. и картографических материалов выяснилось, что это средневековое поселение может быть связано цепочкой исторической преемственности с современным поселком Ближнее Константиново, расположенным в 1 км от памятника. Оказалось, что село Константиново было перенесено на левый возвышенный берег р. Рахмы только на рубеже XVIII–XIX вв., а до этого располагалось на противоположном берегу, что зафиксировано на первой карте Нижегородского уезда 1732 г. (БАН. Отдел рукописной и редкой книги. № 495. Л. 1.). Здесь его следы в виде селища Ближнее Константиново-2 XVI–XVIII вв. были зафиксированы при сплошной археологической разведке в 150 м к западу от селища Ближнее Константиново-1 (Грибов, 1996. С. 18, 19). Это дает основание полагать, что Константиново – историческое название поселения, связанного с изучаемым памятником.

Впервые населенный пункт с таким названием в нижегородских окрестностях в сохранившихся письменных источниках упоминается лишь в 1613 г. По дозорной книге Нижегородского уезда это – деревня “Костянтиново”, которой “по половине” как помещьем владели нижегородские жители Микита Савин сын Жедринского и Федор Семенов сын Мостинина (Книга Нижегородского уезда..., 1903. С. 20–21). Поэтому при исторической интерпретации данного поселения приходится рассчитывать только на археологические материалы.

Культурный слой памятника по своей морфологии и генезису достаточно типичен для русских средневековых селищ суглинистых урочищ Русской равнины. На большей части площади поселения он не стратифицирован из-за ежесезонной распашки. Его характерная мощность 30 см. В непотревоженном виде культурные напластования сохранились на локальном, связанном с естественной ложбиной, участке и в качестве грунта заполнения многочисленных материковых ям.

Время существования поселения можно определить в пределах периода конца XIII – начала XV в. Находки, хронологически предшествующие этому временному отрезку, немногочисленны, их с большой долей вероятности можно рассматривать как архаизмы, задержавшиеся в быту местных насельников. Большинство из них были обнаружены в

комплексах, датируемых по находкам восточного импорта золотоордынской эпохой. Среди такого рода архаизмов можно назвать два фрагментированных двойных (свитых из двух проволок) бронзовых браслета, единственное шиферное пряслице, фрагменты стеклянных браслетов. Верхняя хронологическая планка памятника достаточно отчетливо маркируется нумизматическим материалом, отсутствием вещей, керамических типов, появившихся в XV столетии.

Для введения памятника в исторический контекст весьма важно определиться с его социальным статусом. Способ решения такого рода задач исключительно по археологическим данным был намечен в пионерской работе В.В. Седова по изучению сельских поселений Смоленской земли (Седов, 1960. С. 123, 124). В его основу было положено выделение определенных категорий построек, социально значимого инвентаря, наличие или отсутствие которых предлагалось рассматривать среди главных археологических признаков того или иного исторически сложившегося типа населенного пункта. На фоне возросшего за последние десятилетия уровня и масштаба исследований сельских территорий такой подход может быть несколько скорректирован. Представляется, что определение социального статуса памятника должно основываться на реконструкции его функций и связей в системе окрестных поселений, их системном комплексном рассмотрении. Наиболее контрастно специфический облик различных единиц поселенческой номенклатуры проявляется при определении роли населенного пункта в местном биоценозе, его положения в структуре расселения, в контексте социальной иерархии насельников, в системе торгового и культурного обмена, в сфере этнокультурных связей и взаимодействий. При рассмотрении каждого из указанных аспектов необходимо учитывать весь комплекс доступных археологических данных, а не ограничиваться только теми из них, которые только на первый взгляд кажутся наиболее адекватными для отражения той или иной стороны изучаемого объекта (так, для определения характера местного социума большое значение имеют не только находки социально престижного инвентаря, но и положение, занимаемое поселением в местной структуре расселения, палеоботанические и палеозоологические материалы, отражающие рацион питания).

При выяснении социального статуса селища Ближнее Константиново-1, кроме специфики инвентаря, учитывались особенности планировки памятника, характер построек, результаты палеоландшафтных, комплексных палеозоологических и палеоботанических исследований. Было проанализировано географическое положение памятника на местности, а также в реконструированных локальных системах расселения и путей сообщения.

Селище Ближнее Константиново-1 удалено от берегов сколько-нибудь значительных рек и водо-

емов (рис. XLV, 1). Оно занимает наклонную площадку приводораздельного склона на правом берегу сухой балки, устье которой на удалении в 150–200 м от памятника выходит в узкую пойму ручья Юлы (одного из истоков р. Рахмы). Высота площадки над уровнем поймы от 12 до 23 м (рис. 1). Благодаря палеоландшафтным исследованиям (проведенным под руководством к.г.н. С.А. Сычевой) выяснилось, что до начала активного освоения окрестных земель местные почвы отличались от современных (светло-серых лесных) большим плодородием, а природное окружение в целом представляло собой массив смешанных дубово-еловых лесов. По характеристике балочного аллювия размеры распахиваемых площадей во время функционирования поселения, по сравнению с распашкой XVII–XVIII вв., оценены как незначительные. Ближайшими к поселению источниками воды служили ручей, протекавший по дну балки, и устроенный с помощью плотины в одном из ее расширений пруд. В настоящее время русло ручья и связанный с ним искусственный водоем перекрыты четырехметровой толщей балочных отложений (Сычева, Грибов, 2003. С. 90–93).

Охарактеризовать тип освоения природной среды, связанный с данным поселением, по собранному инвентарю и остаткам вскрытых сооружений весьма затруднительно. Сельскохозяйственные орудия в коллекции вещевого материала малочисленны. Они представлены маловыразительными обломками железных серпов (4 экз.) и двумя фрагментами кос. На раскопанной площади не встречено ни одной ямы, которую можно было бы уверенно интерпретировать как зерновую. Вместе с тем в подполье почти каждой жилой постройки обнаружены фрагменты каменных жерновов (всего 17 экз.) от ручных ротационных мельниц. Очевидно, что при анализе комплекса индивидуальных находок следует учитывать, что раскопками вскрыто всего около 9% площади памятника (определенной по размеру области распространения массового материала) и бедность интересующего раздела коллекции (равно как и отсутствие соответствующих сооружений) может быть обусловлена спецификой освоения изученного участка. Незначительное число предметов, связанных с промыслами (целые и фрагментированные керамические грузила от сетей в количестве 23 единиц и 5 крючных снастей) характеризуют исключительно рыболовство, которое из-за положения памятника на местности, его удаленности от основных рыболовных акваторий края (5 км от русла р. Оки и 6 км от долины р. Волги) не могло иметь решающего значения в системе жизнеобеспечения.

Ландшафтное окружение памятника, его природные ресурсы более соответствуют земледелию. Исключительная роль последнего в местном хозяйстве стала очевидной после комплексного изучения массового статистического материала – палеоботанических и палеозоологических остатков,

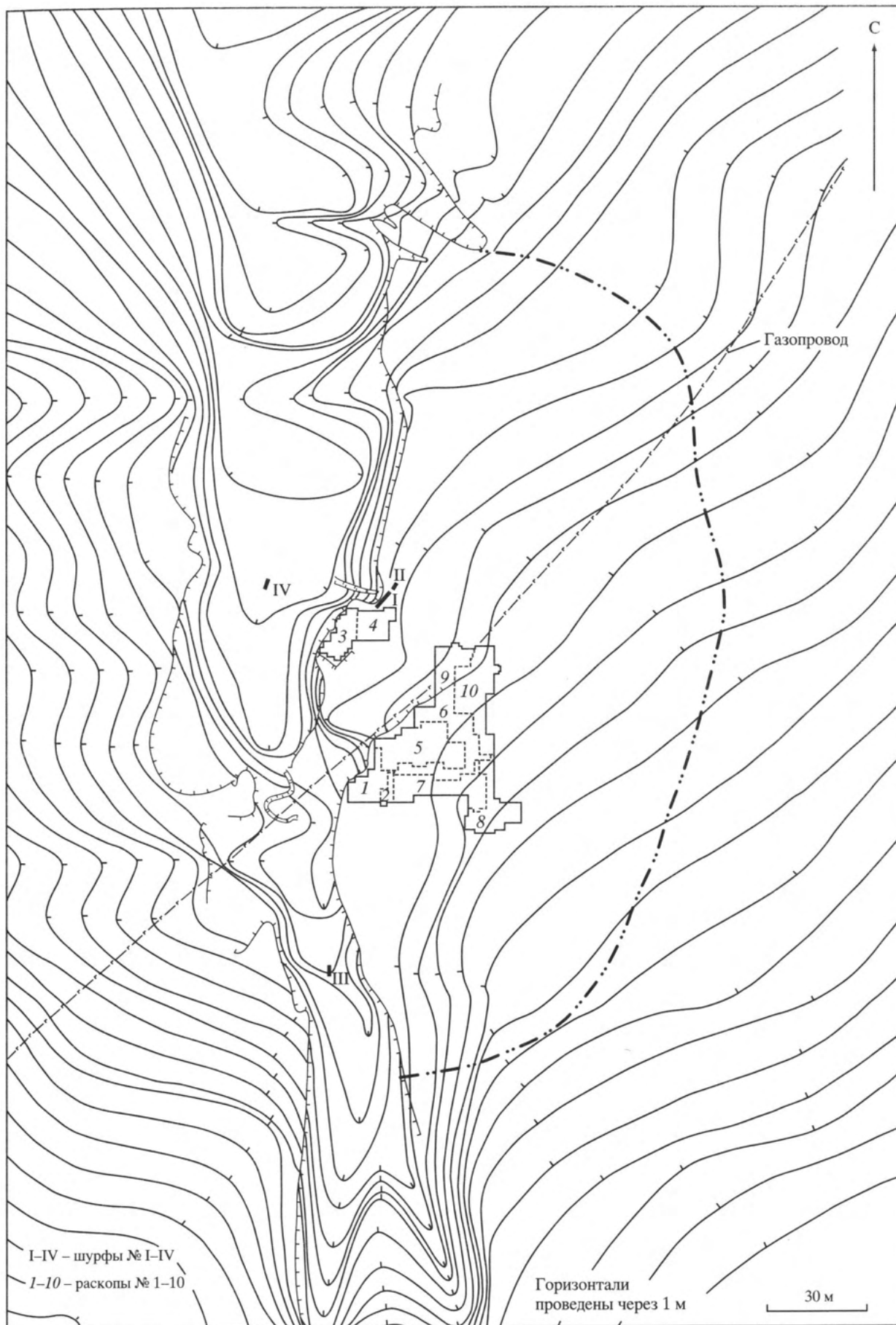

Рис. 1. Селище Ближнее Константиново-1. План

проведенного к.и.н. Е.Е. Антипиной и к.б.н. Е.Ю. Лебедевой. Главными аргументами в пользу такого заключения стали необычайно высокая насыщенность непотревоженных культурных напластований зернами ржи, отходами от ее обмола (колосовыми фрагментами) и явно подсобный второстепенный характер местного скотоводства. Чрезмерное доминирование ржи (86,1% от 469 зерен и семян культурных растений, выявленных в девяти пробах) в палеоботаническом спектре при допущении достаточности долевых показателей остальных выявленных культур (овса (6,6%), проса (4,9%), льна (1,1%), пшеницы (0,4%), гречихи (0,4%), ячменя (0,2%), гороха (0,2%)) для удовлетворения собственных нужд здешних жителей, преимущественно прижизненные формы эксплуатации крупного рогатого скота, страдавшего от бескормицы (о чем свидетельствуют выявленные патологии, малые размеры животных) служат обоснованием предположения о том, что зерно производилось не столько для местного потребления (в виде продукта питания или фуража), сколько на вывоз (Антипина, Лебедева, 2005. С. 75, 76). Таким образом, построенная на изучении экофактов непротиворечивая модель местной экономики предполагает товарный характер местного зернового производства. Данный вывод, весьма важный для реконструкции облика исследуемого поселения в целом, безусловно нуждается в дальнейшем обосновании и проверке путем привлечения более широкого круга материалов. Вместе с тем проведенное комплексное исследование не оставляет сомнений в том, что доминантой воздействия данного поселения на окружающую среду было именно земледельческое освоение. Остальные жизнеобеспечивающие отрасли (скотоводство, рыболовство, охота, лесное собирательство, птицеводство), следы которых нашли свое отражение в археологическом материале, можно рассматривать как второстепенные (подсобные).

Пространственный анализ структуры расселения в окрестностях г. Н-Новгорода позволил установить, что селище Ближнее Константиново-1 входит в компактную группу, состоявшую минимум из 15 единовременных поселений. Все они располагались на водораздельном участке с развитым овражно-балочным рельефом, в стороне от больших дорог. В этой группе оно не занимало центрального положения, и его размеры (1,8 га) приблизительно в два раза уступают площади крупнейшего из местных поселений (3,3 га). Вместе с тем в ближайших окрестностях памятника, на небольшом удалении от него (в 0,5–1,1 км), известны пять небольших селищ с размерами от 0,7 до 1,1 га. Использование расчетных методов пространственного анализа из аналитического арсенала экономической географии подтвердило “тяготение” этих поселений к селищу Ближнее Константиново-1 (Грибов, 2000. С. 65–66). Для этих поселений рассматриваемый памятник является центральным и

ближайшим. Такая ячейка иерархической структуры расселения может быть соотнесена с селом. Как известно, в актах XIV–XV вв. этим термином обозначали как отдельный населенный пункт – владельческий двор, так и тяготеющее к нему, как к хозяйственно-административному центру, владельческое имение. Последнее могло состоять из нескольких деревень, возделываемого участка земли, сенокосов и других различных угодий (Веселовский, 1936. С. 21, 22). Подобные “гнезда” поселений, характерные для удельного периода, были выявлены С.З. Черновым в Подмоскovie, для которого имеется возможность прямого соотнесения отдельных селищ с известной по актовому материалу поселенческой номенклатурой (Чернов, 1991. С. 12–24).

О социальной неоднородности местных жителей свидетельствуют характер планировки, особенности жилых построек, состав инвентаря и рацион питания.

Ядром планировочной структуры поселения служила одна большая усадьба, состоящая из совокупности жилых, хозяйственных и производственных сооружений (рис. 2). По ходу раскопок было выяснено, что жилая застройка была распространена и за границами усадьбы. По смене частокольных оград выделено несколько этапов развития усадебного комплекса, при этом с течением времени его размеры возрастали, а число входящих в него построек увеличивалось. К сожалению, мало что сохранилось от начальных этапов существования поселения. Для двух последних наиболее вероятной представляется общая датировка (по монетным находкам) в пределах промежутка начала 80-х годов XIV в. – конца первого десятилетия XV в. В это время произошло существенное укрупнение усадьбы (до размера в 2500 кв. м), на ее территории появляются производственные сооружения, связанные с получением и обработкой железа, застраивается периферия. Обнаружение крупных фрагментов колокольной бронзы в верхних слоях заполнения подпольной ямы одного наземного жилища, заброшенного около рубежа XIV–XV вв., может служить косвенным указанием на существование на поселении в этот период и церковного строения.

Несомненный интерес для характеристики планировки усадьбы представляют следы въездных ворот, зафиксированные на двух (сменивших одна другую) линиях восточных частокольных оград в виде широких (диаметром 0,5–1 м) и глубоких (до 74 см) столбовых ям, отрытых для установки верейных столбов (рис. XLV, 2). В обоих случаях линия ворот была сдвинута внутрь огороженной территории на 1–1,5 м параллельно линии ограды (как и на многих усадьбах Новгорода Великого (Сорокин, 1998. С. 262)). Ширина проезда соответствовала промежутку в 1,5–2 м.

На памятнике были исследованы остатки более чем двух десятков различных построек. Специфику

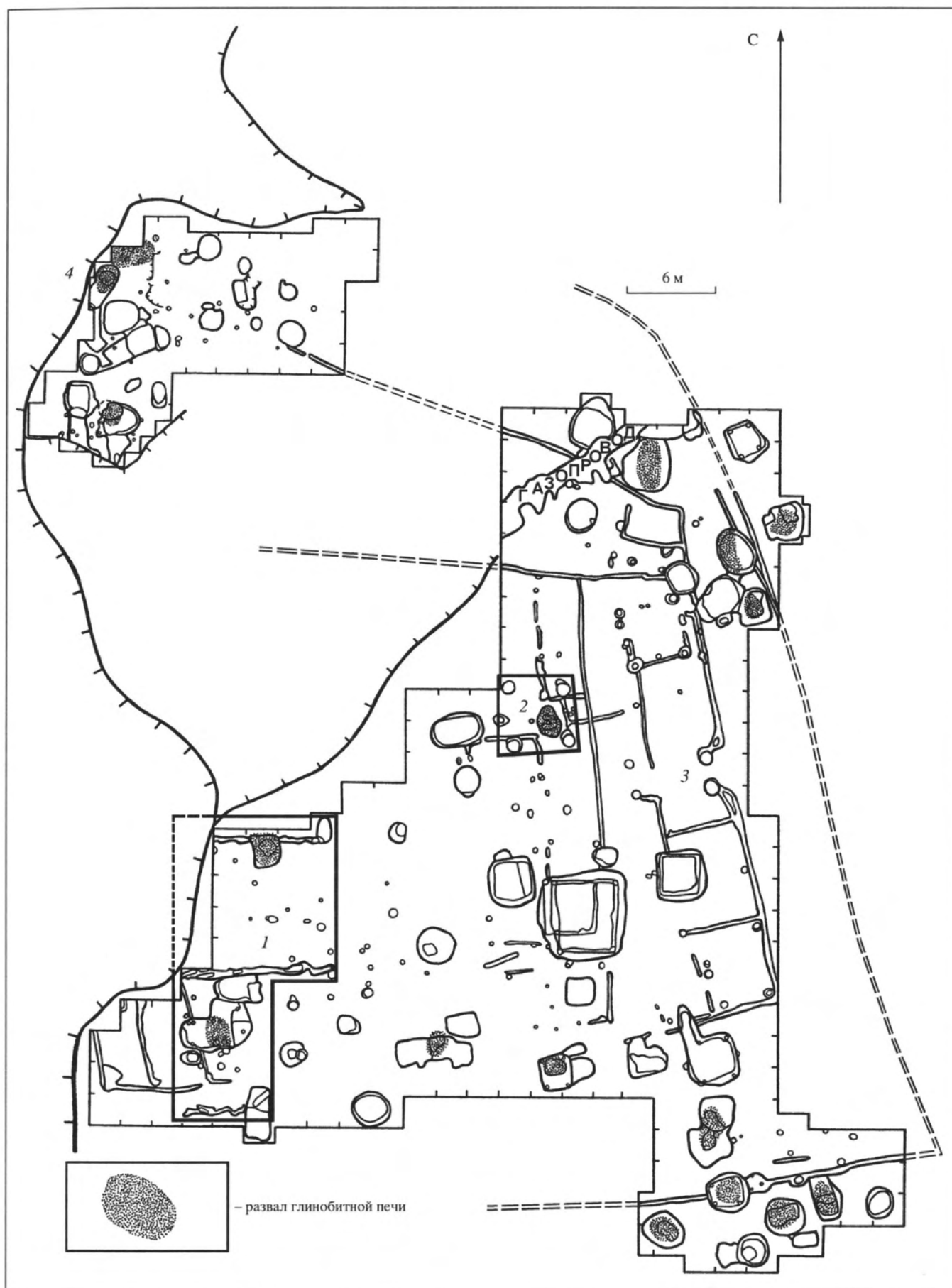

Рис. 2. Селище Ближнее Константиново-1. Сводный план участков, раскопанных до материка
 1 – дом на “подкладках”; 2 – дом на “стульях”; 3 – въездные ворота; 4 – печь-домница

местных домостроительных традиций определяет сооружение наземных жилых срубов с подпольными или подпечными ямами, которые отапливались исключительно глинобитными печами. В плане выявления социальной иерархии местных насельников наиболее показательны остатки двух жилых строений, размеры которых надежно устанавливаются благодаря сохранившимся следам фундаментных конструкций. Одно из них (дом на “подкладках”), очевидно, являлось главным жилым сооружением усадьбы. Его можно охарактеризовать как большой наземный дом хоромного типа, площадью порядка 150 кв. м. Он был локализован по трем параллельным канавообразным углублениям с ломаными угловатыми линиями верхних кромок. Эти углубления были составлены из отдельных продолговатых выемок (“пролежней”), продавленных в материке обрезками бревен, горизонтально (но под разными углами в плане) подложенными под нижние венцы трех капитальных стен. Такое фундаментное основание могла иметь постройка, этажность которой не ограничивалась только одним ярусом. Планировка первого из них имела трехчастную структуру. Два почти равновеликих (56 и 79 кв. м) отапливаемых глинобитными печами помещений разделялись капитальной стеной. К меньшему из них с восточной стороны примыкали небольшие (около 18 кв. м) холодные сени, вероятно, соединенные с крыльцом — галереей. Находки, связанные с данным сооружением, помимо общераспространенных бытовых предметов, представлены фрагментами парадной поливной керамики как русского производства, так и привозной восточной (на кашинной основе), осколками стеклянного сосуда, серебряной монетой (подражанием дирхему Золотой Орды), бронзовой поясной накладкой, фрагментами стеклянных браслетов (Грибов, 1997б. С. 45–46). Данное строение можно интерпретировать как дом владельца усадьбы или его наместника. В планировочной схеме поселения оно занимало особое положение. Постройка стояла на берегу пруда, устроенного в расширении балки, которая ограничивала территорию поселения с западной стороны. С трех других направлений прилегающую к ней территорию очерчивала частокольная ограда, которая по мере укрупнения усадьбы постепенно переносилась все дальше и дальше от ее стен.

Другое строение с определяемыми размерами представляло собой небольшой жилой сруб, поставленный на пологом склоне небольшой ложбины. Углы жилой клетки покоились на “стульях”, т.е. на торцах вертикально врытых массивных бревен (диаметром по 30–35 см, длиной не менее 1,0–1,2 м каждый). Расположение связанных с ними столбовых ям позволяет определить размеры постройки в пределах 4 × 4 м. Это жилище отапливалось одной глинобитной печью, сооруженной над небольшой грушеобразной в плане подпечной ямой, откопанной в юго-восточном углу сруба. Находки, обнару-

женные в ее заполнении представлены только железным ножом, ключом от цилиндрического замка (типа В2) и керамикой. Представляется, что эта, как и многие другие раскопанные жилые постройки, принадлежала в той или иной мере зависимому населению. Их отличают меньшие размеры подпольных (или подпечных) ям, как правило, скудный ассортимент инвентаря и отсутствие следов фундаментных конструкций.

Среди этих построек выделяется жилище, которое по находкам фрагментов железного пластинчатого доспеха (рис. 3, 1–6), боевому ножу, бронзовой с посеребрением ременной бляхе, монетам, условно охарактеризовано как дом “военного слуги”. Следует отметить, что воинское присутствие на поселении достаточно отчетливо проявляется в составе вещевой коллекции. Помимо железных наконечников стрел, фрагментов доспешных пластин, она включает в себя петлю от колчана (рис. 3, 7), стремя арочной формы, кольчатые и со стержневидными псалиями удила (рис. 3, 8), фрагмент колесиковой шпоры, разнообразные элементы бронзовой и железной поясной гарнитуры. Предметы воинского оснащения и снаряжения верхового коня обнаружены в разных горизонтах заполнения различных материковых ям, что исключает возможность их единовременной археологизации (например, вследствие вражеского нападения).

С другой жилой постройкой связаны находки инструментов (зубил, пробойников), железных заготовок, фрагментов криц. Местный кузнец, которому, вероятно, она принадлежала, материал для своих изделий (кричное железо) получал самостоятельно из болотной руды в небольшой печи-домнице. Остатки последней были раскопаны недалеко от его жилища, на берегу балки, в 30 м от главного усадебного строения (Грибов, 1998. С. 213–215). Инструменты железообработки на памятнике представлены железными пробойниками, зубилами, молотком, бронзовыми и железным пинцетами. К железным изделиям местного производства, заготовки которых были обнаружены на памятнике, можно причислить лишь обычные бытовые ножи. Местные мастера занимались и резьбой костяной оснастки к ним. Однако, это занятие вряд ли было специализированным: редкие разрозненные фрагменты костей животных, отнесенные к разряду производственных отходов, обнаружены в подпечных ямах нескольких различных построек, а находка заготовки костяного изделия (муфты для рукоятки ножа) на памятнике единична.

Следов гончарного производства на селище пока не выявлено. Вместе с тем при изучении коллекции встреченных гончарных клейм была особо отмечена одна гончарная традиция (мастерская), узнаваемая по сочетанию характерной профилировки сосудов, своеобразному составу теста и редкому рисунку клейма, присущему почти исключительно данному памятнику. Это клеймо — самое распро-

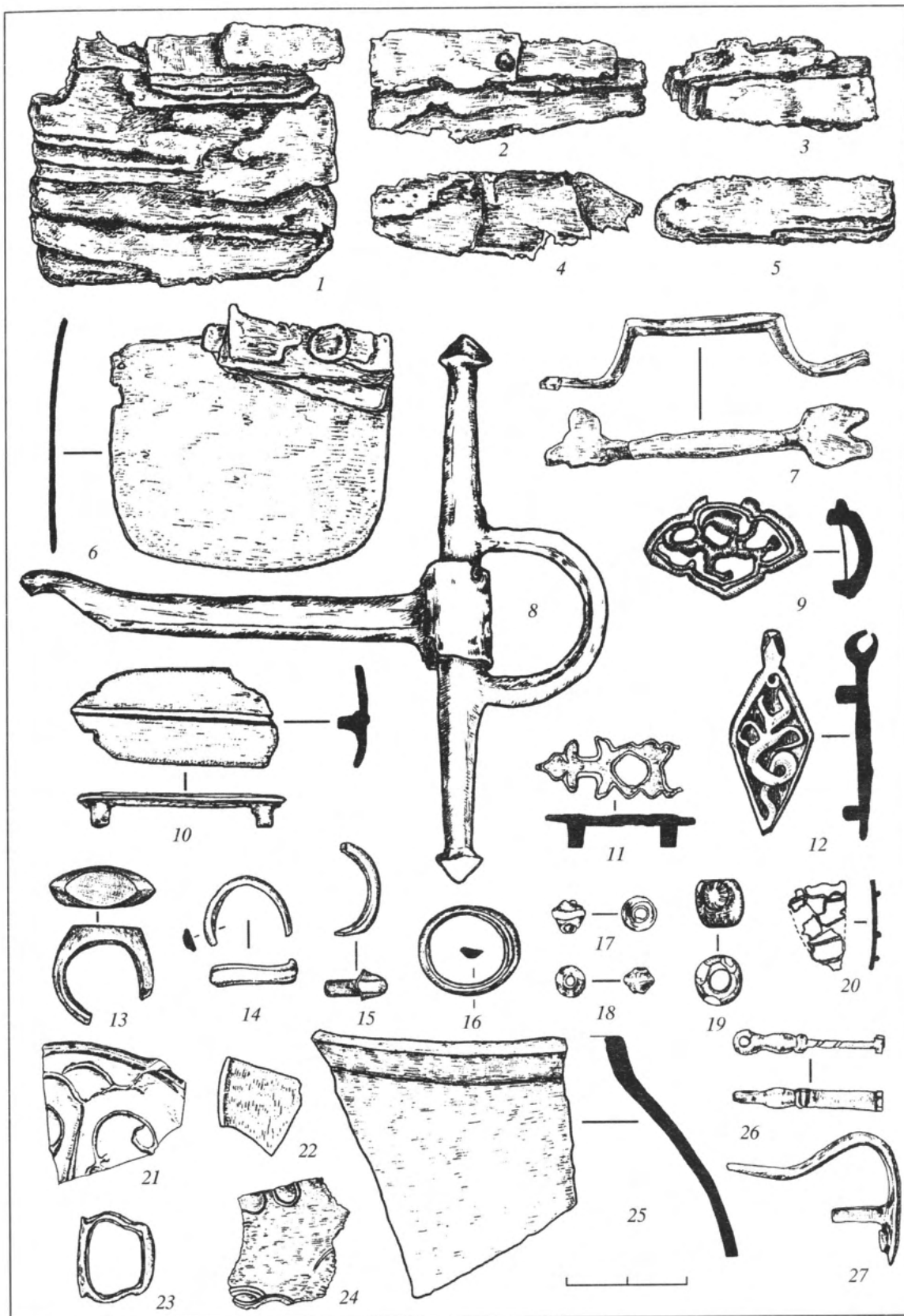

Рис. 3. Предметы восточного импорта (9–27), снаряжения верхового коня (8) и всадника (1–7) из раскопок селища Ближнее Константиново-1

1–5 – фрагменты пластинчатого доспеха; 6 – доспешная пластина; 7 – петля от колчана; 8 – фрагмент удила с псалием; 9–12 – поясные штифтовые накладки; 13–16 – пастовые перстни; 17, 18 – бирюзовые пастовые бусы; 19 – черная пастовая бусина с реснитчатым глазком; 20 – фрагмент сосуда, инкрустированно-

го накладными стеклянными нитями; 21, 22 – фрагменты зеркал; 23 – пряжка; 24 – фрагмент бронзовой чашечки от весов с гравировкой; 25 – фрагмент венчика чугунного котла; 26 – ключ от зооморфного замка; 27 – дужка от зооморфного замка. 1–8, 25 – железо; 9–12, 21–24, 26, 27 – бронза; 13–20 – стекло

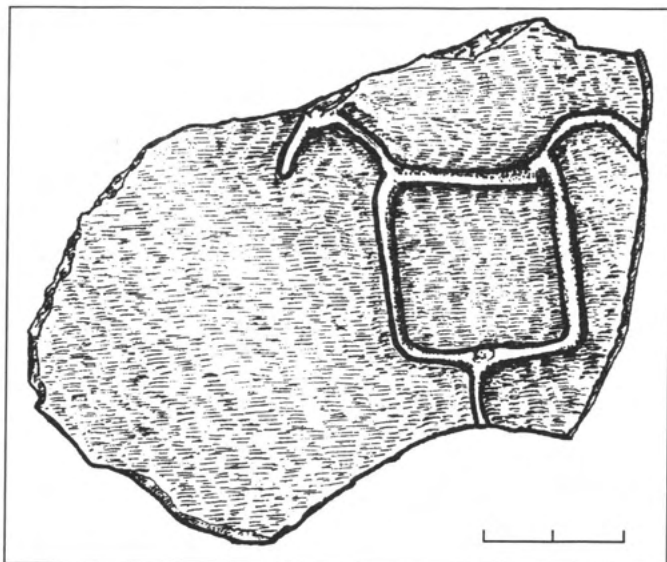

Рис. 4. Селище Ближнее Константиново-1. Самый распространенный тип гончарного клейма

страненное на поселении (рис. 4). Оно представлено отпечатками на пятнадцати фрагментах днищ, сделанных минимум с трех различных матриц (Грибов, 2001. С. 40–42). Изображение клейма напоминает один из известных геральдических княжеских знаков в виде двузубца прямоугольных очертаний с дугообразными отогнутыми наружу зубцами и короткой вертикальной ножкой. Константиновское клеймо отличается от данного знака одной деталью – наличием верхней горизонтальной перекладины, достраивающей центральную часть изображения до полной квадратной фигуры.

С остатками жилых домов планиграфически связаны небольшие котлованы хозяйственных полуземляночных сооружений типа погребов или ледников. Размеры их невелики (порядка 2×3 м). Такого рода постройки имели едва выступающие над дневной поверхностью стены, земляную кровлю (остатки которой фиксируются в заполнении котлованов в виде мощных почти стерильных напластований переотложенного материкового грунта) и небольшой вход-прямоук. Последний обычно был оформлен в виде спуска с двумя-тремя земляными ступенями. На памятнике встречены хозяйственные постройки и другого типа, наземные. Они характеризуются каркасно-столбовой конструкцией, их стенки напоминали частокол, составленный из жердей, нижние концы которых были закопаны в грунт.

Заметную роль в рационе местных насельников, помимо продуктов земледелия, играла мясная пища. Об этом, кроме широкого распространения погребов, свидетельствует и собранная на поселении богатая остеологическая коллекция. Она состоит из 13 000 костных остатков, большая часть которых (90,7%) принадлежит фрагментированным костям домашних животных. В потреблении мяса лидирующее положение занимали говядина (52%),

свинина (20%) и конина (17%). Неожиданное указание на связь изучаемого поселения с представителями социальной верхушки было получено при изучении коллекции костных остатков рыб (проведенном к.б.н. Е.А. Цепкиным) (Грибов, Цепкин, 2004. С. 83, 84). Оказалось, что среди 14 определенных видов имеются и ценные породы (такие как осетр, севрюга, белуга, судак, жерех), которые могли быть только специально доставлены на поселение либо с нижегородского торгового центра, либо непосредственно с поволжских или поокских рыболовных угодий. Доля костей рыб таких пород составляет более 35% от общего числа 388 атрибутированных костей. Как известно, потребление деликатесной рыбы на Руси являлось привилегией преимущественно знати, что находит свое отражение даже в плане социальной топографии при раскопках некоторых древнерусских городов (Салмина, 1996. С. 211).

Отличительной чертой комплекса обнаруженных на селище находок является необычайное для памятников Северо-Восточной Руси количество и разнообразие импортов восточного происхождения. Парадная художественная керамика представлена 67 фрагментами минимум от 13 различных сосудов. По определению к.и.н. В.Ю. Коваля, среди них присутствуют осколки кашинной чаши, расписанной кобальтом и люстром в традициях гончарных мастерских Ирана ильханской эпохи, многочисленные (более 40) фрагменты кашинных сосудов с полихромной подглазурной росписью (рис. XLVI, 1–12), близких к изделиям гончарных мастерских Ирана и Хорезма, фрагменты штампованной керамики, изготовленной путем тиснения в формах с углубленным рельефом (в “кальпах”) (рис. XLVI, 13–17), осколки красноглиняной поливной посуды, среди которой встречен фрагмент ручки кувшина из Дунайской Болгарии (рис. XLVI, 18). Неполновесная красноглиняная импортная посуда представлена 15 фрагментами причерноморской амфорной тары (группы “трапезунд”, минимум от трех сосудов) (рис. XLVI, 20, 21), многочисленными фрагментами лощеной керамики (около 2000 экз.; 1,2% в составе керамического комплекса), обычной для поволжских центров Золотой Орды. Помимо керамики коллекция привозных изделий включает в себя стеклянные пастовые бирюзовые и черные перстни (рис. 3, 13–16), черные пастовые с реснитчатыми глазами (рис. 3, 19) и биконические из глухого бирюзового стекла (рис. 3, 17, 18) бусы, фрагмент стенки стеклянного сосуда, украшенного накладными нитями из пастового коричневого стекла (рис. 3, 20), бронзовый литой ключ (рис. 3, 26), фрагменты железного и бронзового зооморфных замков болгарского производства (рис. 3, 27), осколки чугунных котлов (рис. 3, 25) и бронзовых зеркал (рис. 3, 21, 22), пальметтовидную и ромбовидную поясные бляхи с петлей с изображениями драконов (рис. 3, 9, 12) (Полякова, 1996. С. 212, рис. 68, 6, 17), т.е., находки, хорошо известные по

раскопкам г. Болгара и нижеволжских городов Золотой Орды.

Редки для сельских поселений найденные на памятнике предметы, связанные с торговлей. Они представлены единственной свинцовой товарной plombой (на литой заготовке; изображения не сохранились), фрагментом бронзовой украшенной гравировкой чашечки (рис. 3, 24), предположительно от весов, семью монетами. Нумизматическая коллекция памятника включает в себя два серебряных (обрезанных под вес реформы начала 80-х годов XIV в.) дирхема Золотой Орды (ханов Узбека и Джанибека), два, видимо, русских серебряных подражания золотоордынским дирхемам, два медных анэпиграфных пула, очевидно, местной нижегородской чеканки и одну неопределимую из-за плохой сохранности серебряную монету.

Так как памятник находился в стороне от больших дорог и вблизи от крупнейшего городского центра, следует полагать, что большая часть импортов попала на поселение не в результате каких-либо прямых торговых операций, совершаемых непосредственно на его территории, а опосредованно — через город. Широкое распространение в г. Нижнем Новгороде предметов восточного происхождения в середине — второй половине XIV в. не вызывает сомнений. По встречаемости соответствующих находок столица Нижегородско-Суздальского княжества близка к лидирующему положению среди крупнейших русских городов (*Лапшин, 2006*). Очевидно, это объясняется ее порубежно-восточным положением на Волжском торговом пути, присутствием на городских торгах восточных купцов (о чем есть прямые указания в письменных источниках (*ПСРЛ. Т. 15. Стб. 81*)). Притоку восточных изделий в город на устье р. Оки наверняка способствовали и военные походы нижегородского войска в г. Болгар (*ПСРЛ. Т. 15. Стб. 92, 116*), и частые поездки в Орду представителей местной княжеско-боярской знати. Скорее всего, обнаруженные на памятнике предметы восточного импорта были привезены сюда как часть “обстановки” владельца усадьбы, ведь, по наблюдениям исследователей, “...к XIV в. подражание быту восточных владык стало уже свершившимся фактом менталитета элиты” (*Коваль, 2003. С. 370*). Не исключено, что некоторые из импортных вещей были приобретены на средства, вырученные от продажи местной сельхозпродукции.

Материалы раскопок в какой-то степени отражают мир религиозных представлений и этнический состав местных жителей. К находкам первого рода относятся следы строительной обрядности, языческие амулеты, предметы, связанные с христианским культом (*Грибов, Иванова, 2001. С. 213–220*). В самом этом перечне проглядывает определенный синкретизм религиозных представлений, сочетающий элементы древнейших дохристианских обычаев с православными традициями, характерный для средневековой Руси в целом.

Зафиксированные следы строительных жертвоприношений в виде помещения черепа коня (или крупных конских костей) под восточную стену постройки (или посередине верхней кромки восточного борта подпольной ямы) (4 случая), в один из ее восточных углов (2 случая) напоминают более древние ритуальные комплексы г. Суздаля, которые датируются преимущественно XI–XII вв. (*Седова, 1997. С. 207–209*). В единственном случае длинные кости конских ног были зафиксированы на дне подполья. В двух случаях неполные конские черепа (без нижних челюстей) были расчищены в грунте рухнувшей земляной кровли в котлованах полуземляночных погребов. Вероятно, изначально “конские головы” увенчивали крыши этих построек (*Криничная, 2004. С. 97*).

Пережиточность, “размытость” обычая заложения строительной жертвы на данном поселении проявляется в использовании костей уже давно умерших, а не умерщвленных по ходу обряда животных, что подтверждается отсутствием анатомического порядка среди соответствующих костных останков, их неполнотой. Интересно, что приверженцами отмеченной традиции оставались представители различных социальных страт: строительные жертвы были зафиксированы и при исследовании хоромного строения и при изучении остатков небольшого однокамерного сруба “на стульях”, принадлежавших владельцам явно различного общественного положения и достатка. К языческим амулетам можно отнести только две находки. Это фрагмент бронзовой плоской зооморфной привески и половинка расщепленного медвежьего клыка со сквозным отверстием.

О господствующем положении христианского мировоззрения, о приверженности ему, по крайней мере, значительной части местных жителей, свидетельствуют находки многочисленных крестовельников из бронзы (13 целых и 3 фрагмента), серебра (1 целый и 1 фрагмент), янтаря (1 фрагмент), керамики (1 экз.), бронзовые иконки-подвески (2 экз.). Несколько находок позволяют высказать предположение о существовании на поселении церковного строения. Прежде всего это три фрагмента колокольной бронзы. Наиболее крупные из них позволили реконструировать нижнюю часть изделия. Форма последней близка к колоколам “переходной формы” XIII–XIV вв. (*Шашкина, 1985. С. 218. Рис. 3*) и напоминает находку из г. Друцка (*Алексеев, 2002. С. 90, рис. 7, 1*). Колокол имел небольшие размеры (его диаметр по “губе” был близок к 270 мм), тонкие стенки (2–2,5 мм). Нижняя кромка изделия уплощена, а край отлит в виде наружного утолщения с сечением треугольной формы (рис. 5, 3). Другая находка такого рода представляет собой круглую бронзовую литую подставку для свечи с центральным углублением и сквозным отверстием для штыря (рис. 5, 1). Ее диаметр 45 мм. Аналогичные подставки найдены в Новгороде Великом на Нутном (*Гайдуков, 1992. С. 162*,

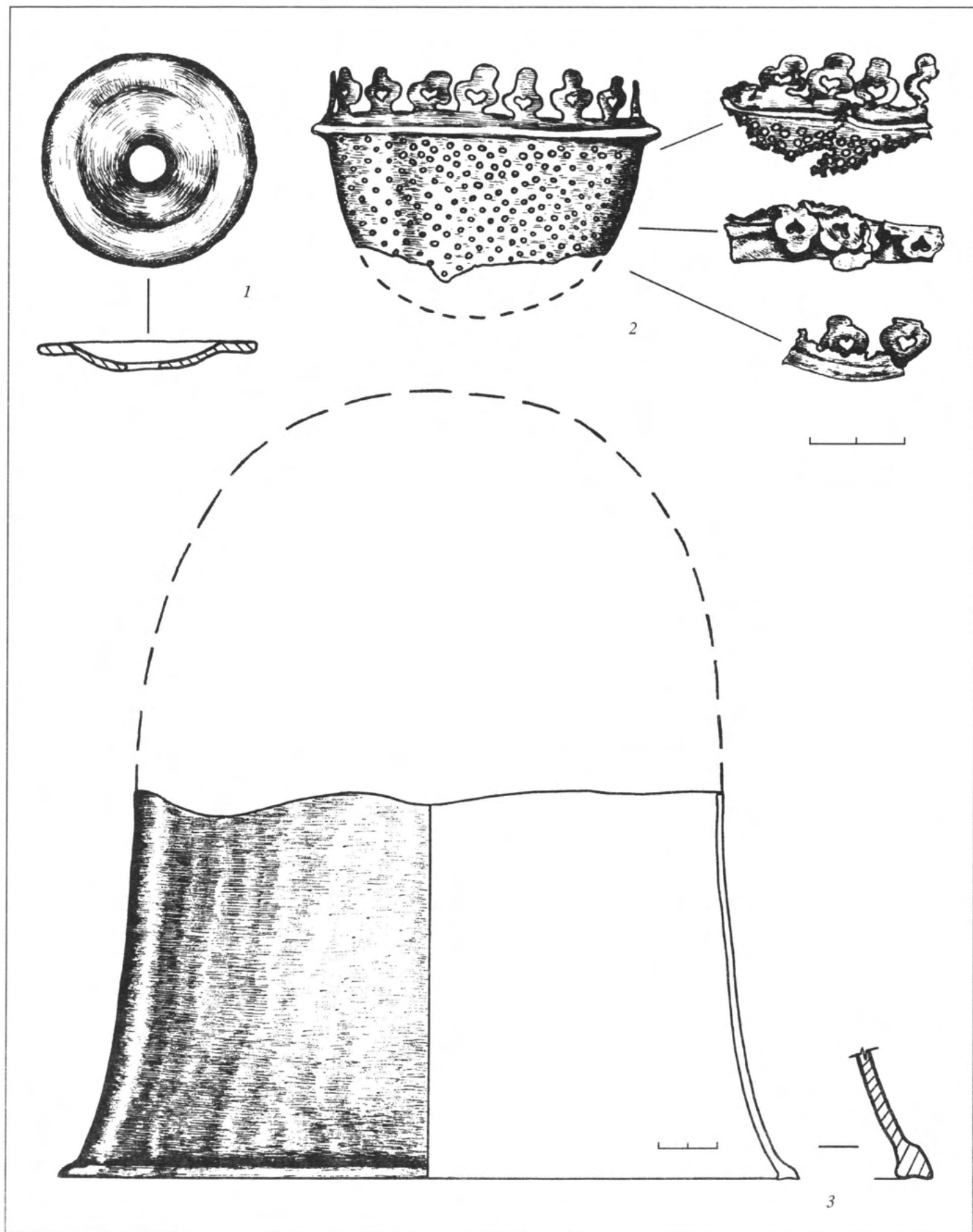

Рис. 5. Селище Ближнее Константиново-1. Колокол и предметы церковной утвари из бронзы

1 – подставка от подсвечника; 2 – реконструкция верхней части бронзовой кадильницы и ее фрагменты; 3 – нижняя часть колокола (реконструкция)

рис. 71, 7) и Неревском (Мусин, 2004. С. 140, рис. 2, 6) раскопах, на городище Слободка (Никольская, 1981. С. 163, рис. 59, 4, 5), в Василеве (Тимошук, 1982. С. 29, рис. 14, 8), Киеве (Каргер, 1958. С. 382, рис. 84; Василенко, 1977. С. 335, рис. 146), Переяславле-Хмельницком (Харламов, Трофименко, 1992. С. 135, рис. 26), на городище Крутилов в Поднестровье (Гаврилюк, Ягодинская, 2005. С. 139, рис. 10, 3), на Бородинском городище в Смоленской области (Седов, 1960. С. 118, рис. 61, 11), в Минске (Тарасенко, 1957. С. 250, рис. 53). Подобные дискообразные чашечки входили в конструкцию хоросов (Николаева, Недошивина, 1997. С. 167, 343, рис. 97, 2–4). К церковной утвари можно причислить бронзовую кадилницу, частично реконструированную по трем фрагментам (рис. 5, 2). Она была свернута из тонкого листа металла. Верхний ее край декорирован высечкой (прорезным орнаментом) в виде пояса из вырезанных трилистников, каждый из которых по центру имел сквозное отверстие в форме сердечка. Ниже, под ребром жесткости, поверхность сосуда покрывала сплошная сетка из частых круглых сквозных отверстий (диаметром по 1,5 мм), в расположении которых угадывается шахматный порядок. Диаметр изделия 70 мм.

Местные насельники не составляли этнически однородного коллектива. В одних комплексах вместе с материалами, хорошо известными на русских памятниках, встречены находки, типичные для могильников и поселений средневековой мордвы. Это характерная лепная с примесью шамота керамика, бронзовые кольцообразные застёжки-сюльгамы. Наличие нагара на стенках лепных горшков не оставляет сомнений в их местном использовании. Общее количество инокультурных материалов незначительно (доля мордовской посуды в керамическом комплексе менее 1%). В контексте событий, происходивших на Нижегородской земле во второй половине XIV в. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 120) местную мордву можно с большой долей уверенности отнести к числу зависимого населения, занимавшего одну из самых нижних ступеней социальной лестницы. Память о ней, возможно, сохранилась в местной микротопонимике. Урочище, занимающее обширное поле между двумя протяженными балками на приводораздельном склоне правого берега р. Рахмы, на западной периферии которого располагается рассматриваемый памятник, известно как Мордвина Гора; на левом берегу р. Рахмы напротив селища Ближнее Константиново-1 находилась д. Мордвинцево (в настоящее время входит в пос. Ближнее Константиново).

Гибель поселения скорее всего связана с походом Едигея 1408 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Заметим, что в округе г. Н-Новгорода, по археологическим данным, функционирование известных сельских поселений прерывается около рубежа XIV–XV вв., что могло произойти вследствие выше названной тотальной катастрофы и последовавшего за ней связанного с феодальной войной продол-

жительного запустения, которым в Нижегородском Поволжье отмечена значительная часть XV столетия.

К основным чертам данного памятника, позволяющим охарактеризовать его как владельческое княжеское или боярское село (владельческий двор), можно отнести следующие: 1) существование заселенной округи (радиусом около 1 км), состоящей из небольших поселений; 2) наличие планировочного ядра в виде крупного усадебного комплекса, обозначенного частокольной оградой; 3) отчетливая дифференциация построек, отражающая социальное положение владельцев; 4) существование искусственного водоема (сооружение которого наверняка было связано со значительными трудозатратами); 5) наличие следов воинского присутствия в виде находок соответствующего инвентаря; 6) обнаружение на памятнике значительного количества дорогих, редких импортных вещей, монет, остатков привозных деликатесных продуктов (рыб ценных осетровых пород); 7) наличие косвенных указаний на существование церковного строения (по находкам осколков колокольной бронзы и церковной утвари); 8) доминирование зернового производства в системе жизнеобеспечения (которое по выявленным особенностям местного земледелия и скотоводства могло иметь товарный характер).

Перечисленные особенности, естественно, отражают и совокупность местных условий, и специфику именно данного памятника, и поэтому не могут быть предложены в качестве универсальных археологических признаков владельческих сел. Тем не менее воссоздаваемый по ним облик поселения входит в противоречие с любым другим известным по источникам типом сельского населенного пункта, что вселяет надежду на достоверность предложенной атрибуции.

Литература

- Алексеев Л.В., 2002. Друцк в XII–XVI вв.: (Общие вопросы истории памятника) // РА. № 2.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4.
- Василенко В.М., 1977. Русское прикладное искусство. М.
- Веселовский С.Б., 1936. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.: Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений // ИГАИМК. М.; Л. Вып. 139.
- Гаврилюк О.Н., Ягодинская М.А., 2005. Древнерусские предметы христианского культа западной Подолии и юго-западной Волыни // Археологические вести. СПб. № 12.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.
- Грибов Н.Н., 1996. Материалы к археологической карте Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.
- Грибов Н.Н., 1997а. Охранные раскопки в Нижегородской области // АО 1996 г. М.
- Грибов Н.Н., 1997б. Раскопки усадьбы на русском селище Ближнее Константиново-1 близ Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., 1998. Металлургия железа на средневековых сельских поселениях Нижегородской округи: особенности технологии // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV веков // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., Иванова Н.В., 2001. Религиозные представления сельского населения нижегородской округи в средние века (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции 29–30 марта 2001 г. в г. Нижнем Новгороде. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., Цепкин Е.А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века (по археологическим материалам) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.

Книга Нижегородского уезда боярских, дворянских и детей боярских, и иноземцев дозору Силы Микитича Грекова да подъячего Клементия Козодавлева. Лета 121 году. (Стан Березопольский) // Действия НГУАК: Сборник статей, сообщений, описей и документов. Н-Новгород, 1903. Т. 5.

Коваль В.Ю., 2003. Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Криничная Н.А., 2004. Русская мифология: мир образов фольклора. М.

Лапишин В.А., 2006. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История.

Мусин А.Е., 2004. Усадьба “И” Неревского раскопа: Опыт комплексной характеристики христианских древностей // Новгородские археологические чтения – 2. Новгород.

Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология).

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

ПСРЛ. М. 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник.

Салмина Е.А., 1996. Результаты определения костных остатков рыб из раскопов на улице Ленина // Археологическое изучение Пскова: Раскопки в древней части среднего города (1967–1991). Псков. Вып. 3, т. 1.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения Смоленской земли // МИА. № 92.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Сорокин А.Н., 1998. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология: традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.

Сычева С.А., Грибов Н.Н., 2003. Катастрофические изменения почв, форм рельефа и ландшафтов в окрестностях Нижнего Новгорода в XIV–XVIII вв. // Экология древних и современных обществ. Тюмень.

Тарасенко В.Р., 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.

Тимошук Б.О., 1982. Давньоруська Буковина. Київ.

Харламов В.О., Трофименко Г.В., 1992. Нові дослідження Воскресенської церкви в Переяславлі-Хмельницькому // Археологія. Київ. № 3.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Шапкина Т.Б., 1985. Модульный метод колоколитейного ремесла // Колокола: История и современность. М.

Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках

Изучение химического состава цветного металла средневековой Руси началось еще во второй половине XIX столетия. Однако только в 70-е годы прошлого века появилась первая масштабная работа по источникам сырья древнерусских ювелиров – исследование новгородского металла, предпринятое А.А. Коноваловым. Пытаясь определить особенности сырьевой базы ремесленников этого города, автор привлек для сравнения весь накопленный к тому времени фонд анализов (1968 проб) по металлу Древней Руси и Восточной Европы в целом (Коновалов, 1974. С. 60–83). Несмотря на то, что диссертация не была опубликована целиком, основные выводы А.А. Коновалова вошли в научный обиход: к ним обращаются практически все исследователи древнерусского цветного металла. Благодаря этим работам существенно расширилась география памятников, для которых были получены и систематизированы представительные серии анализов¹.

О металле Северо-Восточной Руси мы можем судить по материалам финских могильников Архангельской области (Галибин, Овсянников, Рябинин, 1986. С. 41–66); Белоозера² и его округа (Зайцева, 2003. С. 53–70); мерянских и мордовских памятников³ (Грибов, 2003. С. 436–437), Владимира (Жарнов, 2000. С. 189; Ениосова, Жарнов, 2006. С. 64–80), курганов вятичей, Серенска, Спас-Городка, Москвы и округа, а также селищ в районе Куликова поля и городища Супруты Тульской обл.⁴ (Стоксова, 1954. С. 33; Шемаханская, 2000. С. 82–89; Сарачева, 2001. С. 80–88; Шполянский, 2003. С. 263; Зайцева, Сарачева, 2003. С. 290–303; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 61–65).

Дополнительные возможности оценки сырьевой базы средневековых ювелиров дает анализ кера-

мических и каменных инструментов литейщиков. На донцах и стенках множества целых и фрагментированных тиглей и иногда в полости литейных форм сохраняются остатки металла в виде маленьких капель или шлаков, образованных металлом и глиняным тестом сосудов в результате процесса плавки.

Более 110 анализов состава содержимого тиглей из Владимира, Москвы, Коломны, поселений Белоозерья (Минино и Крутик) было произведено в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ. Результаты исследования вместе с данными о составе металла сырья и готовой продукции позволяют полноценно оценить сырьевую базу ювелиров различных регионов, их умение использовать металлы и составлять сплавы.

При сравнении этих трех источников информации оказалось, что набор сплавов из тиглей разнообразнее. В плавильных сосудах часто сохраняются следы драгоценных металлов, практически отсутствующие среди сырьевых продуктов и редко встречающиеся среди изделий, обнаруженных в культурном слое поселений. Вероятно, эти ценные материалы утилизировали более тщательно и не выбрасывали вместе с другим производственным мусором.

Таким образом, в результате аналитических исследований сформировался значительный по объему фонд данных по химическому составу цветных металлов Северо-Восточной Руси (табл. 1). Помимо ощутимого роста источниковой базы, новые данные позволили расширить ее хронологические рамки и заполнить многие “белые пятна” на карте распространения сплавов: начатое А.А. Коноваловым исследование этого региона получило дальнейшее развитие, позволяющее отнести его к наиболее изученным территориям Древней Руси.

Основной аналитической задачей нашего исследования является деление данных на группы в зависимости от химического состава металла. С помощью заранее определенных параметров исходные данные были классифицированы в зависимости от количественного содержания элемента – основы сплава и легирующих компонентов; элементы-примеси, содержание которых менее 1%, не учитывались. Несмотря на то, что подобная группировка результатов остается в достаточной степени условной, она дает объективные критерии для сравнения

¹ В настоящее время база данных по средневековому металлу Восточной Европы насчитывает 6338 записей.

² Помимо 18 анализов, сделанных Е.Н. Черныхом, 19 образцов исследованы И.Г. Равич и А.Ф. Дубровиным (ОЭСА, Гос. НИИР), а также Р.А. Митояном (РФА, геологический факультет МГУ), см. Прил. 1.

³ В конце 1970-х годов, по инициативе Т.А. Пушкиной и А.Е. Леонтьева на геологическом факультете МГУ (ОЭСА) был исследован металл 51 находки с Сарского городища.

⁴ Изучено три образца из Москвы, 52 предмета с селища Мякинино 2, а также находки, обнаруженные на селищах Устье (147 экз.) и Монастырщина (17 экз.) (РФА, геологический факультет МГУ). 67 находок из Супруты исследовано на геологическом факультете МГУ (ОЭСА, РФА).

Таблица 1. Данные по химическому составу металла памятников Северо-Восточной Руси

Памятник или группа памятников	Количество образцов	Хронология памятников
Курганы Волго-Окского бассейна	542	XI–XIII вв.
Памятники Белозерского края	226	X–XIV вв.
Москва и поселения Московской области	204	XII–XIV вв.
Поселения Куликова поля	165	XII–XIV вв.
Финские могильники Архангельской области	163	XI–XIII вв.
Владимир	94	XII–XIII вв.
Серенск	93	XII–XIV вв.
Супруты	91	IX–XI вв.
Сарское городище	51	VI–XI вв.
Подболотьевский и Лядинский могильники	18	X–XI вв.
Итого	1647	

Таблица 2. Доля бронз в металле памятников Северо-Востока

№ п/п	Памятники	Доля в выборке, %
1	Поселения Куликова поля	79
2	Серенск	78
3	Финские могильники Архангельской области	66
4	Курганы вятичей	65
5	Москва и поселения Московской области	63
6	Памятники Белозерского края	59
7	Владимир	22
8	Подболотьевский и Лядинский могильники	16
9	Сарское городище	14
10	Супрутское городище	3

химического состава металла морфологически однородных археологических объектов отдельных памятников и территорий. Затем мы произвели сравнительный анализ всех выборок Северо-Востока и дополнили его результатами изучения некоторых других регионов.

В результате подсчетов процентного соотношения различных групп сплавов отчетливо выделился круг памятников, в металле которых значительную роль играют бронзы (табл. 2). К ним относятся двух- и трехкомпонентные сплавы: оловянные, свинцовые, оловянно-свинцовые и оловянно-цинковые бронзы.

А.А. Коновалов считал, что на территории Древней Руси в XII в. сложилась особая зона металлообработки – “вятичская”. Ее характерная особенность – преобладание оловянных бронз. На основе полученного им массива данных исследователь локализовал эту зону в Подмоскovie (Коновалов, 1974. С. 11).

Существенный рост фонда анализов по химическому составу металла в настоящее время позволяет расширить территориальные и хронологические границы распространения бронзовых сплавов.

Высокий процент бронз зафиксирован во всех выборках Северо-Восточной Руси второй половины XI–XV вв. Из этого ряда выбиваются ранние памятники этой территории: Супрутское и Сарское городища, Подболотьевский и Лядинский могильники. В этих материалах доминируют латуни (см. табл. 4). Кроме того, Владимир также относится к группе памятников, в которых доля медно-оловянных сплавов составляет менее 30% (рис. 1). Этот фонд анализов состоит из находок XII–XIII вв., и следовало бы ожидать, что по количеству бронз его можно сопоставить с другими памятниками этого региона. Действительно, исключив из базы данных драгоценные металлы, мы видим, что бронзы занимают 45% выборки (рис. 2).

В материалах всех памятников Северо-Восточной Руси преобладают два типа бронз – оловянные и оловянно-свинцовые (табл. 3; рис. 3). Эти сплавы появляются здесь с конца XI в., что позволяет уточнить время сложения вятичской зоны металлообработки (Сарачева, 2001. С. 86; Зайцева, 2003. С. 60). Необходимо отметить, что свинцовые и оловянно-цинковые бронзы на этой территории представлены ничтожным числом образцов.

Концентрация олова в исследованных выборках варьирует в широких пределах: в некоторых изделиях его содержание составляет более 40%.

Разнообразие оловянных и оловянно-свинцовых бронз ярко демонстрируют материалы таких памятников, как Серенск и вятичские курганы (Зайцева, Сарачева, 2003. С. 29–96). В обеих выборках присутствуют три группы: с низким (до 7–8%), средним (8–15%) и высоким содержанием олова (более 15%). Однако в серенской выборке преобладают низкооловянные, а в курганном материале первые две группы представлены практически равными долями. Концентрация свинца в сплавах обоих массивов остается низкой, ее пик приходится на 1–2%. Анализ легирующих элементов показывает, что по материалам Серенска наиболее характер-

Таблица 3. Доля оловянных и оловянно-свинцовых бронз в памятниках Северо-Восточной Руси

Памятники	Доля в выборке, %
Серенск	76
Поселения Куликова поля	69
Финские могильники Архангельской области	64
Курганы вятичей	64
Москва и поселения Московской области	59
Памятники Белозерского края	48
Владимир	27

Рис. 1. Доля цветных и драгоценных металлов во владимирской выборке

Рис. 2. Распределение цветных металлов во владимирской выборке без учета серебряных сплавов

ным был сплав с содержанием олова 1–8% и свинца 1–2%, а по курганным древностям – сплав с концентрацией олова 1–15% и свинца 1–2%. Аналогичная картина распределения лигатуры наблюдается и по материалам самых северных памятников этого региона: финских могильников Архангельской обл. и Белоозерской округи (Зайцева, 2003. С. 57–60).

В городских слоях Белоозера бинарные бронзы не обнаружены. Концентрация олова в оловянно-свинцовых бронзах варьирует от 5 до 35%, причем доминируют образцы с его высоким (>10%) содержанием, свинец содержится в концентрациях 1,3–10% (Прил. 1; рис. 4, 5).

Сплав использовали для отливки мелких украшений – ложновитого перстня, крестиков и зооморфных подвесок XII–XIII вв. (Голубева, 1973. С. 136–144, рис. 49, 6, 17; 50, 1, 8; 5, 8; 51, 12). Оловянно-свинцовые бронзы встречены и среди сырьевых продуктов. Трехгранный в сечении обрубленный слиток (вес – 75 г) содержал 10% олова и 7% свинца (Голубева, 1973. С. 132, рис. 47, 6). Маленькие прутки (вес 3–5 г) с высоким содержанием олова найдены на участках 9 и 10 центральной части Старого города. По наблюдениям С.Д. Захарова, здесь обнаружены материалы второй половины X – середины XII в. (Захаров, 2004. С. 69–85, рис. 138, 13, 14).

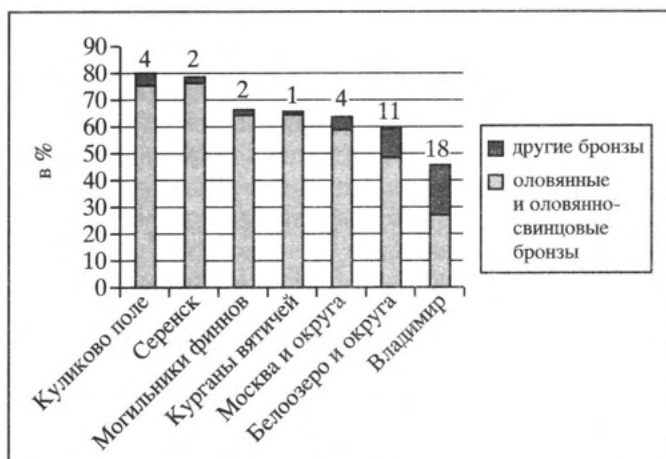

Рис. 3. Соотношение бронз в памятниках Северо-Восточной Руси

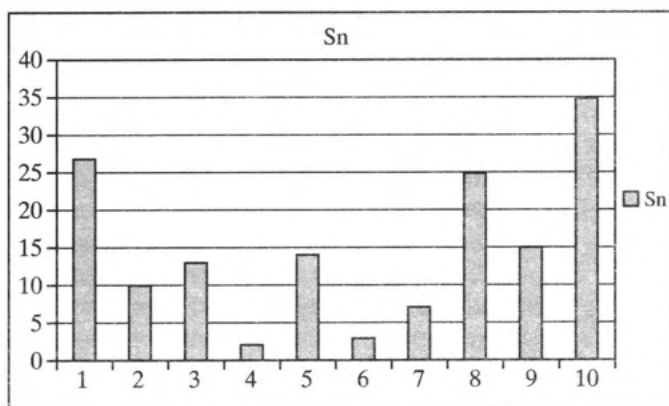

Рис. 4. Концентрация олова в оловянно-свинцовых бронзах Белоозера

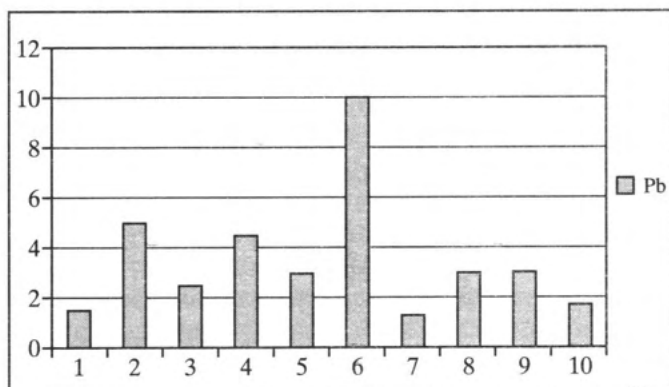

Рис. 5. Концентрация свинца в оловянно-свинцовых бронзах Белоозера

Оловянно-свинцовые бронзы употребляли в производственном комплексе конца XII – первой трети XIII в., обнаруженном в восточной части исторического ядра Владимира, в так называемом "Ветчаном городе" (Ениосова, Жарнов, 2006. С. 75–78). Среди них представлены как сырьевые продукты и отходы литейного производства – слитки, литник, выплески и металл, застывший в тиглях, – так и готовые изделия. Для всех находок

характерно среднее и высокое содержание олова (10–27%).

Изучение химического состава ювелирных изделий золотоордынского времени, обнаруженных на поселениях Московской и Тульской обл., показало, что мастера отдавали предпочтение оловянно-свинцовым бронзам со средним и повышенным содержанием олова.

Распределение бронз в северо-западных материалах демонстрирует картину, отличную от Северо-Восточной Руси. Практически во всех памятниках Северо-Запада преобладают бронзы с низкой концентрацией олова. Так, в Новгороде наиболее популярным был сплав с однопроцентным содержанием этого элемента (доля в выборке – 86%). Такой металл не отличался по цвету от меди. Судя по ассортименту изделий, полученных из оловянной бронзы и меди, мастера их просто не различали (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2003. С. 233–235; 2004. С. 62).

Оловянные и оловянно-свинцовые бронзы составляли основу цветной металлообработки Волжской Болгарии и Золотой Орды (Хлебникова, 1996. С. 269–282; Недашковский, 2002. С. 335–347; 2003. С. 245–252; Валиулина, 2004. С. 32–36). Их отличительная черта – высокое (до 30–40%) содержание олова. Широкое распространение сплавов с похожей концентрацией олова на Северо-Востоке, вероятно, свидетельствует о поступлении оловянных и оловянно-свинцовых бронз с территории этих государств.

В отличие от оловянных бронз сплавы меди со свинцом не имели столь широкого распространения. В материалах многих памятников они представлены единичными образцами, однако можно выделить зону, где свинцовые бронзы занимали заметное место в металлообработке – северные русские земли. Находки из этого сплава обнаружены в Городке на Ловати, Пскове и Залахтовье, памятниках Белозерья, а в Новгороде они составляют около половины всех бронзовых сплавов (48%). Как показывает распределение свинца в новгородской выборке, его концентрация не превышает восьмипроцентного рубежа: преобладают сплавы с содержанием свинца 1–2%. Низкая концентрация этого элемента характерна и для других памятников.

По формальным признакам металл такого типа принадлежит к бронзам, но по сути – это загрязненная свинцом медь, полученная в результате выплавки из определенных сортов руды, в составе которой присутствуют медь, значительное количество свинца, цинк и железо (Вальтер, 1988. С. 286–293).

Свинцовую бронзу использовали для изготовления украшений и бытовых предметов. Так например, в белозерской выборке в эту группу входят находки, относящиеся к двум различным производственным традициям: болгарский замочек в виде фигурки животного (не ранее начала XIII в.), ложно-зерненная бусина и фрагмент овальной скандинав-

ской фибулы (вторая половина X – начало XI в.) (Голубева, 1973. С. 179, рис. 44, 17; Захаров, 2004. Рис. 262, 39).

Замочки в виде фигурок животных встречаются в болгарских памятниках как в домонгольских, так и в золотоордынских слоях. Центрами их производства были Биляр и Булгар (Смирнов, 1951. С. 118–120). Т.В. Хлебникова изучила состав металла трех замочков из этих памятников. Состав легирующих примесей отличает их от белозерского экземпляра. Два экземпляра отлиты из свинцово-оловянной бронзы, один – из многокомпонентной (Хлебникова, 1996. С. 269–282, образцы 25, 26 и 35). В случае белозерского замочка мы можем говорить о непреднамеренном получении свинцовой бронзы (Pb – 1,2%). На естественный характер попадания свинца в медь указывает и высокое содержание железа (Fe – 1,6%), которое является одним из индикаторов “черновой” меди (Forshell, 1992. Р. 27). Сходный элементный состав зафиксирован у четырех слитков металла весом 5–10 г. Содержание свинца во всех образцах не превышает 5%, содержание железа в двух случаях составляет 2,3 и 7,23% (Захаров, 2006. Рис. 133, 5–7, 9).

Концентрация свинца в составе металла ложно-зерненной бусины составляет практически 20%, и в этом случае он, несомненно, является легирующим компонентом сплава, в составе которого железо не обнаружено. Такой металл совершенно непригоден дляковки, но отличается низкой температурой плавления и хорошей жидкотекучестью, что особенно существенно для получения литой имитации скано-зерненного орнамента. По наблюдениям Л.А. Голубевой, бусина, найденная на участке раскопа XXVII может быть датирована началом XIII столетия (Голубева, 1973. С. 62–63).

Свинец является легирующим компонентом (Pb – 9,31%) и в металле обломка овальной фибулы, обнаруженного на восточном участке правобережного поселения. Известно, что для производства фибул эпохи викингов чаще всего употребляли латуни (Oldeberg, 1941–42. S. 218). Однако несколько экземпляров типичных скандинавских украшений, найденных в Норвегии, Швеции и Восточной Европе – на Рюриковом городище и в Гнёздове получены из искусственно легированного сплава Cu-Pb, содержащего до 27% свинца (Ениосова, 1999. С. 91–92).

Зона распространения латуней охватывает северные, преимущественно северо-западные регионы Древнерусского государства, где они составляют более 70% (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000. С. 106). На Северо-Востоке Руси эти сплавы не получили широкого распространения. Их доля также незначительна в металле Волжской Болгарии и Золотой Орды. Исключение составляют материалы Сарского городища, Подболотьевского и Лядинского могильников, памятников Белозерского края, где сплавы меди с цинком составляют от одной трети до половины проанализированных об-

Таблица 4. Доля латуней в металле памятников Северо-Востока

№ п/п	Памятники	Доля в выборке, %
1	Сарское городище	59
2	Подболотьевский и Лядинский могильники	39
3	Памятники Белозерского края	28
4	Супрутское городище	21
5	Финские могильники Архангельской обл.	11
6	Москва и поселения Московской области	9
7	Курганы Волго-Окского бассейна	4
8	Владимир	4
9	Поселения Куликова поля	4
10	Серенск	3

разцов (табл. 4). Ощутимая доля латуней зафиксирована и в металле Супрутского городища. В остальной части выборки медно-цинковые сплавы играют незначительную роль, занимая от 3 до 11% ее объема.

Отсутствие единого подхода в формировании выборок по каждому памятнику привело к тому, что в отдельных регионах Древней Руси и сопредельных территорий материалы различных хронологических периодов отражены неравнозначно. Ранние памятники (IX–XI вв.) мало представлены в исследованных материалах Северо-Восточной Руси, но именно для них характерна самая высокая доля медно-цинковых сплавов (табл. 4). На этот период приходится основной пик распространения латуней и на других территориях.

Среди немногочисленной белозерской выборки представлены все типы латунных сплавов – двойные (1), оловянные (1) и свинцовые (5). Содержание цинка в них варьирует от 2 до 9% (Прил. 1). Среди изделий этой группы преобладают находки, верхняя дата которых не выходит за рамки XI столетия: рукоять прикамского кресала (Голубева, 1973. С. 67, рис. 12, 3) коромысло маленьких складных весов, украшения скандинавского происхождения. С большой долей осторожности можно предположить, что на раннем этапе своего существования, во второй половине X – первой половине XI в. Белоозеро принадлежало к обширной зоне распространения латуней. По-видимому, в IX–X столетиях этот сплав широко употребляли в ювелирном производстве самого крупного весского поселения белозерской округи – Крутика. Анализ внутренней поверхности целых и фрагментированных тиглей из раскопок 1978 и 1981 гг. показал, что в 16 плавленых сосудах из 20 исследованных содержался сплав с повышенной концентрацией цинка (Прил. 2).

Почти все изделия этой группы получены в процессе литья, среди них – овальная двухскорлупная фибула ЯП52, накладная шишка от аналогичного

украшения и скандинавская позолоченная бляшка, орнаментированная в стиле Борре (Макаров, Новикова, 2002. С. 127, рис. 4, 1; Захаров, 2004, рис. 96, 17). По составу металла, в котором содержание свинца и цинка не превышает 10%, белозерские находки не отличаются от скандинавских украшений, обнаруженных на Сарском и Супрутском городищах, в Гнёздове, Городке на Ловати, Приладожских курганах и других памятниках Северо-Запада. В металле аналогичных изделий из Швеции, Норвегии и Дании цинк составляет обычно 15–25% (Oldeberg, 1942–1943. S. 218).

Пониженная концентрация цинка в сплавах, употребляемых на территории Древней Руси, – свидетельство многократных переплавок латуней (Caley, 1964. P. 92). Вероятно, скандинавские мастера, попавшие в Восточную Европу в X–XI столетиях, были ограничены в получении высокоцинковых латуней. Они широко использовали переплавку вышедших из употребления вещей или разбавляли поступающий в слитках металл, смешивая его с чистой медью, свинцом или бронзой. Низкое содержание цинка в металле типично скандинавских украшений, найденных на территории Древней Руси, с некоторой долей осторожности можно рассматривать как индикатор их местного производства (Ениосова, 2001. С. 90–91).

Основной массив данных по Северо-Восточной Руси относится к более позднему периоду – XII–XV вв. В домонгольское время латуни встречаются здесь в единичных случаях. Тенденция роста количества латунных изделий намечается только со второй половины XIII в. на памятниках Куликова поля, подмосковных селищах, в верхних горизонтах Серенска (Зайцева, Сарачева, 2003. С. 299; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 65). По сравнению с предшествующим болгарским периодом, доля латуней возрастает и в материалах золотоордынских поселений (Недашковский, 2002. С. 335–347).

Помимо бронз и латуней в распоряжении ювелиров Северо-Востока был “чистый” металл, концентрация меди в котором варьировала от 97 до 100%. Он представлен преимущественно в материалах поселений: здесь в число анализируемых образцов попадает не только готовая продукция, но и сырье ювелиров, отсутствующее в погребениях (табл. 5). В памятниках Белозерского края его доля составляет всего 3%. К группе “чистая медь” относятся два образца из раскопок Белоозера – бесформенный выплеск металла и чашка от складных весов. По химическому составу выплеск относится к очень чистой меди. Суммарное содержание элементов-примесей не превышает десятых долей процента (Захаров, 2004, рис. 138, 28).

Состав металла чашечки весов также относится к очень чистой меди. Все элементы, за исключением свинца, содержатся в этой пробе в концентрации, не превышающей сотых долей процента. Исследование металла средневековых приспособлений для взвешивания показало, что чашки весов

Таблица 5. Доля "чистой" меди в металле памятников Северо-Востока

№ п/п	Памятники	Доля в выборке, %
1	Сарское городище	25
2	Финские могильники Архангельской обл.	12
3	Серенск	9
4	Москва и поселения Московской области	8
5	Поселения Куликова поля	8
6	Супрутское городище	5
7	Владимир	4
8	Памятники Белозерского края	3
9	Курганы вятичей	1,5

изготавливались, как правило, из латуней или не легированной меди (Хлебникова, 1996. С. 269–282; Ениосова, 1999. С. 115). По наблюдениям А.А. Коновалова, изучившего состав металла 28 объектов из Новгорода (Неревский раскоп), все ранние экземпляры (X–XI вв.) – латунные; в слоях XII–XIII столетий преобладают изделия из меди (Коновалов, 1974. С. 151). Белозерский образец обнаружен на участке раскопов XXII–XXVII и может быть датирован до середины XIII в. (Голубева, 1973. С. 144).

Предметы из меди занимают 12% выборки, полученной для финских могильников Архангельской области. Вероятно, местные ювелиры, находясь на значительном удалении от рынков металла, были ограничены в выборе сырья и использовали неразбавленную медь для изготовления подковообразных фибул и других украшений (Галибин, Овсянников, Рябинин, 1986. С. 210).

Несмотря на невысокий процент "чистого" металла в памятниках Волжской Болгарии, из этого региона, несомненно, вывозили медное сырье в виде фрагментов болгарских котлов, обломки которых найдены в Новгороде, Пскове, Владимире, Белоозере и других крупных производственных центрах (Королева, 2000. С. 127). В изученных спектрально и металлографически образцах медных сосудов из Волжской Болгарии присутствуют примеси свинца и олова, а также скопления неметаллических включений, свидетельствующих о невысокой чистоте сырья ювелиров (Хлебникова, 1996. С. 278, 284).

Многокомпонентные сплавы, содержащие помимо основы – меди олово, цинк и свинец в разных пропорциях, есть во всех северо-восточных выборках, однако их доля существенно различается (табл. 6).

Высокий процент многокомпонентных сплавов является характерной чертой таких памятников Северо-Западной Руси, как Псков, Старая Ладога, Залахтове, курганы Ижорского плато. На Северо-Востоке их много во Владимире, Москве и поселениях Московской области, Подболотьевском и

Лядинском могильниках; они присутствуют в ощутимых пропорциях в финских могильниках Архангельской области, памятниках Белозерского края и курганах вятичей.

Следует отметить, что в составе этих сплавов фиксируются хронологические и территориальные различия. Эти наблюдения хорошо согласуются с выводом о существовании двух больших зон распространения сплавов. На Северо-Западе и в ранних памятниках Северо-Востока доминируют многокомпонентные латуни. Начиная со второй половины – конца XI в., в последнем регионе многокомпонентные бронзы и латуни присутствуют в приблизительно равных долях.

Хорошо известно, что в Средневековье сложные сплавы не создавались преднамеренно, а появлялись в результате смешения различного по составу и происхождению сырья. Они являются индикаторами многочисленных переплавок. На это же указывает и разброс концентраций легирующих элементов, зафиксированный в этих сплавах. Во многих случаях широкое употребление многокомпонентных сплавов связано с ограниченной доступностью ювелирного сырья. Сравнительный анализ металла городских находок из Серенска и курганных древностей выявил ощутимое количество смешанных сплавов в курганной выборке и их единичные находки в городских слоях. Это наблюдение в совокупности с фактом распространения средних и повышенных концентраций легирующих элементов в бронзах свидетельствует о широком использовании лома в производстве украшений, найденных в курганах.

Традиции употребления многокомпонентных сплавов существовали в металлообработке Волжской Болгарии и Золотой Орды. Для болгарских и ордынских памятников характерны многокомпонентные бронзы.

Среди анализов сырьевого металла поселений, изредка встречаются "чистые" олово и свинец, а

Таблица 6. Доля многокомпонентных сплавов в металле памятников Северо-Востока

№ п/п	Памятники	Доля в выборке, %
1	Подболотьевский и Лядинский могильники	43
2	Владимир	20
3	Москва и поселения Московской области	15
4	Памятники Белозерского края	14
5	Курганы вятичей	13
6	Финские могильники Архангельской области	10
7	Супрутское городище	9
8	Серенск	8
9	Поселения Куликова поля	2
10	Сарское городище	2

также их сплавы. Плохая сохранность легкоплавких металлов в слое не позволяет оценить истинное распространение свинцово-оловянных изделий в Средневековье. Немногочисленные находки из раскопок памятников Древней Руси дают основание говорить, что свинец и олово использовали для изготовления украшений, бытовых предметов и даже инструментов, например, моделей, применяемых в литье (Ениосова, 1998. С. 73). Так, по подсчетам С.Д. Захарова на Белоозере найдено 576 предметов, изготовленных из легкоплавких металлов и их сплавов, что составляет 19% от общего числа изделий из цветных и благородных металлов. Среди них представлены печати, пломбы, практически все категории украшений, сырьевые продукты и отходы производства (Захаров, 2004. Табл. 100; рис. 133, 27, 15). Исследование химического состава показывает, что белозерские ювелиры использовали “чистое” олово (металл, застывший в литниковой чаше) и свинец (слиток весом 2,7 г).

“Чистые” олово и свинец обнаружены в тиглях и льячках таких памятников Северо-Востока, как Минино и Владышнево в Белозерской округе, а также во Владимире. Особый интерес представляет уникальный клад из 14 слитков весом 129–140 г середины IX в., обнаруженный на городище Выжегша в Волго-Клязьминском междуречье (Леонтьев, 1996. С. 206–210).

Изделия из легкоплавких металлов и их сплавов подвергаются анализу значительно реже, чем медные, бронзовые и латунные. Для многих памятников данные, приведенные в таблице 7, не являются показательными, поскольку изделия из легкоплавких сплавов имели более широкое распространение. Тем не менее очевидно, что большинство украшений и бытовых предметов происходит из поселений. В погребениях они встречаются значительно реже. Вероятно, “серебро” бедняков чаще использовали для повседневных украшений, нежели для изготовления предметов, сопровождавших человека после смерти.

Суммируя наблюдения, полученные при изучении металла Северо-Восточной Руси, мы можем заключить, что оловянные и оловянно-свинцовые бронзы являются наиболее характерным сплавом

для этого региона в целом: из них получено более половины предметов выборки. Принято считать, что на Северо-Восток Древней Руси оловянные бронзы поступали из Волжской Болгарии. Это могли быть как готовые сплавы, так и “чистые” металлы (Коновалов, 1974. С. 10–11; Сарачева, 2001. С. 86–87).

Однако на Северо-Восточной окраине государства – Белозерье и его округе – процент оловянных бронз значительно ниже по сравнению с указанными памятниками за счет доли латуней и свинцовых бронз. Вероятно, существенную роль в таком распределении металла сыграли тесные связи Белоозера с ремесленными центрами Северо-Запада, главным образом с Новгородом, через который проходил основной поток ввозимого на Русь металла. Динамика поступления ювелирного сырья на Север практически совпадает с новгородской. Тем не менее, более высокая концентрация олова в бронзах Белозерского края свидетельствует о своеобразии местного ювелирного ремесла, сложившегося под влиянием восточнофинской традиции.

Литература

- Валиулина С.И., 2004. Изделия из цветного металла Балынгузского (Торецкого) III селища // Древность и средневековье Волго-Камья. Казань; Болгар.
- Вальтер Г.В., 1988. Минеральные месторождения ФРГ // Минеральные месторождения Европы. М. Т. 3.
- Галибин В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986. Характер сплавов бронзовых изделий из средневековых финно-угорских областей восточно-европейского Севера // Финно-угры и славяне: (проблема историко-культурных контактов). Сыктывкар.
- Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XII вв. М.
- Грибов Н.Н., 2003. Цветной металл Саровского городища: (ассортимент изделий, химический состав, производство) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Ениосова Н.В., 1998. Литейные формы Гнездова // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.
- Ениосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Ениосова Н.В., 2001. Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово: 125 лет исследования памятника. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Ениосова Н.В., Жарнов Ю.Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из “Ветчанного города” домонгольского Владимира // РА. № 2.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2000. Латунь средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 14.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2003. Особенности бронзовых сплавов Северо-Запада Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2004. Источники поступления цветных металлов в средневековый Новгород // Новгородские археологические чтения – 2: Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород.
- Жарнов Ю.Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1.

Таблица 7. Доля легкоплавких сплавов в металле средневековых памятников

№ п/п	Памятники	Доля в выборке, %
1	Памятники Белозерского края	13
2	Поселения Куликова поля	10
3	Москва и поселения Московской области	8
4	Курганы вятичей	4
5	Владимир	3
6	Супрутское городище	1

Зайцева И.Е., 2003. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. № 4.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2003. Цветной металл вятичей в XII–XIII веках: (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Коновалов А.А., 1974. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.

Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3, т. 1.

Королева Э.В., 2000. Технологические традиции в ювелирном деле средневекового Пскова (этнический аспект // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. Междунар. научн. симпозиума по вопросам археологии и истории, 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы. СПб.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Макаров Н.А., Новикова Г.Л., 2002. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

Недашковский Л.Ф., 2002. Химический состав изделий из цветных металлов золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 5.

Недашковский Л.Ф., 2003. Химический состав изделий из цветных металлов золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Археология и история Пскова и

Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков.

Сарачева Т.Г., 2001. Новые данные о химическом составе цветного металла украшений вятичей // ВМУ. Серия: исторические науки. СПб.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосквонной экспедиции Института археологии РАН. М. Т. 2.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М. Вып. 19.

Стоскова Н.Н., 1954. Древнерусское литейное дело: (домонгольский период): Дис. ... канд. ист. наук. М.

Хлебникова Т.А., 1996. Анализы Болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Шемаханская М.С., 2000. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище “Погост” на Афанасовом поле в Радо-неже // РА. № 1.

Шполянский С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосквонье // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Caley E.R., 1964. Orichalcum and Related Copper Alloys // Numismatic Notes and Monographs. New York. N 151.

Forsell H., 1992. The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskningslaboratoriet. Stockholms Universitet.

Oldeberg A., 1942–43. Metallteknik under förhistorisk tid. Lund. 1–2.

*Приложение 1. Результаты анализа химического состава металла Белоозера (ОЭСА – оптический эмиссионный спектральный анализ;
РФА – энергодисперсный рентгенофлуоресцентный анализ)*

№	№ анализа	Год ра- скопок	Паспорт	Предмет	ОЭСА	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Au	Тип сплава
1	2120	1957	БО, Р. VI/148	Пластина	ОЭСА оesn.	2.7	0.9	4.0	0.007	0.01	0.03	0.07	0.1	0.00	0.00	Cu-Zn-Sn
2	2130	1960	БО, Р. 29-19/253	Бусина	ОЭСА оesn.	0.7	0.5	4.5	0.016	0.004	0.04	0.00	>0.003	0.00	0.00	Cu-Zn
3	2129	1960	БО	Фр. подвески	ОЭСА оesn.	4.0	1.0	2.0	0.01	0.2	0.18	0.27	0.006	0.003	0.003	Cu-Sn-Zn-Pb
4	2116	1957	БО, РС, кв. 38/9	Перстень ложновитой	ОЭСА оesn.	15.0	1.0	0.5	0.006	0.01	0.2	0.07	0.12	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
5	2117	1957	БО, Р. II/78	Крестик	ОЭСА оesn.	15.0	5.0	0.035	0.09	0.025	0.6	0.3	0.25	0.001	0.001	Cu-Sn-Pb
6	2118	1957	БО, 507	Крестик	ОЭСА оesn.	5.0	2.5	0.2	0.008	0.1	0.2	0.07	0.11	<0.01	0.00	Cu-Sn-Pb
7	2119	1957	БО/5	Крест-энколпион	ОЭСА оesn.	6.0	4.5	0.00	0.007	0.03	0.02	4.500	0.11	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
8	2121	1957	БО, Р. IV/519	Подвеска конусовидная	ОЭСА оesn.	>20	3.0	0.01	0.05	0.1	0.65	0.085	0.65	0.001	0.001	Cu-Sn-Pb
9	2122	1957	БО, Р. VI/140	Подвеска-коготь	ОЭСА оesn.	>20	10.0	0.08	0.006	0.1	0.73	0.03	0.33	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
10	2123	1957	БО, Р. VI/108	Стержень	ОЭСА оesn.	5.0	1.3	0.5	0.002	0.03	0.2	0.07	0.3	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
11	2124	1957	БО, Р. IV/519	Петля	ОЭСА оesn.	15.0	3.0	0.08	0.15	0.06	0.3	0.12	0.55	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
12	2127	1959	БО/649	Коньковая подвеска	ОЭСА оesn.	15.0	3.0	0.00	0.07	0.15	0.65	0.3	0.04	0.003	0.003	Cu-Sn-Pb
13	2131	1960	БО/610/411	Подвеска-уточка	ОЭСА оesn.	10.0	1.7	0.03	0.012	0.11	0.5	0.08	0.02	0.001	0.001	Cu-Sn-Pb
14	2125	1959	БО/1025	Булгарский замок	ОЭСА оesn.	0.007	1.2	0.35	0.006	0.003	0.002	0.13	1.600	0.001	0.001	Cu-Pb
15	2126	1959	БО, Р. XXVII/394	Бусина	ОЭСА оesn.	0.06	>20	0.5	0.00	0.01	0.00	0.03	0.65	0.00	0.00	Cu-Pb
16	2128	1960	БО, Р. 29, кв. 23/328	Оковка кресала	ОЭСА оesn.	0.008	>20	7.5	0.0003	0.1	0.00	0.00	0.15	0.00	0.00	Cu-Zn-Pb
17	2132	1959	БО, Р. XXVII/388	Коромысло весов	ОЭСА оesn.	0.009	3.8	9.0	0.04	0.04	0.2	0.025	0.04	0.00	0.00	Cu-Zn-Pb
18	2133	1959	БО, Р. XXII, кв. 200/144	Чашечка весов	ОЭСА оesn.	0.0005	0.7	0.00	0.0045	0.002	0.05	0.00	0.000	0.00	0.00	"чистая"
19	2905	1992	БО, уч. 7, левый берег	Бляшка скандинавская	ОЭСА оesn.	0.06	7.0	2.0	0.0004	0.02	0.35	0.02	0.35	0.00	0.00	Cu-Zn-Pb
20	2903	1993	Крохинск. пески-2/12	Овальная фибула P52	ОЭСА оesn.	0.064	4.0	8.4	0.003	0.001	0.014	0.12	0.064	0.00	0.00	Cu-Zn-Pb
21	2602	1993	Крохинск. пески-2/27	Наконечник пояса	ОЭСА оesn.	2.0	6.0	0.2	0.01	0.005	0.02	0.1	0.01	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
22	ас-217	1994	БО, Запад, уч. 7/1196	Выплекс металла	РФА	99.15	0.63	0.02	0.01	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00	0.00	"чистая"
23	ас-403	1995	БО, Восток, уч. 19/949	Подвеска P154/155	РФА	6.64	0.44	10.76	0.63	0.00	79.14	0.00	0.00	2.39	0.00	Ag-Cu-Pb
24	ас-404	1996	БО, Восток, уч. 19/611	Бляшка	РФА	2.07	96.08	1.02	0.5	0.00	0.00	0.18	0.15	0.00	0.00	Sn-Cu-Pb
25	ас-405	1996	БО, Восток, уч. 19/610	Бляшка	РФА	50.79	20.66	14.37	3.83	0.00	0.00	0.23	0.28	9.840	0.00	Cu-Sn-Zn-Pb
26	ас-464	1997	БО, Восток, уч. Б, 1230	Фрагмент овальной фибулы	РФА	89.76	0.25	9.31	0.11	0.00	0.56	0.00	0.00	0.00	0.00	Cu-Pb
27	ас-462	1997	БО, Восток, уч. Б, 1230	Овальная фибула P52 (шишка)	РФА	81.03	0.1	9.78	4.0	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	4.56	Cu-Zn-Pb
28	ас-477	1996	БО, ЛБ, уч. 7А, 936	Слиток (?)	РФА	95.58	0.07	1.49	0.00	0.00	0.22	0.35	0.00	0.00	0.00	Cu-Pb
29	ас-478	1996	БО, ЛБ, уч. Г, 1459	Слиток (?)	РФА	90.41	0.01	1.89	0.00	0.00	0.19	0.28	0.00	7.23	0.00	Cu-Pb

№	№ анализа	Год ра- скопок	Паспорт	Предмет	ОЭСА	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Au	Тип сплава
30	ас-484	1996	БО, Центр, уч. 8, 1875	Слиток, вес 9,9 г	РФА	97.11	0.02	2.39	0.00	0.00	0.17	0.31	0.00	0.00	0.00	Cu-Pb
31	ас-485	1996	БО, ЛБ, уч. Г, 1394	Слиток, вес 5,9 г	РФА	94.89	0.41	4.43	0.00	0.00	0.25	0.41	0.00	0.00	0.00	Cu-Pb
32	ас-486	1996	БО, Центр, уч. 8, 1995	Слиток, вес 3,8 г	РФА	1.85	95.3	2.88	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	Sn-Cu-Pb
33	ас-487	1996	БО, ЛБ, уч. Г, 1472	Слиток, вес 2,7 г	РФА	0.00	0.11	94.81	0.00	0.00	0.2	4.88	0.00	0.00	0.00	Pb-Sb
34	ас-488	1996	БО, Центр, уч. 9, 1963	Пруток, вес 3 г	РФА	73.16	22.99	3.14	0.00	0.00	0.48	0.13	0.00	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
35	ас-489	1996	БО, Центр, уч. 10, 205	Пруток, вес 4,8 г	РФА	71.98	23.15	4.11	0.00	0.00	0.64	0.11	0.00	0.00	0.00	Cu-Sn-Pb
36	ас-490	1996	БО, ЛБ, уч. 7А, 954	Металл из литниковой чаши, вес 1,1 г	РФА	0.00	100	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	"чистое" олово
37	ас-491	1996	БО, Восток, уч. Б/1785	Изогнутый слиток, вес - 17 г	РФА	1.66	93.33	1.47	0.00	0.00	0.00	3.55	0.00	0.00	0.00	Sn-Cu-Pb-Sb

Приложение 2. Результаты качественного рентгено-флуоресцентного анализа заполнения тиглей из раскопок поселения Кругик

Номер анализа	Паспорт	Результаты РФА	Тип сплава
ас-493	БО, р. IV, пл. 3, кв. 15/225	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-494	БО, р. IV, пл.2, кв.11/68	Cu-Zn-Sn	Оловянная латунь
ас-495	БО, р. IV, пл.3, кв.26/252	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-496	БО, р. IV, пл. 3, кв. 1/291	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-497	БО, р. IV, пл. 3, кв. 1/7	Cu-Zn-Sn	Оловянная латунь
ас- 498	БО, р. VIII, пл. 4, кв. 30/223	следы цинка	—
ас-499	БО, р. IV, пл. 3, кв. 11/160	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-500	БО, р. IV, пл. 3, кв. 60/306	Cu-Zn-Pb	Свинцовая латунь
ас-501	БО, р. IV, пл. 2, кв. 17/78	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-502	БО, р. IV, пл. 2, кв. 17/79	Cu-Sn-Pb	Оловянно-свинцовая бронза
ас-503	БО, р. VIII, пл. 2, 190	Ag-Cu-Pb	Низкопробное серебро
ас-504	БО, р. VIII, пл. 2, кв. 20/69	Cu-Zn-Sn-Pb	Многокомпонентная латунь
ас-505	БО, р. IV, пл. 1, кв. 25/15	Cu-Zn-Pb	Свинцовая латунь
ас-506	БО, р. IV, пл. 1, кв. 25/13	Cu-Zn-Pb	Свинцовая латунь
ас-507	БО, р. IV, пл. 1, кв. 25/5	Cu-Zn-Pb	Свинцовая латунь
ас-508	БО, р. IV, пл. 3, кв. 24/72	Cu-Zn	Латунь
ас-509	БО, р. IV, пл. 3, 336 (1)	следы цинка	—
ас-510/11	БО, р. VIII, пл. 4, кв. 12/298	Cu-Zn-Pb	Латунь
ас-512	БО, р. IV, пл. 3, 4	следы цинка	—
ас-513	БО, р. IV, пл. 3, 336 (2)	следы цинка	—

И.Е. Зайцева

Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса

В ходе исследований памятников Мининского археологического комплекса: селищ Минино I, Минино VI, Минино VII, Владышнево I, грунтовых могильников Минино II и Владышнево II (Вологодский район Вологодской области), обнаружено более 1200 металлических украшений и деталей костюма. Большинство изделий относится к древнерусскому времени (вторая половина X – первая половина XIII в.), некоторые предметы принадлежат эпохе развитого Средневековья (XIV–XVII вв.). Наиболее многочисленны в коллекции металлические детали поясной гарнитуры, разнообразие пронизки, височные кольца, подвески и привески. Украшения рук, браслеты и перстни составляют около 10% рассматриваемого собрания (более 120 предметов).

Типы металлических браслетов и перстней Белозерья получили общую характеристику в работах Н.А. Макарова (1990; 1997). Специальное исследование перстней этой территории проделано И.А. Суминой (1999. С. 16–89). Анализ новой обширной коллекции украшений рук, собранной как в культурном слое селищ, так и на расположенных рядом могильниках, не только вводит в научный оборот свежие материалы, но и позволяет обратиться к решению отдельных вопросов бытования браслетов и перстней на северо-восточных окраинах Древней Руси, а также более четко проследить некоторые особенности погребального обряда местного населения.

Остановимся детально на рассмотрении мининской коллекции металлических браслетов и перстней.

Браслеты (30 экз.). Находки браслетов в Минино немногочисленны и составляют 2,4% от украшений и деталей одежды из цветных металлов. Большинство обломков этих предметов обнаружено во всех хронологических горизонтах культурного слоя поселений. Три целых браслета найдены в двух погребениях, датируемых второй третью XI и первой половиной XII в. Только два фрагмента браслетов: пластинчатого и круглодротового, сделаны из легкоплавких сплавов, остальные экземпляры изготовлены из сплавов на основе меди. Исследован состав металла восьми мининских браслетов: шесть изделий различных типов были изготовлены из латуни разного состава, один

круглодротовый браслет сделан из свинцовой бронзы (меди, загрязненной примесями) и один пластинчатый загнутоконечный – из оловянно-свинцовой бронзы.

Типология древнерусских металлических браслетов, основанная на форме сечения и технологии изготовления обручей, в настоящее время хорошо разработана (Арциховский, 1930. С. 9–25; Левашева, 1967. С. 207–245; Седова, 1981. С. 103–115; Лесман, 1990. С. 33–34).

Проволочные витые браслеты (5 экз.). Целый браслет размерами 78 × 68 мм, витой 2 × 3 из кованой (?) проволоки с диаметром сечения 0,7 мм, обнаружен в погребении второй–третьей четверти XI в. (рис. 1, 1). Концы браслета обрублены и завязаны на обе стороны. От остальных браслетов этой группы до нас дошли небольшие обломки изогнутой проволоки диаметром сечения около 2 мм (рис. 1, 2–5). Один жгутик от петлечеконечного браслета свит из трех волооченных проволок с диаметром сечения 0,8 мм (рис. 1, 2). Витые завязанные и петлечеконечные браслеты в небольшом количестве встречаются в погребениях Белозерья (Макаров, 1990. С. 79). Обломки таких изделий обнаружены на Белозере (Захаров, 2004. Рис. 84). Завязанные браслеты происходят из комплексов XI в. (см., например, ранние погребения Нефедьево: Макаров, 1997. С. 120).

Ложновитые браслеты (3 экз.). Из трех обломков ложновитых браслетов (?)¹ один изготовлен из перекрученного дрота с диаметром сечения 4 мм (рис. 1, 6). Два с диаметром сечения 3 мм были просто отлиты в двустворчатых формах (рубчатые; рис. 1, 7).

Дротовые браслеты (6 экз.). Дротовые браслеты делятся на типы по форме сечения. Два экземпляра были сделаны из *круглого дрота*. Один обломок, сечением 4 мм, был отлит из легкоплавкого сплава (рис. 1, 8). Другой браслет диаметром 55 мм был сделан из волооченного дрота с диаметром сечения 4,5 мм (рис. 1, 9). Тупые концы этого браслета были немного оттянуты (диаметр сечения 3,2 мм).

Три браслета из *овального дрота* с размерами сечений 2,5 × 3 мм, 4 × 3,5 мм, 3,4 × 2 мм были отлиты (рис. 1, 10–12). Конец последнего браслета раскован

¹ Собраны только фрагменты ложновитого дрота. Возможно, из них были изготовлены не браслеты, а гривны.

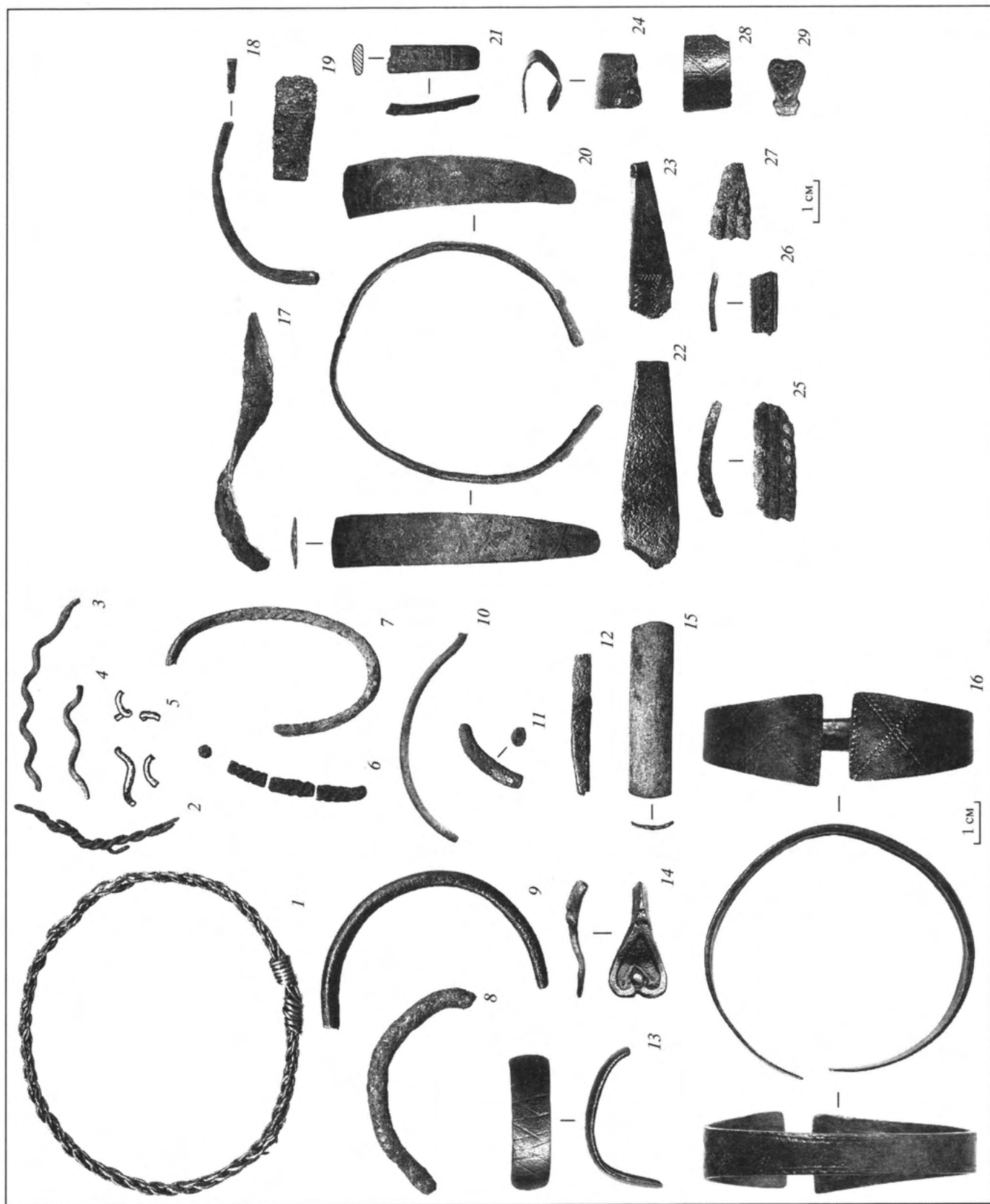

Рис. 1. Браслеты Мининского археологического комплекса. Цветной металл

в пластину и украшен двумя зарубками (рис. 1, 12). Один браслет сделан из *треугольного дрота* шириной 4 мм (рис. 1, 14). Сохранился конец этого украшения, имеющий вид сердечка с выступающим бортом. Полная аналогия рассматриваемому украшению происходит из Волковыска (*Зверуго*, 1975. С. 40, рис. 12, 13). По наблюдениям В.П. Левашовой, фигурноконечные дровые браслеты встречаются на древнерусской территории очень редко (*Левашова*, 1967. С. 215). Браслеты с концами в виде сердечек известны в Болгарии с конца X в. (*Гатев*, 1977. С. 38, обр. IV, 1).

Узкомассивные браслеты (2 экз.). Пластины двух браслетов имеют выпукло-вогнутое сечение и округлые концы. У одного экземпляра, шириной 9 мм, лицевая сторона украшена рядом неаккуратно прочерченных ромбов (рис. 1, 13)². Другой браслет, шириной 10 мм, орнамента не имеет (рис. 1, 15). В результате технологического изучения новгородских узкомассивных браслетов установлено, что они изготавливались литьем с последующей холодной проковкой (*Седова*, 1981. С. 103). В Новгороде узкомассивные браслеты встречены в слоях X – начала XII в. (*Седова*, 1981. С. 103). Оба браслета из нашей коллекции происходят с селища Минино VI. По наблюдениям В.П. Левашовой, браслеты с выпукло-вогнутым сечением на территории Древней Руси наиболее многочисленны во Владимирских курганах и на Ижорском плато (*Левашова*, 1967. С. 235).

Пластиначатые браслеты (14 экз.). Самыми представительными в коллекции браслетов Мининского археологического комплекса являются пластиначатые³. На группы они делятся по форме концов. Целый браслет с *расширяющимися концами*, размерами 65 × 60 мм был выкован из пластины толщиной 2,5 мм, шириной 8,8 мм (рис. 1, 16). Концы пластины расковывались до толщины 0,5 мм, ширины 19,5 мм. На внутренней стороне браслета сохранились следы выглаживания инструментом. На лицевую поверхность браслета нанесен чеканный орнамент: на концы – в виде ромбов, на центральную часть – в виде продольных полос вдоль краев. Кованые пластиначатые браслеты с расширенными концами известны в Прибалтике (см., например: Нукшинский могильник, 1957. Табл. VI, 10, 13) и Верхнем Прикамье (*Крыласова*, 2001. С. 119, рис. 42, 6; С. 133, рис. 56, 9). Много таких браслетов обнаружено во Владимирских (*Спицын*, 1905. С. 153, рис. 333, 338, 339, 346 и др.) и Костромских курганах (*Леонтьев*, 1984. С. 188). Кованый пластиначатый браслет с расширяющимися концами происходит из одного из ранних погребений

Нефедьевского могильника (*Макаров*, 1997. С. 342, табл. 130, 10). Браслет из Минино обнаружен в погребении второй–третьей четверти XI в.

Обнаружено 3 *ленточных браслета*: 2 бронзовых и один из сплава олова и свинца. Прямые обручи всех браслетов к концам немного сужаются. В средней части браслета шириной 6,9 мм идет выпуклое рельефное продольное ребро. И с лица, и с изнанки этот браслет покрыт толстым слоем полуды (рис. 1, 17).

Пластина браслета, отлитого из сплава олова и свинца, имеет подовальное сечение шириной 10 мм, толщиной 2,5 мм (рис. 1, 19). Она украшена поперечными рельефными параллельными бороздками. В краевой части браслета около прямо срезанного конца шириной 8,7 мм сделано углубление (непролившееся отверстие?). Еще один браслет с обрубленными концами был выкован из толстой пластины (толщина 2,5 мм). Его ширина в средней части составляет 8,6 мм, у конца 6 мм. Лицевая поверхность не орнаментирована, только вдоль одного из длинных краев идет линейная углубленная полоса (рис. 1, 18).

Обручи шести браслетов *расширяются в средней части и сужаются к концам*. Целый *звериноголовый браслет* размерами 62 × 58 мм происходит из погребения первой половины XII в. (рис. 1, 20). Пластина отлитого по восковой модели браслета шириной 12 мм имеет подтреугольное сечение. Она украшена чеканным рисунком в виде ромбов. От другого звериноголового литого браслета сохранился только небольшой конец (рис. 1, 21). Обруч браслета имеет плоско-выпуклое сечение, звериные головы на концах заменены двумя поперечными выпуклыми бугорками.

Четырьмя обломками представлены браслеты, выкованные из расширяющихся в средней части пластин толщиной 1 мм (рис. 1, 22–24, 28). На лицевую поверхность браслетов нанесен чеканный орнамент. У двух экземпляров концы браслетов сужались и закручивались в колечки: у одного из браслетов колечко было отломано, а место слома зашлифовано (рис. 1, 22).

Собрано четыре обломка *пластинчатых браслетов с рельефным литым орнаментом*. Два из них, отлитых в жестких (?) формах, украшены двумя продольными рядами рельефных ложновитых жгутов, разделенных гладким валиком. От одного экземпляра сохранилась средняя часть обруча шириной 10 мм (рис. 1, 25), от другого – сужающийся приостренный конец (рис. 1, 27). Литые браслеты с рельефным орнаментом в виде шнуров концентрируются в курганах Калужской области (*Левашова*, 1967. С. 238–239). Около 20 экземпляров таких браслетов происходит из расположенного в этом же регионе Серенска. Есть подобные украшения и в культурном слое Новгорода (*Седова*, 1981. С. 111, рис. 42, 16; 43, 19; 112–113).

Литой конец пластиначатого браслета шириной 4,6 мм имеет вид сердечка, украшенного выпуклым

² Целый браслет с таким рисунком из Владимирских курганов опубликован А.А. Спицыным (1905. С. 149, рис. 285). Браслеты этого типа известны в древностях эстов (*Magi-Lougas*, 1995. Р. 302–303).

³ Из четырех сломанных пластиначатых браслетов были изготовлены перстни. Они рассматриваются в соответствующем разделе.

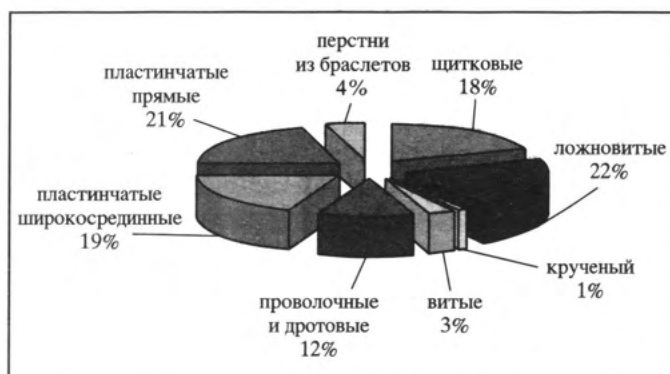

Рис. 2. Распределение по типам перстней Мининского археологического комплекса

криновидным рисунком (рис. 1, 29). От еще одного экземпляра сохранился небольшой обломок обруча шириной 6,3 мм с выпуклым орнаментом «плетенкой» (рис. 1, 26). Орнамент и выступающие борта этого браслета покрыты полудой.

Анализ находок браслетов Мининского археологического комплекса позволяет сделать ряд заключений. Незначительное количество этих украшений в культурном слое поселений и их малая представительность в погребениях, вероятно, свидетельствуют о том, что браслеты вообще были мало распространены среди мининских жителей и не являлись обязательным элементом погребального костюма. Об этом же говорит и типологическая разнохарактерность браслетов, отсутствие в коллекции серий стандартных изделий. Хотя, возможно, некоторые экземпляры, например, круглодротовый из легкоплавкого сплава и пластинчатый луженый, были сделаны непосредственно в Минино.

Небольшим количеством представлены браслеты и в других памятниках Белозерья, например, в могильнике Нефедьево (Макаров, 1997. С. 120) и на самом Белоозере (Захаров, 2004. С. 180–181). По наблюдениям В.П. Левашовой, в большинстве древнерусских некрополей «комплексы женских украшений, содержащие браслеты, составляют обычно около 50%». Очень редко этот процент снижается до 25–35% (Левашова, 1967. С. 207). В Минино он равен только 10%. Вероятно, традиция ношения браслетов, свойственная как древнерусскому, так и финно-угорскому костюмам (Архинов, 1973. С. 32), не получила своего развития в Белозерье, обозначив местное, локальное своеобразие женского костюма этого региона. Необходимо отметить, что относительно низкий процент женских погребений с браслетами (около 30%) отмечен Н.Б. Крыласовой для Верхнего Прикамья (Крыласова, 2001. С. 102) и Ю.В. Степановой для Верхневолжья (26% от общего числа погребений с деталями костюма; Степанова, 2003. С. 10).

Перстни (94 экз.). Перстни Мининского археологического комплекса более многочисленны, чем браслеты, и составляют 7,9% от всех металлических украшений и деталей костюма. Они широко

представлены как в материалах селищ, так и в могильнике Минино II, где собрано более четверти всех перстней. Экземпляры из могильника дошли до нас целыми, на селищах обнаружены как целые, так и фрагментированные изделия. Большинство перстней изготовлено из сплавов на основе меди, восемь сделаны из серебра, один из биллона и три украшения из легкоплавких сплавов. Определен состав металла 17 перстней из сплавов на основе меди: девять предметов были изготовлены из латуни, шесть из оловянно-свинцовой бронзы и два из меди, загрязненной свинцом. Устойчивой связи между типами сплавов и типами перстней установить пока не удалось.

Типология древнерусских перстней достаточно хорошо разработана (Арциховский, 1930. С. 72–88; Недошивина, 1967. С. 253–274; Седова, 1981. С. 121–143; Лесман, 1990. С. 46–55). Распределение перстней по типам представлено на рис. 2.

Пластинчатые перстни (42 экз.). Почти половину рассматриваемой коллекции перстней представляют пластинчатые перстни. По общепринятой типологии они делятся на прямые и широкосрединные.

Пластинчатые прямые перстни (20 экз.). Пластинчатые прямые перстни составляют 20,4% от всех перстней Мининского археологического комплекса. Большинство их собрано в культурном слое поселений, только два украшения обнаружены в погребениях XI в. Перстни этой группы, за исключением двух серебряных, изготовлены из сплавов на основе меди. Из дошедших до нас семи целых экземпляров шесть имеют разомкнутые концы, у одного серебряного перстня концы были завязаны круглым узлом (утрачен; рис. 3, 1). Все перстни относятся к типу узкопластинчатых: ширина их обручей составляет 1,7–7 мм. У большинства изделий она равняется 4–6 мм. Самый широкий обломок обруча не был согнут до конца (рис. 3, 13). Это украшение было отлито по резной восковой модели из серебра (?). Вероятно, геометрический рисунок резался по уже остывшему воску и вышел неудачным. Обломок такого же перстня обнаружен в сборах на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 85, 41)⁴.

Пять перстней – гладкие, без орнамента. Два, с завязанными и с разомкнутыми концами, выкованы из волооченной проволоки (рис. 3, 1, 2). Остальные гладкие перстни были изготовлены в процессе литья (рис. 3, 3–5).

Лицевые стороны обручей большинства экземпляров полностью покрывал выпуклый мелкий узор с повторяющимся раппортом. На шести перстнях это был геометрический орнамент: чередующиеся крупные и мелкие ромбы, ряды овалов, кружков и поперечных полос (рис. 3, 6, 7, 9, 11, 17, 18). Тонкий выпуклый рельефный декор и видимое отсутствие

⁴ С.Д. Захаров относит обломок из Белоозера к браслетам. Возможно и мининский фрагмент также является частью не перстня, а браслета.

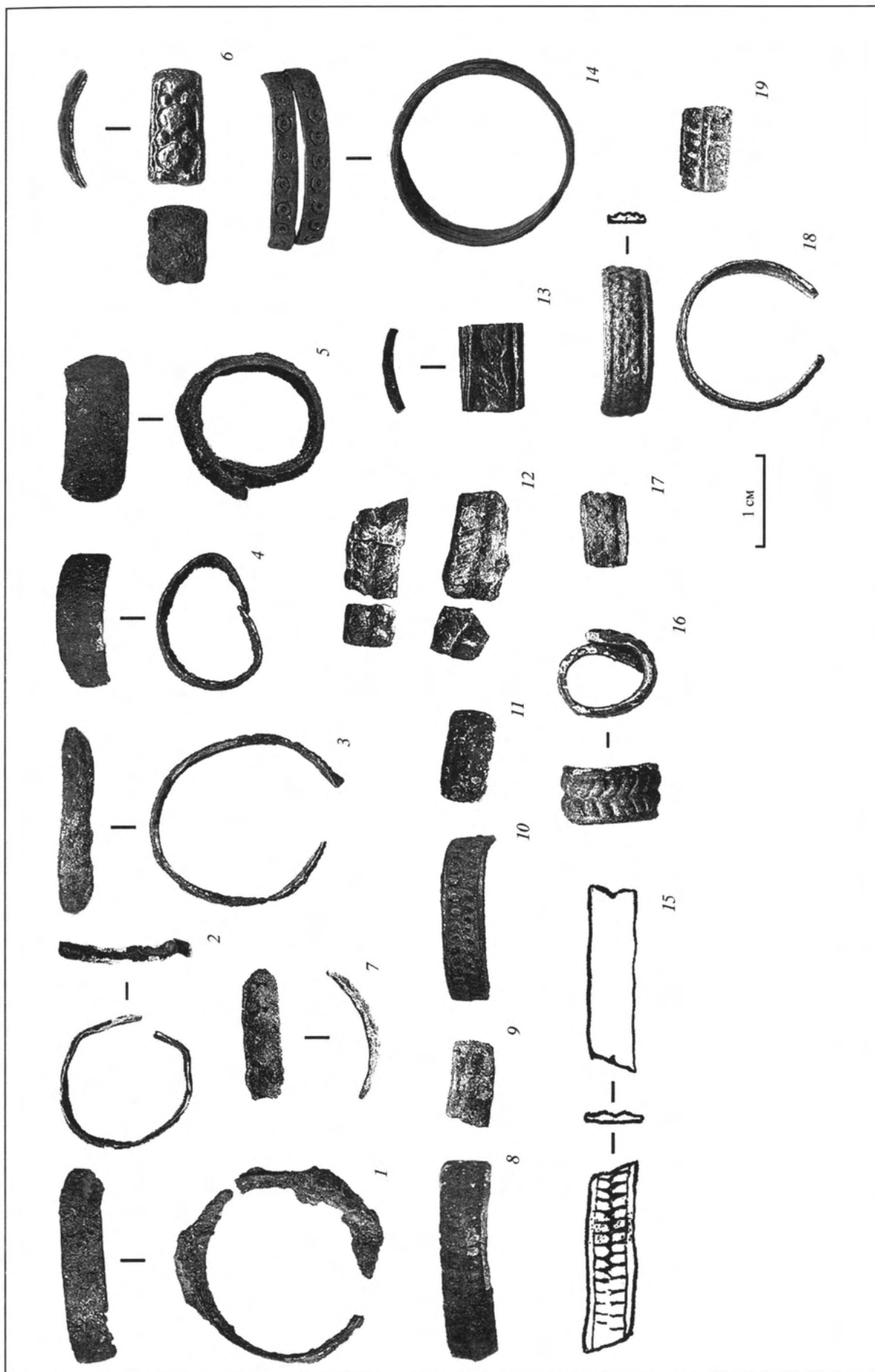

Рис. 3. Пластинчатые прямые перстни Мининского археологического комплекса
1, 13 – серебро; 2–12, 14–19 – цветной металл

боковых литейных швов позволяют предположить, что большинство мининских узкопластинчатых перстней отливались в каменных формах с крышками. Так же были изготовлены узкопластинчатые перстни, обнаруженные в Новгороде и в курганах вятичей (Рындина, 1963. С. 236; Сарачева, 1999). Некоторые мининские экземпляры, аналогично новгородским, были отлиты по оттиску готовых изделий (Рындина, 1963. С. 236) или выполнены ковкой. Шесть перстней украшал орнамент “косица”⁵ (рис. 3, 8, 10, 12, 15, 16, 19). Перстни с геометрическим орнаментом и “косицей”, как правило, имеют выделенные гладкие продольные бордюры.

Интересен перстень из погребения № 9, свернутый из кованой полосы, украшенной рядом циркульных кружков, так, что его концы, сильно заходя друг за друга, образуют подобие щитка (рис. 3, 14). Узкопластинчатые перстни с сильно заходящими концами известны в Юго-Западном Белозерье и Юго-Восточном Приладожье в комплексах XI в. (Сумина, 1999. С. 170). Похожие перстни, но без орнамента, обнаружены в погребениях XII в. на финском могильнике Луистари (Lehtosalo-Hilander, 1982. Р. 127) и на поселении в урочище “Рожана криница” в Каневском районе Черкасской области (Петрашенко, 2005. С. 31, рис. 3, 17)⁶.

Мининские узкопластинчатые перстни с геометрическим орнаментом и узором “косица” – это стандартизованные изделия высокого качества. Подобные украшения обнаружены в Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 85, 44, 45), в курганах Юго-Западного Белозерья (Сумина, 1999. С. 188) и на многих сельских памятниках региона (Макаров, 1990. С. 79; Сумина, 1999. С. 170). Точно такие перстни, являющиеся хронологическим индикатором XI в., встречены в различных районах Древней Руси и в сопредельных землях (Недошивина, 1967. С. 259; Седова, 1981. С. 131; Гатев, 1977. С. 42. Обр. VII, 2; Станојев, 1989. С. 28, № 140–141; 29, № 152–153; 103, № 539). Вероятно, в Белозерье они попадали в результате дальней торговли и наряду со стеклянными бусами обменивались на пушнину. Гладкие перстни, выкованные довольно неаккуратно, могли быть изготовлены на месте.

Пластинчатые широкосрединные перстни (18 экз.). Пластинчатых широкосрединных перстней, имеющих плавный переход от щитка к обручу, практически столько же, сколько и узкопластинчатых (19,3%). Пять предметов этой группы изготовлены из серебра, один из биллона, остальные из сплавов на основе меди. Обручи четырех перстней

были замкнуты, у четырех фрагментированных экземпляров характер концов определить невозможно, у остальных перстней концы были разомкнуты, причем у двух из них они были завязаны на две стороны. По способу оформления средней части перстни делятся на непрорезные и прорезные. В мининской коллекции значительно преобладают широкосрединные непрорезные перстни. Только два украшения имеют прорезы в щитках.

Перстни с продольными валиками (9 экз.). Значительным количеством в мининской коллекции представлены перстни с выпуклыми продольными валиками на расширенной середине (продольнорубчатые по терминологии Н.Г. Недошивиной (1967. С. 256)). И технологически, и стилистически они распадаются на две группы. Четыре перстня, два серебряных и два бронзовых, выкованы из прутков с использованием наковальни с желобками (рис. 4, 1–4). Два из них имеют по три желобка и два по одному, проходящему продольно по середине щитка. Ширина щитков составляет 14–22 мм. Три экземпляра украшены чеканным и гравированным геометрическим орнаментом (точки, циркульный орнамент, “волчий зуб”). Два перстня происходят из культурного слоя Минино I и два из погребений XI–XII вв. Серебряные и бронзовые кованые перстни с продольными валиками, украшенные чеканным геометрическим орнаментом, были очень широко распространены на территории Северной Руси и в сопредельных землях со второй половины X до XIII в. (Недошивина, 1967. С. 256–257, 270; Kivikoski, 1973. Abb. 1088, 1089; Thunmark-Nulén, 1998. Taf. 143, 25; Рябинин, 1986. С. 66–67; Arbman, 1940. Taf. 111, 7). Многочисленные находки перстней этого типа и в Белозерье (Сумина, 1999. С. 172).

Щитки четырех бронзовых замкнутых перстней шириной 12–16 мм, изготовленных по восковым моделям, украшены пятью валиками (рис. 3, 5–8). Средние валики гладкие, а крайние сплошь покрыты тонким орнаментом “елочка”. Три перстня обнаружены в верхнем слое и одном погребении по обряду кремации могильника Минино II. Один из них оплавлен. К этой группе примыкает перстень с прорезной средней частью, отлитый по модели, слепленной из восковых жгутов, украшенных рубчатым орнаментом. На концы средней части приделаны гладкие “лепешечки” (рис. 4, 11).

Идентичные мининским перстни, происходящие с поселения Крутик, детально рассмотрены Л.А. Голубевой (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 74–75). Исследовательница считает этот тип перстней характерным для белозерской веси и приводит круг аналогий. Это город Белоозеро (Сумина, 1999. С. 173), памятники бассейна р. Суды (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 74). За пределами Белозерья похожие украшения встречены на Тимеревском селище (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 74), на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 175, рис. 74, 3) и в погребении 25 Редикарского

⁵ Прямой обруч одного из щитковых перстней шириной 4 мм, сделанного по оттиску готового изделия, также был украшен орнаментом “косица”. Поэтому небольшие обломки, рассматриваемые в настоящем разделе, вполне могут быть фрагментами щитковых, а не узкопластинчатых перстней.

⁶ С этого поселения происходит целый ряд узкопластинчатых перстней с геометрическим орнаментом (Петрашенко, 2005. Рис. 3, 12–16).

Рис. 4. Пластиновые широкосерединные перстни Мининского археологического комплекса

могильника в Верхнем Прикамье (Крыласова, 2001. С. 143, рис. 66, 8). Мининские перстни этого типа относятся к раннему периоду существования памятника и синхронны украшениям из Крутика. Можно предположить, что литые с продольными валиками перстни являются своеобразной финно-угорской репликой тонких кованых изделий (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 124, Fig. 10; Thunmark-Nulén, 1998. Taf. 143, 23).

Остальные мининские пластиновые широкосерединные перстни также имеют ряд особенностей, связанных с техникой их изготовления. Три серебряных и один бронзовый перстень были сделаны ковкой. Их щитки имеют ширину 5,5–12 мм при толщине 0,5–0,7 мм. У двух перстней они гладкие (рис. 4, 9, 12), а у двух украшены геометрическим орнаментом («волчий зуб» и колесико; рис. 4, 10, 13). Последний перстень был разрезан вдоль, очевидно,

после какого-то повреждения (бронзовый перстень с близким орнаментом происходит с селища Никольское IX на Кеме (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 135, рис. 56, 14)). Кованые перстни обнаружены в комплексах XI в.: погребении № 60, 61, яме 27 в Минино VI и в культурном слое Минино I. Они имеют прямые аналогии среди новгородских украшений (Седова, 1981. С. 123, рис. 45, 24; 124, рис. 46, 5).

Пять перстней были отлиты (рис. 4, 14–18). Щитки двух экземпляров, изготовленных по восковым моделям, гладкие. Один перстень с гладким щитком полностью покрыт белым металлом (серебрение?; рис. 4, 14). Близкое украшение обнаружено на Готланде (Thunmark-Nulén, 1998. Taf. 143, 29). Обручи двух перстней украшал геометрический орнамент (кружки и ромбы; рис. 4, 16, 17). Необычно оформление концов перстня с кружками: в одном конце, имеющем прямоугольное сечение шириной 5 мм, пуансоном пробито отверстие полукруглой формы, другой конец имеет подовальное сечение шириной 2,5 мм.

В культурном слое селища Минино I обнаружен обломок разомкнутого решетчатого перстня, изготовленного по оттиску готового изделия (рис. 4, 18). Первоначальная модель перстня вырезалась из воска. Отдельные находки решетчатых перстней известны за пределами их основного ареала региона вятичей. Такие перстни найдены в Новгороде (Седова, 1981. С. 130), в костромских и владимирских курганах (Недошивина, 1967. С. 260). Обломок решетчатого перстня происходит из сборов на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 90, 38).

Перстни, сделанные из пластинчатых браслетов (4 экз.). Четыре перстня изготовлены из краевых частей сломанных пластинчатых браслетов: два перстня из браслетов с сужающимися концами и чеканным геометрическим декором (рис. 5, 1, 2) и два из пластинчатых фигурноконечных с литым растительным орнаментом (один из них отлит по оттиску готового изделия; рис. 5, 3, 4). Все предметы этой группы сделаны из бронзы. Они дошли до нас целиком и обнаружены в культурном слое селищ и в погребении XI в.

Простые проволоочные и дровые перстни (11 экз.). Довольно представительна коллекция простых проволоочных и дровых перстней (11,8%). Почти все изделия этой группы дошли до нас целиком⁷. Один перстень изготовлен из серебра (рис. 6, 1). Один целый предмет, предположительно отнесенный к перстням (рис. 6, 8), и один небольшой обломок сделаны из легкоплавкого сплава, остальные украшения бронзовые. Концы трех перстней, свернутых из волоченного дрота с круглым сечением диаметром 1,8–2,6 мм были просто сомкнуты (рис. 6, 1–3). Обруч одного литого перстня с заходящими концами утолщался в сред-

ней части (рис. 6, 4). Один перстень был сделан из тонкой проволоки с диаметром сечения 0,3 мм, покрытой толстым слоем полуды так, что общий диаметр сечения проволоки составил 0,6 мм. Концы этого перстня заходят друг за друга.

Разомкнутый перстень из волоченной проволоки, украшенный штампованным декором, вероятно, относится к эпохе позднего Средневековья (рис. 6, 6).

Концы четырех перстней были оформлены в щитки. У двух они заходили друг за друга, а у двух были завязаны. Один перстень (?) с заходящими концами был отлит из легкоплавкого сплава. Его обруч имеет в сечении круг диаметром 4 мм (рис. 6, 8). У другого, сделанного из кованого (?) дрота круглого сечения диаметром 2,5 мм, концы были уплощены и заострены (рис. 6, 9).

Концы перстня из литого (?) дрота круглого сечения диаметром 2,7 мм были вытянуты и завязаны на две стороны (рис. 6, 10). Похожий перстень происходит из Гнёздово (Сизов, 1902. Таб. IV, 11). Последний перстень изготовлен из кованой (?) проволоки уплощенного подовального сечения. Обруч перстня состоит из двух параллельных рядов проволоки. Концы проволоки завязаны в узел круглой формы (“улитка”) и обмотаны вокруг обруча (рис. 6, 11). В Белозерье перстень с таким щитком обнаружен в кургане 10 Никольского III (Сумина, 1999. С. 175).

Семь проволоочных и дровых перстней происходят из могильника Минино II, из погребений конца X – первой половины XII в. Это полностью соответствует датировке этой группы перстней по другим памятникам Белозерья (Сумина, 1999. С. 175).

Витые перстни (3 экз.). Все изделия этой группы, дошедшие до нас целиком, обнаружены на селище Минино I. Два перстня свиты из трех волоченных проволок с диаметром сечения 1 мм. Концы проволок завязывались. После изготовления проволоки перстней немного уплощались (рис. 6, 12, 13). Третий перстень свит из двух волоченных проволок сечением 1 мм. С каждой стороны одна из проволок была обрезана, а вторая обмотана в два завитка. В итоге перстень получился завязанным на обе стороны (рис. 6, 14).

Крученный перстень (1 экз.). Обломок одного перстня из легкоплавкого сплава скручен из бруска подовального сечения размерами 3 × 2,8 мм (рис. 6, 5).

Ложновитые и ложноплетеные перстни (20 экз.). Около 20% всех перстней Мининского археологического комплекса составляют широко распространенные по всей территории Древней Руси ложновитые (рубчатые) перстни. Они обнаружены как в культурном слое селищ, так и в погребениях XII – начала XIII в. Все изделия этой группы изготовлены из бронзы. Рисунок одного замкнутого перстня, отлитого в каменной форме (?), имитирует плетение (рис. 7, 1), остальные экземпляры подражают витым. Большинство рубчатых перстней дошли до нас целиком, однако в культурном слое селищ со-

⁷ Некоторое количество небольших обломков перстней этой группы, вероятно могло попасть в разряд стержней.

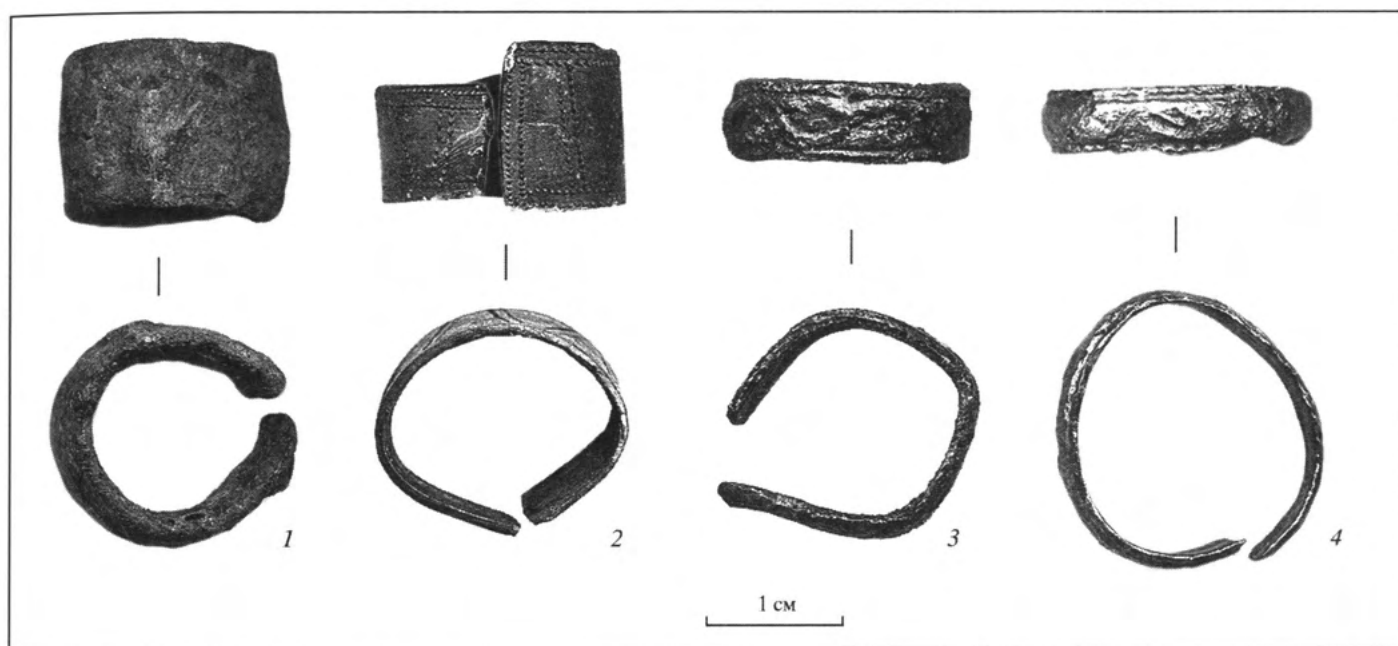

Рис. 5. Перстни Мининского археологического комплекса, изготовленные из браслетов. Цветной металл

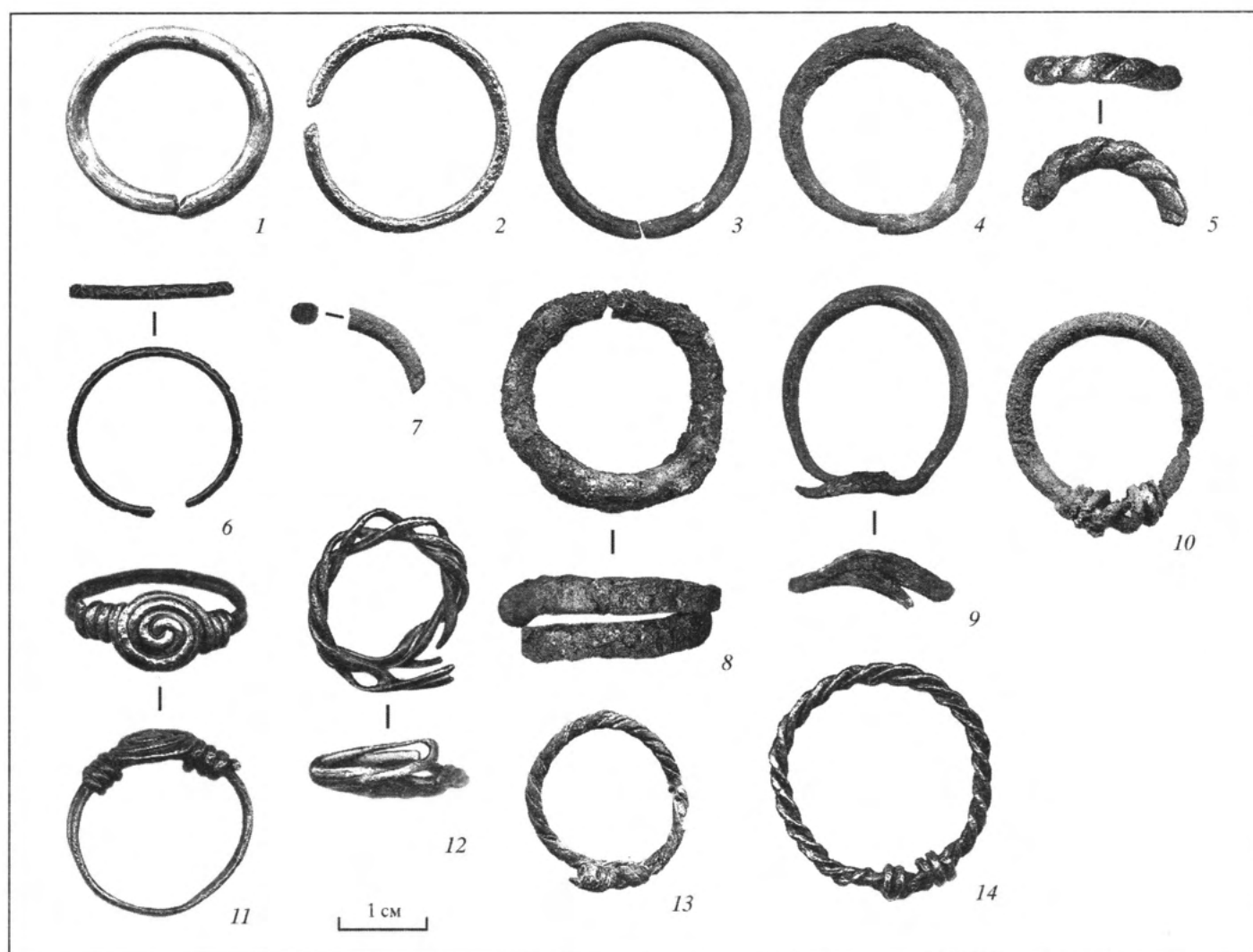

Рис. 6. Проволочные перстни Мининского археологического комплекса
1 – серебро; 2–14 – цветной металл

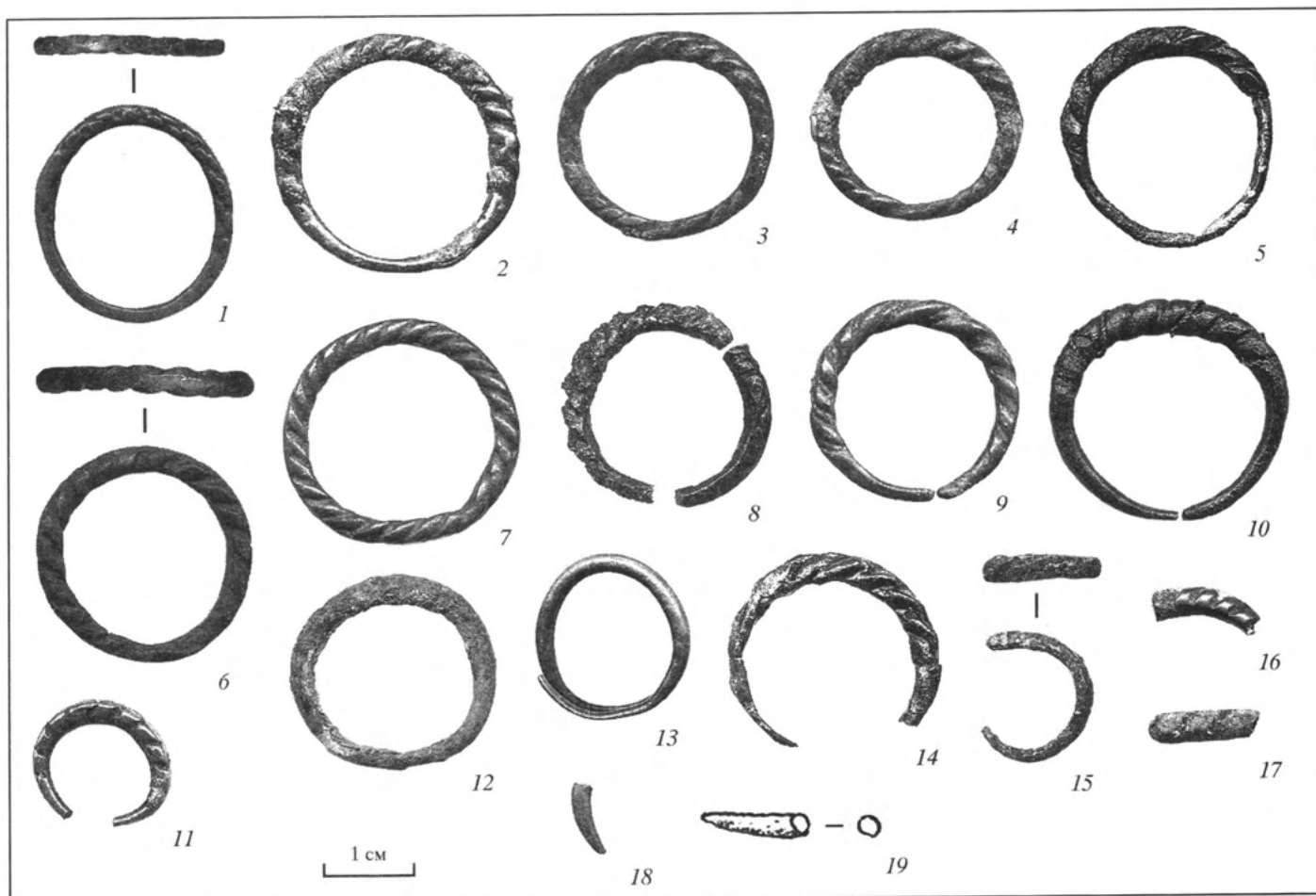

Рис. 7. Ложновитые и ложноплетеный перстни Мининского археологического комплекса. Цветной металл

хранились и мелкие обломки этих украшений. Один маленький перстень с внутренним размером 11 мм принадлежал, вероятно, ребенку (рис. 7, 11). Семь рубчатых перстней имеют замкнутый обруч (рис. 7, 2–8), концы трех соединялись встык (рис. 7, 9, 10, 12), и у двух экземпляров они заходили друг за друга (рис. 7, 13, 15)⁸. Большинство мининских рубчатых перстней – это изделия высокого качества, изготовленные в жестких (?) двустворчатых формах или по оттиску, хотя один из перстней и был явным литейным браком: вся его поверхность покрыта крупными литейными порами вследствие неправильного подбора состава сплава (рис. 7, 8).

После отливки литейные швы тщательно зачищались, а их места полировались. Линии рисунка дополнительно углублялись. Средняя часть одного рубчатого перстня обвита двумя тонкими сканными проволочками (рис. 7, 10).

Щитковые перстни (17 экз.). 13 бронзовых щитковых перстней собрано в культурном слое селищ Минино I и Минино VI, в напластованиях XII–XIII вв. Четыре перстня с шестиугольными щитками происходят из погребений второй поло-

вины XII – начала XIII в. Девять перстней сохранились целиком, остальные во фрагментах.

Перстни с шестиугольными щитками (4 экз.). Четыре перстня с замкнутыми обручами имеют гладкие щитки шестиугольной формы. Три перстня, на боковых сторонах щитков которых сделаны выемки полукруглой формы, полностью идентичны (рис. 8, 1–3). Размеры их щитков равны 12,5 × 15,0 мм. Щиток последнего перстня размерами 16 × 16 мм выемок не имеет (рис. 8, 4). Обручи всех перстней имеют плосковыпуклое сечение. По бокам от щитков на обручах находятся выпуклости полусферической формы⁹. Перстни отлиты в двустворчатых формах по оттиску готовых изделий. Оттиск производился таким образом, что литейный шов проходил по середине (поперек) щитков и обручей, что хорошо видно на тыльной стороне щитков. После отливки изделия зачищались достаточно грубо: все они испещрены многочисленными параллельными рисками. Щитки и обручи трех перстней покрыты полудой.

Перстни с гладкими шестиугольными щитками немногочисленны, но хорошо известны в древнерусских материалах XII – первой половины XIII в. По наблюдениям Н.Г. Недошивиной, перстни с

⁸ Остальные перстни сохранились в мелких фрагментах, так что определить характер их концов невозможно.

⁹ Возможно, они имеют технологическое значение.

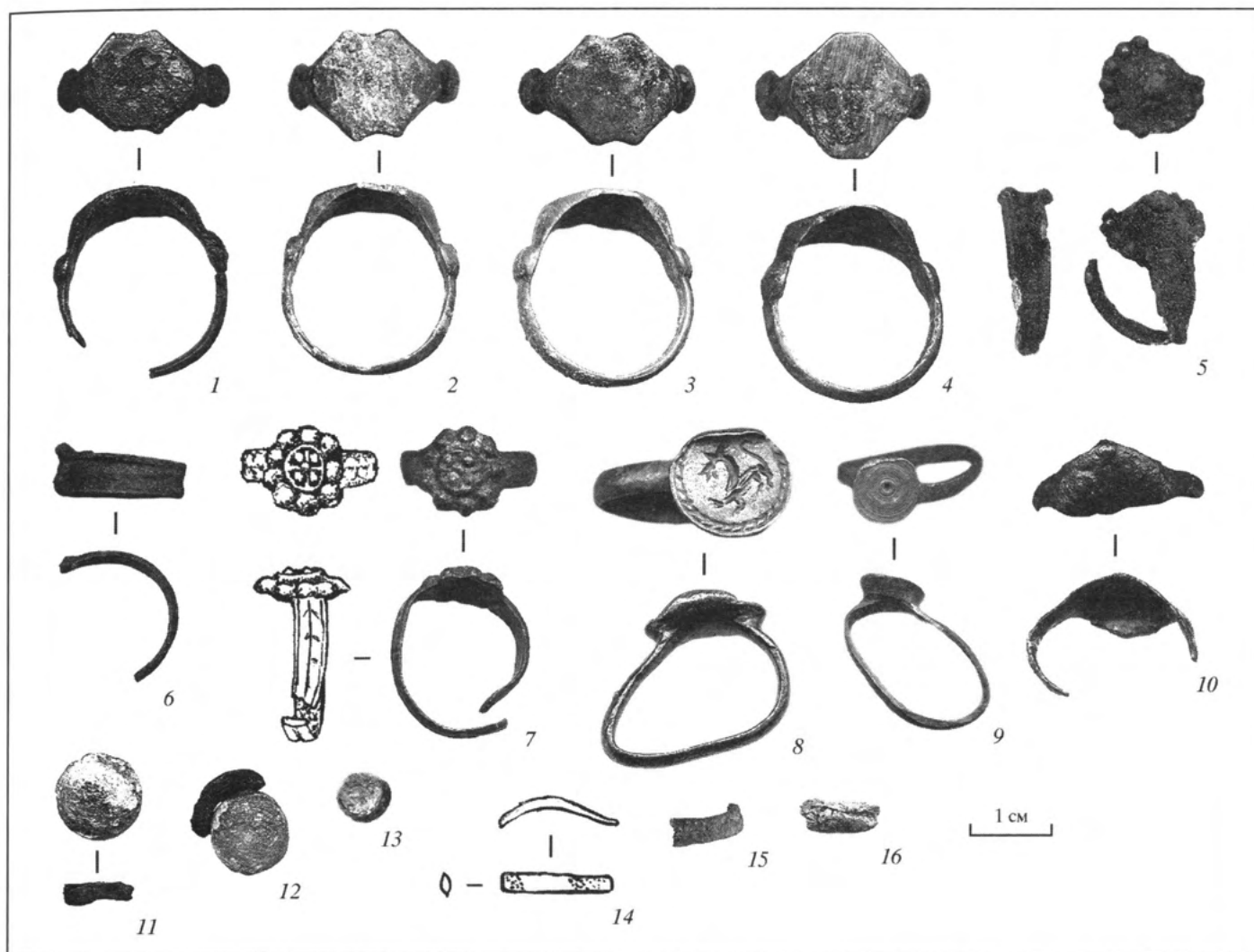

Рис. 8. Щитковые перстни Мининского археологического комплекса
1–10, 14–16 – цветной металл; 11, 13 – стекло; 12 – стекло, цветной металл

шестиугольными щитками концентрируются в костромских курганах (Недошивина, 1967. С. 262). Е.А. Рябинин даже считает их “локальным элементом костромской курганный культуры”, а появление таких перстней в других районах объясняет их проникновением из Костромского Поволжья (Рябинин, 1986. С. 67). Мне представляется, что такая жесткая позиция несколько не оправдана. Накопление новых материалов в последние годы в сумме со сделанными ранее находками показало, что перстни с гладкими шестиугольными щитками распространены достаточно широко по всей территории Северной Руси. Они известны в курганах Ленинградской, Вологодской, Московской и Ярославской областей (Недошивина, 1967. С. 273). Есть они и в культурном слое городов и крупных поселений: в Белоозере, Суздале, Старой Рязани, Ярославле (Сумина, 1999. С. 184; Седова, 1997. Рис. 65, 5; Захаров, 2004. Рис. 91, 36), Усть-Шексне (Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 197), Волковыске (Зверуго, 1975. С. 42, рис. 13, 23). Многие экземпляры сделаны по рассмотренной выше технологии.

Перстни с круглыми щитками (5 экз.). Три перстня имеют круглые выпуклые полые щитки диаметром 11 мм. Два из них одинаковые (рис. 8, 5, 6). В центре их щитков располагается по одному шарик ложной зерни. Бордюры из ложнозерновых шариков окаймляют и края щитков. Края замкнутых расширяющихся к щиткам обручей подчеркнуты рельефным бордюром. Украшения отлиты в жестких формах. Близкие мининским перстни с выпуклыми щитками, украшенными ложнозерновым орнаментом, обнаружены в курганном могильнике Плешково-1 на Верхней Волге (Комаров, 2002. С. 183, рис. 6, 5) и в Суздале. Один из суздальских перстней найден в постройке XI в. (Седова, 1997. Рис. 21, 3).

Щиток третьего перстня также украшен бордюром из крупных перлов (рис. 8, 7). В его средней части помещен выпуклый шаровой сегмент, разделенный на четыре сектора, в каждом из которых располагается по одному шарик ложной зерни. Прямой обруч перстня со смазанным рисунком “косица” шириной 4 мм имеет разомкнутые концы. Вероятна следующая технология изготовления

перстня: оттиск восковой модели щитка в каменной форме; оттиск двух половинок обруча (возможно, для оттиска использовались узкопластинчатые перстни); заливка в форму модельной смеси; соединение деталей в одно целое (на готовом изделии хорошо видны места крепления половинок обруча к щитку); отливка. Возможно, мининский перстень сделан по оттиску уже готового изделия, сделанного по описанной выше технологии. Точные аналогии этому перстню известны в кургане 4 группы Нижний конец на р. Суде (Сумина, 1999. С. 182. Рис. 8, 2), во Владимирских курганах (Спицын, 1905. С. 153, № 336) и в Волковыске (Зверуго, 1975. С. 42, рис. 13, 27).

Два замкнутых перстня из Минино VI относятся к позднему Средневековью. Один перстень-печатка с плоским щитком диаметром 16 мм и прямым обручем плосковыпуклого сечения шириной 4 мм был изготовлен по восковой модели (рис. 8, 8). На модель щитка был оттиснут углубленный рисунок зверя с одной поднятой лапой, окаймленный рубчатым бордюром. Близкий мининскому перстень, но с изображением птицы, обнаружен в Пскове в комплексе XV в. (Харлашов, 1994. С. 72, рис. 31, 1; 73). Перстни-печатки с рисунками зверей с поднятыми лапами из других памятников с территории Руси и Сербии датируются XIV–XV вв. (Иванић, 1998. С. 41, рис. 15; 43, рис. 19). Сходную технологию изготовления имеет второй перстень с овальным щитком размером 8,8 × 8 мм и прямым обручем плосковыпуклого сечения шириной 2,5 мм (рис. 8, 9). Щиток перстня украшен многочисленными тонкими окружностями. Все изделие покрыто полудой. Близкие мининскому печатные перстни происходят из слоев первой четверти XV в. из Новгорода (Седова, 1981. С. 138).

Перстень с ромбическим щитком (1 экз.). Один перстень с разомкнутыми приостренными концами имеет щиток ромбической формы (рис. 8, 10). Он изготовлен по оттиску готового изделия, так что рисунок на щитке практически не читаем. Видны только два шарика ложной зерни, находящиеся в углах ромбов. Перстень с разомкнутыми приостренными концами и ромбическим щитком, но без шариков зерни, происходит из сборов на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 90, 36). В слое второй половины XII в. там же обнаружен перстень с ромбическим щитком, украшенным многочисленными шариками ложной зерни (Сумина, 1999. С. 183). Перстни с ромбическими щитками, в углах которых помещены шарики ложной зерни, отлитые как из бронзы, так и из легкоплавких сплавов, найдены на целом ряде древнерусских памятников: в Новгороде (Седова, 1981. С. 126, рис. 47, 15), Торопце (Фоняков, 1991. С. 226, рис. 4, 9), на городище Настасьино в Подмоскowie (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 264, рис. 91, 19), поселении в урочище “Рожана криница” под Каневом (Петрашенко, 2005. С. 31, рис. 3, 19). По мнению Т.Г. Сарачевой и И.А. Сапрыкиной, они появляются в середине–второй полови-

не XIII в. (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56). Перстни этого типа известны и в финно-угорских могильниках более раннего времени (см., например, мордовский Шокшинский могильник (Шитов, 1983. Табл. 87, 8; 1986. С. 179. Рис. 18)).

Перстни со вставками (3 экз.). От трех перстней сохранились только стеклянные вставки с остатками оправлявших их глухих кастов (рис. 8, 11–13).

От четырех перстней до нас дошли небольшие обломки дужек разных сечений (рис. 8, 12–14).

Подводя итог рассмотрению металлических перстней Мининского археологического комплекса, можно отметить, что, по сравнению с браслетами, мало использовавшимися в повседневной жизни, перстни постоянно носились местными жителями. Несмотря на значительное разнообразие типов перстней, прослеживается существенная закономерность в их хронологической приуроченности. Во второй половине X – первой половине XII в. в Минино были в ходу простые проволоочные и дровые перстни, узко- и широкопластинчатые. Во второй половине XII – первой половине XIII в. их сменяют ложновитые и щитковые экземпляры. Наблюдается значительная стандартизация изделий, многие из которых оказались на этих отдаленных селищах в результате процессов обмена. Находка четырех шестиугольных перстней в расположенных рядом погребениях свидетельствует о поставках целых партий этих украшений. Возможно, данные изделия не носились при жизни, а сразу стали элементами погребального костюма, аналогично трем небольшим бронзовым образкам или четырем круторогим лунницам, также обнаруженным в соседних могилах.

Литература

- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.
- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Гатев П., 1977. Накити от погребения от XI–XII вв. // Археология. София. Кн. 1.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.А., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск.
- Иванић Б., 1998. Прстенье српске средновековне властеле: Збирка народног музеја у Београду. Београд.
- Комаров К.И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.
- Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма: Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь.
- Левашева В.П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Леонтьев А.Е., 1984. Новые данные о костромских курганах // СА. № 4.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Недошвинова Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Нукшинский могильник. Рига, 1957. (Материалы и исследования по археологии ЛатвССР; Т. 1).

Петрашенко В.А., 2005. Давньорусьський комплекс пам'яток поблизу с. Бучак: (до проблеми соціально-економічної типології давньоруських поселень) // Наукові записки з Української історії. Переяслав-Хмельницький. Вип. 16.

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Сарачева Т.Г., 1999. Ювелирные изделия вятичей второй половины XI – первой половины XIII в.: (химико-технологический аспект проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М. (Труды Подмосквонной экспедиции; Т. 2).

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. СПб. Вып. I: Гнездовский могильник близ Смоленска (МАР; № 28).

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. СПб. № 15.

Станојев Н., 1989. Некрополе X–XV века у Војводини. Нови Сад.

Степанова Ю.В., 2003. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневожья X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Сумина И.А., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник памяти М.В. Фехнер. М. (Тр. ГИМ; вып. 111).

Фоняков Д.И., 1991. Цветной металл Торопца: (типология и технология) // СА. № 2.

Харлашов Б.Н., 1994. Некоторые итоги раскопок в Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2.

Шитов В.Н., 1983. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9611.

Шитов В.Н., 1986. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11381.

Arbman H., 1940. Birka I: Die Graber. Tafeln. Uppsala.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. Luistari, I, II. Helsinki.

Magi-Lougas M., 1995. Eesti viikingiaegsed kaevorud ja nende ornament // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte: Muinasaja teadus 3. Tallinn.

Thunmark-Nulén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. II: Typentafeln.

Стеклянные бусы Семеновского I и Измерского I селищ*

Семеновское I и Измерское I селища расположены на левом берегу Волги в районе камского устья, северо-западнее современного села Измери. После создания Куйбышевского водохранилища памятники подвергаются интенсивному затоплению и разрушению, потому большая часть их коллекций является подъемным материалом, собранным в береговых размывах и на отмелях во время спада воды.

Исследование памятников низовий Камы с начала 60-х годов XX в. ведется Раннеболгарской археологической экспедицией под руководством Е.П. Казакова. Результаты полевых работ нашли отражение во многих публикациях, исследованы монографически (Казаков, 1991). В этих работах определен характер памятников как торгово-ремесленных поселений ранней Волжской Булгарии на Волго-Балтийском пути.

Стеклянные бусы Семеновского I (1346 экз.) и Измерского I (395 экз.) селищ хранятся в фондах Национального центра археологических исследований ИИ АН РТ, Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника, Археологического музея Казанского государственного университета и в частных коллекциях, содержащих большую часть материалов и недоступных исследователям.

Бусы систематизированы на основе технологического принципа, предложенного З.А. Львовой (1968) и классификации бус Болгара, выполненной М.Д. Полубояриновой (1988).

Почти 90% бус Семеновского I селища сделаны серийно из тянутой стеклянной трубочки. В эту группу входят следующие типы: бисер, ребристые (в поперечном сечении розетка), собственно лимонки и многочастные лимоновидные бусы. Бисер рубленый из непрозрачной трубочки в количестве 117 экземпляров (8,4%) представлен желтым (98 экз.), голубым (13 экз.) и зеленым (6 экз.).

Ребристых или продольно-рифленых крупных бус найдено всего шесть – по два экземпляра боченковидных желтых непрозрачных (рис. XLVII) и лимоновидных – синих полупрозрачных (рис. XLVII, 48) и бесцветных прозрачных (рис. XLVII, 49). Этот тип бус представлен достаточно широко гео-

графически и узко хронологически. В Старой Ладогe крупные продольно-рифленые из прозрачного бесцветного и ярко-голубого стекла бусы впервые появляются на уровне построек горизонта Д (Львова, 1968. С. 88–89). Бесцветная ребристая бусина, аналогичная семеновским, была обнаружена в 2002 г. на Земляном городище Старой Ладоги в слое X вв.¹ В Новгороде подобные бусы найдены в слое X–XI вв. (Шапова, 1956. С. 176, табл. II, 8, 10). Ю. Каллмер желтые непрозрачные и бесцветные прозрачные ребристые бусы в Скандинавии и Балтийском регионе датирует последней третью X в. (Callmer, 1997. Pl. 18, B). В Танкеевском могильнике известно 17 крупных ребристых бус бесцветных, синих, коричневых, желтых (Казаков, 1971. Табл. XXII, рис. 37–39). С Измерского I селища происходит одна бусина, в Болгаре найдено 32 ребристых бусины (Полубояринова, 1988. С. 155). Такие бусы присутствуют в Гнездове в комплексах второй половины X – начала XI в. (Лихтер, Шапова, 1991. Рис. 1а, б, 10), на поселении Крутик IX–X вв. (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 115, рис. 50, 21, 22, 39), в Казахстанском Прииртышье, в погребениях X в. могильника у села Зевакино (Арсланова, 1998. Рис. 1, 9).

Преобладающим типом первой группы бус, а значит всей коллекции, выступают желтые одинарные лимонки из двухслойного стекла (бесцветное полупрозрачное внутри и желтое непрозрачное снаружи) – 728 экземпляров, что составляет более 54% от всех бус памятника (рис. 1, 2). Одинарные полосатые лимонки насчитывают 55 экземпляров, или около 4%. Этот вид отличается от предыдущего дополнительным украшением поверхности продольными красно-коричневыми полосками, иногда с добавлением черных или темно-зеленых (рис. XLVII, 8). Лимоновидные многочастные или сегментовидные бусы составляют 206 экз. (чуть более 15%), в том числе 190 бус желтых многочастных. Из них только восемь более крупных бус выполнены из двухслойного стекла. Проводить подсчет лимоновидных бус по количеству сегментов не представляется целесообразным, так как они в основном разбиты (рис. 1, 1), можно лишь предположить, что двух- и трехчастные образцы составляют большинство и совсем редки-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 05-01-01380а).

¹ Благодарю А.Н. Кирпичникова за предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

ми являются семичастные. Синих многочастных бус в коллекции семь экземпляров, и одна из них состоит из десяти сегментов. Стекло этих бус отличается блеклым, неярким цветом. Еще семь синих двухчастных бус были украшены белыми продольными полосками (Казаков, 1991. С. 147, рис. 47, 44). По Ю. Каллмеру такие бусы (Е 064) датируются 960–980-ми годами (возможно 950–960 гг.) и более поздним временем (Callmer, 1977. Р. 89). Серебро-стеклянные двухчастные бусины найдены всего две (Казаков, 1991. С. 146, рис. 47, 39) и одна “золото-стеклянная” двухчастная лимоновидная – с серебряной прокладкой и желтым прозрачным поверхностным стеклом.

Достаточно представительны в материалах памятника бусы с выпуклыми глазками в овалах или петлях зонной (38 экз.) и цилиндрической формы (1 экз.), крупные – диаметром 10–17 мм, черные, в тонком сколе, стекло бус прозрачное, густого марганцевого или зеленого цвета. Овалы белые, бирюзовые, красные и желтые, глазки реснитчатые или концентрические красно-бело-черные, красно-бело-бирюзовые или одноцветные – желтые, бирюзовые, красные (рис. XLVII, 28–30, 32–46). Одна зонная красная непрозрачная бусина с серозелеными овалами не имела глазков (рис. XLVII, 31). Самое большое число этих бус в болгарских памятниках отмечено в Болгаре – 41 экз. (Полубояринова, 1988. С. 157; 2006. С. 155), в Измерях – 3 экземпляра, в Больше-Тиганском могильнике, на Лаишевском селище и в Муромском городке – по одному экземпляру (Казаков, 1991. С. 145, рис. 47, 83, 84; Валиулина, Руденко, 1991. С. 16; Кочкина, 2002. С. 14; Валиулина, 1996. С. 139, рис. 1, 38). В памятниках Восточной Европы бусы датируются X – началом XI в. (Шапова, 1956. С. 178; Фехнер, 1959. Прил. VI; Львова, 1968. С. 77; Голубева, Кочуркина, 1991. С. 115–116; Голдина, Королева, 1983. С. 64). В Старой Ладоге на Земляном городище в 2002 г. в слое X–XI вв. (Кирпичников, 2003. С. 80) было найдено более 2660 экземпляров стеклянных бус и бисера и только пять из них – черные бусы с глазками в овалах (одна целая и фрагменты)². Такие бусы известны на Северном Кавказе в Афрасиабе (Полубояринова, 1988. С. 158), в погребениях X в. Казахстанского Прииртышья (Арсланова, 1998. С. 107, рис. 1, 34).

К. Силаги, анализируя размещение бус в погребении 492 могильника Халимба Череш и погребении 34 могильника Кенезле-Фазикашзуг, пришла к выводу об использовании бус не только как традиционного украшения одежды, волос, но и в качестве амулета (Cilag, 1992. С. 107–109).

Ю. Каллмер бусы глазчатые в петлях (тип В 090), как и мозаичные, в скандинавских памятниках включает в одну хронологическую группу бус, бытовавших с 960 по 1000 г. (Callmer, 1977. Р. 85–86,

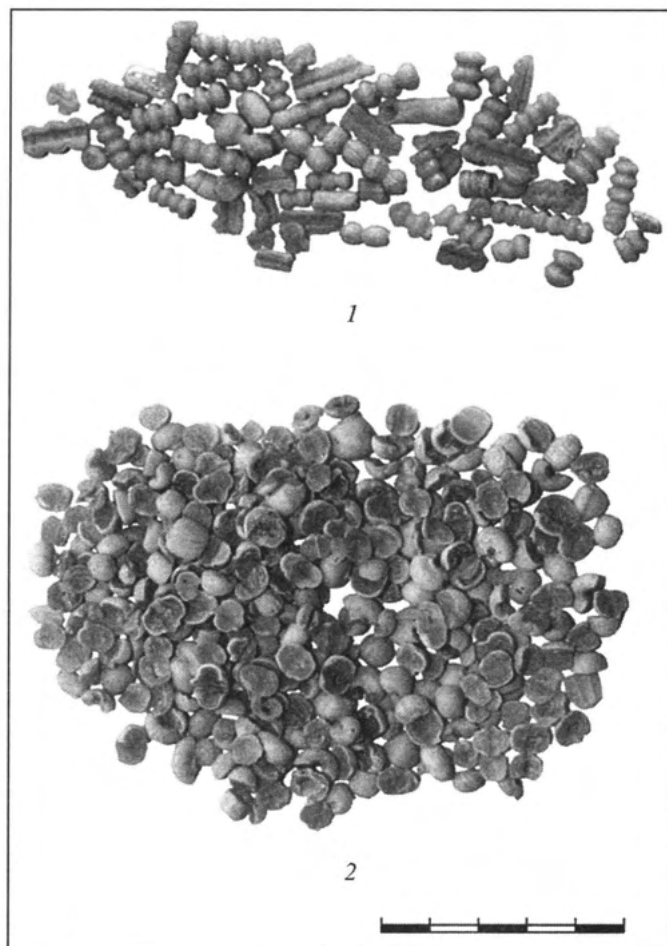

Рис. 1. Двуслойные лимонки селища Семеновское 1

Col. pl. I) или с середины по последнюю треть X в. (Callmer, 1997. Pl. 18, A 7–9, B 12). По мнению исследователей, эти бусы являются ближневосточным импортом (Шапова, 1972. Рис. 33, 15; Callmer, 1977; Полубояринова, 1988. С. 158).

Судя по материалам погребальных комплексов такие бусы в ожерельях представлены – одним-четырьмя экземплярами (Hanuliak, 1993. Obr. 15, 17; Kivikoski, 1973. Col. pl. II, 5), есть наблюдения, что в детских погребениях в Моравии их процент выше, чем во взрослых (Hanuliak, Rejholcova, 1999. Р. 63).

Бусы выполнены из натриевого золистого стекла (Dekowna, 1980. S. 109, tab. 20, № 1056; Музуревич, 1965. С. 76, прил. II, ан. № 267, 14, 268, 22; Szilagui, Nagy-Balogh, Solumos, 1995. Р. 86, Tab. I). Достаточно высокое содержание соединений алюминия и магния в их составе обеспечивает этим бусам высокую химическую устойчивость, они всегда сохраняют яркость декора и блестящую поверхность, лишенную патины. Красителями основы бус выступает марганец (лиловый или марганцевый цвет в тонком сколе) или железо (густой оливковый цвет), цвет декора обеспечен прежде всего соединениями меди, олова, свинца, марганца и железа. Принципиально отличается состав бус верхневолжских памятников (Олейников, Олейникова, 1994. Рис. 1, 3. Табл. 1, 51–59).

² Благодарю А.Н. Кирпичникова за предоставленную возможность ознакомиться с материалом раскопок.

Родственным видом, отличающимся размерами и декором, являются крупные зонные бусы – 2 экземпляра высотой до трех сантиметров из черного стекла, белые нити на поверхности образуют не овалы, а крупные ромбы, слегка выпуклые красно-желто-зеленые реснитчатые глазки в одном случае расположены в ромбах (Казаков, 1991. Рис. 47, 75), у второй бусины и в ромбах, и в каждом треугольнике вокруг обоих отверстий. Подобная бусина найдена на II Рюриковом городище, где входит в раннюю группу изделий конца I тыс. н.э. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 62, табл. VIII, 58). Похожая бусина, темно-синяя с концентрическими бело-голубыми глазками, происходит из погребения 967 могильника Бирки (Callmer, 1977. P. 31, Pl. 11, Col. pl. II, B 450). У бусины из израильского музея кроме концентрических сине-желто-красных слегка выпуклых глазков в ромбах и треугольниках в местах пересечения нитей дополнительно посажены выпуклые желтые пятна (Spaer, 1993. Pl. 9, 132), как у бусины из Болгара (Полубояринова, 1988. С. 158), и бусины-подвески из Белоозера (Голубева, 1973. Рис. 65, 20).

Среди семеновских глазчатых бус обращают на себя внимание средние подцилиндрические, короткие, непрозрачные бусы, украшенные кусочками – глыбками стекла, отличного от цвета основы, “глазки” слабо оплавлены (рис. XLVII, 19–27). По цветовым сочетаниям выделяются: зеленые с желтыми или белыми глазками – 21 экземпляр (рис. XLVII, 19, 20, 24, 26); желтые с бирюзовыми, печеночно-красными непрозрачными, марганцевыми полупрозрачными глазками – 17 экземпляров (рис. XLVII, 21, 23) или двухслойными марганцево-белыми глазками – 3 экземпляра (рис. XLVII, 27). Две таких бусины найдены на Измерском I селище (рис. XLVIII, 14).

Такие бусы неизвестны на других болгарских памятниках, они напоминают более аккуратные бусы с реснитчатыми выпуклыми глазками из Новгорода середины X в. и других древнерусских памятников X – начала XI в. (Шапова, 1956. С. 178; Львова, 1968. С. 78; Путь из варяг..., 1976. С. 44, № 75) и особенно близки бусам из могильников Финляндии – Куузела, Луистари и Кьюло (погр. 39) последней четверти X – первой четверти XI в. (Kivikoski, 1973. Taf. 92, Abb. 822 1/1; Gleve, 1978. Pl. 1, 12; Lehtosalo-Hilander, 2000. P. 240, pl. 8; p. 245, pl. 13). Несколько желтых цилиндрических и деформированных бус с декором из накладных кусочков стекла обнаружены спекшимися попарно (рис. XLVII, 22). Подобные бусы присутствуют в материалах могильника Луистари (Lehtosalo-Hilander, 2000. P. 245, pl. 13, G. 520.3).

Традиционные глазчатые бусы представлены средними цилиндрическими бирюзовыми непрозрачными с красно-бело-желтыми гладкими глазками – 2 экземпляра (рис. XLVII, 9, 10) и зонными печеночно-красными с желтыми глазками – 8 экземпляров (рис. XLVII, 18); одной белой с черно-

белым глазком в желто-красных ресничках; печеночно-красные средние с черно-белыми гладкими глазками – 2 экземпляра (рис. XLVII, 15, 16); желтые, крупные, с красно-белыми гладкими глазками – 3 экземпляра (рис. XLVII, 12); зеленые с красно-бело-черными и желто-бело-черными реснитчатыми выпуклыми глазками – 3 экземпляра (рис. XLVII, 11, 13, 14).

В группу мозаичных бус входят призматические, восьмигранные с пирамидальными концами 15 × 13 мм, выполненные из одного или нескольких полихромных стерженьков-палочек. Черно-белые стеклянные палочки были установлены в форму, засыпаны стеклянным порошком, который обеспечил основной фон декора бус, и подверглись спеканию в печи. Затем, еще неостывшие бусы получили окончательную форму прессованием на плоскости. Бусы имеют матовую поверхность и зернистую структуру фонового стекла, что говорит об их изготовлении из спекшегося, но не до конца сплавленного порошка (Алексеева, 1971. С. 181–182; Львова, 1980. С. 77). На Семеновском I селище найдено шесть таких бус, в Измерях одна (рис. XLVIII, 24). Бусы имеют аналогии в Гнёздове, Ярославских могильниках и памятниках Финляндии – Кьюло, Луистари (Kivikoski, 1973. Abb. 822, 1/1, Taf. 92; Cleve, 1978. P. 129–130, pl. 12), бусы датируются X – началом XI в.

С Семеновского I селища происходит одна крупная мозаичная бусина цилиндрической формы (рис. XLVII, 17). Бусина выполнена спеканием полихромных стерженьков-палочек, которые создают на красно-зеленом фоне орнамент из черно-бело-красно-желтых реснитчатых глазков. Такие бусы – тип В 696 по Ю. Каллмеру в памятниках Скандинавии датируются 960–1000 гг. (Callmer, 1977, Col. pl. III).

В коллекции присутствует одна шаровидная крупная черная бусина с бело-красным концентрическим декором (рис. XLVII, 28). Такие бусы имеются в музеях Ближнего Востока (Spaer, 1993. Pl. 14, 184). Похожие по оформлению эллипсоидные бусы известны в Биляре (Валиулина, 2005. Рис. 29, 27) и на Муромском городке (Кочкина, 2002. С. 14). Эти бусы характерны для XI в.

Среди мозаичных особую группу составляют крупные лимоновидные двухчастные или одинарные бусы – 39 экземпляров. Бусы имеют тянутую структуру, иногда с легким вращением и полосатую или пеструю расцветку, в которой преобладают пятна, крошки, угадываются деформированные глазки, преимущественно желто-черного или желто-зелено-бело-черного цвета. Материалом им служили полуфабрикаты или отходы производства – бесформенные кусочки разного размера, очевидно бой бус цилиндрических глазчатых и собственно мозаичных. Бусы выполнены спеканием вокруг инструмента, этого исходного материала, после чего полученную пеструю трубочку перехва-

тывали щипцами, образуя двухчастную бусину, или перехватывали и откалывали одну часть для получения одинарной. Бусы не выдержаны по форме, не симметричны (рис. XLVII, 50–52), скол обнаруживает неоднородную структуру, многочисленные каверны. Такая характеристика рассмотренного вида бус позволяет предположить, что мастер-“авангардист” был новичком в бусинном ремесле и не владел необходимыми технологическими навыками. Этим бусам трудно найти аналогии, кроме некоторых фрагментарно сохранившихся бус из раннего Белоозера (Захаров, 2004. С. 153, рис. 318, 3–6) и бусины из погребения 377 могильника Луистари в Финляндии. Пожалуй, самое близкое сходство они обнаруживают с “округло-приплюснутыми” бусами из могильника IX–X вв. у с. Выдриха в Казахском Прииртышье (Арсланова, 1998. С. 102, рис. 2, 12, 17). Бусинный материал памятника был исследован З.А. Львовой. Описание бус из с. Выдрихи выявляет большую близость их с семеновскими: “элементы структуры в виде бесформенных полосатых желтых и черных кусочков продольно растянуты и прерываются у концов отверстия. Канал отверстия расширяется в середине. В аналогичной манере, но из других заготовок, исполнены бусы в Старой Ладоге, обнаруженные в слоях 2-й половины IX в. Земляного городища” (Арсланова, 1998. С. 107). В семеновской коллекции есть несколько крупных желтых двухчастных лимоновидных бусин, которые по размерам и технике исполнения аналогичны мозаичным.

Только две бусины в составе семеновской коллекции выполнены из слоеного стекла – средние плоские, неправильной каплевидной формы, черные с поперечными серыми полосками, отверстие проколото в более узкой части (рис. XLVII, 53).

Коллекция Измерского I селища отличается от семеновской уже количественно (395 экз.), большая часть бус выполнена навивкой стеклянной массы вокруг стержня (85,8%). Бусы, сделанные из тянутой и навитой стеклянной трубочки и тянутой палочки, насчитывают 56 экземпляров. В эту группу входят прежде всего лимонки – 11 экземпляров (рис. XLVIII, 1), лимоновидные многочастные желтые – 24 экземпляра и синие – 2 экземпляра, крупные лимоновидные двухчастные семеновского облика – 10 экземпляров (рис. XLVIII, 2, 3), одна крупная ребристая, аналогичная ребристым семеновским бусам, цилиндрические с глазками-глыбками – 2 экземпляра, зонные с глазками в петлях – 3 экземпляра (рис. XLVIII, 19). Мозаичных бус найдено три: миллефиори призматическая восьмигранная с пирамидальными концами (рис. XLVIII, 24), крупная эллипсоидная (рис. XLVIII, 15). Прессованием на плоскости окончательно оформлена средняя призматическая четырехгранная бусина с углами, уплощенными вокруг отверстий, выполненная из непрозрачного желто-красного стекла (рис. XLVIII, 23). Такие бусы большим числом

представлены в ожерелье погребения 56 могильника Луистари (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. Col. pl. III. 9).

Большую часть коллекции составляют: бисер округлый, выполненный навивкой, желтый – 67 экземпляров и зеленый – 14 экземпляров, зонные и кольцевидные мелкие и средние бусы (рис. XLVIII, 9, 10, 12), две из них с накладным орнаментом (рис. XLVIII, 13), зонные глазчатые – 27 экземпляров (рис. XLVIII, 20–22), битрапецеидные, средние, с отношением высоты к диаметру 1 : 2 – полупрозрачные синие – 3 экземпляра и одна желтая (рис. XLVIII, 11).

Две бусины – эллипсоидная и округло-призматическая черные со спиральным узором, выполненным накладными нитями белого стекла, дополнительно “вздернутыми”, призматическая – дважды (рис. XLVIII, 26), эллипсоидная – в четыре приема, с легким продольным давлением, отчего бусина приобрела мягкий рельеф (рис. XLVIII, 25), этот тип орнаментации, известный с древности, получил название “птичье перо”. Такие бусы не являются частой находкой, известны в Венгрии, в погребении 118 могильника Сарретудвари-Хизофольд X–XII вв. (*Ibolya*, 2002. P. 278), несколько экземпляров из средневековой Кесарии имеются в собрании Гамбургского музея, но лишены определенной хронологической привязки (*Engle*, 1990. P. 18, 96, Fig. 27), как и бусы из израильского музея (*Spaer*, 1993. Pl. 13, 153, 154).

Навивкой выполнены также ребристые, кольцевидные, средние бусы, образующие в поперечном сечении розетку из полупрозрачного стекла желтого цвета – 3 экземпляра (рис. XLVIII, 17). Две ребристые зеленые бусины происходят из домонгольского Биляра, в Болгаре такие бусы найдены в золотоордынском слое (*Полубояринова*, 1988. С. 169), единичные находки известны в Джукетау. Во многих древнерусских памятниках бусы датируются X – началом XIII в. (*Фехнер*, 1959. С. 170), в Новгороде присутствуют со второй половины XI по первую половину XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 168), в Саркеле появляются с X в. (*Львова*, 1959. С. 327), в памятниках Скандинавии датируются XI в. (*Callmer*, 1997. Pl. 18, C7).

В количестве 26 экземпляров найдены цилиндрические, бугристые или ягодовидные средние бусы (диаметр 8 мм), 22 светло-зеленые прозрачные, 3 – желтые прозрачные, 1 – черная, на поверхности бус вертикальные ребра дополнительно разделены на горизонтальные ряды. Бусы отличаются очень широкий канал и относительно тонкие стенки (рис. XLVIII, 16). Кроме Измерского I селища, такие бусы в небольшом числе присутствуют на Лаишевском и Мурзихинском селищах, один экземпляр – в Биляре. Происхождение этих бус в литературе прочно связывается с византийскими мастерскими (*Callmer*, 1997. Taf. 18, C6; *Щанова*, 1998. Рис. 21, 9). Бугристые бусы из Измерь и Биляра выполнены из свинцово-кремнеземного стекла (табл., ан. 21; *Валиулина*, 2005. Табл. VI, ан. 27),

как и подобная бусина из Щецина, датированная первой половиной XI в. (*Dekóvna*, 1980. Tab. 91, № 380/68). М.В. Фехнер датировала бусы в пределах X – начала XII в. (*Фехнер*, 1959. Рис. 5–11, прил. V). Временем обретения родины и ранних Арпадов датируются бусы из венгерского могильника Кабая на территории современной Словакии (*Nevizánszky*, 1996. S. 277, VI. Taf. 2). В Словакии же, в могильнике Малы Коши, в погребении № 360 ожерелье из таких бус, как и весь комплекс, датируется нумизматическим материалом второй половиной XI в. (*Hanuliak*, 1994. S. 44). Небольшое ожерелье из светло-зеленых бугристых и боченковидных золотостеклянных бус найдено в Суздале. Большим числом представлены бугристые бусы в Гочевских и Горнальских курганах (*Моця, Халиков*, 1997. С. 124, 132–133, рис. 56, 7). Одна подобная бусина была найдена на Рождественском VI селище в устье реки Меша (сборы М.Б. Шигапова). Чуть позже там же была поднята серебряная монета Генриха III Саксонского 1046–1056 гг. По мнению большинства исследователей, бугристые или яagodovidnye бусы не выходят за рамки XI в. (*Савельева*, 1987. С. 149, рис. 34–75; *Казаков*, 1991. С. 148, рис. 47, 23, *Седова*, 1997. С. 185, рис. 71, 13; *Захаров*, 2004. С. 45–46).

Самым характерным измерским типом являются треугольные в поперечном сечении бусы, мелкие и средние, чаще всего зонные, которые приобрели треугольную форму за счет трех расположенных на равном расстоянии выпуклых глазков. Эти бусы византийского происхождения (*Шапова*, 1998. С. 153) известны от Западной Европы до Малайзии (*Lamb*, 1966. P. 91, fig. 27).

В Европе перечень памятников и территорий, где зафиксированы находки треугольных бус, очерчивает достаточно широкий ареал от Рейна до Средней Волги и от низовьев Дуная и Приазовья до Прибалтики (*Валиулина*, 2005. С. 100–103). Время бытования бус, исходя из хронологии памятников, укладывается в период с IX в. до середины XII в. Причем, на западе ареала, в памятниках Центральной Европы бусы появляются раньше, особенно заметными становятся с X в. и постепенно “убывают” в конце XI столетия и позднее (*Krumhantzlova*, 1965. С. 176).

На востоке, в Волжском бассейне бусы появляются в XI в., ближе к середине столетия. С Измерского селища происходит наибольшее количество треугольных бус в Поволжье, они составляют здесь 34,3% от всех стеклянных бус (*Валиулина*, 2000. С. 57). В других болгарских памятниках – Болгаре (*Полубояринова*, 1988. С. 178), Джукетау, Лаишевском и Мурзихинском селищах, Биляре находки единичны.

Количественным спектральным анализом установлен химический состав треугольных бус Биляра, Измерского, Лаишевского, Мурзихинского селищ, Выжумского III могильника (табл., ан. 19, 21–23; *Валиулина*, 2005. Табл. VI, ан. 35–39), бусы

всех памятников выполнены из свинцово-кремнеземного стекла, причем оба стеклообразующие элемента присутствуют примерно в равных количествах. Тот же состав, с таким же соотношением элементов демонстрируют бусы из кургана № 26 у д. Кирьяново в Ярославской области (*Безбородов*, 1959. С. 231, табл. III, ан. 225), из Колобжега в Польше (*Шапова*, 1998. С. 152), памятников Латвии (*Мугуревич*, 1965. С. 76, табл. XI, 55 № 267, 16, 268, 2, 268, 21). К сожалению, неизвестен состав треугольных бус Подунавья. Результаты анализов различных бус из могильника VIII–X вв. в Боровче (Словакия) показывают, что из свинцово-кремнеземного стекла двойной шихты было выполнено довольно большое число бус (*Staššikova-Štukovská, Plško*, 1997. S. 269–271, tab. 4–7, 8), т.е. этот рецепт был хорошо известен в регионе. На возможность производства свинцово-кремнеземного стекла и изделий из него косвенно указывает наличие сырьевых источников Подунавья, прежде всего богатых свинцово-оловянных и меднорудных месторождений. Широкое использование оловянных бронз в Великой Моравии и аварами, по мнению Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой, может свидетельствовать о разработках этих месторождений и в X–XI вв. (*Ениосова, Сарачева*, 2005. С. 14). В это время торговые пути связывали регион Подунавья с Киевом, а из Киева, в свою очередь, активно действовал сухопутный путь в Болгар. Возможно этим путем поступали на Среднюю Волгу византийские товары, в том числе бусы. Промежуточными пунктами такой торговли могут рассматриваться Горнальский и Гочевский комплексы памятников – узловые центры пути Болгар – Киев, где выразительно представлены, в частности, треугольные и бугристые стеклянные бусы (*Моця, Халиков*, 1997. С. 132–133). Учитывая полное сходство по морфологическим и технологическим признакам треугольных бус в пределах всего очерченного ареала памятников, в основном Центральной и Восточной Европы, можно предположить, что такие бусы в Паннонии, Чехии и Словакии были выполнены также из свинцово-кремнеземного стекла. Единство морфологии, технологии и химического состава может свидетельствовать о едином центре производства треугольных бус.

На карте находок выразительно выступают области наибольшей концентрации треугольных бус. Это 1) Чехия и Словакия, 2) Прибалтика с Ладогой, 3) Белоозеро и 4) район Камского устья на Средней Волге. Все названные территории являются ключевыми пунктами в международной торговле, поэтому присутствие в них схожего материала закономерно и естественно. Два региона в этом ареале выделяются особенно большой плотностью находок – это Моравия и Камское устье. Эти центры отличает и значительный общий ремесленный потенциал. Возможность производства стеклянных бус в раннесредневековой Моравии давно обосновывалась в археологической литературе

(Chropovsky, 1962. S. 215; Krumhantzlova, 1965. S. 176). Если такое предположение допустить, то одним из центров производства треугольных бус выступает Моравия, где в продолжение поздне римских и в рамках византийских традиций в X в. могло начаться изготовление в числе прочих и треугольных бус. Продукция нового центра быстро была вовлечена в товарооборот европейской торговли и оказалась еще одним маркером международных торговых, культурных, ремесленных связей Центральной и Восточной Европы. Чуть позже в рамках единой европейской торговой системы силами приезжих мастеров, на привозных полуфабрикатах могло возникнуть “дочернее” производство в Измерях. Здесь, треугольные и близкие им бусы, представлены несколькими видами одного химического состава: кроме зонных и кольцевидных коричневых непрозрачных с тремя желто-зелеными глазками, присутствуют коричневые и зеленые с желтыми глазками, темно-коричневые с глазками, коричневые и желтые без глазков, желтый и зеленый бисер – все эти бусы в сумме составляют 78,8% от всего количества стеклянных бус.

Химический состав бус Семеновского I и Измерского I селищ был установлен количественным эмиссионным спектральным анализом в Лаборатории спектрального анализа ЦНИИ геолнеруд (г. Казань) ст. научным сотрудником, кандидатом физ.-мат. наук Р.Х. Храмченковой по эталонам, подобранным В.А. Галибиным и А.Н. Егорьевым, и эталонам В, Д из Corning Museum of Glass, а также используя лабораторные стандартные образцы. Было проанализировано 15 бус Семеновского I селища, в том числе у одной бусины зонной черной с желтыми глазками исследованы отдельно глазок (на основные элементы) и основа (табл., ан. 9, 10) и пять бус Измерского I селища, одна треугольная коричневая бусина анализировалась дважды – дополнительно химическим “мокрым” методом на основные элементы (табл., ан. 22, 23). Кроме того, приведены данные анализов двух зонных черных глазчатых в петлях бус из Болгара и Больше-Тиганского могильника (табл., ан. 17, 18).

Представленная выборка безусловно мала для полноценной характеристики химического состава стекла бус обоих памятников. Тем не менее она выразительно отражает основные тенденции этой характеристики, которые, в свою очередь, согласуются с данными технологии и морфологии бусинного материала, что позволяет более уверенно определить время и происхождение коллекций. Анализом установлено, что все исследованные бусы Семеновского I селища были выполнены из стекла, сваренного с использованием щелочного натриевого золистого сырья. По содержанию в нем основных стеклообразующих элементов, стекло бус представлено двумя классами: Na-Ca-Si и Na-Pb-Si. Класс Na-Ca-Si, тип Na-K-Ca-Mg-Al-Si оказался самым многочисленным (табл., ан. 4–8,

11–13, 15, 16). Такой состав имеют бусы – лимонка желтая (табл., ан. 6, 7, 8), боченковидные зеленые непрозрачные одноцветная и глазчатая (табл., ан. 2, 12), полосатая плоская из слоеного стекла (табл., ан. 9, 11), зонная светло-голубая глазчатая (табл., ан. 15), черная с реснитчатыми глазками в белых петлях (табл., ан. 5). Стекло бус сварено на золе растений галофитов – средние величины концентрации соединений натрия и калия составляют 13,38% и 4,53% соответственно, тип характеризует также высокое содержание магния (в среднем 4,6%) и алюминия (5,9%). Такой состав обеспечил высокую химическую устойчивость стекла, бусы лишены патины и иризации и сохранили первоначальную структуру и чистоту цвета. Основным красителем выступает свинец, глушителем – олово, осветлителем-стабилизатором – марганец. Особенно выразительно присутствие марганца – красителя в мозаичной бусине (3,78%) (табл., ан. 3) и в черной бусине с глазками в овалах из погребения начала X в. Больше-Тиганского могильника (6,01%). Интересно, что в этой бусине дополнительным красителем выступает железо (4,36%). Каждого из этих красителей хватило бы в отдельности для получения желаемого “черного” цвета. Сочетанием марганца и железа достигнут черный цвет и у бус с глазками в овалах из памятников X в. Польши (*Dekóna*, 1980. S. 109, Tab. 20, № 1056) и Венгрии (*Szilagyi, Nagy-Balogh, Solymos*, Tab. I, p. 86). Возможно, эта особенность характеризует начальный этап истории этих бус, во всяком случае подобные бусы из Семеновского I селища (табл., ан. 16) и из Болгара (табл., ан. 17) окрашены в черный цвет (оливковый в тонком слое) более рационально – только соединениями железа (1,04% и 1,77%).

Железом окрашена в черный цвет и полосатая бусина из слоеного стекла (табл., ан. 11). Окись меди окрашивает зеленую глазчатую бусину (табл., ан. 12) и полосы в полосатой лимонке (табл., ан. 4).

В рассмотренном типе бус органично присутствует, ничем не выделяясь по составу, крупная мозаичная лимоновидная бусина (табл., ан. 5). И это говорит о том, что семеновские бусы – “уродцы”, если не произведены со всеми бусами этого типа в одном центре, то точно из одного сырья.

Чуть особняком по составу состоит черная зонная бусина с желтыми глазками (табл., ан. 9, 10), сохраняя все особенности типа, она отличается малым процентом калия (1,82%, 1,94%), что отражает использование иного щелочного сырья – золу растений у морского побережья или морских водорослей. Также в рамках единой ремесленной традиции, но с вариациями, в данном случае в щелочно-земельном сырье сварено стекло мозаичной бусины (табл., ан. 3), соединения магния в ней составляют всего 1,38%. Только в этой бусине красителем выступает кобальт.

Второй химический класс семеновских бус из щелочного золистого свинцового стекла (Na-Pb-Si)

представлен двумя зонными желтыми непрозрачными бусинами одноцветной и глазчатой. В одноцветной свинец составляет 11,1%, олово – 5,19%, концентрация магния выше, чем кальция (5,95% и 4,69% соответственно), а глинозема очень мало (Al – 0,08%), отмечены микропримеси серебра и золота. Стекло бусины сварено на чистом кварцевом песке (табл., ан. 1). Желтая глазчатая бусина по своему составу, где свинец присутствует в качестве стеклообразующего элемента (25,87%), является одним из характерных на средневековом Востоке типов стекол.

В целом, все проанализированные бусы Семеновского I селища представляют собой продукцию ремесленных центров Восточного Средиземноморья.

Бусы Измерского I селища (табл., ан. 19–24), в отличие от семеновских, принадлежат двум ремесленным традициям. Зеленая цилиндрическая (табл., ан. 21) и черная зонная (табл., ан. 24) близки семеновским бусам и относятся к классу Na-Ca-Si, тип Na-K-Ca-Mg-Al-Si. Черная бусина окрашена железом, зеленая – окисью меди, свинца и заглушена оловом. Однако ведущей ремесленной традицией в измерских бусах выступает византийская. Устойчивый состав трех проанализированных бус (табл., ан. 19, 20, 23) и общее подавляющее количество этих типов в коллекции памятника позволяют сделать такой вывод. Эти бусы – зеленая бугристая (или ягодовидная) и треугольные с желтыми и желто-зелеными глазками сделаны из свинцово-кремнеземного стекла – класс Pb-Si.

Подводя итоги, прежде всего нужно отметить, что бусинные коллекции Семеновского I и Измерского I селищ представляют собой очень выразительные комплексы. Эта выразительность позволила при отсутствии стратиграфических ориентиров, исходя из технологической и морфологических характеристик, данных о химическом составе, и опираясь на широкий круг аналогий, определить их хронологические рамки бытования.

Все бусы Семеновского I селища выполнены из тянутой или навитой стеклянной трубочки и тянутой палочки, т.е. являются массовой продукцией специализированных мастерских. По химическому составу стекло семеновских бус относится к двум классам: Na-Ca-Si и Na-Pb-Si. В качестве щелочного сырья в обоих классах использована зола растений – галофитов. По основным стеклообразующим, красителям, микропримесям стекло бус соответствует ближневосточной традиции стеклоделия.

Круг аналогий отдельным типам бус чрезвычайно широк, для лимонок и лимоновидных многочастных бус он почти безграничен и обусловлен трансконтинентальными торговыми связями Евразии в X–XI вв. По ассортименту, составу и соотношению отдельных типов, семеновские бусы наиболее близки ранним бусам Болгара (*Полубояринова*, 1988), материалам древнейшего Белоозера (*Захаров*, 2004. С. 67–68, рис. 262), бусам из горизонта Д Старой Ладogi (*Львова*, 1968), ожерельям

из погребений последней четверти X – начала XI в. могильников Кьюло, Куузела и Луистари в Финляндии (*Cleve*, 1978; *Kivikoski*, 1973; *Lehtosalo-Hilander*, 1982), т.е. этот перечень составляют населенные пункты и регионы, которые являлись непосредственными партнерами в Волго-Балтийской торговле. Интересными оказались аналогии семеновским бусам в кимакских могильниках IX–X вв. Казахстанского Прииртышья, особенно важно, что лимоновидные, черные с глазками в петлях или овалах, крупные ребристые, мозаичные, слоенные и другие бусы сопровождалась “и кругло-приплюснутыми” – крупными двухчастными мозаичными лимоновидными бусами семеновского облика. Эти находки могут явиться подтверждением гипотезы Ф.Х. Арслановой и И.Л. Кызласова, которые рассматривая пути поступления ближневосточных бус в IX–X вв. к кимакам в Прииртышье, предполагали два направления (*Арсланова*, 1998. С. 103): первый (основной) – через Среднюю Азию и второй – “из страны славян в землю хазар (Поволжье), оттуда – в Башджурт (к башкирам ибн-Фадлана, т.е. в Южное Приуралье), затем к кимакам (Средний Иртыш) и далее, очевидно, через Алтай на Енисей” (*Кызласов*, 1984. С. 114–115). Если будет доказано семеновское производство грубо выполненных мозаичных лимоновидных бус, то можно предположить, что ближневосточные импорты на семеновской перевалочной базе дополняли местными изделиями, которые становятся маркером торговых маршрутов от Средней Волги не только далеко на северо-запад, но и на юго-восток.

По комплексу признаков семеновская коллекция стеклянных бус должна быть датирована последней четвертью X, возможно, самым началом XI в.

На настоящий момент всю коллекцию семеновских бус, с позиций составления или набора отдельных ожерелий, можно считать образцовой комбинацией по классификации наборов бус, предложенной Р. Андреа (*Andrea*, 1975. S. 103). Образцовая комбинация, составленная изготовителем или торговцем, представляет собой разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. Комбинация семеновских бус, очевидно, составлялась не изготовителем на месте, а торговцем-посредником в одном из перевалочных пунктов многоэтапной средневековой торговли. При этом нужно учитывать дальность пути и иерархию сбыта (*Мастыкова*, 1993. С. 15). Главным аргументом в пользу такого предположения выступает узкий ассортимент всего собрания и в том числе отсутствие в его составе таких типов бус, как золото- и серебростеклянных, малое число бисера. В то же время, оценивая ассортимент импорта, нужно учитывать вкусы, пристрастия и традиции местного населения. Бусинный материал Волжской Булгарии был прежде всего инструментом торговли. Неслучайно в болгарских памятниках вне торговых факторий ни по количеству, ни по составу нет

аналогий семеновской коллекции. Своеобразна цветовая гамма семеновских бус, доминирует желтый цвет. Особенностью и загадкой семеновской коллекции является большое число расколотых лимонок и лимоновидных многочастных бус (за исключением единиц – расколоты практически все). Во-первых, можно предположить, что это бой – отходы производства, намеренно привезенные из ближневосточных мастерских в качестве полуфабриката для рождающегося нового производственного центра, во-вторых – что это бой, отсортированный из многих партий товаров, проходивших по Волге, осевший на семеновском перевалочном пункте международной торговли, которому здесь частично могло быть найдено применение. Так или иначе, пока обе версии остаются в области предположения.

Коллекцию Измерского I селища определяют в большей степени типы бус, характерных для XI в., это прежде всего треугольные, бугристые, эллипсоидные или призматические черные с белым симметричным орнаментом, зонные непрозрачные с концентрическими глазками – все выполнены навивкой стеклянной массы вокруг стержня. Малым числом представлены архаичные типы: лимоновидные и мозаичные из тянутой стеклянной трубочки и тянутой палочки. Исходя из морфологической и технологической характеристики, данных о химическом составе стекла измерских бус, можно сделать вывод, что коллекцию составляют изделия, по меньшей мере, двух школ стеклоделия: ближневосточной и византийской, при явном преобладании последней. По классификации Р. Андреа, такое собрание может быть определено как основная комбинация, т.е. та, большую часть которой составляют синхронные бусы одного происхождения, но присутствуют и материалы другого производства. Измерское “ожерелье” было бы в полной мере классическим для XI в., если бы в него входили также синие белоромбические и золотостеклянные бусы. Такой набор известен на многих памятниках Центральной Европы и Древней Руси, например в Белозерье в погребениях XI в. могильников Нефедьевского и Минино III³. Особенно выразительно, в этой связи, ожерелье из погребения 17 Минино II. Однако на средневожских памятниках нет золотостеклянных и синих белоромбических бус, кроме одного экземпляра в Болгаре, (Полубояринова, 1988. С. 180, рис. 82, 41). Памятники Финляндии (Кьюло, Луистари), чьи комплексы конца X в., столь близки материалам Семеновского I селища, в погребениях XI в. представляют бусы, близкие измерским. Однако такой полноты аналогий, как в погребениях последней четверти X в., в памятниках XI в. нет. В то же время на связи со Средним Поволжьем указывают болгарские подражания арабским монетам, в составе

ожерелья погребения 56 Луистари и в 28 погребении Кьюло (Talvio, 2002. Р. 180, 188). В ожерельях из памятников Финляндии в XI в. отчетливо выступают свои особенности, здесь большим числом представлены синие вообще, и синие белоромбические бусы, например в том же погребении 56 в Луистари (Lehtosalo-Hilander, 1982. Col. pl. III, 9), отсутствуют треугольные (всего одна бусина в Луистари, п. 383) (Ranta, 1998. Р. 95, kuv. 3) и бугристые, мало золотостеклянных. По мнению Ю. Каллмера, после X в., бусы на территорию Финляндии поступали из Древней Руси и Подунавья (Callmer, 1997. Р. 201). Видимо, эти области-посредники в XI в. формировали бусинные наборы для следующего этапа в многоэтапной европейской торговле. С XI в. все поставки византийских товаров в Восточную Европу находятся под контролем Киевской Руси. Эти перемены нашли отражение в измерской коллекции – ее ассортимент намного уже предшествующего периода. Для населения Волжской Булгарии стеклянные бусы оставались, как и ранее, прежде всего денежным эквивалентом в меховой торговле и не стали традиционным украшением костюма (Валиулина, 2005. С. 118). В качестве примера можно привести материалы Кожаевского селища XI–XIV вв. (раскопки М.М. Кавеева)⁴, расположенного менее чем в шести километрах от берега Волги и Измерского I селища, здесь за семь полевых сезонов на площади 1500 кв. м. найдена всего 21 бусина.

Для обеспечения бесперебойной международной торговли, в Измерях могла возникнуть мастерская по производству треугольных бус и некоторых других типов (кольцевидных и зонных непрозрачных одного состава с треугольными).

В болгарских памятниках аналогии измерским бусам более всего заметны в Биляре, активно вступившим в международную торговлю в XI в.

Таким образом, два памятника, Семеновское I и Измерское I селища, и их бусинные коллекции выступают четкими индикаторами изменений в международной торговле Восточной Европы на рубеже X–XI вв.

Литература

- Алексеева Е.М., 1971. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н.э. – II в. н.э. // СА. № 4.
- Арсланова Ф.Х., 1998. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; Москва. Вып. 2.
- Безбородов М.А., 1959. Технология производства стеклянных бус в древности // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. Т. 2. (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Валиулина С.И., 1996. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников // Культуры евразийских степей второй половины I-го тысячелетия н.э. Самара.
- Валиулина С.И., 2000. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале

³ Благодарю Д.С. Захарова и И.Н. Кузину за возможность ознакомиться с материалом.

⁴ Благодарю М.М. Кавеева за возможность ознакомиться с материалом.

- XIII в. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб.
- Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Биллярского городища). Казань.
- Валиулина С.И., Руденко К.А., 1991. Стекланные бусы из Лаишевского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Голубева Л.А., 1973. Веси и славяне на Белом Озере, X–XIII вв. М.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991. Белозерская весь. Петрозаводск.
- Енисеева Н.В., Сарачева Т.Г., 2005. "От Греков золото... из Чех же, из Угорей серебро": (Пути поступления ювелирного сырья на Север и на Юг Древней Руси в IX–XI вв.) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Казиков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казиков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.
- Кирпичников А.Н., 2003. Ладога на международных торговых путях эпохи раннего средневековья: Новые археологические подтверждения // Великий Волжский путь: История формирования и культурное наследие. Казань.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.
- Кочкина А.Ф., 2002. Муромский городок: Путеводитель. Самара.
- Кызласов И.Л., 1984. Торговые пути и связи древнекаспийского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л., 1991. Гнездовские бусы: По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М.
- Львова З.А., 1959. Стекланные браслеты и бусы из Саркел-Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. М. Т. 1. (МИА; № 75).
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. 1: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л. Вып. 10.
- Львова З.А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла: (По материалам раннесредневековых стекланных украшений) // Археологический сборник. Л. Вып. 21.
- Мастыкова А.В., 1993. Стекло Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Моця А.П., Халиков А.Х., 1997. Булгар – Киев: Пути – связи – судьбы. Киев.
- Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб.
- Олейников О.М., Олейникова Т.И., 1994. К вопросу о происхождении некоторых типов верхневолжских стекланных бус // Тверской археологический сборник. Тверь.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.
- Полубояринова М.Д., 2006. Стеклоделательная мастерская XIV в. в г. Болгаре // РА. № 4.
- Путь из варяг в греки и из греков... Каталог выставки. М., 1996.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
- Синаев К., 1992. Намисто в Угорщині у IX–XI ст.: (уживання та торгівля) // Археологія. Київ. № 3.
- Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. Т. 2. (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Шапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
- Шапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Шапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло: Очерки истории. М.
- Andrea R., 1975. Mosaikaugenperlen: Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefioriglasperlen in Europa // Acta Præhistorica et Archaeologica. Berlin. N 4: 1973.
- Callmer J., 1977. Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia c. 800–1000 AD // Bonn; Lund.
- Callmer J., 1995. The influx of oriental beads into Europe during the 8th century A.D. // Glass beads: Cultural History, Technology, Experiment and Analogy. Lejre.
- Callmer J., 1997. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. AD 600–1100: a general outline // Archæologie, Techniken, Analysen. Bonn.
- Chropovsky B., 1962. Slovenské pohrebisko v Niyre na Lupke // Slovenská archeológia X-1.
- Cleve N., 1978. Skelettgravfalten på Kjulo i Kjølo. II Vikingetid och korstastid, gravfältet C. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XLIV, 2. Helsingfors.
- DeKowna M., 1980. Szkło w Europie wczesnosredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Engle A., 1990. The Ubiquitous Trade Bead. Jerusalem.
- Hanuliak M., 1993. Pohrebisko slovanskej populácie z 10. storočia v bucanoch // Slovenská Archeológia. XLI.
- Hanuliak M., 1994. Male Kosihe: Pohrebisko z 10.–11. storočia. Bratislava.
- Hanuliak M., Rejholcova M., 1999. Pohrebisko v Čakajovciach (9.–12. storočie): Vyhodnotenie. Bratislava.
- Ibolya N., 2002. Hajdu-Bihar medye 10–11. századi sírleletei. 1–2. Budapest; Debrecen.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finlands. Helsinki.
- Krumphanzlova Z., 1965. Skleněné perly doby hradištní v Čechách // Památky Archeologické. Praha. Ročník LVI, Číslo 1.
- Lamb A., 1966. Note on glass beads from the Malay Peninsula // JGS. Vol. VIII.
- Lehtosalo-Hilander P.L., 1982. Luistari. II. Helsinki.
- Lehtosalo-Hilander P.L., 2000. Luistari – A History of Weapons and Ornaments. IV. Helsinki.
- Nevezánszky G., 1996. Újabb adatok a mai Szlovákia honfoglalás kori településtörténetéhez // A Magyar honfoglalás korának régészeti emlékei. Miskolc.
- Ranta H., 1998. Helmet kouruna ja symbolina: Esimerkkinä Luistarin Anivehmanmaen ja Koylionsaaren kalmistoloydot: Lic. Phil. thesis, institute for Cultural Studies, Department of Archaeology, University of Helsinki. Helsinki.
- Spaer M., 1993. Ancient Glass in the Israel Museum Beads and other small objects. Jerusalem.
- Staššikova-Štukovská D., Plško A., 1997. Typologische und technologische Aspekte der Perlen aus dem frühmittelalterlichen Gräberfeld in Borovce // Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen. Bonn.
- Szilagui K., Nagy-Balogh J., Solumos K.G., 1995. Similar beads of Type 60 from ninth century Magna Hungaria and tenth century Hungary // Glass beads: Cultural History, Technology, Experiment and Analogy. Lejre. Vol. 2.
- Talvio T., 2002. Coins and coin finds in Finland AD 800–1200. ISKOS 12. Vammala.

Таблица. Результаты количественного эмиссионного спектрального анализа стеклянных бус болгарских памятников (%)*

№	Сни- мок	Наименование	CuO	MnO	PbO	SnO	TiO	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂
1	650-3	I С.с. желтая	0,01	0,38	11,1	5,19	0,09	0,17	4,69	0,04	0,08	3,87	5,95	10,72	57,44
2	650-4	I С.с. зеленая	0,01	1,92	0,02	0	0,14	0,73	8,97	0,07	7,18	5,8	4,78	15,14	54,93
3	650-5	I С.с. мозаичная	0,02	3,78	0,03	0,01	0,2	0,7	3,78	2,34	3,96	6,89	1,38	15,21	61,39
4	650-6	I С.с. полосатая лимонка	0,67	1,16	1,73	1,89	0,13	0,21	5,54	0,04	6,04	4,83	4,59	15,12	57,89
5	650-15	I С.с. мозаичная лимонка	0,04	1,42	2,95	2,48	0,11	0,43	7,71	0,32	7,56	4,84	5,1	12,38	54,6
6	650-16	I С.с. желтая многоочастная	0,01	1,67	2,18	1,72	0,14	0,48	5,88	0,57	4,75	3,74	4,91	15,84	57,82
7	650-20	I С.с. желтая многоочастная	0	2,21	3,35	2,68	0,13	0,36	8,85	0,11	6,33	4,34	4,8	14,41	52,31
8	702-4	I С.с. желтая лимонка	0	0,22	0,89	0,16	0,33	0,24	8,96	0,22	5,95	3,44	5,19	11,74	62,58
9	702-6	I С.с. желтая глазок	0	0,74	1,91	1,18	0,38	0,13	6,32	2,43	5,10	1,81	3,74	11,38	64,67
10	702-6а	I С.с. черная основа	0,01	0,09	0,01	0,01	0,3	0,16	4,94	6,58	5,11	1,93	4,08	9,94	66,71
11	702-13	I С.с. полосатая слоенная	0	0,02	0,02	0,01	0,53	0,32	4,34	1,40	5,10	4,35	3,06	10,66	70,01
12	702-21	I С.с. зеленая глазчатая	0,45	0,32	1,32	0,68	0,57	0,33	5,25	1,35	4,54	4,29	3,66	9,86	67,19
13	702-46	I С.с. полосатая лимонка	0,02	0,66	0,25	0,07	0,13	0,16	8,4	0,59	5,10	3,93	4,93	11,88	63,85
14	702-47	I С.с. желтая	0,01	0,7	25,9	2,3	0,25	0,18	8,93	0,46	5,48	4,47	4,42	10,51	36,34
15	702-48	I С.с. светло голубая глазчатая	0,02	0,19	0,25	1,17	0,3	0,4	9,17	0,38	5,67	4,35	4,59	16,16	57,34
16	702-55	I С.с. глазчатая в петлях	0	0,04	0,01	0	0,68	0,68	8,41	1,04	7,65	5,92	5,27	14,16	56,07
17	701-15	Болгар. глазчатая в петлях	0,41	0,12	0,54	1,82	0,64	1,41	5,92	3,59	5,18	3,33	3,53	15,32	58,17
18	700-11	Б. Тиганы глазчатая в петлях	0,01	6,01	0,05	0,02	0,51	0,72	7,65	4,3	4,64	4,34	3,18	10,51	57,89
19	650-2	I Изм. с.треугольная	4,87	0,01	58,5	1,28	0,11	0,05	0,17	1,79	2,64	0,26	0,05	0,16	29,96
20	650-13	I Изм.с. бутристая зеленая	0,36	0,01	58,5	1,58	0,03	0,08	0,14	0,01	0,23	0,18	0,01	0,21	38,52
21	650-14	I Изм.с.цилиндрическая зеленая	0,61	0,42	3,31	2,58	0,11	0,69	4,97	0,42	5,76	5,98	2,97	15,55	56,37
22	650-19	I Изм.с.треугольная	2,64	0,05	60,7	0,94	0,12	0,14	0,15	1,35	1,23	0,24	0,05	0,21	31,85
23	19а	I Изм.с.треугольная хим.	1,16	0,01	59,3	0,3	0,12	0,12	0,16	0,99	1,23	0,06	0,06	<0,01	30,61
24	702-45	I Изм.с. черная	0	0,12	0	0	0,66	0,42	8,19	3,22	6,14	2,844	5,78	13,82	58,74

* № 23 – результаты химического мокрого анализа.

Таблица. Результаты количественного эмиссионного спектрального анализа стеклянных бус болгарских памятников. Продолжение

№	Сни- мок	Наименование	Ag	As	Au	B	Ba	Be	Bi	Co	Cr	Ga	Li	Mo	Nb	Ni	Sb	Sc	Sr	V	Y	Yb	Zn	Zr
			-4	-2	-4	-3	-2	-4	-3	-3	-3	-3	-3	-4	-3	-3	-3	-3	-2	-3	-3	-4	-2	-2
1	650-3	И С.с. желтая	5,35	1,17	1,8	21,4	1,07	0,53	0,05	0,32	3,47	0,48	2,09	2,94	0,58	2,67	2,67	0,21	4,01	0,9	0,8	0,9	0,21	1,23
2	650-4	И С.с.зеленая	5,88	0,06		13,4	9,63	0,9	0,01	0,37	2,4	1,12	2,14	1,6	0,69	0,9	1,07	0,53	7,49	2,4	1,33	1,55	0,48	1,44
3	650-5	И С.с. мозаичная	0,64	0,18		11,2	1,87	0,64	0,01	1,12	13,4	1,07	5,08	5,61	0,9	5,35	1,81	0,96	2,94	5,88	2,67	1,87	0,74	2,67
4	650-6	И С.с. полосатая лимонка	3,21	0,01		6,95	4,81	0,9	0,12	0,53	1,83	0,8	1,87	1,87	0,64	1,17	1,87	0,48	9,09	2,67	2,15	1,28	0,1	0,96
5	650-15	И С.с. мозаичная лимонка	2,67	0,08		9,63	5,88	0,9	0,03	0,69	9,09	0,53	2,14	2,4	0,32	0,91	1,33	0,55	13,4	1,33	2,51	1,6	0,21	1,32
6	650-16	И С.с.желтая многочастная	5,35	0,48		21,4	2,94	0,42	0,06	0,74	9,09	1,17	2,4	2,14	0,74	3,74	1,87	0,53	5,35	1,6	1,23	1,17	0,21	2,4
7	650-20	И С.с.желтая многочастная	0,74	0,06		13,4	8,29	1,07	0,03	0,21	1,87	0,96	2,4	2,4	0,74	0,91	1,07	0,48	13,4	2,67	2,14	1,71	0,16	1,87
8	702-4	И С.с. желтая лимонка	0,11	0,15		8,7	5,65	1,45	0,54	0,55	2,55	0,53	2,6	3,5	0,37	0,6	1,25	0,3	14,5	3,3	2,55	1,6	0,27	1,15
10	702-6	И С.с. черная глазчатая	3,3	0,11		5,35	4,6	1,01	0,52	0,6	2,6	0,61	2,5	3,15	0,42	1,16	1,2	0,5	3,35	3,75	1,7	2	0,56	1,5
11	702-13	И С.с. полосатая слоеная	0,14	0,14		22	2,1	1,1	0,5	0,6	13	0,73	2,7	2,7	0,69	1,5	1,1	0,6	2,5	5,7	1,9	1,7	0,38	2,1
12	702-21	И С.с. зеленая глазчатая	7,5	1,59		13,6	2,7	1,1	1,45	2,97	18	0,74	2,7	1,55	0,64	3,7	4,45	0,75	3,6	5,15	2,5	3,05	0,48	1,85
13	702-46	И С.с. полосатая лимонка	0,63	0,17		5,45	5,15	1,4	0,62	0,45	2,7	0,72	2,6	6,25	0,35	0,74	1,65	0,25	15	2,5	1,55	1,45	0,35	1,4
14	702-47	И С.с.желтая	0,92	0,16		18	5,2	1,2	1,2	0,5	3,8	0,74	2,6	4,8	0,52	1,3	1,5	0,3	6,8	4,5	2,3	2,3	0,36	1,9
15	702-48	И С.с. светло-го- лубая глазчатая	2,9	0,17		18,5	4,7	1,45	0,74	2,22	4,05	0,73	2,85	7,5	0,44	1,005	1,65	0,45	17	3,35	2,15	2,15	0,43	1,12
16	702-55	И С.с. глазчатая в петлях	0,07	0,11		23,5	4,35	1,04	0,76	0,77	15,5	1,15	2,9	7,4	0,43	0,915	1,75	0,65	7,3	6,95	3,05	2,95	0,32	3,05
17	701-15	Болгар, глазча- тая в петлях	12,5	0,1		20	3	1,2	1,005	2,05	15	1,075	3,45	16,05	1,6	4,15	2,95	1,1	3,1	9,55	2	2,55	0,66	0,96
18	700-11	Б. Тиганы, глазчатая в петлях	4,1	1,63		6,45	4,4	1,85	0,03	1,6	20	0,63	3,25	28	0,77	4,85	1,5	0,3	7,15	17,5	2,2	2,65	0,35	3,15
19	650-2	И Изм. с. треугольная	128	0,21		0,74	1,87	0,57	3,21	0,42	0,85	0,32	1,33	0,64	0,42	3,74	2,4	0,32	0,9	2,14	1,07	0,9	32,1	0,42
20	650-13	И Изм.с. бурис- тая зеленая	12,8	0,69		1,17	0,64	0,21	1,01	0,16	0,26	0,1	1,87	0,64	0,51	1,62	4,01	0,14	0,42	0,64	0,53	0,64	0,21	0,21
21	650-14	И Изм.с. ци- линдрическая зеленая	29,4	0,26		21,4	3,47	0,64	1,87	0,37	2,94	1,17	1,87	2,11	0,53	4,54	9,09	0,58	5,88	1,6	1,87	1,44	0,37	0,53
22	650-19	И Изм. с. тре- угольная	40,1	0,42		1,49	0,8	0,42	13,37	0,55	1,6	0,42	1,87	0,8	0,53	4,28	2,67	0,37	0,42	1,6	1,17	1,54	14,98	1,07
24	702-45	И Изм.с. черная	0,07	0,12		24,5	3,7	1,15	0,68	0,97	27	1,01	2,7	3	0,33	2	1,2	0,8	6,3	6,9	2,65	3,05	0,295	3,05

Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Суздалем

Проведенные в 2001–2007 гг., разведочные работы в Суздальском Ополье выявили десятки новых сельских средневековых памятников. Основным материалом, характеризующим этот массив поселений, являются фрагменты керамических сосудов. Настоящая работа призвана продемонстрировать возможности керамических материалов для уточнения хронологических и культурных характеристик отдельных поселений на материалах поселения Вишенки 3.

Селище Вишенки 3, выявленное в 2002 г. в ходе работ Суздальской археологической экспедиции РАН под руководством Н.А. Макарова (площадь около 0,5 га), находится на водоразделе рек Ирмес и Каменка, в верховьях и на склонах неглубокого оврага недалеко от д. Вишенки Суздальского района. При проведении разведочных работ в силу высокой концентрации керамических материалов на селищах Суздальского Ополья, а также первостепенности хронологической и культурной характеристики памятника, при сборе подъемного материала в коллекцию вошли преимущественно верхние, профилированные части сосудов и орнаментированные фрагменты. Коллекция подъемного материала, собранная на селище, содержит 363 фрагмента круговых керамических сосудов. Среди них 297 фрагментов венчиков и 48 орнаментированных фрагментов (см. табл. 1). Столь обширная керамическая коллекция характерна для памятников Суздальского Ополья XII–XIII вв. Так, в ходе работ Суздальской экспедиции было обследовано свыше 60 памятников археологии этого времени – доля коллекций подъемного материала, содержащих более 100 фрагментов, составляет около 50%, около 30% этих памятников расположены на водоразделах.

По результатам обследований в 2003 г. в центральной части площадки для уточнения стратиграфии культурных напластований был заложен шурф площадью 16 м². При шурфовке учитывался весь обнаруженный материал, за исключением мелкого керамического боя (фрагменты площадью до 2 см²). Керамическая коллекция шурфа 2003 г. содержит 3329 определимых фрагментов круговых сосудов. В 2004 г. на селище исследовался раскоп площадью 88 м², куда частично вошел шурф 2003 г. Общая площадь раскопа составила 100 м². Керамический материал из раскопок также

полностью подвергался статистической обработке (табл. 1). Всего было выявлено 27 716 фрагментов керамических сосудов, среди них 17 148 определимых фрагментов.

Верхняя часть культурного слоя мощностью до 0,35 м подвергается интенсивной распашке, из этих напластований происходит свыше 75% всего определимого керамического материала (15 941 фрагментов). Ниже залегает непо потревоженный культурный слой со значительным количеством керамики (1026 фрагментов – около 5%), костей животных и пещины, мощностью до 0,1 м, отложившийся на темном почвенном горизонте, почти не содержащем находок антропогенного происхождения (478 – 23%). В раскопе выявлены борозды средневековой распашки, восемь ям – заглубленных частей хозяйственных построек, остатки печи (объект 2) и наземного сооружения – серия столбовых ям, неглубокая канавка (яма 13), а также глиняная платформа (объект 1). При проведении работ 2004 г. была доследована яма 1, выявленная в шурфе 2003 г. Помимо этого в шурфе 2003 г. была выявлена яма 2, не учтенная при нумерации ям в 2004 г. (Макаров и др., 2004. С. 169; Макаров, 2005. С. 184). На основании стратиграфической ситуации выявленные объекты можно отнести к двум строительным горизонтам. К первому, более раннему, относятся объекты 1, 2 и яма 8, яма 13, столбовые ямы 14–20, представляющие собой остатки наземной постройки с глиняным полом и печью (постройка 1 – всего выявлено 350 фрагментов). Ко второму, более позднему, горизонту относится серия ям от заглубленной части наземной постройки 2 (ямы 1, 6, 7 – 2192 фрагментов). К первому строительному горизонту также относится яма 2, частично исследованная шурфом 2003 г.: она прорезала почвенный горизонт и была перекрыта слоем глины, лежащей на нем. В заполнении ямы 2 было выявлено 23 фрагмента круговых сосудов. Ямы 3, 9–12 напрямую не соотносятся с отдельными строительными горизонтами (содержат соответственно 209, 941, 188, 21, 26 фрагментов), то же касается столбовых ям 23 (17 фрагментов) и 24 (1 фрагмент) (Макаров, 2004; 2005). Всего в раскопе собрано 21 050 фрагментов определимых круговых сосудов.

При обработке коллекции основой для классификации материала послужила керамическая шкала,

Таблица 1. Керамика из раскопок селища Вишенки 3 (см. рис. 1)

	Венчики		Стенки			Донца	Крышки	Всего
	XI–XIII вв.	XIII–XV вв.	орнамент	%	без орнам.			
Пахота	2506	26	5070	31,8	7460	877	2	15 941
Культурный слой	155	2	393	38,3	418	58		1026
Почвенный горизонт	116		167	34,9	171	24		478
печь	23		71	35,7	86	19		199
яма 8	28		24	32,9	18	3		73
яма 13			3	42,9	3	1		7
яма 17			6	85,7	1			7
яма 18	2		16	30,2	35			53
яма 19			4	57,1	2	1		7
яма 20	1				2	1		4
Постройка 1	54		124	35,4	147	25		350
яма 1	321		732	34,3	963	118	2	2136
яма 6	1		8	33,3	8	7		24
яма 7	6		13	46,4	9			28
яма 22					4			4
Постройка 2	328		753	34,4	984	125	2	2192
яма 2, шурф 2003	2		12	52,2	7	2		23
яма 3	40		77	36,8	80	11	1	209
яма 9	119		320	34,0	448	54		941
яма 10	41		75	39,9	67	5		188
яма 11	7		6	28,6	8			21
яма 12	2		13	50,0	11			26
яма 23	1		5	29,4	10	1		17
яма 24			1	100,0				1
Всего	3090	12	6968	33,1	9800	1175	5	21 050
подъемный материал	281	16	48	13,2	11	7		363
Всего	3371	28	7016	32,8	9811	1182	5	21 413

предложенная В.А. Лапшиным для древностей Суздаля (Лапшин, 1992. С. 92–93), также учитывались наблюдения, сделанные Е.К. Кадиевой на материалах г. Владимира (Кадиева, 1997; 2003). При выделении типо-хронологических групп керамики учитывались особенности фрагментов верхней трети сосудов. Было выделено 11 типов оформления, дополнительно разделенных на виды на основании особенностей оформления края венчика (см. рис. 2; табл. 2).

Весь массив керамического материала по уровню развития технологии можно разделить на две группы: раннегончарную посуду – РФК 1–3 (23 фрагмента, менее 1 % всего собранного материала) и сосуды, сформованные при помощи круга медленного вращения – РФК 4–7 (см.: Бобринский, 1978. С. 57–58). Основной рецепт формовочной массы керамики селища Вишенки 3 – красножгущиеся глины с примесью крупной дресвы, иногда песка; обжиг – окислительный (преобладает неполный, трехслойный); поверхность сосудов преимущественно хорошо обработана, единственный способ дополнительной обработки, выявленный для керамики данного памятника – орнаментация (всего 6968 фрагментов, что составляет 33% от общего числа найденных фрагментов).

В керамическом наборе селища Вишенки 3 представлена только одна категория сосудов – горшки,

помимо этого выявлено 5 фрагментов бортиков крышек и один фрагмент ручки сковороды.

Как сообщалось выше, на селище было найдено 23 фрагмента раннекруговой посуды (18 фрагментов стенок, 5 – венчиков). Все фрагменты сильно измельчены, большая часть (52%) происходит из нижней трети современного пахотного горизонта в южной части раскопа, где распашка почти полностью нарушила культурный слой. Помимо этого фрагменты встречены в центральной части раскопа в непотревоженном культурном слое (2 фрагмента) и в верхней части почвенного горизонта (7 фрагментов), ямах 3 и 9 (по 1 фрагменту). Следует отметить, что комплексов с раннекруговой керамикой в регионе известно немного: при изучении сельских памятников Суздальского Ополя отдельные фрагменты раннекруговых сосудов встречены в керамических сборах на 11 памятниках, наиболее крупная серия (фрагменты 18 сосудов (раскоп площадью 990 м²)) раннегончарной посуды происходит с селища Гнездилово 2 (Горюнова, Лапшин, 2004). Во всех случаях эта технологическая группа посуды представлена единичными фрагментами. В большинстве случаев в керамическом наборе также присутствует и лепная керамика. На основании аналогий, выявленных в северо-западных славянских районах, коллекция с селища Гнездилово 2 датируется В.М. Горюновой и В.А. Лапшиным XI в.

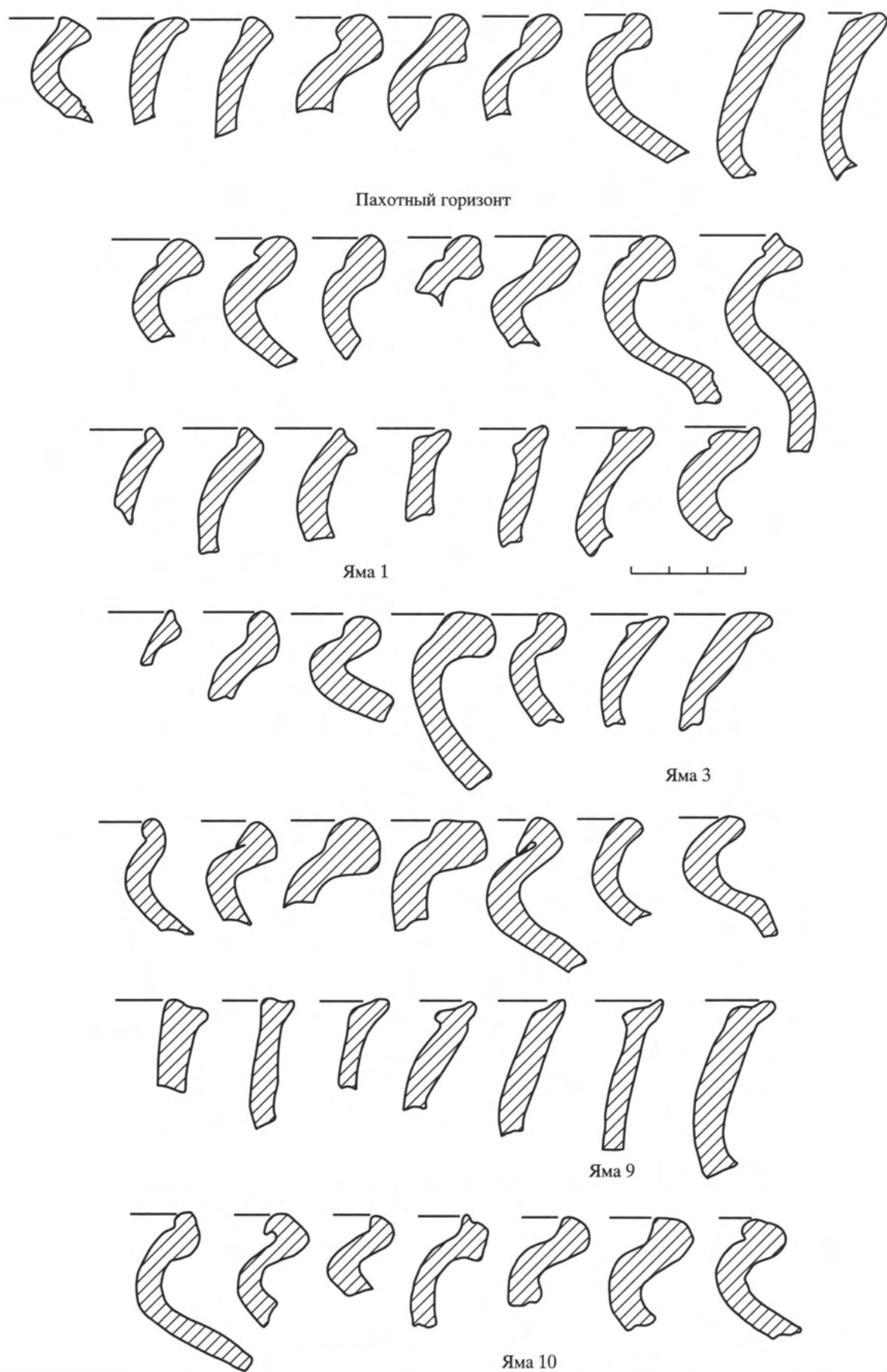

Рис. 1. Керамика XI в. из раскопок селища Вишенки 3

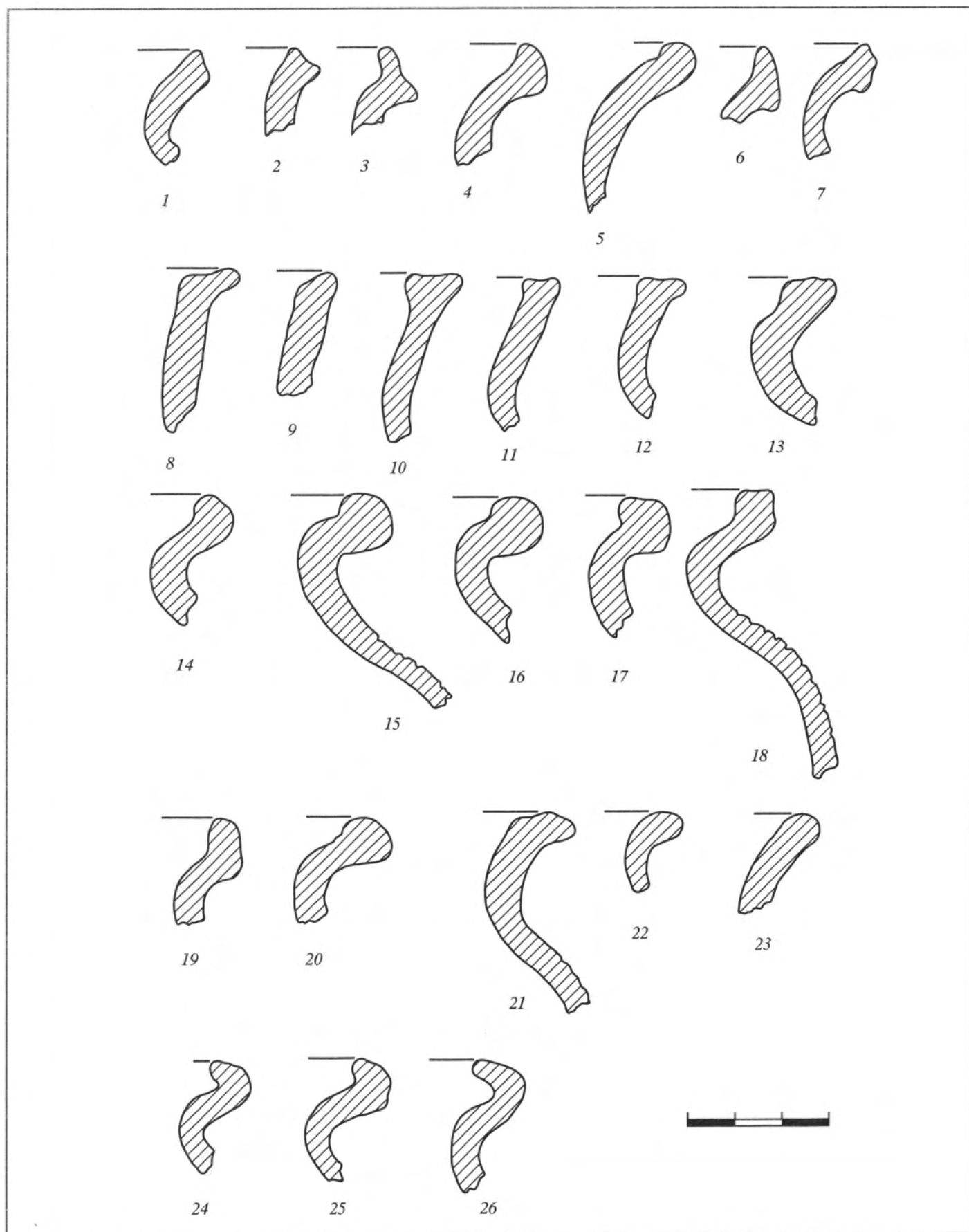

Рис. 2. Керамика из раскопок селища Вишенки 3. Типологическая таблица

1, 2 – тип I, 3, 4 – тип II, 5 – тип III, 6, 7 – тип IV, 8, 9 – тип V, 10–13 – тип VI, 14 – тип VII, 15–20 – тип VIII, 21, 22 – тип IX, 23 – тип X, 24–26 – тип XI

Таблица 2. Типы керамики из раскопок селища Вишенки 3

	XI – первая половина XII в.									середина XII–XIII в.									Всего
	Ранне- крово- вая	I	II	III	IV	V	VIIA	Всего	%	VI	VIIБ	VIII	IX	X	XI	Всего	%		
подъем- ный мате- риал		5			9	6	2	22	7,8	43	1	176	2	1	36	259	91,8	282	
Пахота	12	7	7	2	13	16	6	63	2,5	607	44	1435	31	9	317	2443	97,1	2515	
Культур- ный слой	2	4	1		3	0		10	7,4	34	3	65	1	1	20	124	91,9	135	
Почвенный горизонт	7	3	1		2			13	11,2	12		70			21	103	88,8	116	
Постройка 1					2			2	3,7	6		41	1		4	52	96,3	54	
яма 1			2	3	4	4		13	4,0	87	5	181	5	1	29	308	95,7	322	
яма 6												1				1	100,0	1	
яма 7					1			1	16,7	1	1	3				5	83,3	6	
Постройка 2			2	3	5	4		14	4,3	88	6	185	5	1	29	314	95,4	329	
яма 2, шурф 1		1						1	50,0			1				1	50,0	2	
яма 3, пласт 4–5	1							1	3,2	7		23				30	96,8	31	
яма 3, пласт 6										2		7				9	100,0	9	
яма 3	1							1	2,5	9		30				39	97,5	40	
яма 9	1				1	3		5	4,2	28		81			5	114	95,8	119	
яма 10										7	4	22			8	41	100,0	41	
яма 11						2		2	28,6	1	2	1			1	5	71,4	7	

В материалах Суздаля реннекруговая посуда встречается в сочетании с лепной посудой и круговыми сосудами с профилировкой конца XI – первой половины XII в.

Культурные напластования селища Вишенки 3 содержали 15 фрагментов венчиков круговых сосудов I типа – горшков со слабо отогнутым наружу венчиком, мягко изогнутой шейкой, покатыми плечиками, край венчика косо или вертикально срезан. Венчики этого типа также выявлены преимущественно в пахотном горизонте (7 шт.), непо потревоженном культурном слое (4 шт.) и почвенном горизонте (3 шт.). Только один фрагмент происходит из закрытого комплекса – ямы 2 шурфа 2003 г. Согласно суздальской керамической шкале тип датируется XI – серединой XII в. (Лапшин, 1992. С. 92).

К типу II, являющемуся развитием первого типа (край венчика в разной степени оттянут вверх или вниз), относятся 11 фрагментов: семь фрагментов (63%) – выявлено в пахотном горизонте, по одному фрагменту – в культурном слое и почвенном горизонте, два фрагмента – в заполнении ямы 1. Посуда данного типа бытует синхронно с сосудами I типа – XI – середина XII в.

Тип III характеризуется мягко изогнутой и округлой или заостренной закраиной. Всего выявлено пять фрагментов: два в современной распашке и три – в яме 1. По наблюдениям В.А. Лапшина, в Суздале этот тип очень малочисленный, аналогич-

ная ситуация наблюдается и на селищах суздальской округи: в коллекции, собранной в ходе разведочных работ 2001–2006 гг., выявлено всего восемь фрагментов. Время бытования – XI – середина XII в. (Лапшин, 1992. С. 92)

Также немногочисленны фрагменты горшков типов IV (сосуды с венчиками с выступом наружу – треугольным, манжетовидным, скругленным) и V (горшки с вертикальным горлом) – 26 и 25 фрагментов соответственно. Кроме перемешенных пахотой напластований (13 и 16 шт.), фрагменты сосудов обоих типов содержатся в керамическом комплексе постройки 2 (5, 4 шт.) и ямы 9 (1, 3 шт.). Венчики IV типа также встречены в непо потревоженном культурном слое (3 шт.), почвенном горизонте (2) и комплексе постройки 1, из заполнения печи. Два фрагмента венчиков типа V содержатся в комплексе ямы 11. Сосуды обоих типов датируются XI – серединой XII в. (Лапшин, 1992. С. 92). На материалах Владимира Е.К. Кадиева проследил постепенное исчезновение сосудов данных типов к середине XII в. (Кадиева, 2003. С. 334).

Пик бытования рассмотренных выше типов, по наблюдениям В.А. Лапшина и Е.К. Кадиевой, приходится на конец XI – начало XII в. (Лапшин, 1992; Кадиева, 1997).

Сосуды с раструбовидным горлом (тип VI) представлены в коллекции 794 фрагментами – это второй по встречаемости керамический тип в коллекции селища. Из непо потревоженного культурного

слоя происходят 34 фрагмента (4% венчиков этого типа), из почвенного горизонта – 12 (1,5%), из постройки 1 – шесть фрагментов, постройки 2 – 88 фрагментов (11%), ямы 3 – девять, ямы 9 – 28, ямы 10 – семь, один фрагмент происходит из ямы 11 и два – из ямы 12. Остальные 607 фрагментов собраны из слоев, нарушенных распашкой. По керамической шкале, разработанной В.А. Лапшиным для Суздаля, данный вид датируется XI – первой половиной XII в. (Лапшин, 1992. С. 93), тогда как по наблюдениям Е.К. Кадиевой, в первую очередь, на материалах г. Владимира, горшки III группы, а именно к ней относятся горшки вида VI по Лапшину, появляются в начале XII в. и продолжают существовать на протяжении всего домонгольского периода (Кадиева, 2003. С. 330). М.В. Седова выделяет сосуды с раструбовидным горлом в комплексах, относящихся ко всему домонгольскому периоду (Седова, 1997. С. 122, 140). На сегодняшний день не представляется возможным узко продатировать горшки с раструбовидным горлом, поэтому время бытования посуды этого типа оценивается широко – XI – первая половина XIII в.

В пахотном горизонте селища Вишенки 3 встречены шесть фрагментов сосудов типа VII вида А – эсвидные горшки с мягко изогнутой шейкой и венчиком, круто оттянутым наружу, закраина закруглена. В материалах Суздаля такие сосуды встречены в комплексах XI в. (Лапшин, 1992. С. 92).

В напластованиях селища выявлено 60 фрагментов венчиков типа VII вида Б: 44 – из пахоты, шесть – из постройки, четыре – из ямы 10, три из непотревоженного культурного слоя, два – из ямы 11, один из столбовой ямы 23. Время бытования – вторая половина XII – первая треть XIII в. (Лапшин, 1992. С. 92).

Самым многочисленным в коллекции селища Вишенки 3 является тип VIII – 1931 фрагмент. Керамика данного типа распределяется по комплексам следующим образом: 185 фрагментов – постройка 2, 81 – яма 9, 70 – почвенный горизонт, 65 – культурный слой на общей площади раскопа, 41 – постройка 1, 30 – яма 3, 22 – яма 10, по одному фрагменту выявлено в ямах 2 (шурф 2003 г.) и 11; 1435 фрагментов происходит из пахотного горизонта конца XI–XIII вв. Сосуды с профилировкой верхней трети сосуда VIII типа по Лапшину представляют наиболее многочисленную группу круговой керамики и на других памятниках Суздальского Ополя домонгольского времени: ее доля в керамических комплексах, собранных на селищах в 2001–2006 гг., составляет от 25% до 100%. Посуда данного типа имеет общерусский характер и характерна прежде всего для центральных регионов средневековой Руси (см.: Кадиева, 1997. С. 251; Равдина, 1991. С. 13; Розенфельд, 1968. С. 8; Смирнова, 1986. Рис. 5; Стрикалов, 2003. С. 372–373). В свою очередь, наиболее популярным среди отдельных видов данного типа является вид VIIIA (период бытования XI–XIII вв.). По наблюдениям

Лапшина, формы данного типа являются наиболее популярными и в материалах Суздаля (Лапшин, 1992. С. 93). При этом следует отметить высокую устойчивость данного типа – по-видимому, такие сосуды продолжают играть заметную роль и в материалах, соотносимых с серединой – второй половиной XIII в. При совмещении схемы Лапшина и Кадиевой оформление края венчиков сосудов VIII вида по Лапшину соотносится с восьмым вариантом по типологии Кадиевой. Венчики данного варианта, по наблюдениям исследовательницы, наиболее характерны для городской керамики центральных районов Ростово-Суздальской земли в XII–XIII вв. (Кадиева, 1997. С. 349).

Типы IX и X немногочисленны (38 и 11 фрагментов). В заполнении постройки 2 собрано пять фрагментов типа IX и один – типа X. По одному фрагменту венчиков IX типа обнаружено в комплексе постройки 1 и непотревоженном культурном слое, где также найден один фрагмент X типа. В пахотном горизонте выявлено соответственно 31 и девять фрагментов этих типов. Сосуды типа IX встречаются в комплексах XII в. Горшки X типа в очень небольших количествах обнаружены в комплексах XII в., его количество возрастает к середине XIII в. (Лапшин, 1992. С. 92).

Фрагменты сосудов XI типа, соответствующие пятому варианту оформления края венчиков по системе Кадиевой (1997. С. 80), встречены на памятнике 405 раз: 29 фрагментов – в заполнении постройки 2, 20 – в непотревоженном культурном слое, 21 – в почвенном горизонте, восемь – в яме 10, пять – в яме 9, четыре – в постройке 1, один – в яме 11, 317 – в современной распашке. Они характерны для сильнопрофилированных горшков с невысокой, отогнутой наружу шейкой. Отсутствие данного типа в суздальской керамической шкале, разработанной В.А. Лапшиным, по-видимому, объясняется ограниченным количеством керамических комплексов, легших в ее основу, тогда как, по наблюдениям Е.К. Кадиевой, сосуды с такой профилировкой края венчика, напротив, являются одним из наиболее характерных для Суздаля вариантов, наряду с сосудами VIII типа по суздальской керамической шкале (Кадиева, 1997. С. 250). По наличию комплексов, где горшки XI типа сосуществуют с горшками VIII типа, их можно широко датировать XII–XIII вв. (Кадиева, 2003). Сосуды XI типа занимают третье место по встречаемости в коллекции селища Вишенки 3. Такая же ситуация характерна и для других сельских памятников Суздальского Ополя, где доля этого типа колеблется от 5 до 33,3%. Как уже отмечалось выше, этот тип керамики играет заметную роль и в коллекциях домонгольской круговой керамики из раскопок в Суздале и Владимире (Кадиева, 1997. С. 251; 2003. С. 336).

Таким образом, все представленные в коллекции материалы можно отнести к трем взаимоперекрывающимся хронологическим группам.

Таблица 3. Орнамент керамики из раскопов селища Вишенки 3

Памятник	Линия		Волна		Волна + линия		Штамп		Всего
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Пахота	4992	98,5	44	0,9	9	0,2	25	0,5	5070
Культурный слой	51	98,1	1	1,9					52
Почвенный горизонт	162	97,0	4	2,4			1	0,6	167
печь	70	98,6	1	1,4					71
яма 8	24	100,0							24
яма 13	3	100,0							3
яма 17	6	100,0							6
яма 18	16	100,0							16
яма 19	4	100,0							4
яма 20									
Постройка 1	123	99,2	1	0,8					124
яма 1	723	98,8	6	0,8	3	0,4			732
яма 6	8	100,0							8
яма 7	12	92,3	1	7,7					13
яма 22									
Постройка 2	743	98,7	7	0,9	3	0,4			753
яма 2, шурф 1	9	75,0	1	8,3	2	16,7			12
яма 3	74	96,1	3	3,9					77
яма 9	315	98,4	5	1,6					320
яма 10	72	96,0	2	2,7			1	1,3	75
яма 11	6	100,0							6
яма 12	11	84,6	1	7,7			1	7,7	13
Итого	6562	98,3	71	1,1	14	0,2	28	0,4	6675

Первая хронологическая группа – XI – первая половина XII в.: к ней относится раннекруговая посуда, а также круговые сосуды с венчиками типов I–V и VIIA. В керамическом комплексе этого времени встречаются как эсвидные горшки с мягко изогнутой шейкой и различным оформлением края (типы I–IV, VIIA), так и сосуды с вертикальным горлом (тип V). Керамика данной группы характеризуется большим разнообразием способов оформления венчика: простые, отогнутые наружу, прямо и косо срезанные (типы I–III); сложнопрофилированные: манжетовидные, топовидные (тип IV). Всего к первой хронологической группе отнесено 111 фрагментов, что составляет 3,3% типологически определимого материала.

Вторая хронологическая группа (начало XII–XIII в.), состоит из круговых сосудов с высокой отогнутой наружу (раструбовидной) шейкой (тип VI), а также сосудов с невысокой шейкой с отогнутым наружу венчиком со скругленным и загнутым внутрь краем, образующим закраину (VIIA–B, IX, XI).

Третья группа (середина XII–XIII в.) – сосуды типа VIIБ, а также сосуды с округлым мягко изогнутым венчиком (тип X).

Наблюдения над орнаментацией керамических сосудов демонстрируют следующую ситуацию (табл. 3): наиболее распространенным видом орнамента является линейный многоряд (от 75 до 100% всех орнаментированных фрагментов), в гораздо меньшем количестве представлены волнистый

декор (от 0,8 до 20%, в среднем около 5%, в яме 24 выявлен всего один орнаментированный фрагмент) и их сочетание (0,2 до 16,7%). Штампованные орнаменты составляют не более 10%. Следует отметить, что большей частью фрагменты со штампованным орнаментом невелики – весом не более 3 г. Зона нанесения линейного орнамента преимущественно верхняя треть тулова сосуда. Волнистый и штампованный – может располагаться на горле, плече и тулове сосуда. Коллекция демонстрирует высокий процент орнаментированной посуды: как отмечалось выше, треть всех найденных фрагментов декорирована, доля фрагментов сосудов с орнаментом среди фрагментов, сохранившихся до уровня плеч, свыше 90%. Такое однообразие орнаментальных схем при подавляющем преобладании линейного декора является общей чертой керамической традиции Владимиро-Суздальской Руси XI–XIII вв., выявленной на материалах городских центров региона Суздаля, Владимира (Кадиева, 1997. С. 246; 2003. С. 336), а также сельских памятников Суздальского Ополя, что продемонстрировали как материалы сборов, где доля фрагментов с линейным декором составила от 43 до 100% для домонгольской керамики, так и анализ коллекций из раскопок селища Весь 1 (Макаров, 2005; Кадиева, 1997. С. 251).

На основании анализа керамического материала, а также стратиграфической ситуации в раскопе все выявленные объекты отнесены к трем периодам хозяйственной активности на селище.

Первый период – конец XI – начало XII в., маркирует наличие в керамическом комплексе фрагментов раннекруговой керамики. К сожалению, в рамках раскопа не удалось однозначно связать раннегончарную керамику с какими-либо сооружениями, большая ее часть была втоптана в дневную поверхность – почвенный горизонт. Возможно, эти керамические материалы соотносятся с остатками средневековой распашки, обнаруженной в центральной части раскопа. Отсутствие в керамическом наборе лепной керамики позволяет отнести начало существования памятника к рубежу XI–XII вв., так как в более ранних комплексах этого региона доля сосудов, изготовленных без применения гончарного круга, велика (Седова, 1997; Лапшин, 1992; Мошенина, 1989–1991).

Ко второму периоду – XII в., более вероятно первая половина, – относятся постройка 1, яма 2 шурфа 2003 г. и яма 9. Особенностью керамических наборов этого периода является сочетание типов венчиков первой и второй хронологической групп, а также большое типологическое разнообразие посуды: 5–6 типов горшков в одном комплексе (керамический комплекс ямы 2 не подвергался анализу в силу его малочисленности). Количество фрагментов первой хронологической группы невелико: 8,7 и 4,2 % в наборах постройки 1 и ямы 9, один фрагмент в заполнении ямы 2. Возможно, керамика данной группы находится в переотложенном виде и принадлежит керамическому комплексу первого хозяйственного периода. Свидетельством этого является высокая степень фрагментированности керамики, а также тот факт, что большая часть венчиков типов I–V встречена в почвенном горизонте и культурном слое вместе с раннегончарной посудой. Окончательно отнести круговую керамику первой хронологической группы селища Вишенки 3 к какому-либо строительному периоду можно будет только после расширения изученной раскопки площади. Основной массив керамики, как сообщалось выше, составляют фрагменты сосудов широкодатированных типов второй хронологической группы: VI, VIII, XI.

К этому же периоду можно отнести функционирование ям 3 и 12. В керамическом наборе ямы 3 присутствует один фрагмент раннекруговой керамики и 39 фрагментов, относящихся ко второй хронологической группе, хотя принадлежность раннекругового фрагмента к комплексу ямы 3 несколько условна – фрагмент обнаружен в заполнении четверного пласта, где заполнение ямы с трудом отделялось от слоев, перемешанных современной распашкой. Со вторым строительным горизонтом можно соотнести комплекс ямы 12, представленный сосудами второй хронологической группы, хотя необходимо отметить незначительность керамических материалов в ее заполнении (всего 26 фрагментов, два венчика, 15 орнаментированных фрагментов).

Третий период – вторая половина XII–XIII в. – представляют материалы постройки 2, ям 10, 11

и 23. Для керамического комплекса этого периода характерно присутствие фрагментов третьей хронологической группы: типов VIIБ и X, нижняя граница бытования которых не выходит за пределы второй половины XII в., хотя преобладающими остаются фрагменты типов VI, VIII, XI, как и в наборах объектов предыдущего строительного периода. Для наборов этого времени характерно уменьшение типологического разнообразия посуды: около 90% керамики относится к трем наиболее распространенным типам. Помимо этого в материалах постройки 2 и ямы 11 в переотложенном виде выявлены фрагменты первой хронологической группы.

Керамический набор селища Вишенки 3 продемонстрировал высокую однородность керамики, что подтверждает сходство селищных материалов с коллекциями городских центров региона, выявленное на материалах разведочных работ, проведенных в Суздальском Ополье в 2001–2006 гг. Насыщенность культурного слоя поселения керамическими остатками, сопоставимая с заполнением городских объектов, иллюстрирует высокую активность процессов хозяйственного освоения, а также высокий уровень благосостояния населения региона.

Проведенное исследование подтвердило раннее хозяйственное освоение водораздельных территорий Суздальского Ополья, о чем свидетельствует наличие на селище Вишенки 3 раннегончарной керамики, а также круговой посуды конца XI – первой половины XII в.. К сожалению, материалы, полученные в ходе работ 2004 г., оказались недостаточными для окончательной оценки степени вовлеченности территории в конце XI в., так как большая часть керамических материалов происходит из открытых комплексов. Важным выводом, полученным в ходе обработки коллекции селища Вишенки 3, является сужение типологического разнообразия сосудов в XII–XIII вв. на фоне роста количества используемой посуды, что свидетельствует о стандартизации керамического производства к середине XII в. Дополнительным подтверждением этого является однообразие орнаментальных схем, применяемых суздальскими гончарами, а также почти полный отказ от сложносоставных орнаментов (доля волнисто-линейных и линейно-штампованных орнаментов не более 1%), прослеженный на материалах центральных районов Владимиро-Суздальской Руси.

Литература

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
Горюнова В.М., Лапшин В.А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб.
Кадиева Е.К., 1997. Круговая керамика второй половины X – начала XIV века центральных районов Ростово-Суздальской земли: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2611, 2612.

Кадиева Е.К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века: (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // *Русь в XIII веке: Древности тёмного времени*. М.

Лапишин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // *Древнерусская керамика*. М.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Красникова А.М., Федорина А.Н., 2005. Раскопки средневековых поселений Весь 5 и Вишенки 3 под Суздалем // *АО 2004*. М.

Макаров Н.А., 2005. Отчет о работах в Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской и Гаврилово-Посадском районе Ивановской области в 2004 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1.

Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // *Московская керамика: Новые данные по хронологии*. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Смирнова Г.П., 1968. О трех группах новгородской керамики X–XI в.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее окружи // *Русь в XIII веке: Древности тёмного времени*. М.

А.А. Молчанов, И.И. Рыкунова, А.Н. Рыкунов

Раскопки раннесредневекового археологического памятника Усть-Шексна в 2005 году и клад саманидских монет X века

Нижнее течение реки Шексны, левого притока Волги, археологически изучено слабо. Главная причина этого оказалась рукотворной. Дело в том, что от нижнего течения Шексны ныне остался лишь небольшой участок длиной 1,5 км. Обширная территория, более чем на 100 км выше по прежнему руслу реки и обоим его берегам (вплоть до современного Череповца), затоплены водами Рыбинского водохранилища, заполнение которого началось весной 1941 г. Уцелевшая часть прибрежной территории в районе устья Шексны представляет собой теперь географический центр города Рыбинска (с четвертьмиллионным населением), раскинувшегося по обоим берегам Волги на протяжении 25 км. Сложившаяся застройка позволила исследователям зафиксировать на территории города пока только один раннесредневековый археологический памятник. Он расположен на правом берегу Шексны при впадении ее в Волгу. Ближайшая к нему известная археологам курганный группа X–XI вв. – Кстовские курганы – находится в 8 км к юго-востоку, на другом (правом) берегу Волги, за окружной дорогой.

Поэтому в настоящее время археологический памятник XI–XVI вв. Усть-Шексна, открытый в 1958 г. Д.А. Крайновым, является основным источником сведений о раннесредневековой истории данного микрорегиона.

Если не считать беглого обследования 1978–1988 гг., когда было раскопано всего 60 кв. м, планомерное изучение памятника началось в 1991 г. (руководители раскопок – А.Н. Рыкунов и И.И. Рыкунова). Однако и эти исследования носят сугубо охранный характер. В частности, основной объем работ выполнен на северной окраине средневекового поселения, более всего разрушающейся в результате ежегодного подмыва Шексной своего обрывистого правого берега и под влиянием ряда техногенных факторов. За 15 лет раскопано до 3000 кв. м от площади памятника, утрачено же существенно больше. Причина столь ограниченно объема произведенных работ – недостаточное бюджетное финансирование, а иногда – и полное его отсутствие.

Тем не менее, раскопки последних лет позволяют, пусть в первом приближении, охарактери-

зовать это далеко не рядовое средневековое поселение. Материалы, полученные при раскопках в 2005 г., дают возможность уточнить здесь еще целый ряд моментов¹. В данном сезоне работы велись в двух частях памятника: в южной – где властями запланировано строительство и другие мероприятия по хозяйственному освоению территории (участки 5 и 6 раскопа 4) (рис. 1); в северной – на месте наиболее крупного обвала берегового уреза, при этом учитывалось, что там в подъемном материале попадались обломки воздуходушных сопел (участки 24 и 25 раскопа 1).

Важной характеристикой любого археологического памятника является его общая площадь. Нам недоступна неразрушающая методика оценки мощности и площади распространения средневекового культурного слоя, особенно в условиях большого разнообразия грунтов. Поэтому основным способом оценки сохранившейся площади памятника традиционно остаются раскопки. Всего на Усть-Шексне заложено четыре раскопа и 20 разведочных шурфов. Это позволило объединить первоначально исследованные разрозненные участки в единый памятник. О наличии или отсутствии средневекового культурного слоя можно судить, наблюдая за обнажениями в обрыве речного берега и в техногенных вскрытиях (возникающих при прокладке коммуникаций, устройстве котлованов, выкапывании прудов, и т.д.). После официальной регистрации археологического памятника Усть-Шексна в 2000 г. практика бесконтрольных земляных работ здесь прекращена. Дополнительным параметром для археологов стали данные геологии: памятник расположен на террасе с абсолютными отметками 91–94 м.

Цельность памятника подтверждают наблюдения за стратиграфией: она оказалась практически единообразной во всех его частях. Средневековый культурный слой – темно-коричневая супесь различных оттенков, мощностью до 1 м – в южной части памятника (там она начинается на глубине

¹ О результатах археологических исследований предыдущих сезонов см.: Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004.

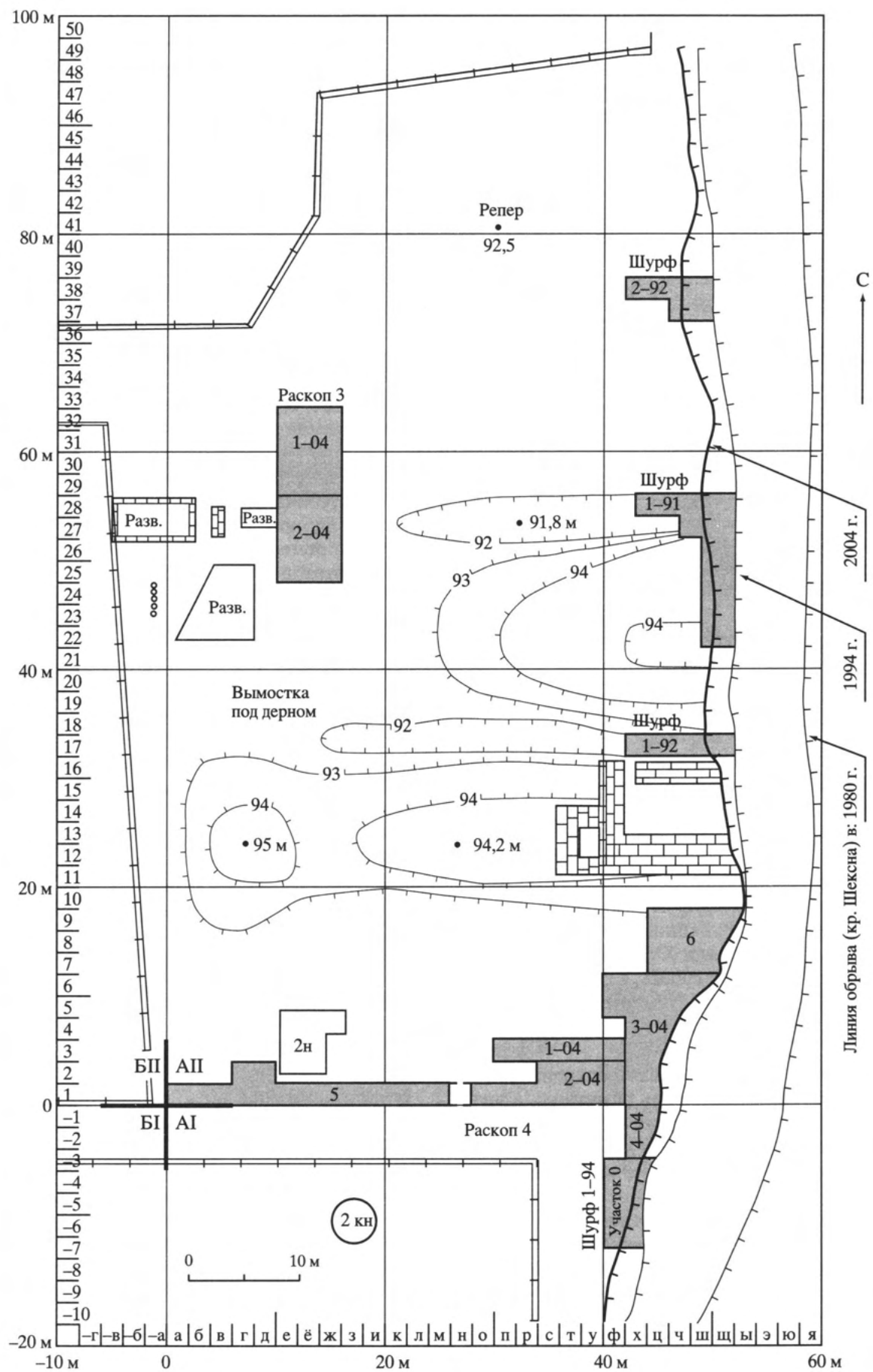

Рис. 1. Южная часть памятника Усть-Шексна

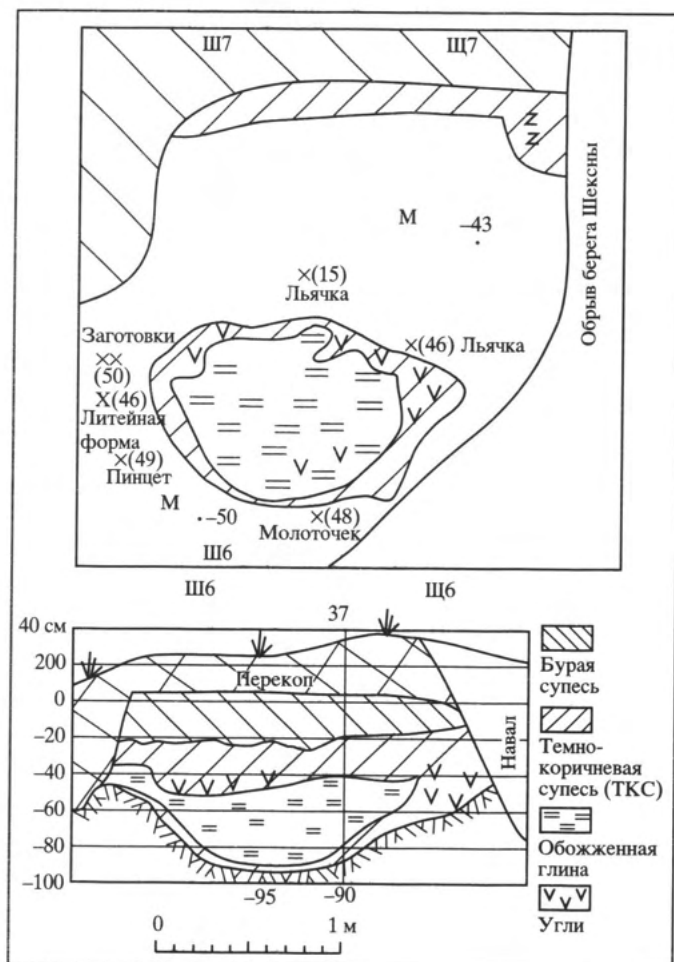

Рис. 2. Остатки ювелирного горна. План зачистки на глубину 60 см и разрез по границе участков 3-04 и 6-05

около 1 м), до 1,5 м и более – в центральной и северной частях. Почти повсюду он перекрыт прослойкой стерильного песка, что является свидетельством перерыва в функционировании поселения. Культурный слой конца XVI–XVII в. не обнаружен. Выше лежит бурая супесь, отложившаяся в XVIII–XX вв. В ней присутствуют тонкие песчаные прослойки – следы наиболее сильных разливов Шексны.

Средневековый культурный слой сохранился на площади в 15 га. Протяженность памятника с юга на север (вдоль берега Шексны) – 900 м, вглубь береговой полосы – до 150 м. Вдоль левого берега Волги культурный слой прослежен на протяжении 300 м.

Первоначальную площадь поселения точно определить невозможно. Его северная часть перерезана новым руслом Шексны, восточная – ежегодно размывается в результате работы Рыбинской ГЭС. Разрушение берегов обусловлено как резкими колебаниями уровня воды, так и высокими скоростями течения ее (превышающими в периоды энергетических спусков 2 м в секунду). Судя по картам и схемам 1930-х годов, уже утрачена прибрежная полоса поселения шириной до 100 м. Эти данные поз-

воляют оценить предполагаемую площадь средневекового поселения не менее чем в 20–30 га, что на порядок превышает средний размер древнерусских селищ. По подсчетам А.В. Кузы (1985. С. 65), плотность городского населения на Руси в те времена составляла около 100 человек на гектар (в укрепленной части – до 200). Учитывая это, численность средневекового населения Усть-Шексны можно определить как достигавшую примерно двух–трех тысяч человек.

В ходе археологических работ на памятнике собрана значительная вещевая коллекция: более 2500 индивидуальных находок и свыше 35 000 фрагментов керамики. Полученные материалы позволяют достаточно полно охарактеризовать хозяйство и культуру поселения в XI–XIV вв.

Многое можно сейчас сказать об уровне развития ремесла. Обнаружены остатки ремесленных мастерских и большое количество соответствующей продукции. Удалось выделить следы крупного металлургического комплекса, а также кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего и косторезного ремесел.

Масштабностью отличаются остатки металлургического комплекса, локализованного в северной части археологического памятника Усть-Шексна, отделенной от основной его территории речкой. На площади в 1500 кв. м обнаружены 15 развалов сыродутных печей, ямы для выжигания древесного угля и шлаковые пригорновыя ямы, более 500 обломков сопел, сотни килограммов шлаков.

Значительное развитие получило на поселении Усть-Шексна кузнечное дело. Самых кузниц пока не обнаружено. Однако по всей территории памятника в большом количестве встречаются шлаковые массы и куски кричного железа. Железные предметы – одна из самых массовых категорий находок. Отметим 10 рабочих топоров, свыше 150 ножей, семь сверл, три долота, 15 замков и их фрагментов, 23 ключа всех типов, шесть калачевидных и четыре овальных кресала, фитильную трубку, лодейные скобы, кованые цепи, пружинные ножицы, светцы, булавки, шилья, дверные пробойники, дужки от ведер, сельскохозяйственные орудия. В 2005 г. данная категория предметов пополнилась 17 ножами, рабочим топором (с ассиметричным опущенным лезвием и слегка приподнятой верхней гранью, двумя парами щекавиц у обуха и каплевидной формы обушным отверстием – 4 × 3 см), двумя светцами и тремя кресалами (овальным и калачевидными).

Следами ювелирного ремесла являются обломки тиглей, фрагмент литейной формочки из белого камня, бронзовый пинцет, застывшие капли бронзы, куски медной проволоки.

В 2004–2005 гг. выявлены остатки ювелирной мастерской. На границе участков 3 и 6 раскопа 4 были обнаружены остатки печи, вероятно являющиеся развалом литейного горна (рис. 2). По сосед-

Рис. 3. Усть-Шексна. Индивидуальные находки

ству, начиная с глубины 40 см, в культурном слое были отмечены пятна и вкрапления обожженной глины, скопления шлаков со стекловидными включениями, застывшие капли стекла, мелкие слитки цветного металла. Обнаружен ряд индивидуальных находок: ювелирный молоточек, пинцет, литейная форма из темно-серого сланца (рис. 3, 15), обломки тиглей с оплавленной поверхностью и две глиняные льячки (рис. 3, 19). Здесь же найдены две тон-

кие миниатюрные пластинки (возможно, заготовки) – круглая золотая (диаметром 1,1 см, слегка изогнутая, с точечными вдавлениями на вогнутой стороне) и овальная бронзовая (1,4 × 0,7 см).

С глубины 42–50 см в материке проявилась яма овальной формы (160 × 100 см, при глубине около 50 см). Заполнение ее – скопление глины (мощностью 40–45 см), окруженное по периметру кольцом темно-коричневой супеси, насыщенной углями.

Глина лежала не сплошной плотной массой, а отдельными кусками, многие из которых имеют двухслойную структуру: снаружи они – сероватого цвета, внутри – ярко-оранжевые. Исходя из анализа керамики и других сопутствующих находок, эти остатки горна можно датировать концом XII – серединой XIII в.

Ювелирных изделий, целых и фрагментированных, на памятнике обнаружено около 300. Подавляющая их часть относится к украшениям и деталям одежды. Среди них: три шейные гривны (фрагменты дровых крученых и витая), около 30 височных колец, 22 браслета (витые и пластинчатые), 32 перстня, 18 пряжек и фибул, 18 пуговиц. К числу предметов христианского культа относятся: более 20 крестов-тельников, четыре энколпиона, четыре привески (три круглых “крестовключенных” и одна с фигуркой ангела). Привески-украшения – самая многочисленная и разнообразная категория украшений. Их найдено уже более 50: лунницы, бубенчики, ажурные (различных форм), зооморфные (полые объемные и плоские) и другие.

В 2005 г. предметов из цветного металла найдено более 40. Среди них: две пряжки – полукруглая с плоским язычком и подпрямоугольная двухчастная с прямоугольным приемником для ремня, пуговица, накладки, плетеный браслет из сложенной вчетверо тонкой круглодротовой проволоки (рис. 3, 13), наконечник ремня. К предметам христианского культа можно отнести: четырехконечный энколпион с прямыми концами и квадратными выступами в средокрестии, две круглые ажурные “крестовключенные” привески, плоский четырехконечный тельник, крест с трехлопастными завершениями и остатками утратившей цвет эмали (рис. 3, 11). Разнообразны привески-украшения. Среди них встречены: три шумящие – конусовидная и две трубчатые с “лапчатыми” подвесками (рис. 3, 10) и две зооморфные – плоская в виде условно переданных парных разносмотрящих голов коней (рис. 3, 9) (на подтрапедиевидной основе, с шестью вертикальными прорезами в нижней части; 11 группа, VII тип, вариант 3 по Е.А. Рябинину (1981)) и в виде фигурки птицы (1 группа, V тип по той же классификации). Особенно интересна подвеска, сделанная из наконечника ремня типа Борре, с петлей из согнутой пластины (рис. 3, 12).

Немаловажную роль в экономической жизни средневековой Усть-Шексны играла торговля. Наглядным примером является обнаружение в культурном слое монет: пяти арабских дирхемов IX–X вв. (два из них обрезаны), двух западноевропейских денариев XI–XII вв., а также трех монет конца XIV – начала XV в. – золотоордынского дирхема, серебряной деньги Ростовского княжества и медного московского пула. Найдены здесь две усеченно-сферические гири (весом 38,6 г и 10,3 г) и 24 свинцовых пломбы с различными символами,

в частности со знаками Рюриковичей². В 2005 г. в материковой яме участка 5 был обнаружен клад, состоящий из 33 арабских дирхемов (который будет подробно описан ниже). Здесь же найдены 11 круглых сердоликовых бусин и цилиндрический игольник из цветного металла (рис. XLIX).

Привозные изделия из раскопок Усть-Шексны указывают прежде всего на южное направление торговли. К характерным предметам импорта относятся шиферные пряслица, украшения из камня, стекла и цветных металлов, а также амфоры, от которых дошли лишь фрагменты.

Среди находок насчитывается более 80 шиферных пряслиц, целых и фрагментированных. На некоторых из них имеются отметины и псевдонадписи, которые подчас занимают всю наружную поверхность этих достаточно миниатюрных предметов.

К импортным изделиям относятся также два мраморных крестика-“корсунчика” и потертая сланцевая подвеска-иконка круглой формы с изображением длинноволосого и бородатого святого, вероятно, византийской работы (рис. 3, 18). К кругу древностей скандинавского типа принадлежат литая серебряная круглая привеска в виде сплетенного фантастического змея и упомянутый выше наконечник ремня типа Борре. Привозными являются также каменные бусины: 13 сердоликовых (девять биконических и четыре круглых; без учета находок 2005 г.), две янтарных и одна хрустальная.

Заметной группой импорта являются стеклянные изделия. Их общее количество превышает 700 экземпляров (не считая 400 перекаленных и рассыпавшихся в слоях пожаров). Среди них: обломки браслетов (63%) и перстней (1%), а также бусины (36%) – целые экземпляры и фрагменты. В 2005 г. обнаружено 27 обломков стеклянных браслетов, 24 бусины и фрагмент пуговицы синего стекла с остатками медной петли.

О развитой навигации, в том числе и торговой, свидетельствуют элементы причальных сооружений, выявленные по обоим берегам уже упоминавшейся выше речки (правого притока Шексны, с шириной устья до 40 м): остатки берегоукрепления, следы углубления русла и подрезки берега, остатки деревянных настилов (пристани?), и т.п.

Ряд предметов с поселения Усть-Шексна связан с военным делом. Обнаружено более 20 черешковых наконечников стрел и их обломков (рис. 3, 2–7). Большинство из них – ромбовидные, новгородского типа, с отсутствием упора для древка стрелы. Три таких наконечника значительно больших размеров отнесены нами к сулицам. Встречены три ромбовидных наконечника с упором для древка. Единичными экземплярами пред-

² Об этой категории сфрагматических памятников см., например: Молчанов, 1984. С. 72, 73; 2001. С. 90, 91; Перхавко, 1996. С. 211–247; Белецкий, 2001а. С. 20–30; 2001б. С. 71–74; Захаров, 2005. С. 20–63.

ставлены: крупный двурогий срезень и срезень в виде удлиненной лопаточки, ланцетовидный и шиловидный наконечники, а также плоский двушипный наконечник. Эти универсальные типы были широко распространены в XI–XIII вв. Исключительно военное значение имели найденные на нашем памятнике восемь бронебойных наконечников с массивной граненой головкой, ромбического или квадратного сечения.

Оружие ближнего боя представлено тремя втульчатыми наконечниками копий (с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы) (рис. 3, 1) и тремя боевыми топорами. Два топора относятся к типу секир. Они повторяют формы производственных топоров, но миниатюрнее последних (длина – 13–15 см, ширина – 7–8 см, вес – 200–300 г). Найден и один чекан. Единственным образцом представлен “чеснок” – четырехшипный колющий предмет, использовавшийся против конницы. К снаряжению коня и всадника принадлежат: стремяна, детали удила, подковы, шипы и шпоры. К этой категории предметов относятся также кистень и фрагмент кольчуги.

Находки 2005 г. – того же круга. Значительная часть их была найдена в северной части памятника. Появление большого количества предметов вооружения на окраине поселения пока не нашло надежного объяснения. Быть может, где-то поблизости находилась мастерская оружейника.

Административные функции поселения Усть-Шексна нашли свое отражение в находках вислых актов печатей (таковых зафиксировано уже четыре). Обнаруженная в 1995 г. свинцовая булла сочетает в своем композиционном оформлении изображения Богоматери Оранты и процветшего креста. В.Л. Янин отнес ее к печатям характерного византийско-русского облика, но неясной конкретной принадлежности, указав при этом на определенную близость этой группы сфрагистических памятников к печати киевского митрополита Константина II (1167–1170-е годы) (Янин, Гайдуков, 1998. С. 61, 157, 275, 372. № 341^{г3}). Найденная в 2004 г. еще одна свинцовая печать с процветшим крестом имеет на другой стороне неразборчивую шестистрочную надпись.

Среди находок 2005 г. оказались сразу два моливдовула, причем оба они принадлежат к ранее опубликованным типам и разновидностям. Один из них почти в точности повторяет усть-шекснинскую печать 1995 г. Другой, несущий на себе погрудное изображение св. Константина в царской короне и четырехстрочную греческую надпись (она гласит: “Господи, помоги своему рабу Константину”), предположительно атрибутирован В.Л. Яниным как принадлежавший князю Игорю Ярославичу (с 1154 по 1157 г. правил во Владимире-Волынском, с 1157

по 1160 г. – в Смоленске, где и умер) (Янин, 1970. С. 32, 33, 172, 252, 285. № 32, 33⁴).

Как известно, административные функции поселения в устье Шексны прослеживаются и в более позднее время. Они отражены актовым материалом XV–XVI вв. (Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 214–248).

Значительный интерес представляют находки, свидетельствующие о грамотности местного населения: три писала, две книжные застёжки – кинжальчик и крючок (рис. 3, 14), а также сохранившиеся на пряслицах граффити.

Наряду с ремеслом и торговлей, немаловажную роль в хозяйственной деятельности жителей Усть-Шексны играли промыслы, и прежде всего охота и рыбная ловля. О роли первой свидетельствуют астрагал бобра, медвежьи клыки (один из них снабжен отверстием для подвешивания), а также специализированные орудия для охоты. Шире представлены в материалах раскопок орудия рыболовства: глиняные и сланцевые грузила, рыболовные крючки. Несколько позднее, в XV–XVI вв., знаменитые Шехонские рыбные ловли неоднократно упоминаются в письменных источниках (Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 248, 249).

Свидетельства сельскохозяйственной деятельности представлены слабее. Редки находки земледельческих орудий: встречены три обломка косы и изогнутый сошник. Лишь иногда в материке видны следы пахоты и возделывания огородов.

Археологические раскопки поселения Усть-Шексна выявили интересные особенности его внутренней топографии. В южной части памятника прослежены остатки трех строительных комплексов: пять срубных строений, частоколы, дощатая вымостка двора. Удовлетворительная сохранность дерева позволила получить три дендродаты: 1220 г., 1125 г. и 60-е годы XI в., подтвержденные вещевым и керамическим материалом. К сожалению, строения исследованы лишь частично, поскольку культурный слой здесь сильно нарушен постройками XIX–XX вв.

В центральной части памятника дерево сохраняется хуже. Планы нескольких построек удалось восстановить по следам бревен нижних венцов. Другие строения реконструированы по развалам печей, пятнам заполнения припечных и подпольных ям. Всего в центральной части (на площади 700 кв. м) выявлены остатки 15 построек, по большей части жилых. На основании анализа стратиграфии и вещевого материала они разнесены по трем строительным ярусам, датируемым XII–XIV вв. (Рыкунова, Рыкунов, 2003. С. 224–237). Основным типом строений были наземные дома, лишь некоторые из них имели подполья. Местами прослежена нивелировка поверхности подрезкой грунта и подсыпкой песка. Во всех жилых постройках

³ Напомним, что исследовательская часть указанного тома Корпуса древнерусских печатей написана именно В.Л. Яниным (см.: Янин, Гайдуков, 1998. С. 499; Молчанов, 2000. С. 193).

⁴ О других пополнениях фонда таких булл см.: Янин, Гайдуков, 1998. С. 24, 116, 223, 260, 312. № 33.

имелись печи-очаги (чаще – глинобитные на бревенчатом или дощатом опечке, каменки – единичны). Встречены дома значительного размера, имеются примеры двухкамерных строений. Планировка этой части поселения – двухрядная или многорядная, параллельная Шексне. Зафиксированы следы межусадебных оград: для начала XII в. характерны плетни, позднее – частоколы, в том числе двойные.

В северной, заречной части памятника, в связи с неудовлетворительной сохранностью органики, о существовавших некогда строениях можно судить лишь по материковым ямам, а также по скоплениям индивидуальных находок и фрагментов керамики. Жилища здесь располагались хаотично, как правило, недалеко от горнов описанного выше металлургического комплекса. Межусадебные ограды здесь единичны.

В данной связи значительный интерес представляют обнаруженные в 2005 г. в северной части памятника более 20 фрагментов грубоформованных кирпичей и две напольных плитки подквадратной формы (размером 9 × 9 см).

Какие же предварительные выводы удастся сделать об истории Усть-Шексны по всей совокупности уже накопленных материалов? Следует признать, что пока остается открытым вопрос о времени возникновения этого поселения. Отдельные фрагменты лепной керамики в нижней части культурного слоя, ранняя дендродата (1062 г.), наличие ряда характерных индивидуальных находок (таких как куфические монеты, ключи типа А, грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью, трубчатые игольники, ширококорые лунницы, золотостеклянные бусины и бусина-лимонка, шаровидные сердоликовые бусины, костяные пряслица) говорят о его существовании по крайней мере с середины XI в.

А датировка других торгово-ремесленных центров Шекснинского региона рубежом IX–X вв. и находки куфических монет позволяют думать о куда более раннем, нежели начало 1060-х годов, возникновении исследуемого нами поселения. К сожалению, первоначальная, прибрежная часть нашего памятника, шириной примерно 100 м, еще до начала археологических исследований оказалась безвозвратно утраченной.

В период своего расцвета, в XII–XIII вв., Усть-Шексна представляла собой крупное поселение, имевшее ряд черт, сближающих его со средневековым городом (развитые ремесло и торговля и т.д.). Особенно впечатляют размеры нашего памятника (20–30 га, а, возможно, и несколько больше), превосходящего по площади все другие синхронные поселения региона.

Прекращение активной торговли после монгольского нашествия, опустошительные эпидемии чумы 1352 и 1363–1364 гг., резкое повышение в XIV в. уровня воды в бассейне Волги, и ряд других факторов предопределили постепенный упадок по-

селения. Утраченной по гидрологическим причинам оказалась сначала северная, а к XV в. – и центральная часть прежней Усть-Шексны. Впрочем, в отличие от многих других центров Шекснинского региона, исследуемое нами поселение полностью не утратило. Письменные источники XV – начала XVI в. описывают Усть-Шексну как волостной административный центр с таможенными и промысловыми функциями. Из найденных здесь предметов к концу XIV–XV в. можно отнести: квадрифольный крест-энколпион, три уже упоминавшиеся выше монеты (золотоордынский дирхем, ростовская денга и московское пуло), наборный костяной гребень (типа К), фрагменты ножей с накладными рукоятками, спицы от прялок, и др.

Однако политические события конца XV в. и возникшее экономическое противостояние Усть-Шексны и соседней Рыбной слободы (ставшей своеобразной “оффшорной зоной”) привели к исчезновению древнего центра, жители которого на протяжении двух-трех поколений перебрались на другой берег Волги. Культурный слой конца XVI–XVII в. на нашем памятнике не обнаружен, в то время как на правом берегу Волги в черте города Рыбинска самые ранние слои (датируемые XVI в.) фиксируются сразу на значительной территории – до 10 га.

Косвенно этот постепенный процесс перемещения населения основного центра Рыбинского региона подтверждают письменные источники. До XVI в. встречаются упоминания только Усть-Шексны. В первой половине XVI в. наблюдается как раздельное, так и совместное бытование топонимов Усть-Шексна и Рыбная слобода. С 1572 г. упоминается лишь Рыбная слобода (непосредственная предшественница города Рыбинска), за которой указами московских государей были закреплены рыбные ловли и таможенные функции.

К настоящему времени на нашем памятнике исследовано лишь около 2% его сохранившейся площади. Планируемые на будущее раскопки, надеемся, все-таки позволят уточнить дату возникновения средневекового поселения, его статус и динамику развития, этнический состав населения на разных этапах его существования⁵. Ведь новые и неожиданные результаты могут дать работы даже одного сезона. Примером этого являются раскопки 2005 г. в южной части памятника.

На данном конкретном участке ныне располагаются современная частная застройка и огороды, а также остатки мощных фундаментов церковных зданий и купеческих особняков XIX – начала XX в. Это объясняет имевшие место нарушения сохранности культурного слоя в целом и препятствует проведению раскопок большими площадями.

⁵ Нам уже приходилось писать о периоде возникновения крупных центров Ярославского Поволжья. См., например: Молчанов, 1993. С. 55, 56; Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 132–147.

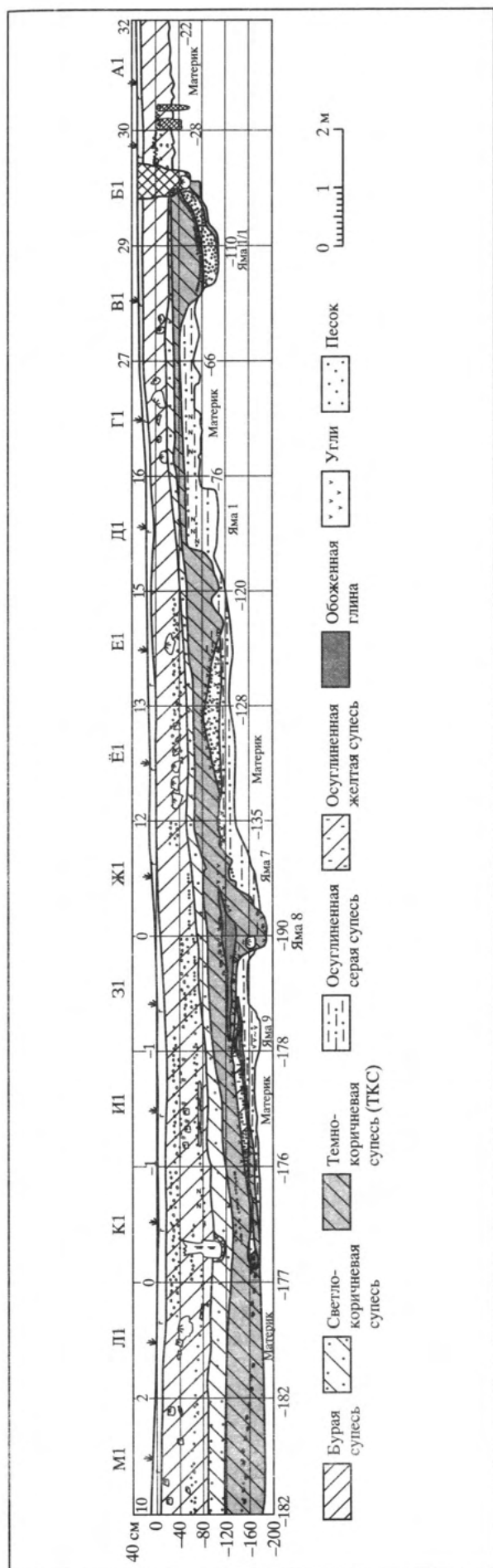

Рис. 4. Усть-Шексна. Стратиграфия южной стенки участка 5 раскопа 4

В данных обстоятельствах особый интерес представляли археологические исследования 2005 г., предпринятые на месте предполагаемых строительных работ. Участок 5 раскопа 4 представляет собой траншею, протянувшуюся на 26 м, шириной, по большей части, 2 м (рис. 1; 4). Подобная форма участка обусловлена устройством ограды – частокола с углубленной в землю на два метра нижней частью.

На исследуемом участке проявился культурный слой мощностью от 64 см (в западной части) до 205 см (в восточной части). Здесь отмечается значительный подъем уровня материка: от 185 см (у восточной границы раскопа) до 22 см (вблизи западной границы). Вероятно, в западной части участка зафиксирована береговая речная гряда, созданная многолетними разливами рек Шексны и Волги. Средневековый культурный слой здесь не обнаружен. Он либо полностью смыт во время подъема уровня воды, либо разрушен позднейшими перепланировками, при которых могла быть срезана по большей части и сама гряда. О многолетних периодах повышения уровня воды мы судим по наличию прослойки светло-коричневой стерильной супеси мощностью от 10 до 30 см. Она прослежена почти по всей площади участка (кроме западных квадратов), на глубине от 20–30 до 90–120 см. Данная прослойка разделяет верхний слой (бурую супесь XVIII–XX вв.) и нижний (средневековую темно-коричневую супесь), свидетельствуя о перерыве в жизни поселения.

Средневековый слой имеет мощность от 10 см (в западной части участка) до 85–90 см (в восточной части). Единичные фрагменты красной керамики начала XVI в. датируют его верхнюю границу. Фрагменты лепной и раннекруговой керамики в сочетании с индивидуальными находками – наконечником ремня типа Борре и крестопорезным грушевидным бубенчиком – позволяют отодвинуть нижнюю хронологическую границу слоя к XI в. Большая часть керамического материала и индивидуальных находок относится к древнерусскому периоду – XII–XIII вв.

Явных остатков жилищ (например, каких-либо конструкций) из-за ограниченной площади раскопанного участка выявить не удалось. Однако следами одного из них можно считать остатки печи в виде пятна обожженной глины, перекрывающего яму с углями (в квадратах 31 и Ж1). Остатками другого, более раннего жилища, возможно, является пятно осуглиненной желтой супеси (в квадратах К1–31) с мелкими пятнами обожженной глины и прослойками углей.

В предматериковом слое (осуглиненной в различной степени сероватой супеси, мощностью 10–30 см), выявленном на большей части площади раскопанного участка, никаких находок, кроме не поддающегося определению керамического крошева, не обнаружено. Можно предположить, что данный слой появился в результате хозяйственного

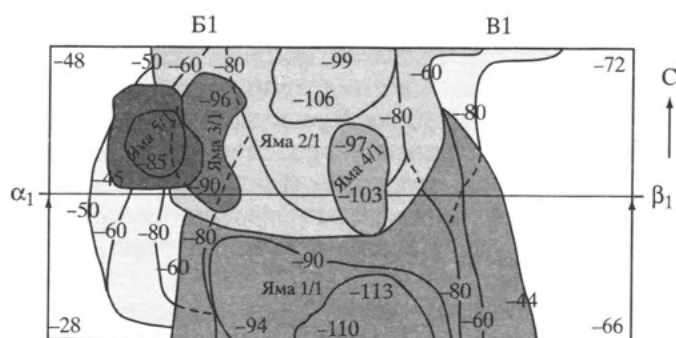

Рис. 5. Усть-Шексна. Реконструкция комплекса ям 1 в квадратах Б1, В1 участка 5 раскопа 4

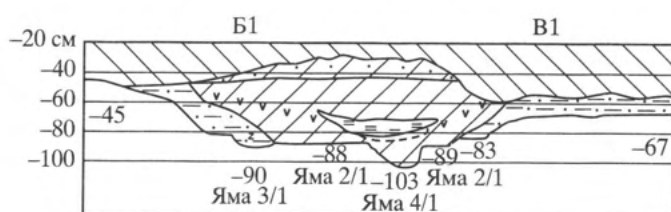

Рис. 6. Усть-Шексна. Сечение комплекса ям 1 в квадратах Б1, В1 участка 5 раскопа 4

освоения этой территории (использовавшейся тогда под огород?) в более ранний период.

В связи с этим значительный интерес представляют находки в яме 4 комплекса ям 1. Комплекс, зафиксированный в западной части раскопанного участка, состоит из пяти разновременных ям (рис. 5; 6). Яма 4/1 овальной формы, размерами 75 × 30–38 см, расположена на границе квадратов Б1 и В1. Глубина этой ямы – 15–20 см (83–88 и 103 см от дневной поверхности). Заполнена она сероватой супесью с мелкими пятнами темного цвета, предположительно – органического тлена. Яма фиксировалась с глубины 77 см от дневной поверхности прослойкой с вкраплениями аналогичных темных пятен. На глубине 86–94 см в яме обнаружено компактное скопление восточных серебряных монет, состоящее из 27 целых дирхемов и шести половинок (рис. 7). Монеты были окружены тонкой (около 1–2 см) прослойкой тлена практически черного цвета (вероятно, их завернули в ткань типа мешковины). В непосредственной близости от скопления монет на площади 50 × 70 см, на той же глубине, в яме были также выявлены 10 шаровидных сердоликовых бус, диаметром от 0,8 до 1,4 см. Еще одна бусина найдена на глубине 101 см. Четыре аналогичные бусины обнаружены в 2004 г. в раскопе 3, расположенном в 46 м к северу. Верхней датой бытования таких бусин является середина XI в.

Там же, на глубине 85 см, найден цилиндрический игольник (размерами 5,6 × 0,8–1,3 см), расширяющийся к одному концу, орнаментированный кольцевидными выступами (рис. 3, 8). Игольник такого типа обнаружен в непосредственной близости на участке 3 раскопа 4 в 2004 г. Бытование подобных предметов прекращается в конце XI в.

Яма 4/1 перекрыта двумя более поздними. В яме 1/1 никаких находок не обнаружено. В яме 2/1 собрано 43 фрагмента керамики разного времени: от конца XI до начала XIV в.

Кладовый комплекс из 33 дирхемов содержит серебряные монеты эмиров из династии Саманидов, чеканенные, судя по всему, исключительно в среднеазиатских городах (среди названий монетных дворов, надежно читаемых в монетных легендах, встречаются только три топонима: Бухара, Самарканд и аш-Шаш) на протяжении почти всего X в. Он распадается на две неравные, хронологически смыкающиеся группы. В первую группу входят два почти целых дирхема и шесть половинок. Часть этих монет была сначала обрезана в кружок. Все они свободны от окислов.

Вторую группу составляют 25 дирхемов (почти все – целые). На каждом видны следы интенсивного окисления. Многие покрыты толстым слоем прочных окислов. Окислы (типа малахита и роговое серебро) зачастую оказываются особенно обильными именно там, где на монете располагаются выпускные данные. В таких случаях приходилось прибегать к крайне осторожной механической расчистке соответствующих участков монетного поля (последствия более интенсивной, химической очистки грозили оказаться непредсказуемыми).

Ниже приводится список монет из рассматриваемого комплекса в хронологическом порядке. Все они определены А.А. Молчановым (Институт всеобщей истории РАН).

Саманиды

1. Ахмад II ибн Исмаил (295–301 гг. хиджры = 907–914 гг. христианской эры). Выпускные данные не сохранились (соответствующая часть монетного кружка утрачена). Половинка обрезанного в кружок дирхема. Вес – 0,86 г.
2. Наср II ибн Ахмад (301–331 гг. х. = 914–943 гг.). Название монетного двора утрачено. 310 г. х. = 922–923 гг. Половинка обрезанного в кружок дирхема. Вес – 1,54 г.
3. Наср II ибн Ахмад. Монетный двор – аш-Шаш. 315 г. х. = 927–928 гг. Половинка монеты. Вес – 1,14 г.
4. Наср II ибн Ахмад. Монетный двор – Самарканд. Обозначения десятков и сотен в дате утрачены. Читается только слово “семь”. Следовательно, монета отчеканена в 317 г. х. (= 929–930 гг.) или 327 г. х. (= 938–939 гг.). Половинка обрезанного в кружок дирхема. Вес – 1,29 г.
5. Наср II ибн Ахмад. Монетный двор – аш-Шаш. 329 (?) г. х. = 940–941 гг. Монета обломана почти на четверть. У ее края проделаны два аккуратных круглых отверстия (для неподвижного прикрепления к чему-либо, например, к одежде и т.п.). Вес – 2,60 г.
6. Наср II ибн Ахмад. Название монетного двора стерто. 329 (?) г. х. = 940–941 гг. Монета обрезана в кружок и обломана. Вес – 1,44 г.

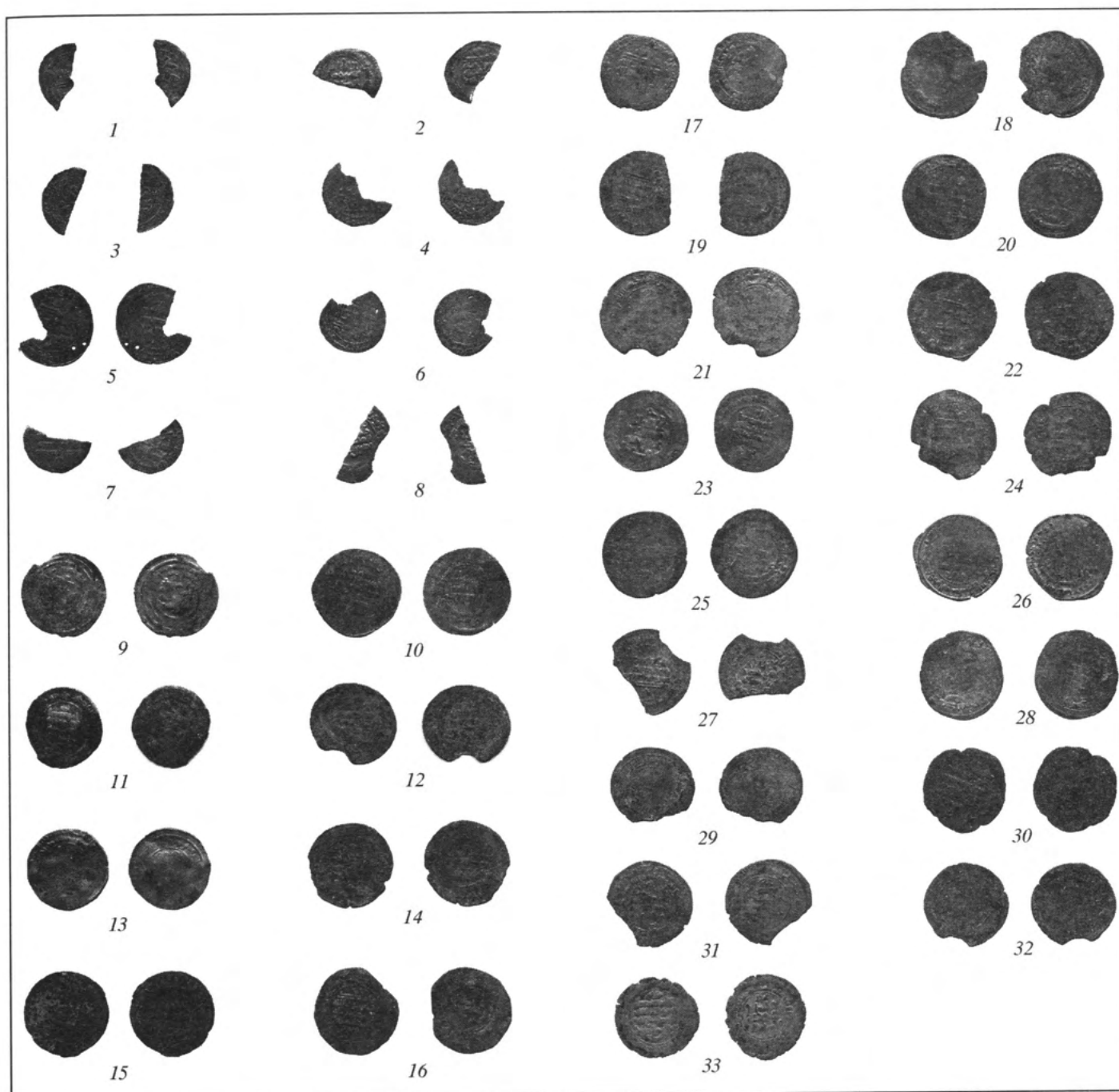

Рис. 7. Усть-Шексна. Кладовый комплекс дирхемов из ямы 4/1

7. Наср II ибн Ахмад (?). Монетный двор – аш-Шаш. 331 г.х. = 942–943 гг. Половинка обрезанного в кружок дирхема. Вес – 1,14 г.

8. Наср II ибн Ахмад. Название монетного двора стерто. Дата обломана. Половинка фрагментированного дирхема. Вес – 0,97 г.

9. Наср II ибн Ахмад. Выпускные данные стерты. Вес – 2,82 г.

10. Нух I ибн Наср (331–343 гг.х. = 943–954 гг.). Монетный двор – Самарканд. 339 г.х. = 950–951 гг. Вес – 4,72 г.

11. Нух I ибн Наср. Место чеканки – Самарканд (?). Выпускные данные почти полностью стерты. Монета очень плохой сохранности. Вес – 3,16 г.

12. Нух I ибн Наср. Выпускные данные пока невозможно прочесть (кое-где они стерты, в других местах – закрыты твердыми окислами). Вес – 3,51 г.

13. Нух I ибн Наср. Монета плохо прочеканена. Выпускные данные стерты. Вес – 3,07 г.

14. Нух I ибн Наср (?). Выпускные данные скрыты под очень плотными окислами. Монета плохой сохранности. Вес – 2,81 г.

15. Нух I ибн Наср (?). Выпускные данные стерты. Монета очень плохой сохранности. Вес – 3,28 г.

16. Абд ал-Малик I ибн Нух (343–350 гг.х. = 954–961 гг.). Место чеканки – Бухара. 345 г.х. – 956–957 гг. Вес – 3,02 г.

17. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Бухара. 345 (?) г.х. = 956–957 гг. Вес – 2,95 г.
18. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Самарканд. 345 г.х. = 956–957 гг. Вес – 3,51 г.
19. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Самарканд (?). 345 г.х. = 956–957 гг. Монета обломана с одного края. Вес – 3,04 г.
20. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – аш-Шаш. 345 (?) г.х. = 956–957 гг. Вес – 3,37 г.
21. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Бухара. 346 г.х. = 957–958 гг. Вес – 3,04 г.
22. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Самарканд (?). 346 (?) г.х. = 957–958 гг. Вес – 3,43 г.
23. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Бухара. 349 (?) г.х. = 960–961 гг. Вес – 3,03 г.
24. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Самарканд. 349 г.х. = 960–961 гг. Вес – 3,23 г.
25. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Самарканд (?). 349 г.х. = 960–961 гг. Вес – 3,68 г.
26. Абд ал-Малик I ибн Нух. Название монетного двора стерто. 349 (?) г.х. = 960–961 гг. Монета прочеканена только наполовину. Вес – 4,20 г.
27. Абд ал-Малик I ибн Нух. 34 г.х. Название монетного двора и обозначение единиц в дате утрачены. Хронологические рамки чеканки данной монеты охватывают до 8 лет: с 343 по 349 г.х. (т. е. с 954 по 961 г.). Этот дирхем обломан с двух сторон. Вес – 2,73 г.
28. Абд ал-Малик I ибн Нух. Место чеканки – Бухара. Дата стерта. Монета плохо прочеканена и сильно потерта. Вес – 2,81 г.
29. Абд ал-Малик I ибн Нух. Выпускные данные (кроме обозначения сотен в дате – “триста”) утрачены. Монета очень плохой сохранности. Вес – 3,12 г.
30. Абд ал-Малик I ибн Нух. Выпускные данные практически полностью уничтожены окислами. Монета очень плохой сохранности. Вес – 3,64 г.
31. Мансур I ибн Нух (350–365 гг.х. = 961–976 гг.). Место чеканки – Бухара (?). 357 (?) г.х. = 967–968 гг. Край монеты обломан. Вес – 3,75 г.
32. Мансур I ибн Нух. Выпускные данные стерты. Край монеты обломан. Вес – 2,54 г.
33. Нух II ибн Мансур (?) (365–387 гг.х. = 976–997 гг.). Выпускные данные почти полностью стерты (в дате читается только обозначение сотен – “триста”). Вес – 2,47 г.

Комплекс монет из ямы 4/1, обнаруженный в 2005 г., относится ккладам, характеризующим заключительный этап бытования арабских монет

на территории Древней Руси⁶. Возможная дата его сокрытия – последняя четверть X или начало XI в. – вполне согласуется с гипотезой о более раннем, нежели середина XI в., времени появления средневекового поселения Усть-Шексна.

Литература

Белецкий С.В., 2001а. Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики: (материалы к своду) / Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 3.

Белецкий С.В., 2001б. Введение в русскую допетровскую сфрагистику / Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 4.

Захаров С.Д., 2005. Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.

Куза А.В., 1985. Древнерусские городища // Древняя Русь: город, замок, село. М. (Археология СССР).

Молчанов А.А., 2001. Знаки Рюриковичей: проблемы изучения // Нумизматика на рубеже веков. М., (Тр. ГИМ. Вып. 125).

Молчанов А.А., 1993. О времени основания Ярославля // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г.: Тез. докл. М.

Молчанов А.А., 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI.

Молчанов А.А., 2000. Рец.: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998 // РА. № 2.

Молчанов А.А., 1999. Экономические контакты и монетная чеканка в Восточной Европе X – начала XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 1999 г.: Материалы к конференции. М.

Перхавко В.Б., 1996. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год: Новое в нумизматике. М.

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., 2003. Центральная часть памятника Усть-Шексна: культурный слой, стратиграфия, планировка // Археология: история и перспективы: I межрегиональная конференция. Ярославль.

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I: Печати X – начала XIII в.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.

⁶ Обобщение новейших данных о собственных монетных эмиссиях главных восточноевропейских экономических и политических центров данного периода, располагавшихся на магистральных торговых путях – Днепровском и Волжском, см.: *Молчанов*, 1999. С. 110–113.

Мякининское 1 селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья

Мякининское 1 селище представляет собой центральное, самое древнее (появилось не позднее середины XII в.) и самое крупное (площадь около 2–2,5 тыс. кв. м), поселение в Мякининском комплексе памятников археологии, размещающемся на северо-западной границе современной Москвы (на территории административного подчинения Красногорскому району Московской области), неподалеку от дер. Мякинино (между историческими селами Строгино и Спас-Тушино), на излучине правого берега Москвы-реки (рис. 1). Весь комплекс включает три средневековых селища (1, 2 и 4 Мякининские селища), курганный могильник, три селища раннего железного века и остатки позднесредневекового (XVI в.) полевого стана. Все эти памятники изучены на широкой площади в процессе широкомасштабных охранных археологических исследований (начальник экспедиции А.В. Энговатова, начальник отряда В.Ю. Коваль), проводившихся с 2002 по 2006 г. Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок Института археологии РАН. Эти исследования проводились в рамках охранных мероприятий, понадобившихся в связи с разворотом строительных работ на территории Мякининской поймы (строительства Административно-общественного центра Московской области и корпусов торгово-выставочного центра “Крокус-сити”). На селищах Мякинино-1 и 2 исследовано по 10 тыс. кв. м площади¹. На Мякининском курганном могильнике за три года раскопок (2004–2006) была исследована площадь 3100 кв. м, на которой были полностью изучены 23 курганных насыпи.

Селище Мякинино-1 удалось изучить практически полностью (в той части, которая сохранилась непо потревоженной при строительной деятельности) – на площади 10 300 кв. м. Тем самым оно стало вторым по размерам вскрытой площади средневековым русским сельским поселением на территории Восточной Европы (первое место остается за селищем Автуничи на Украине, где исследовано более 25 тыс. кв. м). Не раскопанными остались лишь отдельные (небольшие по площади)

участки на периферии памятника, которые не могли быть изучены по различным причинам, связанным с ходом строительных работ, параллельно с которыми проводилось исследование этого селища. К сожалению, почти треть его площади была повреждена строительным котлованом, вырытым без согласования с археологами и органами охраны памятников истории и культуры Московской области еще до организации систематических раскопок. Кроме того, как показали наши исследования, часть площадки селища была уничтожена оползнями из-за подмыва водами Москвы-реки крутого склона, на краю которого и размещался памятник. Наконец, часть площадки памятника была уничтожена задолго до его открытия при прокладке магистрального коллектора, который именно в этом месте пересекал русло р. Москвы (из-за этого была разрушена часть берегового склона). Однако даже с учетом всех перечисленных утрат удалось исследовать более половины площади селища, в том числе всю его центральную часть. В раскопы не попали лишь некоторые периферийные зоны поселения (рис. 2). Таким образом, на сегодняшний день этот памятник является наиболее полно исследованным в Восточной Европе сельским поселением русского средневековья (материалы памятника датируются в пределах середины XII – второй половины XV в.).

Уникальность для средневековой археологии Восточной Европы исследованного селища Мякинино-1 состоит также в том, что оно раскапывалось одновременно с принадлежавшим ему курганным могильником. Судя по размещению могильника в 200 м от площадки селища, он являлся кладбищем именно этого древнерусского поселения. Датировки вскрытых погребений, укладываемые в интервал середины XII – первой половины XIII в., полностью соответствуют начальному этапу жизни на селище Мякинино-1.

После проведения наших раскопок на Мякининском курганном могильнике он стал относиться к числу наиболее полно исследованных в Подмосковном регионе. Кроме 23 курганов, вскрытых на широкой площади Подмосковной экспедицией в 2004–2006 гг., еще 15 курганов здесь были раскопаны В.А. и М.В. Городцовыми в 1924 и 1927 гг. и четыре кургана – М.Г. Рабиновичем в 1948 г.

¹ Селище Мякинино-2, существовавшее в XIII–XVI вв., начинало изучаться Центром археологических исследований г. Москвы под руководством А.Г. Векслера, которым в 1994–1998 гг. здесь было вскрыто более 5 тыс. кв. м площади.

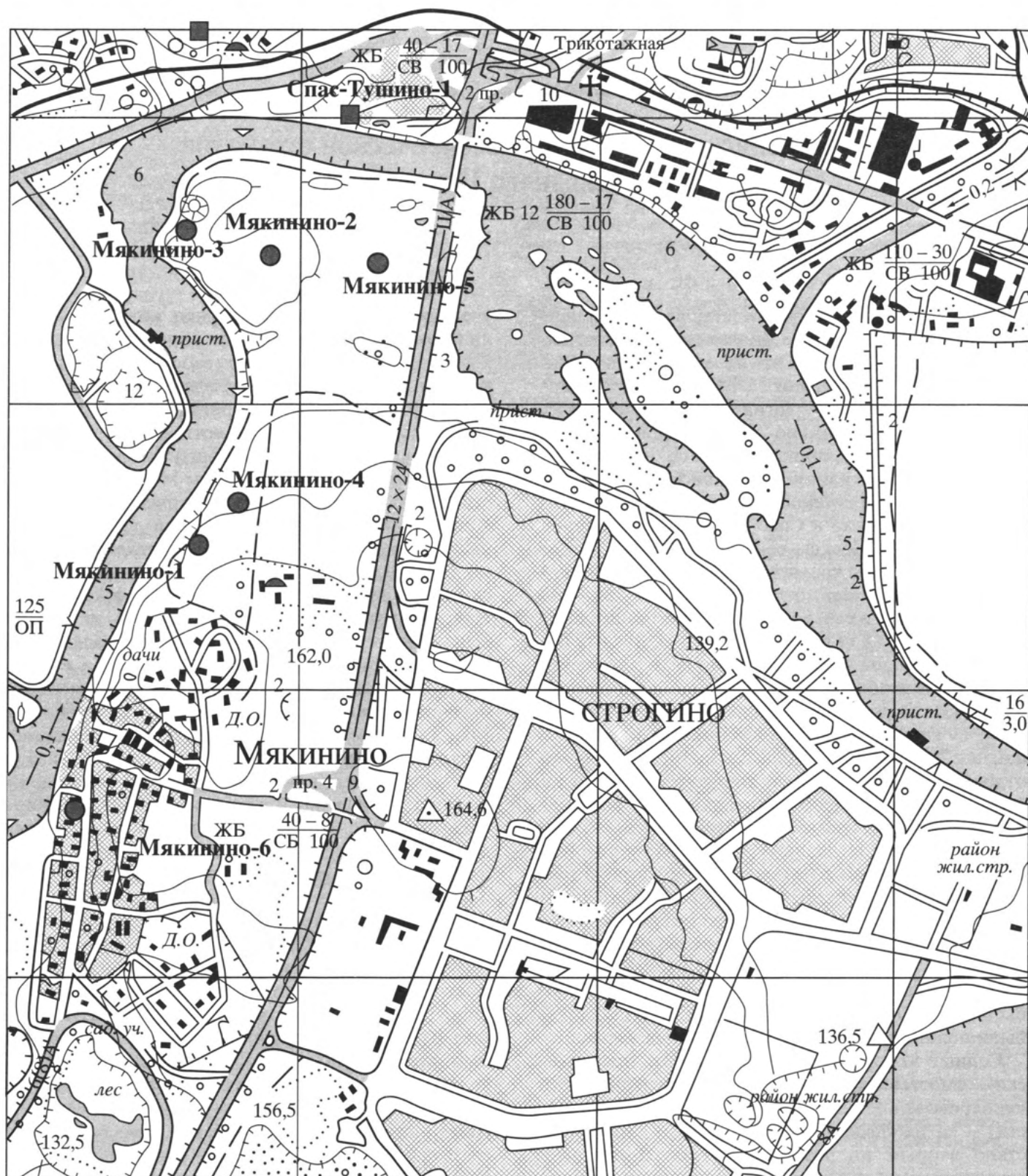

Рис. 1. Мякининский археологический комплекс. Карта размещения памятников

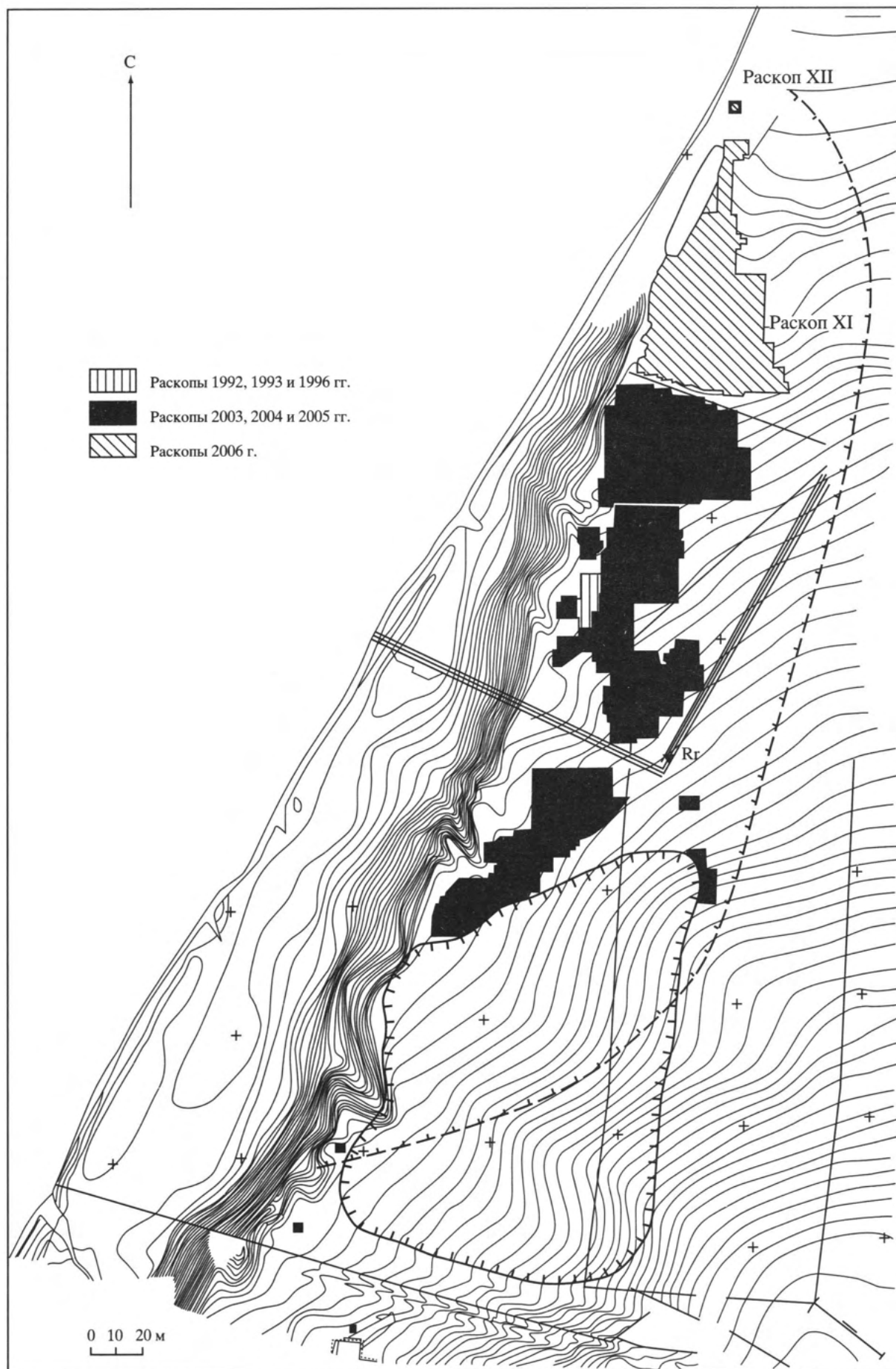

Рис. 2. План селища Мякинино-1 с указанием мест размещения раскопов 2003–2006 гг.

Следовательно, всего в могильнике исследовано 42 кургана. При этом первоначальная численность курганов в могильнике составляла, вероятно, около 100 насыпей, следы которых еще недавно прослеживались на местности. Таким образом, археологическими раскопками было изучено около половины насыпей этого некрополя.

Памятники Мякининской поймы не нашли отражения в средневековых письменных источниках, однако некоторые данные об этом микрорегионе все же имеются. Мякининский комплекс археологических памятников исторически и пространственно связан с археологическими памятниками левобережья р. Москвы в районе Спас-Тушина – Восток. По мнению И.Е. Забелина, район Восток представлял собой в XI–XII вв. важный торговый пункт на пути из Новгорода через верховья Москвы-реки на Клязьму, место, где, по образному выражению историка, “закладывалось основание для древнейшего Москвы-города” (Забелин, 1905. С. 15).

Начиная со времени княжения Андрея Боголюбского (1157–1174) и по 1477 г. на Восток располагался *Войницкий мыт*, входивший в состав земель Волока Ламского и находившийся в совладении великих владимирских князей и Новгорода. Мыт упоминается в духовной грамоте князя Бориса Васильевича Волоцкого, составленной 14 октября 1477 г. Это известие содержится в описании Волоцкого удела, который князь Борис передал своему сыну Федору: “Да благославляю своего сына Федора своею отчиною, чем мя благословил отец мой, князь велики Василей Васильевич Волоком с волостми, и с пути, и с селы и со всеми пошлинами, и с мытом с Войницким, что у Спаса на Восток” (ДДГ, 1950. С. 250). Это место идентифицируется с поселением XII–XIII вв., выявленным на территории Первого Спас-Тушинского городища. Приведенные данные свидетельствуют об исторических связях Войницкого мыта с Волоком Ламским и Новгородом. Дело в том, что до произошедшего при Юрии Долгоруком расширения зоны влияния Суздальского княжества, активную роль в освоении земель в северо-западной части Волго-Окского междуречья играл Новгород. В XI в. возникает древнейший город Московского региона – Волоколамск, являвшийся новгородским форпостом и сохранивший административную связь с Новгородом до середины XV в.

Таким образом, археологические и исторические данные позволяют рассматривать археологический комплекс Спас-Тушина – Восток XI–XIII вв., составной частью которого являются памятники археологии Мякининской поймы, в качестве раннего поселенческого и административного центра, хронологически предшествовавшего или синхронного возникновению Москвы.

В период, когда Москва становится центром великого княжения, “на Восток” возникает Спасо-Преображенский монастырь, который принадле-

жал, вместе с окружающими его землями, боярскому роду Тушиных-Квашниных. В 1380 г. в монастыре был погребен боярин Дмитрия Донского, герой Куликовской битвы Иван Родионович Квашнин.

В период правления Ивана IV Грозного (1547–1584) местность, на которой расположен Мякининский археологический комплекс, вместе с окрестными деревнями Мякинино, Острогино, Щукино, Хорошево и др., входила в состав земель дворцового ведомства. Возможно, что эта территория принадлежала к дворцовым землям уже с середины XV в. Видимо, поэтому в писцовых книгах времени Ивана Грозного нет упоминания ни о деревне Мякинино, ни о других окрестных селениях, так как в них не содержалось сведений о дворцовых землях. В письменных источниках есть лишь упоминание о Литвиновых лугах в пойме р. Москвы. Известно, что окрестные территории с селами Павшино, Хорошево и др. были местами заповедной царской охоты, а также разведения и содержания на заливных лугах коней для царского войска.

Скорее всего местность пришла в запустение в результате социальной политики Ивана Грозного и некоторых природных изменений (нарастание паводков). К XVII в. заселенной осталась лишь южная граница Мякининского археологического комплекса – деревня Мякинино. Поэтому, несмотря на близость расположения Тушинского лагеря (1607–1610) (практически напротив) в Смутное время, в письменных свидетельствах этого периода нет сведений о населенных пунктах на правом берегу р. Москвы, хотя собственно Тушинский лагерь, с. Хорошево, другие территории на левом берегу р. Москвы, а также р. Ходынка упоминаются неоднократно (Николаем Мархоцким, Осипом Будило) (Иностранцы..., 1990. С. 241, 248).

В 1613 г., с воцарением Михаила Федоровича Романова, среди многочисленных владений, пожалованных его матери великой государыне инокине Марфе Ивановне, оказались также и дворцовые села на Москве-реке: Хорошево, Крылатское, Щукино и Павшино, границы которых упоминаются в межевой грамоте на соседние земли боярина Б.М. Лыкова. Возможно, что ей были пожалованы также деревни Мякинино и Острогино. После смерти матери-царицы в 1631 г. все эти владения (включая дер. Мякинино), возвращенные в дворцовое ведомство, объединяются в Хорошевскую конюшенную волость, где должны были готовиться табуны лошадей для царского конного войска. Село Хорошево было центром этой волости, которая начиналась от речки Ходынки и доходила до с. Рублева, включая в свой состав села Крылатское, Ромашково, Павшино и окрестные деревни.

В 1692–1693 гг. деревни Мякинино и Острогино были пожалованы в вотчину дяде Петра I – боярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, которому уже принадлежали село Троицкое-Лыково с деревнями Черевково, Луки и Рублево, т.е. вся

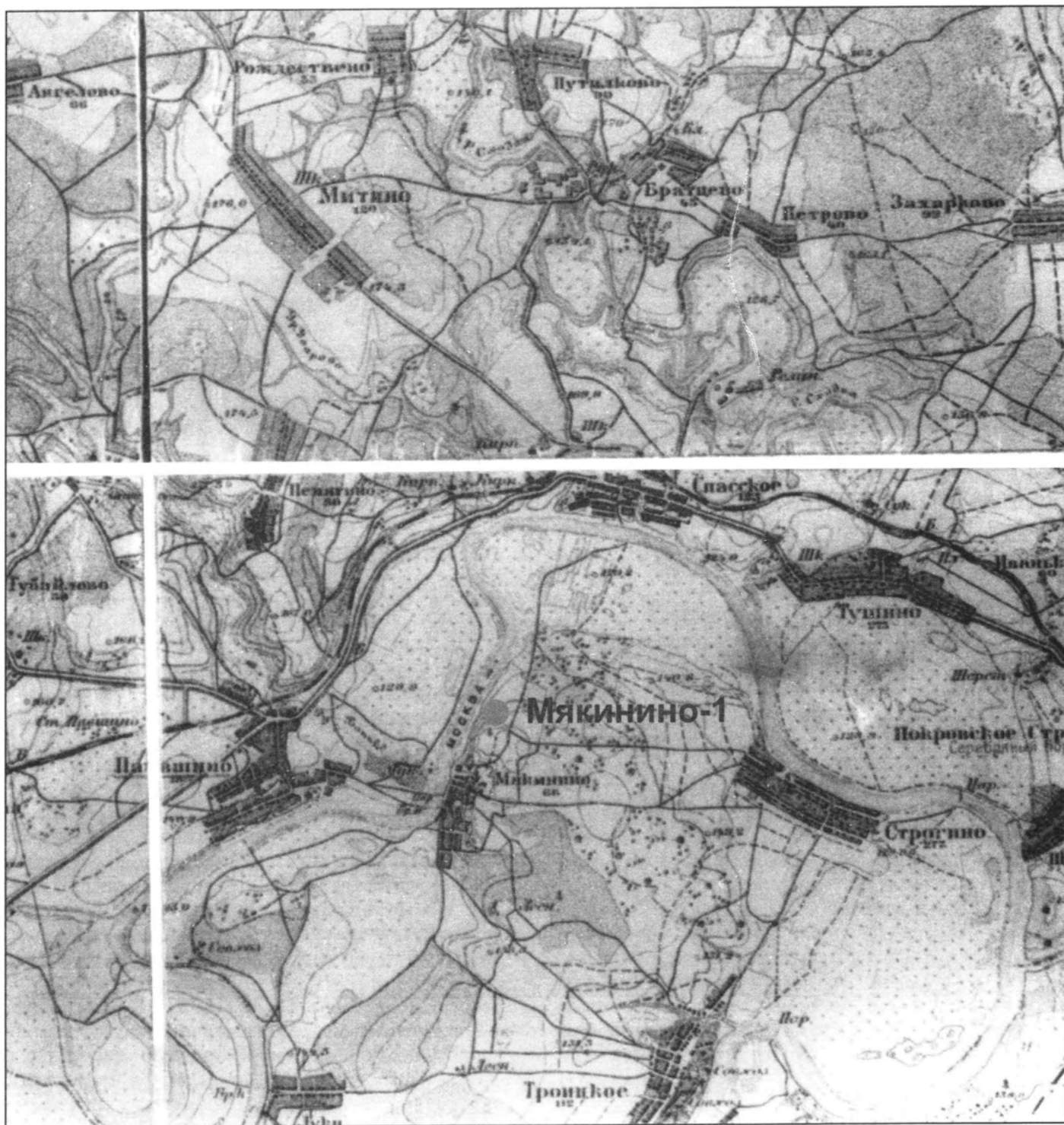

Рис. 3. Карта окрестностей д. Мякинино. 1763 г.

местность на левом берегу р. Москвы, в ее излучине. После смерти М.К. Нарышкина по именному указу Петра I в январе 1698 г. село Троицкое-Лыково с окрестными деревнями отдано во владение боярину Льву Кирилловичу Нарышкину с его матерью – вдовой боярыней Анной Леонтьевной (матерью царицы Натальи Кирилловны и бабкой царя Петра I). В 1732 г., когда его сыновья братья Нарышкины разделили свое недвижимое имение, Троицкое-Лыково с деревнями досталось капитану Ивану Львовичу Нарышкину, а в дальнейшем его дочери Наталье Ивановне.

Территория Мякининского археологического комплекса оставалась незастроенной с фактически неповрежденным культурным слоем вплоть до конца XX в. Об этом свидетельствуют многочис-

ленные карты XVIII–XX вв. На “Геометрическом специальном плане” Московского уезда 1763 г. (в масштабе 1 : 8400), созданном для Генерального межевания, д. Мякинино включена в земли села Троицкого с деревнями Рублево, Луки, Строгино, принадлежавшими президенту Академии наук графу К.Г. Разумовскому. На карте 1763 г. четко выделяется пойма р. Москвы на севере Мякининского археологического комплекса, на юге этой территории между деревнями Мякинино и Строгино фиксируются возделанные распаханые поля (рис. 3). В 1834 г. владельцем Троицкого-Лыкова стал полковник Николай Александрович Бутурлин. В 1852 г. Бутурлину принадлежало это село с двумя церквями, господским домом и крестьянами, которых было в селе 420 душ в 54 дворах, и сосед-

Масштаб 1 : 50000

Рис. 4. Карта окрестностей д. Мякинино. 1927 г.

ние деревни Строгино, Мякинино, Рублево. На топографической карте 1852 г. (рис. L) на юге Мякинского археологического комплекса прослеживается сеть дорог, связывающих д. Мякинино, Строгино, Троицкое, Луки и Рублево.

На топографической карте 1927 г. (рис. 4) в центре и на юге комплекса наблюдаются лесонасаждения и дороги, связывающие деревни Мякинино и Строгино, через всю территорию комплекса про-

ходит дорога, связывающая д. Мякинино с селом Спасское.

Селище Мякинино-1 было выявлено в 1992 г. А.В. Трусовым в ходе работ Центра археологических исследований г. Москвы. Тогда же им были заложены два шурфа и раскоп в самой высокой части памятника. В 1993 и 1996 гг. той же организацией на памятнике проводились рекогносцировочные археологические раскопки (работы велись

по Открытому листу А.Г. Векслера, руководство раскопками осуществляли в 1993 г. – А.Е. Кравцов, а в 1996 г. – Н.В. Зубарев). Всего за три года раскопок на селище было вскрыто 172 кв. м. В 1996 г. селище обследовалось сотрудником ИА РАН Н.А. Кренке. В 2001–2002 гг. на нем проводились разведочные работы Подмосковной экспедицией ИА РАН (А.В. Энговатова, В.В. Сидоров). В 2003–2006 гг. Подмосковной экспедицией ИА РАН на селище были проведены широкомасштабные работы, при которых 12 раскопами была вскрыта площадь 10 300 кв. м.

В ходе этих работ на мысу второй террасы (в западной части площадки средневекового селища) была открыта и исследована небольшая стоянка эпохи мезолита с соответствующим кремневым инвентарем (открыта и исследована А.В. Трусковым). Почти на всей площади памятника встречены также переотложенные культурные остатки селища эпохи раннего железного века (дьяковской культуры). Здесь были найдены лепная сетчатая и гладкостенная керамика, а также отдельные вещевые находки (железные ножи и наконечники стрел, керамические грузики дьякова типа и т.п.).

Раскопки позволили проследить стратиграфию культурных отложений на территории селища, мощность которых составляла от 0,2 до 1,5 м (в ямах). Основная масса находок и керамики относилась к древнерусскому времени XII–XIII и XIV–XV вв. За четыре года работ на селище Мякинино-1 исследовано около 700 заглубленных в материк объектов (из них более 200 принадлежали различным постройкам), собрано более 1900 вещевых находок и более 30 000 фрагментов керамики, из которых удалось собрать более 40 археологически целых форм сосудов. Раскопки проводились в комплексе с широким спектром естественно-научных исследований: начиная от полевых работ, сопровождавшихся предварительным геофизическим обследованием территории будущих раскопок, геоморфологическим обследованием района, почвоведческими исследованиями (фосфатный, биоморфный анализы), и заканчивая камеральным этапом, на котором проводилось изучение образцов, отобранных в процессе полевых работ (палинологический, карпологический и радиоуглеродный анализы), массового археологического материала (остеологический анализ) и вещевых находок (спектральный анализ изделий из стекла, цветных металлов, металлографический анализ изделий из черных металлов). В результате получено комплексное и всестороннее представление о памятнике и оставшем его населении.

Впервые при археологических исследованиях сельского поселения на Мякинино-1 был проведен комплекс палинологических исследований образцов, взятых из заполнения ям (Е.А. Спиридонова). Проведение таких исследований показало, что в тех случаях, когда засыпка ямы проводилась однородным грунтом (например, взятым поблизости

культурным слоем), датировка этого заполнения по данным археологии и по палинологическим признакам оказывалась идентичной или близкой. В случаях же многослойного заполнения ям, засыпавшихся разнородным грунтом, бравшимся из разных мест и имевшим различное происхождение (материковый грунт, культурный слой различных периодов), датировки имели тенденцию к существенному расхождению (до двух столетий). Интересным результатом палинологического анализа было обнаружение в заполнении ям домонгольской эпохи спор мха и плаунов. Мхи могли использоваться при проконопачивании стен бревенчатых изб, а плауны – для изготовления красителей или плетения цыновок.

Карпологические исследования (к.и.н. Е.Ю. Лебедева) показали, что в домонгольскую эпоху основной сельскохозяйственной культурой на селище Мякинино-1 было просо, доля которого достигала 40% (по числу зерновок), на втором месте шли рожь и овес. В золотоордынскую эпоху ситуация резко изменилась, и рожь выдвинулась на первое место среди зерновых (ее доля стала превышать половину всех зерновых остатков), а количество проса резко снизилось. По этим показателям Мякининское селище близко другим изученным поселениям средневековой Руси, как городским, так и сельским.

При почвоведческом изучении ряда разрезов (выполнялось д.г.н. А.А. Гольевой, ИГ РАН) было установлено, что средневековое селище появилось на месте, ранее занятом хвойным лесом на подзолистых почвах, причем сведение леса началось, вероятно, ранее появления селища (Гольева, 2007. С. 86, 87).

Изучение металлографии железных изделий позволило сделать вывод о широком применении орудий (прежде всего ножей), изготовленных при помощи “простых” технологических схем (цельно-железные и цельностальные изделия), характерных для южнорусского кузнечества, что указывает на вхождение Москворечья в сферу южнорусских традиций железообрабатывающего ремесла (Розанова, Терехова, 2005. С. 38), связанное, вероятно, с высокой долей переселенцев из районов Поочья или Днепровского Левобережья.

Вопрос о статусе древнерусского поселения, археологизированными остатками которого является Мякининское 1 селище, требует комплексного рассмотрения с учетом разнородных данных. Предварительное изучение этого вопроса возможно на базе анализа вещевых находок, среди которых имеется заметное количество предметов, указывающих на присутствие на селище лиц с высоким социальным статусом. Для домонгольской эпохи к числу таких вещей можно отнести престижные предметы христианского культа (створку бронзового креста-энколпиона, медальон-змеевик, две каменные иконки, в том числе одна византийская стеатитовая) и обломки византийской амфоры

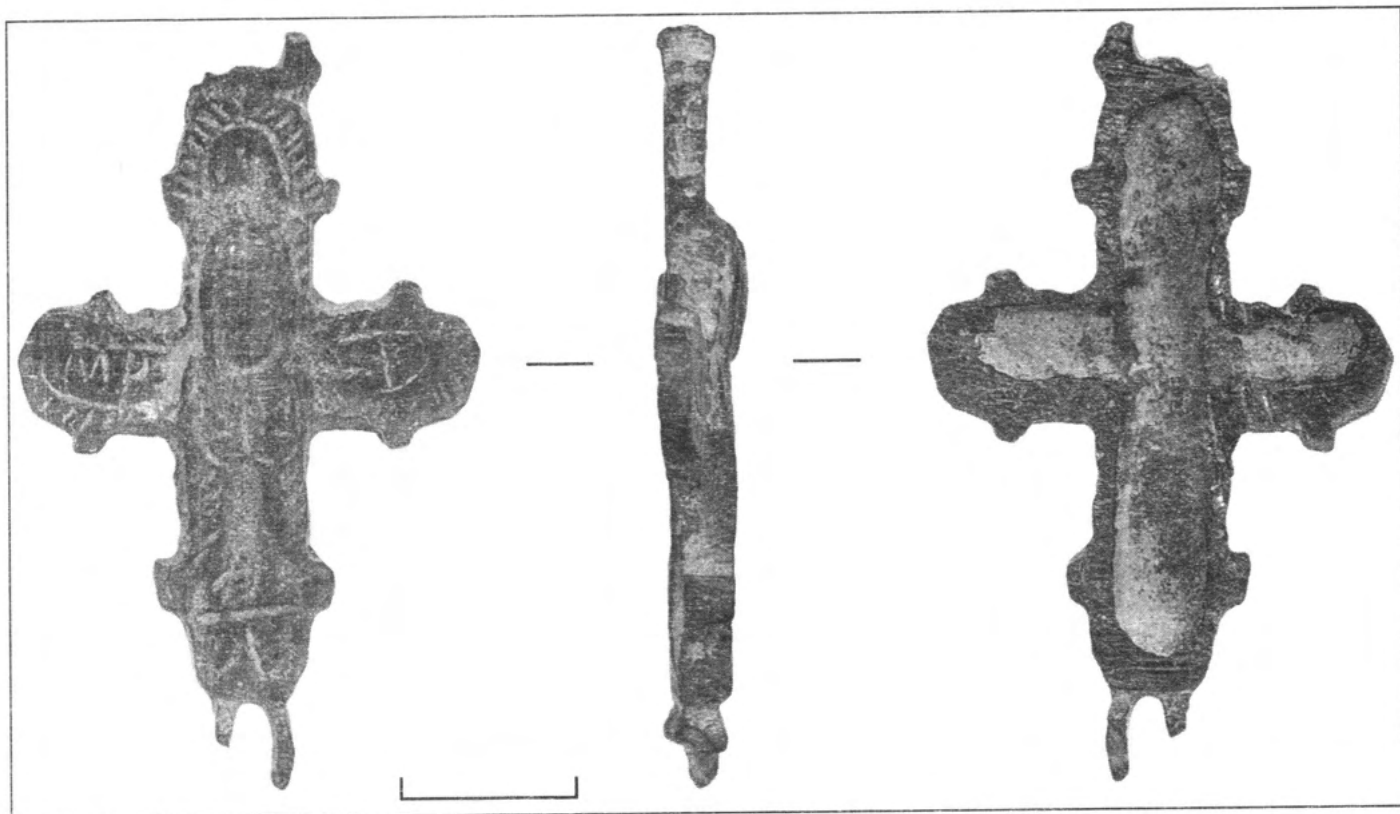

Рис. 5. Крест-энколпион

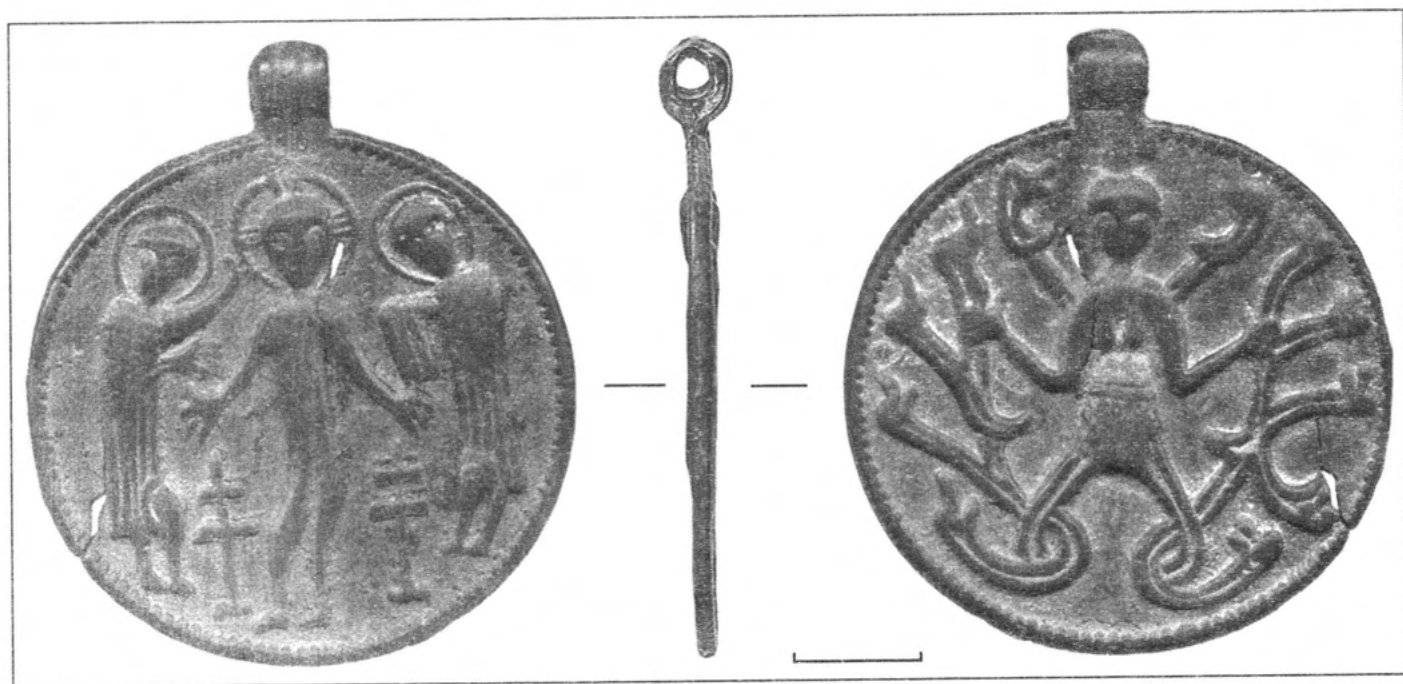

Рис. 6. Амулет-змеевик

(первая подобная находка на сельских поселениях Москворечья). Створка креста-энколпиона (рис. 5) с рельефным изображением Богоматери и гравированной надписью относится к числу южнорусских изделий XII – первой половины XIII в. Медальон-змеевик (рис. 6) со сценой крещения Иисуса Христа на лицевой стороне и змееногим чу-

довищем (изображением византийской статуи “Сциллы”) на оборотной относится к тому же времени (Коваль, 2007). Из двух каменных иконок, найденных на селище, одна (фрагментированная), была изготовлена из стеатита и, по мнению В.Г. Пуцко, несла изображение св. Симеона Столпника (рис. 7), которое он склонен датировать пер-

вой половиной XIII в. От имени святого, написанного некогда на иконке, сохранилась только последняя буква “N”. Вторая (целая) иконка была изготовлена из темно-серого сланца и несла изображение бородатого святого, по-видимому, св. Николая (рис. 8, 1). По мнению В.Г. Пуцко, ее датировка возможна в пределах XIII в.²

К столь элитным образцам христианского благочестия примыкают многочисленные и разновременные тельные кресты, найденные в различных комплексах и изготовленные из бронзы и (в двух случаях) янтаря (рис. 8, 2, 3). Не меньший интерес вызывает бронзовая литая накладка (застежка?), украшенная желтой эмалью, которая совмещает в себе лунницу и изображение четырехконечного креста, перекладину которого с обеих сторон “кусают” две змеинные головки, “вырастающие” из концов лунницы (рис. 9). Пять обломков от одной амфоры “трапезундской” группы (рис. 10) относились к той разновидности таких сосудов, которые производились в конце XII – первой половине XIII в. (к сожалению, все обломки этой амфоры найдены в переотложенном виде – в пахотном слое или комплексах XIV–XV вв.). Византийские амфоры использовались в основном для перевозки виноградного вина, являвшегося престижным продуктом питания и необходимым атрибутом христианского церковного богослужения, предназначаясь для выполнения обряда причастия (Коваль, 2003. С. 340–360).

Все перечисленные выше предметы относятся к домонгольской эпохе. Однако и в золотоордынскую эпоху в социальном составе жителей селища заметное место занимали представители аристократического сословия. Только им могли принадлежать такие вещи, как золотоордынские поливные чаши (2 или 3 сосуда), обломки которых были найдены в различных частях селища. Кому-то из этого круга людей мог принадлежать и перстень с тамгой Джучидов на щитке. Наконец, только представитель аристократии мог позволить себе владеть дорогим поливным сосудом русского производства (XIV–XV вв.), украшенным рельефной сценой с изображением целого “оркестра”: музыкантов с гудком и гуслиями в руках (рис. LI).

При всем этом предметов вооружения и военного снаряжения (наконечники стрел и копий, стремена, шпоры, удила) здесь найдено немного, но даже эти немногочисленные находки определенно свидетельствуют о пребывании в селе тяжеловооруженных воинов, некоторые из которых могли выполнять здесь и административные функции.

Все эти находки позволяют предполагать, что селище Мякинино-1 является остатками княжеского либо частновладельческого села, на котором постоянно присутствовали представители администрации, относившиеся к аристократическому (воен-

Рис. 7. Обломок византийской каменной иконки

ному) сословию. Поэтому нам представляется допустимым предполагать, что селище Мякинино-1 могло являться остатками одного из известных по летописям “красных сел московских” XII в., ставших причиной захвата Москворечья суздальскими князьями и гибели их прежнего владельца боярина Кучки³.

Поскольку площадка селища подвергалась многолетней распашке, ею были уничтожены почти все следы наземных частей зданий (за несколькими исключениями), а сохранились только подземные части этих построек – погреб, подпольные и подпечные ямы. Однако нет сомнений в том, что наземные части зданий были по своим размерам гораздо больше обнаруженных ям (подземных частей домов), а сами эти здания имели только срубную конструкцию. Восстановить же размеры и конфигурацию наземных построек можно только с большой мерой условности. Из-за распашки практически не сохранились и остатки отопительных устройств (печей), которые, видимо, размещались не над подпольями, а в стороне от них – в углах зданий. Такое размещение печей представляется весьма разумным и глубоко продуманным. Попытка установить печь над подпольной ямой неизбежно привела бы к конструктивным проблемам (необходимость удержания тяжелой глинобитной печи над фактически пустым пространством подполья) и неизбежно сократила бы срок жизни постройки.

На представленном плане северной части селища (рис. 11) видно, что ямы от подземных частей зданий концентрируются в виде скоплений, марки-

² Пользуемся случаем выразить свою глубокую благодарность В.Г. Пуцко за консультацию по данному вопросу.

³ Разумеется, мы отнюдь не допускаем возможность владельческих прав боярина Кучки именно на это село, поскольку никаких данных для установления конкретного владельца села в XII в., конечно же, нет. Речь идет только о круге поселений того времени, известных благодаря летописи.

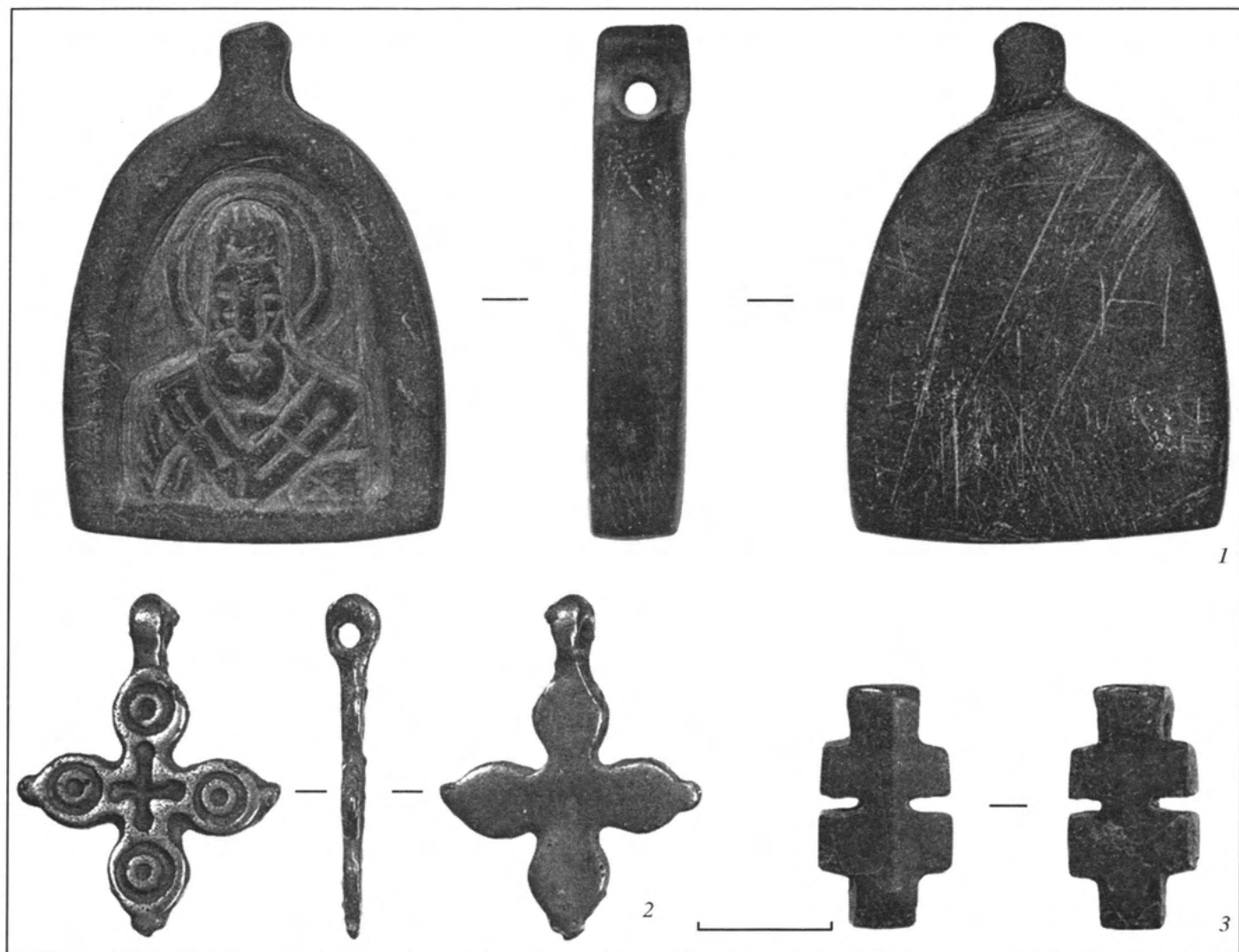

Рис. 8. Каменная иконка и бронзовые кресты

рующих отдельные дворы (усадыбы). Поскольку хронология ям в скоплениях различна, они отражают протяженный во времени процесс перестроек отдельных зданий (как жилых, так и хозяйственных) в пределах двора. Особенный интерес представляют три канавки от оград типа частокола, вытянутые по линии север – юг почти параллельно

друг к другу. Эти линии оград, вероятно, отмечают внешние границы села в различные эпохи (но не позже XIV в.). Наличие у сельских памятников столь раннего времени внешних оград является очень важным признаком, который до сих пор почти не фиксировался (из-за малых площадей раскопов на селищах).

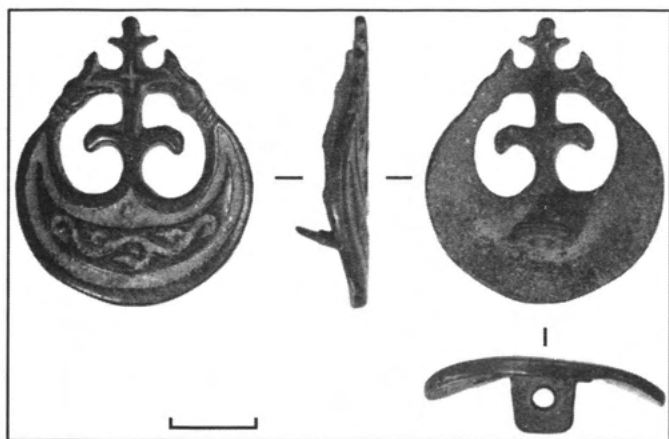

Рис. 9. Накладка с процветшим крестом

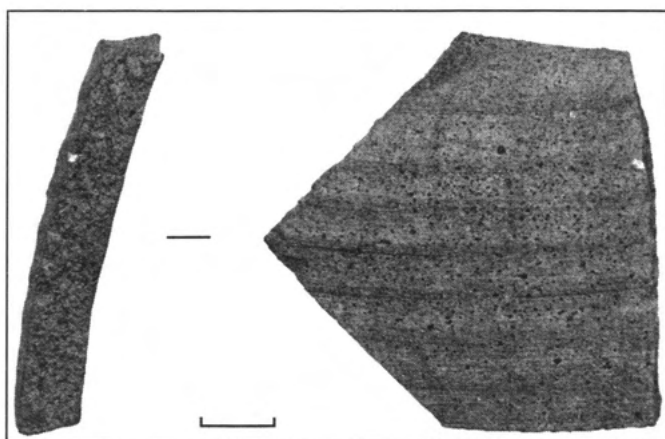

Рис. 10. Обломок амфоры

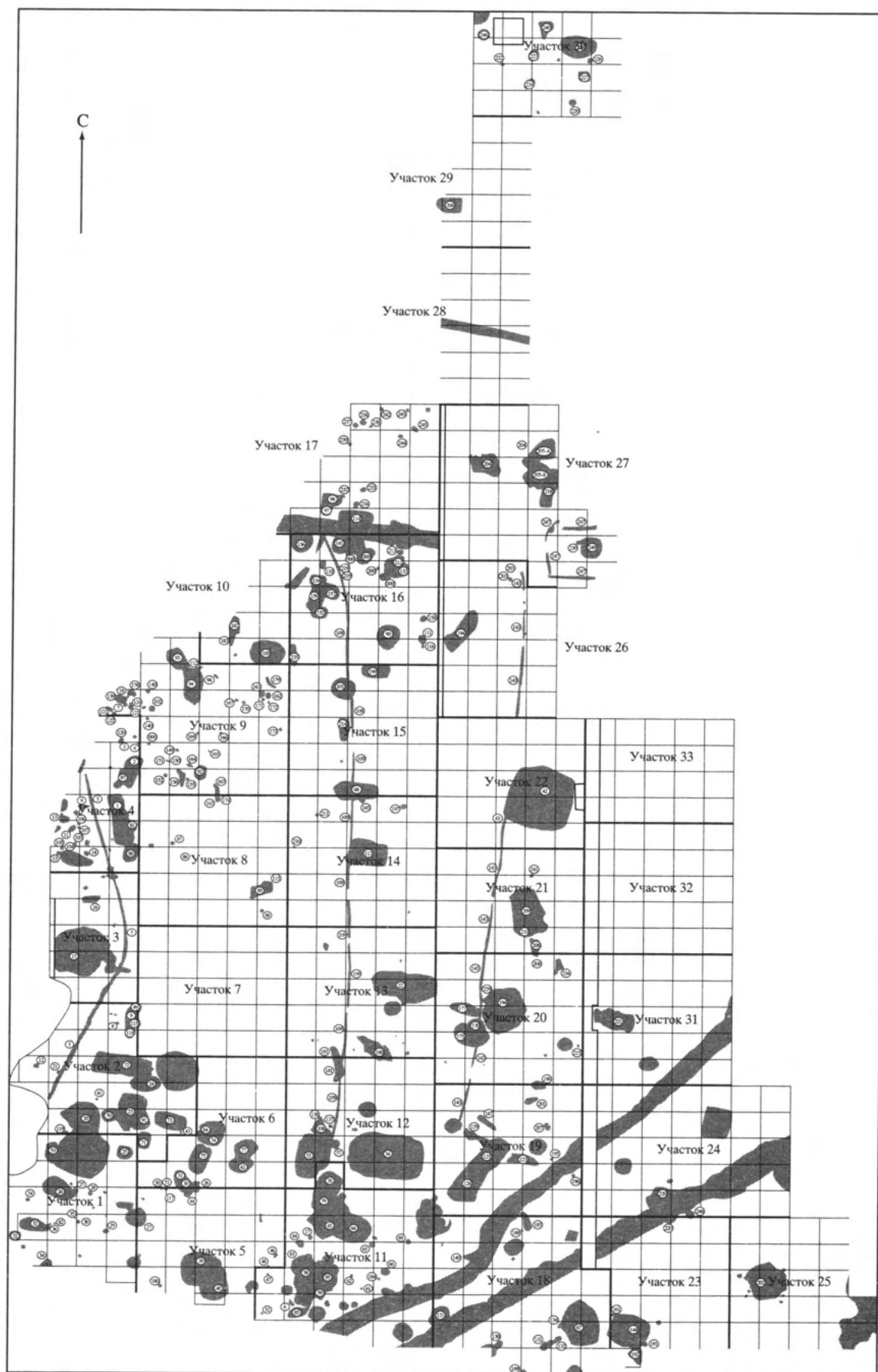

Рис. 11. Сводный план объектов на территории раскопа 2006 г.

Вещевой комплекс из объектов домонгольской эпохи в целом мало отличался от синхронного городского (известного, например, по раскопкам Москвы) и включал, кроме бытовых вещей (железные ножи, топоры, шиферные пряслица, оселки из песчаника, цилиндрические замки и ключи к ним) и инструментария домашнего ремесла (железные шилья, резцы, кочедыки, тесла, скобели) и сельскохозяйственного труда (железные косы, серпы, сошники, жернова из известняка и кварцита), различные украшения из цветных металлов (перстни, браслеты, височные кольца) и стекла (браслеты, бусы). В частности, на селище Мякинино-1 найдено около 100 обломков стеклянных браслетов, принадлежавших различным изделиям, среди которых преобладала продукция, традиционно приписываемая киевскому производству. Следует заметить, что обломки стеклянных браслетов отсутствовали в комплексах середины и второй половины XII в., но присутствовали в подавляющем большинстве объектов, заполнявшихся в первой половине XIII в. Вероятно, это свидетельствует о том, что в окрестностях Москвы такие украшения стали общедоступными (распространившимися как в городах, так и в селах) не ранее начала XIII в.

Вещевой комплекс из объектов золотоордынской эпохи характеризуется исчезновением стеклянных браслетов и бус, резким уменьшением числа бронзовых браслетов, но увеличением количества перстней, крестов-тельников и появлением разнообразных накладок из железа и цветных металлов, предназначавшихся для украшения конской упряжи.

Керамический комплекс домонгольской эпохи обоих селищ и курганного могильника имеет сходство с материалами Москвы и всего вятичского Москворчья. Единственным существенным отличием является присутствие в комплексах середины

XII в. большого количества белоглиняной посуды (до 30–50% в отдельных комплексах), изготовленной в южнорусских традициях и характеризующейся более высокой технологией производства (отсутствием дресвы в формовочной массе, полным горновым обжигом) и рядом морфологических отличий по сравнению с красноглиняной керамикой, бытовавшей в это же самое время в Москве и Москворечье (зоне расселения вятичей). Появление в Москворечье керамики “южнорусского” типа можно связывать с переселением сюда в первой половине или середине XII в. группы населения из региона Днепровского Левобережья (или Верхнего Поочья?), где подобная керамика производилась с начала XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 177). Прекращение же ее производства во второй половине XII в. могло быть связано либо с уходом южнорусских переселенцев в иные места, либо, что представляется более вероятным, их растворением в среде москворецких вятичей.

Литература

Гольева А.А., 2007. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // Археология Подмосковья. М. Вып. 3.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.

Забелин И.Е., 1905. История города Москвы. М.

Иностранцы о древней Москве. М., 1990.

Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Коваль В.Ю., 2007. О древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. Вып. 221.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре: (к вопросу о керамике верхнего Москворчья в XII в.) // Археология Подмосковья. М. Вып. 2.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2005. Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино-1) // Археология Подмосковья. М. Вып. 2.

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

А.А. Селин

Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли

Выбранный нами для изучения микрорегион – Тесовская волость (рис. 1). Она располагается в среднем течении Оредежа – крупнейшего притока Луги, в том месте, где оредежские притоки подходят на минимальное расстояние к Новгороду. Первый предварительный итог историко-географических и историко-археологических исследований этого микрорегиона я подвел в работе 1997 г. (Селин, 1997а. С. 119–124). С этого времени процесс изучения Тесовской волости чрезвычайно продвинулся. Нам удалось выявить и опубликовать новые документы, касающиеся Тесовской округи (Селин, 1999. С. 186–197; 2000. С. 207–232), а также в июне 1998 г. начать археологические исследования памятника, идентифицируемого со средневековым волостным центром.

Среднее Пооредежье вошло в орбиту археологических исследований во второй половине прошлого века. Первым исследователем древностей Тесовского погоста был Н.Г. Богословский, раскопавший в 1876 г. сопку близ кладбища у Тесовского погоста (Богословский, 1878). В мае 1924 г. А.А. Спицын заказал в РАИМК открытый лист на исследование курганов в районе Ям-Тесова (Раскопки Спицына..., 1924). Эти работы по какой-то причине не начались, но в июне того же года А.А. Спицын представил в комиссию по нумизматике и глиптике фрисландскую монету (денарий Бруно III, чеканенный в Доккуме в 1038–1057 гг., которую при разрытии кургана у пог. Климентовского нашел местный крестьянин (Протокол..., 1924. 45–45 об.; Приложение к протоколам, 1925. 7 об.)). В 1928 г. С.А. Теплоухов, тогда сотрудник Этнографического Отдела Русского музея, заказал открытый лист на раскопку “могил IX–XII вв., находящихся в Новгородской и Ленинградской губерниях на р. Оредеж близ погостов Бутковского, Ям-Тесовского и Флоровского” (Теплоухов, 1929), которым угрожало, по его данным, разрушение распашкой¹. “Семь курганов находились в общем могильнике, расположенном в 80 м к северо-западу от современного кладбища у ц. Климента, один – одиночный курган (курган № 4) находился у северо-восточной стороны упомянутого современного

кладбища” (Теплоухов, 1929). В том же году С.А. Теплоухов раскопал восемь курганов из могильника.

В ходе работ Оредежского отряда Северо-Западной экспедиции ЛГУ в 1979 г. Ю.М. Лесманом было открыто поселение, которое, по мнению исследователя, соотносится с известным по Новгородской первой летописи местечком Тесово (Лесман, 1980; 1995).

Нам представляется убедительным предложенное Ю.М. Лесманом соотнесение летописного Тесова с поселением Заполье-2 (Приозерная волость Лужского района Ленинградской области). Оно находится на возвышенности, близ кладбища и развалин каменной церкви св. Климента постройки 1827 г. (Ведомости..., 1914. С. 571–577). В 1970-х годах вся западная часть поселения была уничтожена карьером, заложенным для постройки мостов через Рыденку и Оредеж (рис. 2).

За четыре года археологических исследований (1998–2001) на памятнике Заполье-2 (Тесовский погост) исследовано 420 м², преимущественно в юго-западной, разрушающейся части (здесь полной площадью вскрыт участок в 316 м²) (рис. 3). Памятник почти полностью распахан в XVIII–XX вв.; только в 2001 г. удалось найти в северной части поселения участок, не поврежденный распашкой. Материал, полученный с юго-западного участка представляет заметный интерес. Опишем этапы существования поселения в хронологическом порядке.

Результаты работ позволяют говорить о том, что основной исследованный участок был занят жилой зоной, датируемой XI (концом X?) – XII вв. Более поздние материалы, происходящие с юго-запада поселения, находятся в пахотном слое. Материалы XI–XII вв. достаточно показательны. Здесь найдены два элемента поясной гарнитуры (рис. 4, 1, 2), две трапециевидные подвески (рис. 4, 3, 4), набор бус, ледоходный шип (рис. 5, 6), гребни с циркульным орнаментом (рис. 6, 1–5). Возможно, этим же периодом датируются происходящие из пахотного слоя ключ (рис. 5, 7), фигурка птицы из рога (рис. 6, 6) и височное кольцо (рис. 4, 5). К этому времени относятся и все выявленные на поселении комплексы (ямы).

В ямах, из которых на сегодняшний день достоверно атрибутируется только исследованная в

¹ Таким образом, поселение распахивалось еще в 1920-х годах.

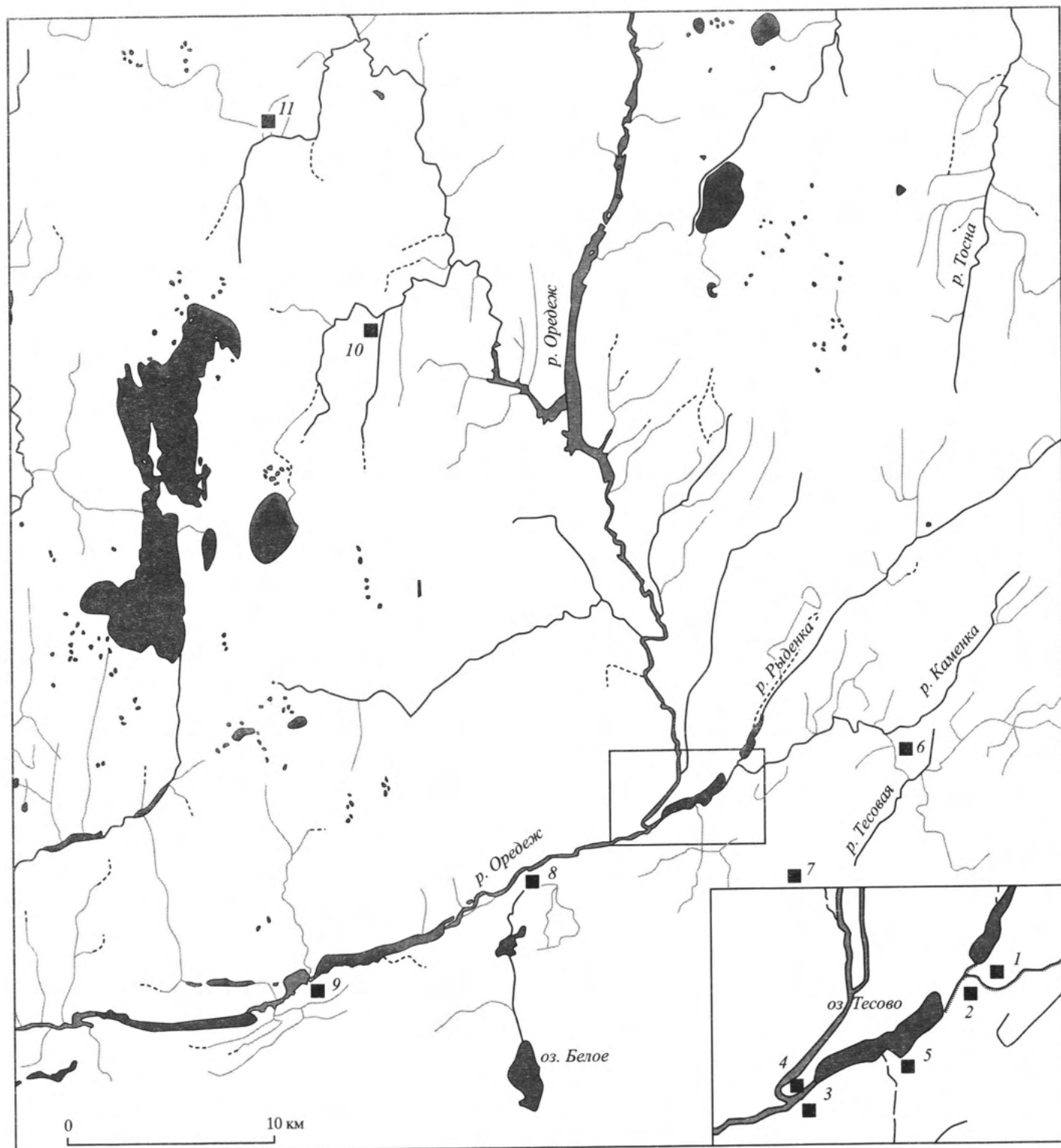

Рис. 1. Тесовская округа

2001 г. яма 28², представлен и яркий керамический материал³. Особый интерес представляет керами-

² По всей вероятности остатки литейной мастерской; из нее происходит серия находок тиглей (на рис. 7).

³ На поселении представлен непрерывный ряд керамического материала, от лепной керамики рубежа I–II тыс. н.э. до позднесредневековой XVII–XVIII вв. В пахотном слое лепная и раннегончарная керамика представлена единичными фрагментами. Наибольшее количество составляет серо-бежевая

ческий комплекс ямы 19. Яма оказалась насыщена крупными (по сравнению с остальным материалом)

гончарная керамика, вторая по числу фрагментов – белостенная. Встречается также красно-кирпичная керамика, есть два фрагмента розовой, некоторое количество черной керамики. Так как памятник пропахивался до материка, керамика чрезвычайно фрагментирована. При этом сохранность керамики довольно хорошая, практически нет расслаивающихся и рассыпающихся фрагментов. По венчикам сосудов выделяется семь различных типов керамики (рис. 9).

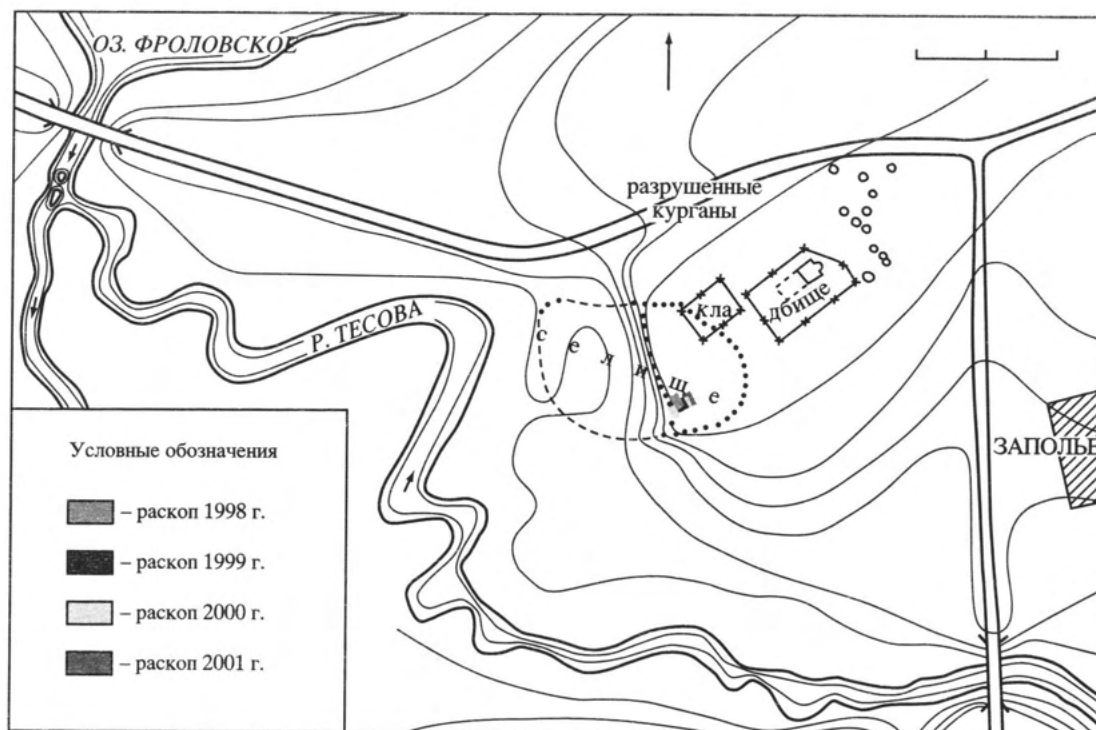

Рис. 2. Схема памятников у д. Заполье. Поселение Заполье-2 (Тесовский погост) и курганный могильник Заполье-1. По Ю.М. Лесману, с коррективами

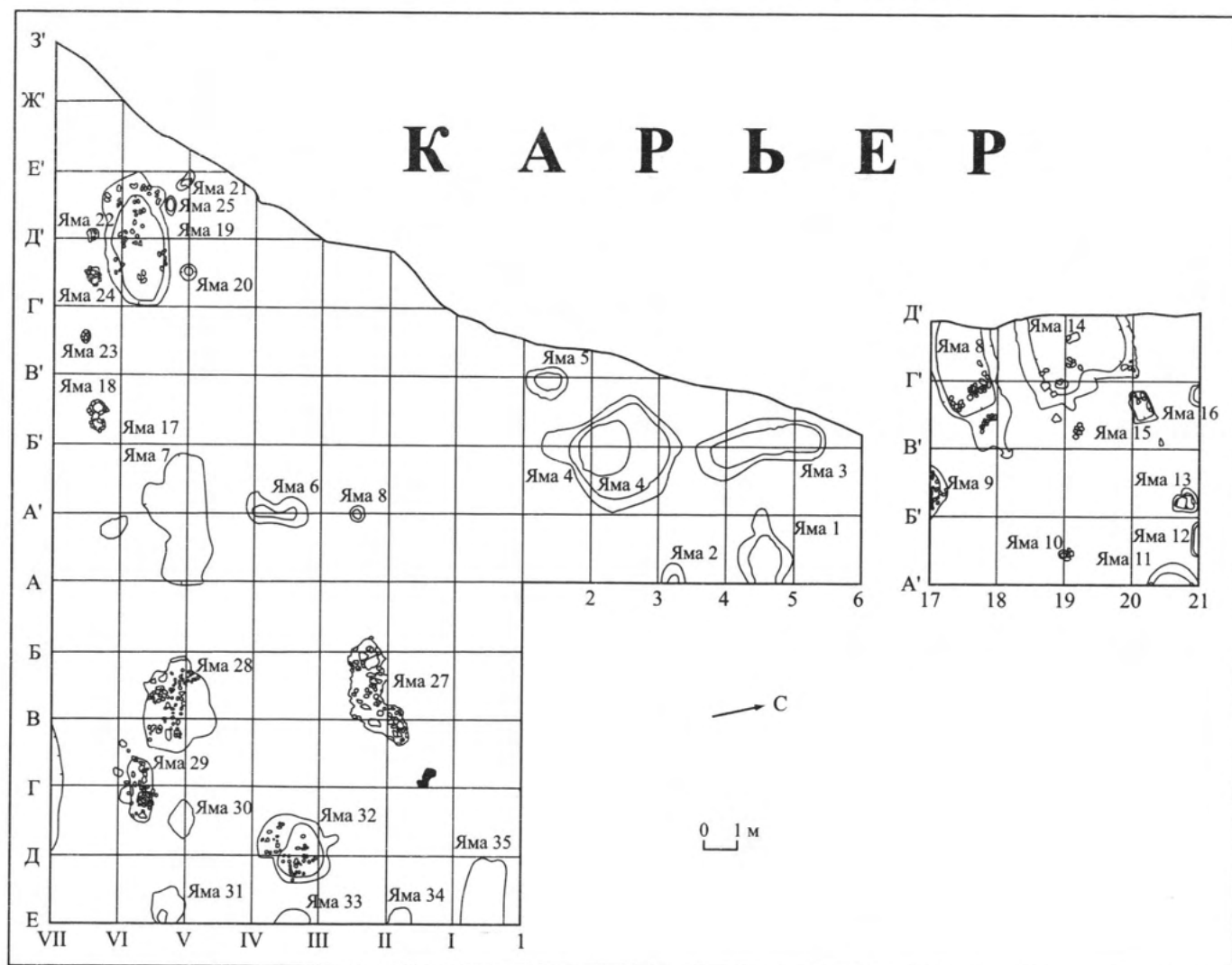
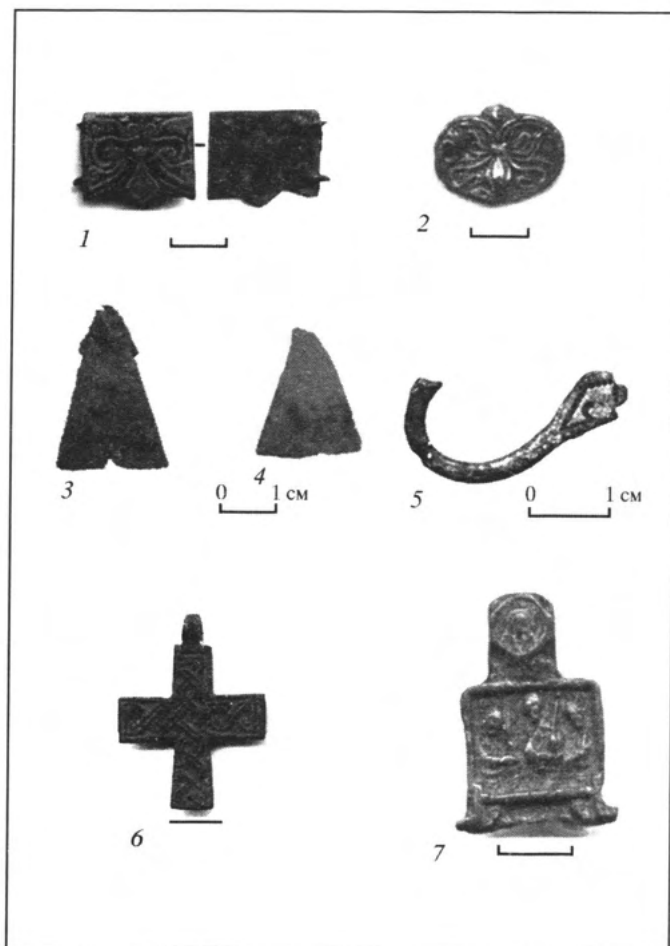

Рис. 3. План исследованной в 1998–2001 гг. площади памятника Заполье-2 (Тесовский погост)

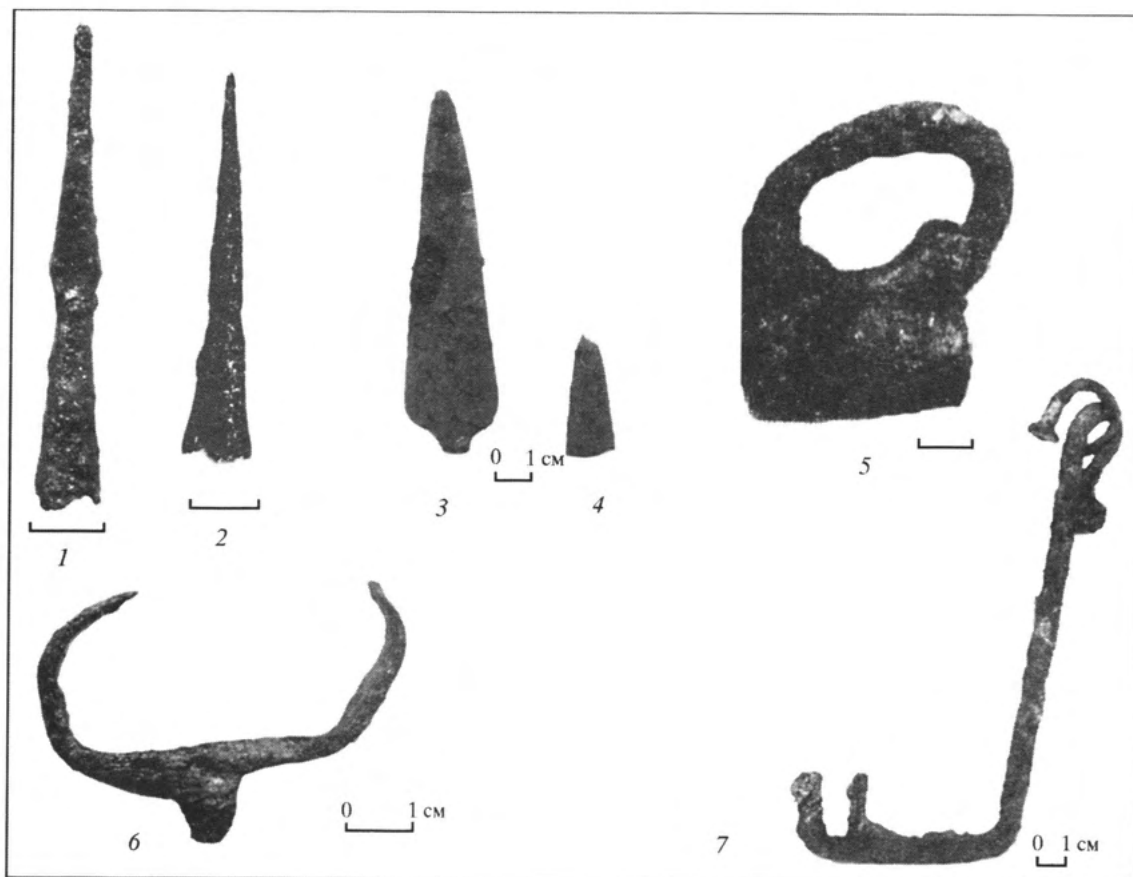
фрагментами бурой гончарной керамики (1085 шт.) (рис. 8). Встречено несколько фрагментов специфического цвета и качества – серо-черные на сломе с тонким белесо-желтым слоем на поверхности, которые в руках рассыпаются на крупинки, причем ни профиль, ни орнаментация не отличаются от остального материала. В яме были найдены три фрагмента, составившие значительную часть профиля лепного сосуда, кроме того 14 мелких фрагментов похожих венчиков. Удалось собрать один практически целый гончарный сосуд (рис. 8, 4) сероватого цвета с внешней поверхностью оранжевого оттенка. Поверхность нарушена настолько, что даже следы орнамента прочтываются лишь на некоторых участках. Большинство венчиков из ямы 19 аналогичны верхней части собранного сосуда. В материале преобладает линейно-волнистый

Рис. 4. Бронзовые предметы

1, 2 – накладки-детали поясной гарнитуры; 3, 4 – трапециевидные подвески; 5 – фрагмент ромбошиткового височного кольца; 6 – крест-тельник; 7 – фрагмент наперсного креста. 1, 2, 5, 7 – юго-западный участок, черный пахотный слой; 3 – яма 31; 4 – яма 32, северный участок, черный пахотный слой

Рис. 5. Железные предметы

1–4 – стрелы; 5 – замок, 6 – ледоходный шип, 7 – ключ. 1–6 – юго-западный участок, черный пахотный слой; 7 – юго-западный участок, предматерик

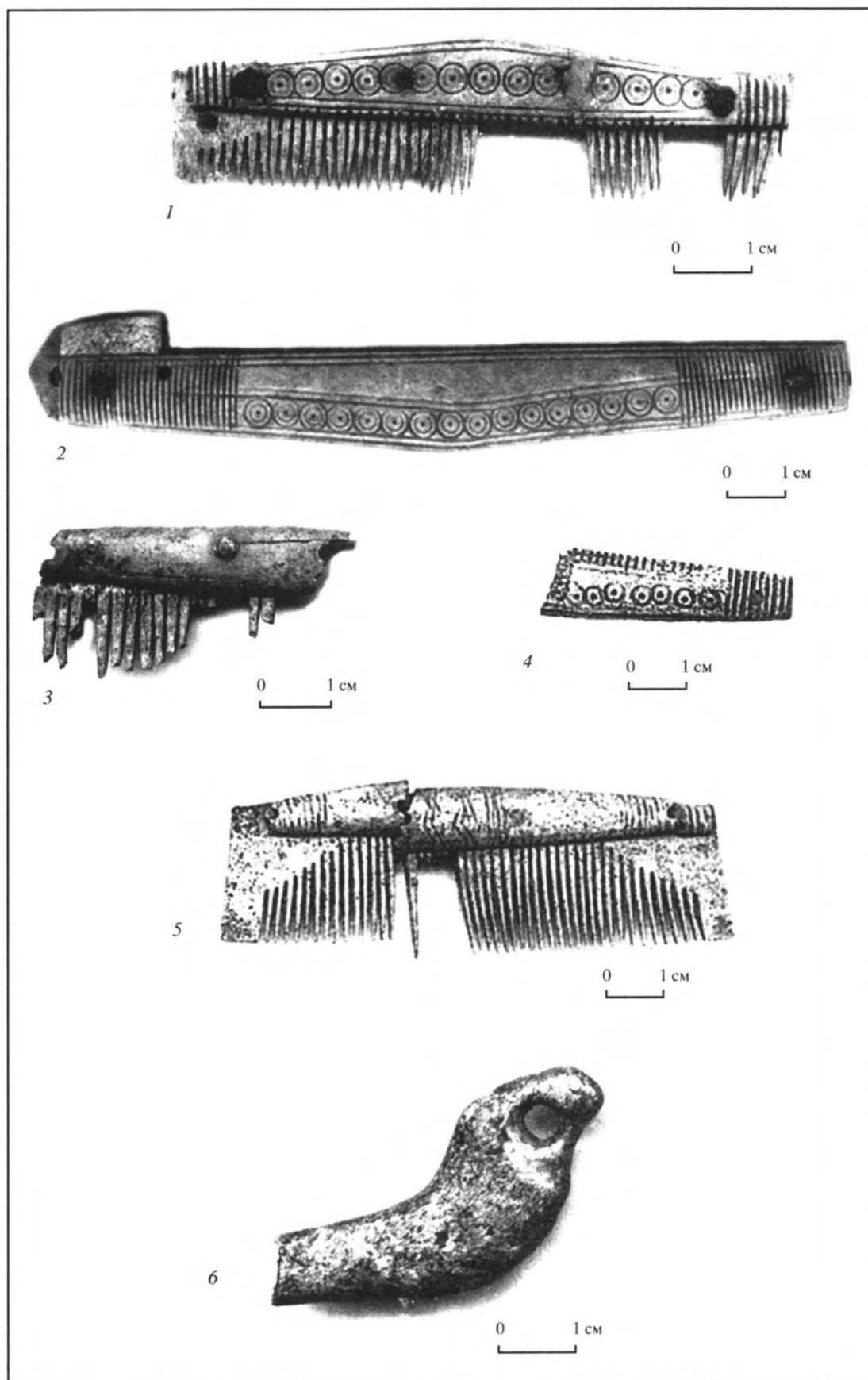

Рис. 6. Предметы из кости и рога

1, 3–5 – гребни односторонние; 2 – футляр для гребня; 6 – фигурка птицы. 1 – яма 6; 2 – яма 7;
3–6 – юго-западный участок, черный пахотный слой

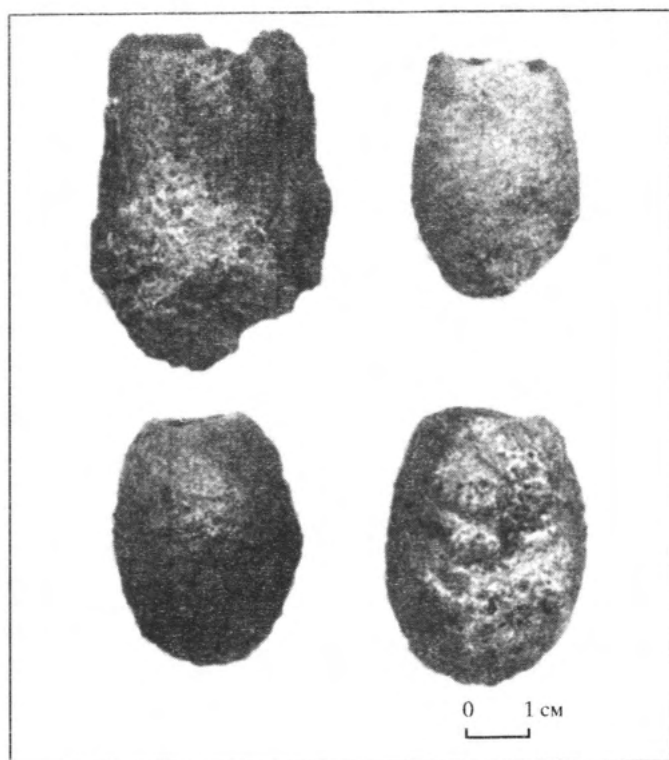

Рис. 7. Тигли. Яма 28

орнамент (характерно: один пояс многорядной волны при переходе из плечика в тулово или чуть ниже). Однако встречено несколько схожих фрагментов (от разных сосудов) с однорядной волной и два фрагмента со штампом. Большинство фрагментов придонных частей сосудов имеет линейный орнамент. Все это указывает на довольно ранний (XI–XIII вв.) период бытования данной керамики. По аналогии с Рюриковым городищем можно уверенно отнести этот материал к XI в. Основные формы профилей верхней части сосуда (рис. 8, 1–3) находят соответствие в группировке В.М. Горюновой “раннегончарной” керамики Новгорода (Горюнова, 1997. С. 115). Доминирующий в материале ямы 19 вид венчика (рис. 8, 1–3) можно соотнести с группой I по В.М. Горюновой, другой представленный в материале ямы 19 вид (рис. 8, 4) явно относится к группе III; к группе II можно отнести вариант II Тесовского погоста (рис. 9). Еще одним основанием относить материал из ямы 19 к концу X – первой половине XI в. может служить сравнительно большое число фрагментов лепной керамики (по сравнению с материалом из черного пахотного слоя).

К XI–XIII вв. относится и керамика, полученная при исследовании С.А. Теплоуховым курганного могильника близ поселения. В результате этих работ было обнаружено 309 фрагментов керамики бурого цвета. К сожалению, керамика в основном находилась в насыпи и только в кургане № 8 два небольших фрагмента (рис. 10, 3, 13) находились в погребении, несколько выше правой ступни. Кроме того в кургане № 1 было обнаружено восемь

черепков в могильной яме. Керамика из кургана № 4 (стоявшего отдельно на краю современного кладбища), как сказано в отчете, “рассыпалась в порошок” (Теплоухов, 1929). В числе фрагментов было: 51 венчик, 15 донцев, шесть фрагментов с линейным орнаментом, три с волновым, четыре с линейно-волновым, два с ногтевыми вдавлениями (рис. 11, 2) и по одному фрагменту с орнаментом в виде двух рядов ямок и со штампом. Некоторые фрагменты из насыпи кургана № 1 составили почти полный сосуд. Однако склеен он был чрезвычайно неаккуратно, с перекосами, а внутри загипсован, что не позволило определить толщину стенок, поэтому рисунок (рис. 11, 1) представляет собой скорее схему, нежели точное отображение сосуда. То же можно сказать и о качестве “реставрации” (Теплоухов, 1929) сосуда, собранного из фрагментов керамики, обнаруженных в нижней части щебнистого слоя насыпи кургана № 3 (рис. 11, 1). При сравнении с керамикой поселения Заполья-2 выделяются следующие общие моменты: 1) качество теста (плотность, количество примесей); 2) форма венчиков; 3) форма донцев; 4) виды орнаментации. Про оформление венчика можно сказать, что керамика могильника, раскопанного С.А. Теплоуховым, укладывается в группировку верхних частей сосудов Тесовского погоста (рис. 9; 10).

Материалы XIII в., соотносимые с упоминанием Тесова в летописях, не встречают ярких археологических соответствий. Ни одной постройки, ни одной ямы, связанной с этим периодом не зафиксировано. Хронологически с этим временем соотносятся только наконечники стрел⁴ (рис. 5, 1–4). Следует полагать, очевидно, что жилая зона Тесовского погоста в течение древнерусской эпохи переносилась с места на место, а в 1998–2001 гг. исследовалась древнейшая часть поселения, где сохранились следы построек XI–XII вв. и нет комплексов более поздних эпох.

Сложнее всего оценить существование Тесовского погоста в XIV (особенно) и в XV вв. По всей вероятности, жилая зона поселения этого периода также не затронута раскопками. Можно со всей уверенностью утверждать, что село Тесово, центр Тесовского погоста, существовало во всяком случае в XV столетии. Согласно Евреиновской летописи, Тесово на рубеже XIV–XV вв. было порядковым поселением Новгородской земли (ПСРЛ, 1907. Т. 17). Однако в археологических материалах Тесовского поселения нам не удалось проследить сколько-нибудь ярких комплексов этого времени. Следует отметить лишь фрагмент (верхняя лопасть) бронзового наперсного креста, который возможно датировать второй половиной XV в. (рис. 4, 7). Нам известна почти полная его аналогия из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко, относящаяся ко второй половине XV – началу XVI в. (Древности русские..., 1898. Табл. 11, № 28).

⁴ Любезно определено А.Н. Кирпичниковым.

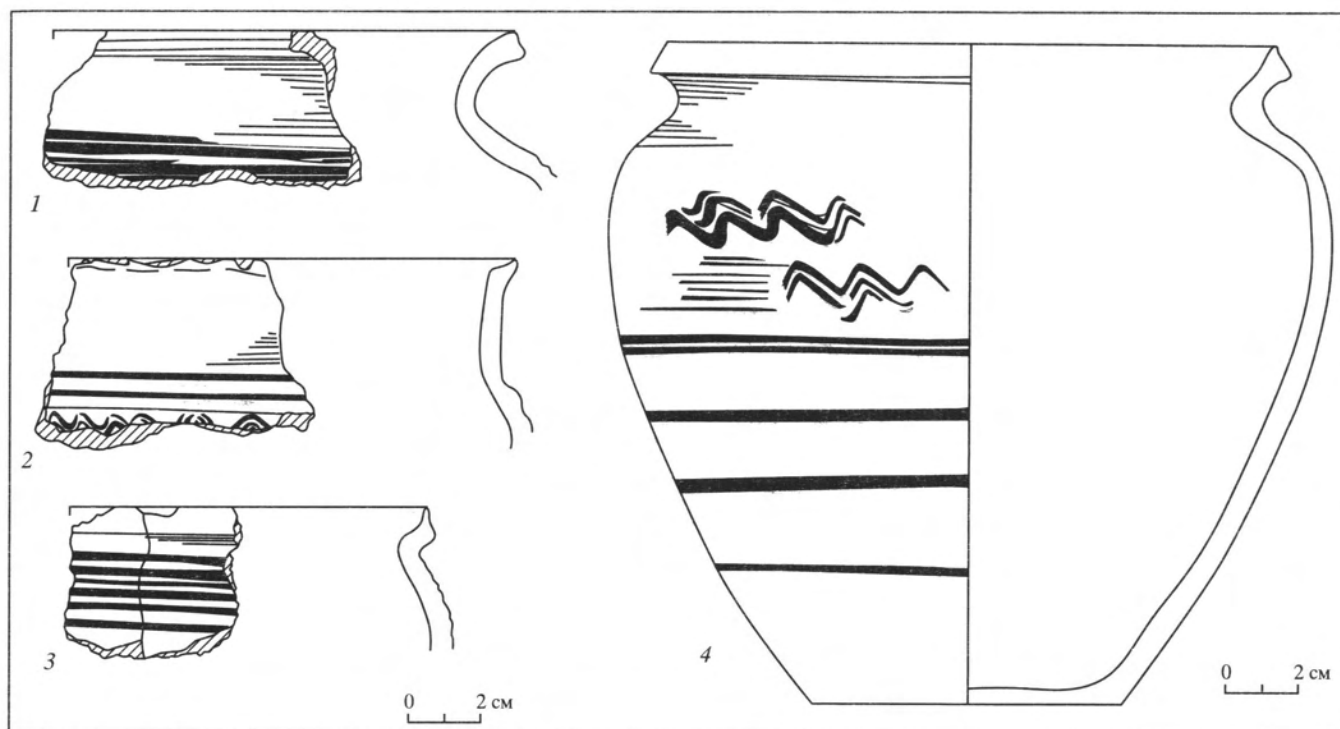

Рис. 8. Бурая круговая керамика поселения Заполье-2 (Тесовский погост). Яма 19

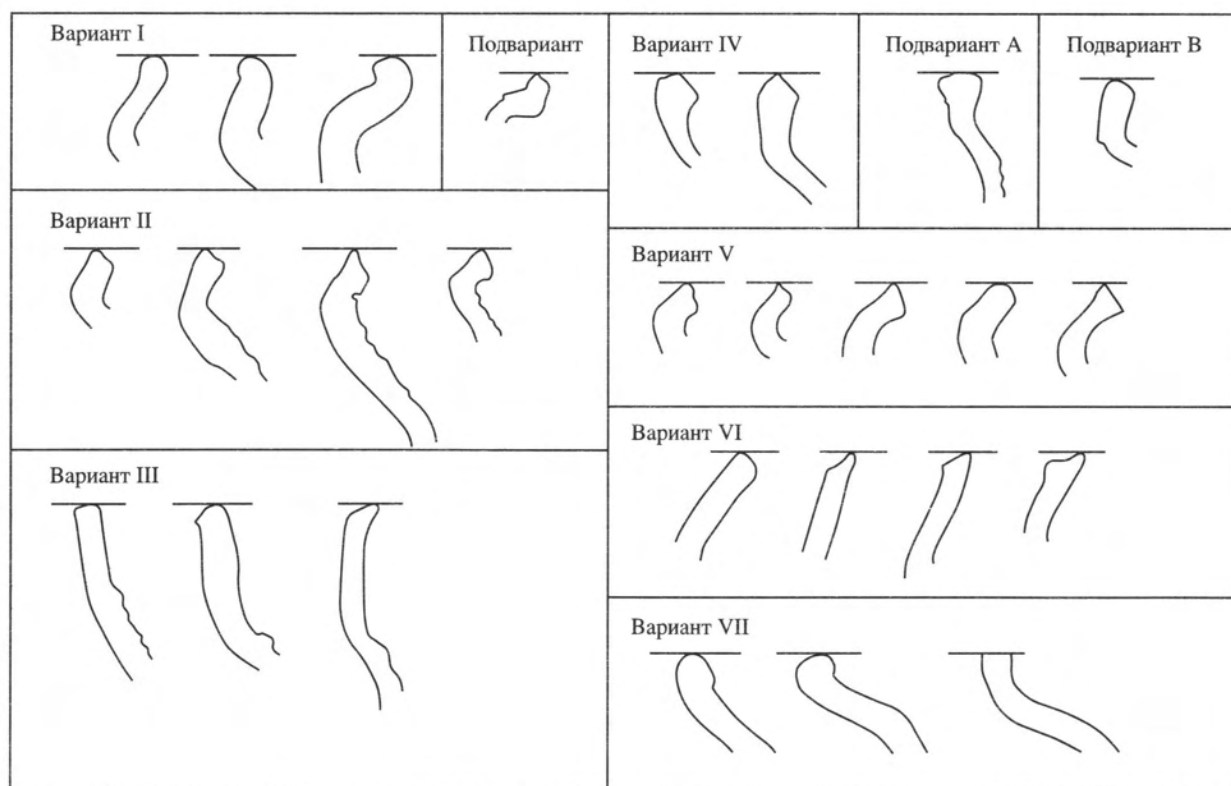

Рис. 9. Основные варианты керамики поселения Заполье-2

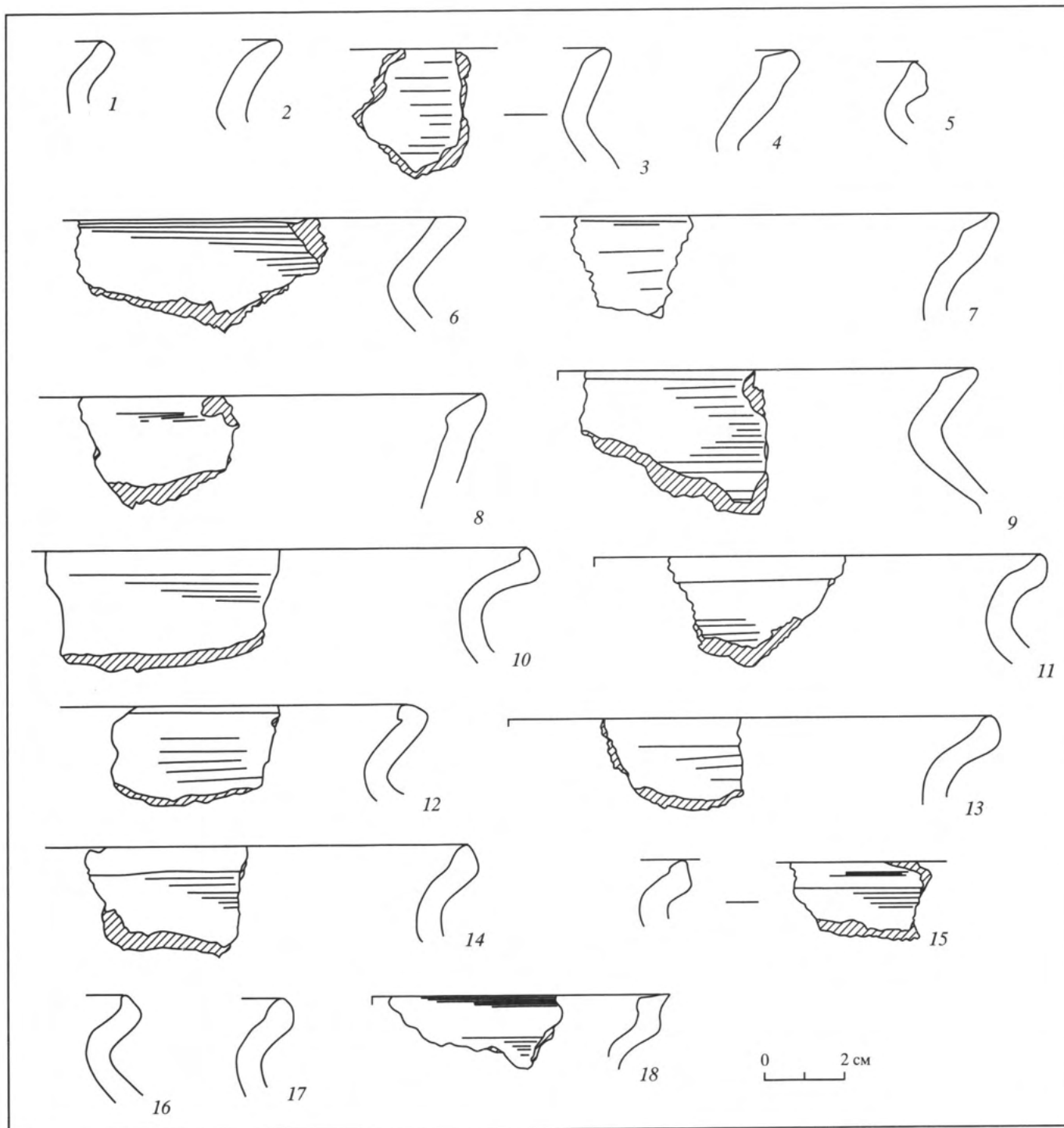

Рис. 10. Бурая круговая керамика курганного могильника Заполье-1

Московский период (XVI–XVII вв.) в археологических материалах Тесовского погоста также представлен довольно бедно. В юго-западной части поселения к этому времени относится в основном керамический материал. Лишь в 2001 г. в северной части памятника удалось выявить участок, содержащий не потревоженные слои этого периода. К этому времени относится обширный комплекс документов, публикация которых начата нами в 1999 г. Но на сегодняшний день проблема поиска местоположения государева села Тесова XVI в.

остается открытой. На поселении есть и отдельные находки и даже комплексы XVIII–XIX вв. (петровская монета, хозяйственная постройка XIX в. – яма 14).

Нашими раскопками в Тесовском погосте практически исчерпываются данные о Тесовском микрорегионе домосковского периода. Мешаный слой поселения мощностью 30–40 см (на склоне – до 90 и даже больше) насыщен находками. Сейчас можно говорить об их несколько своеобразном составе:

1. На памятнике присутствуют находки, связанные со степной зоной, и относящиеся к древностям X–XI вв.;

2. Присутствуют и древнерусские находки этого времени;

3. Есть находки, датирующиеся достаточно широко, новгородским средневековьем и концом XV в. То же относится и к керамическому материалу – он, в целом, содержит всю шкалу – от рубежа X–XI вв. и вплоть до XVIII столетия. Стоит отметить, что говорить о каких-то керамических типах XIII–XV вв. (до появления белоглиняной круговой керамики) не приходится: скорее можно сказать о большом числе сосудов, так сказать, неявных форм.

Однако наблюдения над письменными источниками XVI–XVII вв. позволяют уточнить топографию Тесовской округи в значительно большей степени.

Впервые Тесов упомянут в связи с новгородско-орденским конфликтом 1233–1234 гг., связанным с внутриновгородскими событиями – смутой “Борисовой чади”. Борьба новгородских боярских родов – сторонников черниговских и переяславских князей привела к бегству из города бывшего тысяцкого Бориса Негочевича и его сторонников. В 1232 г. “Борисова чадь” с трубчевским князем Святославом пошли к Новгороду, однако, не дойдя до Новгорода, князь Святослав покинул своих сторонников, и те бежали ко Пскову, где захватили нескольких сторонников Ярослава Всеволодовича. После этого произошел размен: “Борисова чадь” при бегстве из Новгорода в 1230 г. оставила там своих жен, которых новгородцы в 1232 г. согласились обменять на захваченных во Пскове пленников. Вскоре “Борисова чадь” ушла в Медвежью Голову (Оденпе), а в Новгороде утвердился посадник Степан Твердиславич и сторонники Ярослава Всеволодовича. На следующий год происходит вторжение немцев: они захватывают в Тесове Кирилла Синкинича и увозят в Медвежью Голову, а в 1234 г. Ярослав Всеволодович, войдя в Орденскую землю, освобождает Кирилла Синкинича. (Янин, 1962. С. 138–139; НПЛ, 1848. С. 30). Вторично Тесов фигурирует в источниках под 1240 г., в связи с походом немцев на Лугу, причем в отличие от первого эпизода, который попал лишь на страницы новгородских летописей, известие о походе немцев к Новгороду, разорении ими Луги “до Сабля” (т.е. до самых лужских верховий, до Сабельского погоста), что, впрочем, по свидетельствам летописцев, было не столь страшно, сколько падение Тесова, попало на страницы большинства русских летописей (НПЛ, 1950. С. 295; НПЛ, 1848. С. 37; СПЛ, 1851. С. 179; СЛ, 1913. С. 63; ВПЛ, 1959. С. 80; ЛЛ, 1910. С. 160). После 1240 г. главный оборонительный рубеж северо-запада новгородских земель вероятно переносится в Копорье, необходимость в укреплении, расположенном ближе к Новгороду, отпадает, и Тесов исчезает со страниц источников. Однако, в Евреиновской летописи под

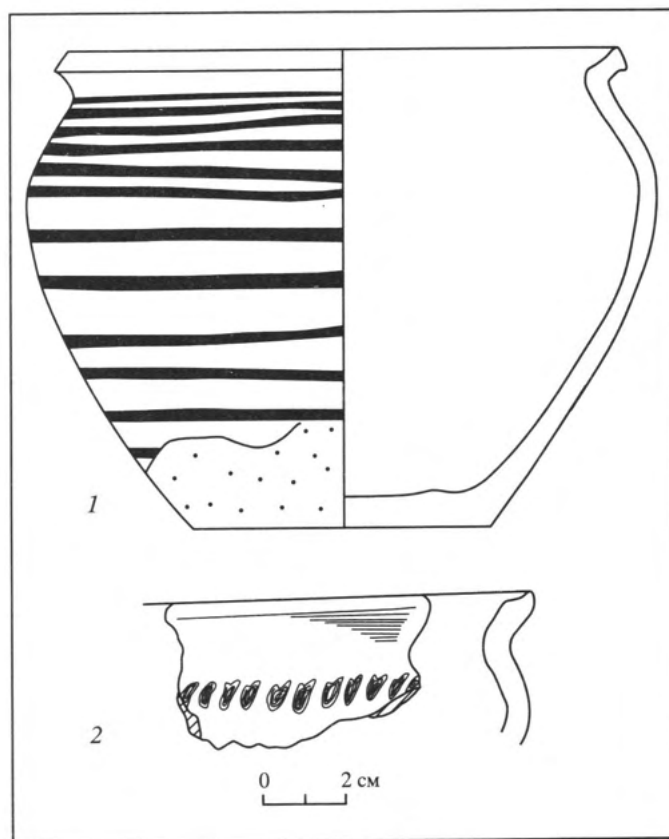

Рис. 11. Бурая круговая керамика курганного могильника Заполье-1. Курган 3

1400/01 г. содержится следующее упоминание: “Того же году (6909) в Новгороде и на Москве и в Ладоге и в Порхове и в Тесове и в Торжку и во Твери и в Дмитрове и по всем Руским землям было поветрие велми великое” (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 392). Издатели в 1907 г. сделали по поводу упоминания Тесова следующее примечание: “Должно быть в Пскове”. Неясно, ошибка это летописца, или действительно Тесово представляло в то время значительную местность Новгородской земли.

В работе, посвященной землевладению Новгородского Софийского дома Б.Д. Греков упомянул волость Тесово среди отписанных государем на себя между 1478 и 1500 гг. (Греков, 1914. Прил. С. 50–51), используя для реконструкции волостных границ писцовую книгу 1629 г. (Выпись..., 1629). Мы ранее показали, что существуют документы XVI в., позволяющие реконструировать волостные границы (Селин, 2000). Обозначим основные этапы истории Тесовской волости.

В XV в. вдоль течения реки Тесовой – притока Оредежа, а также близ озера Тесово формируется крупный массив земель новгородского владыки. Приходским центром для всей Тесовской волости служит храм во имя св. Климента-папы римского. Особо отметим, что это посвящение характерно именно для владычных земель (Селин, 1995). Меновая грамота новгородского владыки и Вяжицкого игумена (ГВНП, 1949. С. 292; Янин, 1991.

С. 248–251) указывает на то, что компактная территория волости в районе озера Тесовского складывалась в течение XV в.

В конце XV в. волость Тесово была приписана к Дворцу. Дворцовая волость Тесово, как это следует из писцовой книги 1500 г., была образована не только из земель новгородского владыки. В нее частично вошли земли, принадлежавшие Павлу Савельеву, детям Ивана Пантелеева, Андрею Григорьеву и, возможно, каким-то другим владельцам новгородского времени (НПК, 1868. С. 75–76) (таким образом, уже здесь Б.Д. Греков ошибся: говоря о том, что состав селений Тесовской волости 1629 г. и конца XV в. был идентичен, он не учитывал этих приписок, сделанных при формировании дворцовой волости)⁵.

В 1540/41 г. царь и великий князь Иван Васильевич “волость, что была в кормление во Дворце в Климецком погосте в Тесове... велел раздать детям боярским в придачу к старым их поместьям...” (Выпись..., 1550/51. С. 17). В поместную раздачу поступила только часть волости, а другая часть в 1552 г. была возвращена новгородскому архиепископу в обмен на Рождественский Олонецкий погост (Греков, 1914. С. 281; ПК ОП, 1930. С. 60). Это прилегавшая с юга к основному поселенческому массиву территория после возвращения Софийскому дому составила особую Полянскую волость.

В 1573 г. в центральной части Тесовского погоста была воссоздана дворцовая Тесовская волость, включавшая несколько меньше деревень, чем до раздачи 1540/41 г. Документ, который отразил эту раздачу нами ранее опубликован (Селин, 2000). При воссоздании Тесовской дворцовой волости в ноябре 1573 г. государева десятинная пашня из бывших помещичьих земель была образована “единой круговой межой” близ центра Тесовского погоста – его наиболее плодородной и доступной с точки зрения коммуникаций части (всего 300 четвертей). В 1578 г. к дворцовой Тесовской волости была приписана большая часть селений, оставшихся за помещиками в 1540–1578 гг., но ранее входивших в состав Тесовской дворцовой волости. По всей вероятности, эта часть Тесовской волости образовывала приход Фроловской церкви, находившейся близ деревень Ключошицы и Загородицы. При этом если в 1573 г. к дворцовой Тесовской волости приписывались только населенные деревни, то в 1578 г. – только пустоши.

По писцовой книге 1582 г. к Тесовской дворцовой волости был приписан еще ряд селений Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов, находившихся в поместной раздаче (Писцовая книга..., 1582), а в писцовой книге 1584 г. волость была описана целиком (Выпись, 1584). В 1586 г. была проведена общая круговая межа

всех деревень и сел Тесовской волости (Список..., 1586). С этого времени границы Тесовской волости не менялись до XVIII в. В дворцовом ведомстве она находилась до 1648 г., когда была возвращена во владение новгородского митрополита (Греков, 1914. С. 273).

В Смутное время Тесовская волость продолжает оставаться дворцовой. В 1612–1618 гг. административным центром волости и округа становится построенный шведами Тесовский острожек. Вокруг острожка формируется округ из нескольких окрестных погостов, за счет которого обеспечивался гарнизон.

До 1648 г. Тесовская волость находится в ведении Дворца. В писцовой книге 1629 г. приводится вновь круговая межа Тесовской волости (Выпись..., 1629. С. 244–245). По описанию 1646 г. в состав волости кроме возобновившихся после Смуты деревень входили также Никольский Клинский монастырь, село Городок (на месте бывшего Успенского Тесовского монастыря) и село Загородицы с Фроловской церковью.

В 1648 г. вся Тесовская волость была передана Новгородскому Софийскому дому в обмен на Рождественский Олонецкий погост, где строился новый город Московского государства – Олонец (Смирнов, 1948. С. 112, примеч. 3; Грамота, 1648). С этого времени и вплоть до передачи архиерейских волостей в ведение Коллегии экономии Тесовская и Полянская волости находились во владении Софийского дома.

Тесовская волость на всех этапах своего существования представляла собой большой земельный массив. Рассмотрим подробнее разные участки Тесовской волости.

Центр погоста

Центр Тесовского микрорегиона – это заселенная с древнейших времен полоса вдоль южного берега озера Тесово (ныне – Пристанское). Древнейший центр расселения в этой местности располагался именно здесь; он может соотноситься с городищем в урочище “Буйко”, близ пос. Ям-Тесово (в XV–XVII вв. – Спасский погост на Оредеже). Оно располагается напротив того места, где озеро Тесово узкой протокой соединяется с Оредежем. На противоположном берегу озера в XV–XVII вв. на таком же вытянутом мысу располагался Никольский Клинский монастырь.

В IX в. в 6 км ниже по течению Оредежа, близ впадения в него речки Моровинки возникает укрепленное поселение – городище у д. Надбелье⁶, функционирующее примерно до середины X в.,

⁵ На неправомерность использования документов начала XVII в. для реконструкции состава вотчин Софийского дома XV в. указал в свое время С.В. Рождественский (1916. С. 16).

⁶ С 1993 г. исследуется С.Л. Кузьминым. Благодарю Сергея Леонидовича за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок и предварительными выводами исследователя.

когда, по всей вероятности, функции локального центра переносятся на 12 км к востоку, в район Климентовского Тесовского погоста. Именно здесь, по всей вероятности, возникает тот самый городок Тесов, который в 1233 и 1240 гг. упомянут в Новгородской первой летописи. Нам представляется убедительным предложенное Ю.М. Лесманом соотношение центра Тесовского погоста и дворцовой Тесовской волости с поселением Заполье-2 (Приозерная волость Лужского района Ленинградской области). Оно находится на возвышенности, близ кладбища⁷ и развалин каменной церкви св. Климента постройки 1827 г. (Ведомости, 1914. С. 571–577). В 1970-х годах вся западная часть поселения была уничтожена карьером, заложенным для постройки мостов через Рыденку и Оредеж.

К началу XVI в. местность вокруг бывшего новгородского городка была хорошо освоенной. Центральные поселения Тесовской округи выполняют некоторые функции, не свойственные обычным сельским поселениям. Тесово в эти годы – торговое поселение на перекрестке речного и сухопутного (Ивангородской дороги) путей, ведущих из Новгорода в Ивангород и Нарву. После начала русско-шведской войны 1590–1595 гг. возрастает военное значение Тесова. В начале первой кампании, в конце августа – начале сентября 1590 г. три русских полка из Тесова двинулись к Ивангороду (РК, 1475–1605. С. 172–173). В декабре того же года кн. Ф.А. Звенигородский был послан из Тесова к Орешку “на выласку” (РК, 1475–1605. С. 182). Через год, в августе 1591 г., в Тесове стояли воеводы Большого, Передового и Сторожевого полков (РК, 1475–1605. С. 38); эти же полки находились в Тесове и в июне 1592 г. (РК, 1550–1636. С. 103).

Особо следует рассмотреть церковно-приходскую историю центра Тесовского микрорегиона. Большое число храмов, возникающих здесь уже к концу XV в. свидетельствует, на наш взгляд, об определенных тенденциях градообразования здесь на исходе новгородской независимости.

Первое упоминание о церкви св. Климента в Тесове относится к 1500 г. (НПК, 1868. С. 67). Можно предположить, что задолго до составления писцовых книг конца XV – начала XVI в., в годы существования городка, возникла и первая церковь на этом месте. Этому есть и дополнительные подтверждения. Мы полагаем, что возникновение в центре Тесовского микрорегиона (а центральный статус данного поселения подтверждается археологическими материалами) церкви во имя св. Климента папы Римского связано с распространением культа этого святого на Севере Руси в XII в. в связи с деятельностью новгородского владыки Нифонта (1130–1156 гг.) (Медынцева, 1991. С. 232–236; Сарабьянов, 1997; Милютенко, 1997). Вряд ли будет основательным утверждать, что пер-

вый Климентовский храм в Тесове появился в годы святительства Нифонта, но рассматривать его появление следует в связи с распространением на Руси культа этого святого.

Никаких прямых данных о существовании в эпоху новгородской независимости церкви или церквей в Тесове мы не знаем. В XVI в. церковь св. Климента являлась важной пространственной доминантой для округи. Не случайно при описании местной дорожной сети называются “дорога от Климента святого к Фролу святому”, “от Климента святого в Будковский погост” и т.п.

Очень хорошо известна история Климентовского храма на рубеже XVI–XVII вв., когда на протяжении десятилетий климентовским священником был Богдан Клементьев (1573 – после 1615), а дьячком Климентовской церкви – Пимен Игнатьев (1578 – после 1615). В конце декабря 1614 г., священник Богдан и дьячек Пимен подписали коллективную челобитную крестьян Тесовской волости на Тита Романова и его дочь Дуньку, творивших в селе беззаконие, сводничавших, воровавших (в современном смысле слова), а также убивших климентовского пономаря Давыдку (Обыск..., 1614).

В 800 м от Климентовского храма, на небольшом островке располагался Успенский монастырь, впервые упомянутый в писцовой книге 1500 г. (НПК, 1868. С. 81), а в последний раз – в годы святительства новгородского митрополита Киприана (1627–1635). В конце XVI – середине XVII в. мы встречаем упоминания о приуроченности Успенского монастыря к некоему “городку” (Список..., 1646. С. 64; Книга записей..., 1577. С. 113). С этим соотносится обособленное местоположение монастыря на острове в пойме Тесовой. Последняя каменная церковь на месте монастыря, упраздненной в 1764 г., была разрушена в 1937 г.

В Спасском погосте, близ Тесовского яма, расположенном в шести верстах к западу от св. Климента, стоял Преображенский храм, известный с 1500 г. Эта церковь, по всей видимости, существовала на протяжении XVI в. до начала 1580-х годов, когда она была разорена в ходе боевых действий Ливонской войны. К 1612 г. Спасская церковь восстанавливается. По дозорной книге 1612 г. известен спасский священник Пров Анцыферов “с Тесовского яма”. Разоренная при уходе шведов в 1617 г., церковь восстанавливается здесь в середине XVII в. Последний храм, разрушенный в годы II мировой войны, был построен архимандритом Юрьевским Фотием (Спасским), сыном дьячка Ям-Тесовской церкви, в 1835 г. (Ведомости..., 1914. С. 839–845).

Почти напротив Спасской Тесовской церкви, на северном берегу озера Тесово на узком мысу при слиянии озера и Оредежа в XV–XVII вв. находился Никольский Клинский монастырь. В 1573 г. в монастыре, кроме главной – Никольской, стояла также теплая церковь во имя свв. Прохора, Никита

⁷ Кладбище и курганы в Тесове впервые упомянуты в межевой книге 1578 г. (Межевая книга..., 1578. С. 55).

нора, Тимона и Пармена. Монастырь активно функционирует в годы Смутного времени: сохранилось множество документов, скрепленных священником Никольского Клинского монастыря Ионой (был священником между 1614 и 1631 гг.). В 1613 г. в монастыре строится новый храм во имя св. Николая Чудотворца, а к 1646 г. здесь стоят уже две деревянных клетцких церкви – Никольская и Сретенская. В последний раз Клинский монастырь упоминается в 1669 г., после чего Никольская и Сретенская церкви с Клинска становятся приходскими, в качестве которых они существуют до середины XX столетия. В XVII в. среди вкладчиков Никольского Клинского монастыря встречаются окрестные помещики.

Култ св. Климента – папы римского был на протяжении всей известной истории Тесовской округи доминирующим. В качестве престольного праздника день св. Климента празднуется во всех селениях округи, а если рассмотреть иконостас всех десяти храмов, существовавших в пределах древнего Климентовского погоста в 1751 г., то в каждой церкви мы найдем икону этого святого. Интересно, что по интенсивности почитания, выраженной в престольных праздниках, культ Климента стоит сравнить (в этом регионе) с культом Космы и Дамиана. Он здесь связан со строительством в 1894 г. церкви в селе Малые Березницы (ранее на этом месте никогда храма не было, он явился приходским центром для всего течения р. Рыденки). Если устойчивое почитание Космы и Дамиана может объясняться сравнительно недавней постройкой церкви (она была уничтожена в годы II мировой войны), то культ Климента, по всей видимости, имеет более раннее происхождение.

Тесовский острог и застава

События, протекавшие на Северо-Западе России в конце XVI – начале XVII в., повлекли за собой значительные изменения в структуре сельского населения. Большие подвижки населения, вызванные опричниной и событиями Ливонской войны и усугубившиеся после недолгой стабилизации в годы правления Бориса Годунова разорением в Смутное время, привели к сокращению числа небольших деревень и починков и концентрации населения в сравнительно крупных селах и погостах (Воробьев, Дегтярев, 1986. С. 57).

Но выбор этих крупных селений был обусловлен различными, непростыми причинами. Еще в конце XVI в. близ многих погостов Новгородской земли возникают небольшие укрепления. Новый этап в строительстве небольших укреплений на погостских центрах начинается, по всей видимости, после Выборгского договора 1609 г., во время похода М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Троице. По мнению С.Ф. Платонова, именно систематическое строительство небольших острожков

на основных дорогах государства и, таким образом, взятие под контроль транспортных магистралей и обеспечило успехи этого военачальника (Платонов, 1995. С. 267).

К XVI в. относится сравнительно небольшое количество информации об острогах Северо-Запада и о Тесовском остроге, в частности. По всей вероятности, он выполнял таможенные (Грамота..., 1556) и военно-санитарные функции⁸. Какое-то укрепление на этом месте существовало уже в годы русско-шведской войны 1590-х годов, по крайней мере, осенью 1592 г. (РК, 1550–1636. С. 105). В годы новгородско-шведского политического альянса Тесовский острог – важный элемент в системе обороны Новгорода с северо-запада. Основная его функция в эти годы заключалась в обеспечении хлебными кормами как собственного гарнизона, так и проходивших по Ивангородской дороге отдельных воинских частей и проезжавших военачальников и дипломатов. Шведские роты сменялись в Тесове с периодичностью в 20 дней (Книги кормовые, 1614/15. С. 2). Такая система установилась в конце 1611 г. (Книги кормовые, 1611), возможно вскоре после визита Эверта Горна, также бравшего корма в Тесовском острожке. В 1611–1617 гг. поставленный Тесовский острог с сильным гарнизоном и сменявшимися друг друга русскими воеводами – Г.Н. Муравьевым, Ф.М. Муравьевым, Г.С. Оболяниновым, князем Г.И. Нарымовым, князем Г. Гагариным, являлся центром концентрации военной и полицейской силы новгородско-шведского политического образования. Примерно к 1615 г. относится известное нам изображение погоста Тесова, помещенное в книге голландца А. Хутеериса (*Goeteeris*, 1619) (рис. 12). В Тесовском остроге кроме гарнизона находилась и тюрьма, возможно, какие-то другие учреждения. “Острог Тессау”, по словам голландца ван Бредероде, являлся в 1616 г. “единственным обитаемым местом в области”. Район Тесова, Тесовского острожка был зоной особо активных боевых действий между шведами и сторонниками правительства Михаила Федоровича, особенно в 1614–1615 гг. Будучи местом концентрации не только военных соединений, но и государственных продовольственных запасов, Тесовский острог нередко подвергался грабежу. Так, 11 октября 1615 г. “немецкие люди Крест Анцовы да Петра Бронса роты в селе в Тесове из житнец государева десятинного пашенного хлеба”, а 16 декабря того же года “взяли грабежом немецкие люди из Новгорода идучи к Невскому устью восм четъей овса” (Приходные книги..., 1615/16. С. 86, 87).

В 1614 г. Тесово неоднократно подвергалось тотальному разорению: на Страстной неделе

⁸ Ср.: “...а от сосны к дороге, которая дорога от государева села Тесова к Спаскому яму, а у дороги сосна, а на ней грань, и от дороге засеком, что была засечена от Божия поветрея до Тесовского озера” (Список..., 1586. Л. 15 об.–16).

Рис. 12. Усадьба Тесово на гравюре А. Хутеериса. 1615 г.

крестьяне Тесова подверглись насилию “воровских литовских и немецких людей”, позднее, в Петров пост, “приходили ... в Тесово воры казаки, и на тех воров казаков приходили из Новагорода в Петров день немецкие ратные люди да с Ывана города шли литовские и немецкие люди в Новгород, да из Новаграда многажды приезжали литовские и немецкие люди”, что привело все дворцовые деревни в состояние полнейшего запустения (Челобитная..., 1614а). В августе 1614 г. новая русская администрация Тесовской волости, приехав в острог, вынуждена была собирать по лесам разбежавшихся крестьян, которые, будучи допрошены, показали: “как деи приходили неметцкие ж люди из Ругодива, а литовские люди от Корелы и от Орешка, и стояли деи в Тесове недели з две, и в твоём государеве в селе в Тесове крестьян многих побили, а иных зжгли и мучили и хлеб и лошади и всякой живот у них весь поимали”. При этом выяснилось, что сеять хлеб на новый год уже поздно (Челобитная..., 1614б).

После ухода шведов Тесовский острог оставался единственным укрепленным поселением округи. Уже 23 мая 1617 г. туда был введен русский гарнизон и учреждена пограничная стража для упорядочения пропуска по Ивангородской дороге, в первую очередь – “немецких людей”. Интересно, что новая администрация назначила в Тесовский острог Г.С. Оболянинова, служившего там воеводой в 1613–1614 гг. В 1630-х годах заставным головой в Тесове служил Н.Я. Тырков, бывший в 1610-х годах сборщиком кормов при Тесовском остроге (Отписка..., 1631). В 1670-х годах Тесовский острог должны были “делать” крестьяне как Тесовской волости, так и окольных погостов (Перепись...

делам..., 1670. Л. 218 об.). Последнее упоминание о Тесовской заставе относится к последним годам перед Северной войной. В 1698 г. головой на Тесовской заставе, стоявшим с 10 солдатами, служил стольник Ф.Н. Ушаков (Обыскные книги..., 1698. Л. 4, 27 об.).

Близ Спасского погоста на Оредеже располагался Тесовский ям (там, где ныне находится д. Ям-Тесово, Лужского района). Впервые “слобода ямская у Спаса на погосте” отмечена в писцовой книге 1568 г. (Список..., 1568. Л. 84–84 об.). В 1582 г. эту слободу разорили “немецкие люди” (Писцовая книга..., 1582. Л. 23), но в начале XVII в. ям в Тесове оживает: в 1601 г. на Тесовском яме жило шесть бобылей, а также ямской дьячок Первушка Анцыфоров (Гурлянд, 1900. С. 102). После Столбовского мира ям исчезает. Название “ям” прочно укрепилось за его местоположением. Оно сохраняется до сих пор в названии пос. Ям-Тесово. Недалеко от Тесовского яма располагалась пристань (ныне д. Пристань Лужского района).

Впервые источники сообщают о Тесовской пристани в 1568 г., когда в писцовой книге описывается государева Судовая пристань с четырьмя дворами дворников (Список..., 1568. С. 153). Первое подробное описание ее мы встречаем в отписной книге 1573 г. (Селин, 2000. С. 211). В 1584 г. пристань была сожжена “немецкими людьми” (Выпись..., 1584. Л. 155–155 об.), но вскоре жизнь на пристани восстанавливается, и в 1596/97 г. извозчики Тесовской пристани тягались в недополученных ими деньгах с подьячим С. Михайловым (Книги переписные..., 1586–1596. 134 об.). В первые годы новгородско-шведского политического альянса

17 дворов Тесовской пристани исправно платили в казну 1 рубль и 23 алтына (Приходно-расходные книги..., 1603–1612. С. 354). Однако еще с 1608/09 г. прекратился сбор таможенной пошлины и кабацкого откупа (ранее о Тесовском кабаке известий не встречено), восстановленные только с 25 июня 1617 г., когда оба этих дохода были отданы на откуп казакам Данила Сноксарева, ветерана сражений под Тивхиным монастырем (Опись Новгорода 1617 г. С. 145).

В писцовой книге 1629 г. описаны лишь оставшиеся амбаров и таможенных изб пустые места, на самой же пристани в это время жили непашенные бобыли (Выпись..., 1629. Л. 241 об.–242 об.). В переписной книге 1646 г. описана дворцовая деревня Судовая Пристань, в которой на бобыльских землях живут новгородские казаки (Список..., 1646. Л. 66, 68). История этого казачьего отряда была недолгой: в 1648 г. Тесовская дворцовая волость была передана Новгородскому владыке, заселение этих земель пошло в ином направлении, и в более поздних источниках мы упоминаний о казаках в Тесове уже не встречаем. В следующей по времени писцовой книге 1669 г. в Софийской вотчине, в Тесовской волости нам известна деревня Судовая Пристань над озером Тесовом с обычным крестьянским населением.

Полянская волость

Полянская волость – территория к югу от центра Тесовского погоста, соединявшая две больших владычных волости – Тесовскую и ту, что располагалась в Лусском погосте. Все эти земли лежали вдоль Ивангородской дороги. В конце XV в. вместе со всей Тесовской волостью Полянская волость была отписана от Софийского Дома ко Дворцу, но в 1552 г. именно она была возвращена Новгородской архиепископской кафедре и находилась в ее ведении вплоть до екатерининских реформ. Полянская волость располагалась в зоне, где полностью отсутствуют археологические памятники древнерусской эпохи; однако в XVI в. она представляет собой достаточно плотно освоенное пространство. Важная особенность волости заключается в том, что во всем Тесовском микрорегионе именно здесь наблюдается самая большая устойчивость поселений на всем протяжении ее известной истории. История хозяйства Полянской волости в первые годы XVII в. достаточно подробно изучена Б.Д. Грековым (1927. С. 125–144).

В первой половине – середине XVI в. в митрополичьем селе Поляны строится каменный храм Иоанна Предтечи. Согласно исследованиям Вал. А. Булкина и О.А. Прудникова, храм был построен между 1552 и 1563 гг.; в его облике преобладают черты не новгородской, а московской архитектуры, возможно в связи с тем, что он был воздвигнут в годы святительства архиепископа

Пимена, происходившего из Белозерья (Прудников, 2000). Эта церковь – один из немногих каменных храмов XVI в. в Водской пятине. В 1582 г. храм стоит разоренным, как и вся митрополичья Полянская волость. По данным Б.Д. Грекова, к 1594 г. церковь в селе Поляны уже была восстановлена (Греков, 1924. С. 106). В дозорной книге 1612 г. село Поляны и вся Полянская волость описаны как существующие в полном порядке. К середине XVII в. к каменной церкви пристраивается придел во имя преп. архиеп. Новгородского Иоанна (по мнению О.А. Прудникова, этот придел мог существовать с момента постройки полянской церкви (Прудников, 2000. С. 88, примеч. 38)), а к началу XVIII столетия вместо этого придела – два: св. Духа и св. Климента папы Римского, последний, вероятно, был сооружен в связи с посвящением главной погостской церкви. В середине XVIII столетия Климентовский придел уже не существовал. Каких-либо документов о времени построения церкви в распоряжении церковных причетников не сохранялось уже к началу XVIII в., в результате чего, начиная с 1722 г. в церковных описаниях встречается фраза: церковь “когда и кем построена, о том справиться не по чему” (Бранденбург, 1911. С. 72; Описание..., 1751. С. 73). Развалины Полянской церкви сохраняются до сих пор.

Фроловский погост и речка Рыденка

Выделим еще два специфических участка Тесовского микрорегиона – это течение р. Рыденки и течение р. Тесовой (последний – с приходским центром – Фроловской церковью). Фроловская церковь – один из трех важнейших приходских центров Тесовской округи – известна с 1550/51 г. (Выпись..., 1550/51. Л. 21–21 об.). 24 июня 1578 г. деревни, составлявшие ее приход были возвращены во Дворец. Среди этих деревень стояла “на Городке⁹ церковь Флор и Лавер”, а деревня, которую пахали причетники этой церкви названа Загороденье. От церкви св. Климента в Тесове к Фролу святому в 1578 г. вела большая дорога.

⁹ Упоминание о “Городке”, на котором стоит церковь, позволяет посмотреть особым взглядом на топографию окрестных деревень, в частности – деревень Загороденье, Клюкошицы и Фроловской церкви. По современному административному делению, стоящая по сей день Фроловская церковь (постройки 1872 г.) (Ведомости, 1914. С. 898–908) относится к деревне Клюкошицы Ям-Тесовской волости, Луж. Однако согласно современной фольклорной традиции, деревня делится на два конца – Загородицы и Мельница, концы идут от церкви к окраинам деревни (полевые записи автора в д. Клюкошицы, 2 мая 1991 г.). Сама церковь стоит на возвышенности, на высоком правом берегу р. Тесовой. Можно предположить, что она была построена на месте первоначального укрепленного поселения. К сожалению, все пространство близ церкви занято кладбищем и современной застройкой, так что археологическими методами определить более точно характер этой возвышенности не представляется возможным.

К востоку от Фроловской церкви располагается незаселенное болотистое пространство с притоками Тесовой – речками Язвинкой и Каменкой; чуть севернее – поселенческий массив вдоль берегов речки Рыденки.

Последний был, по всей вероятности, заселен еще в древнерусское время. Освоенность берегов Рыденки в XVI в. была столь высокой, что большинство существовавших там древнерусских курганных групп ныне почти полностью уничтожены распашкой. Ни один из этих памятников не исследован. В XVI в. вдоль правого берега Рыденки от церкви св. Климента проходила большая дорога (Список..., 1586. Л. 8–8 об.). Ближайшим поселенческим массивом были деревни в верховьях Тосны, в районе устья речки Еглинки, куда в конце XVII в. бежали помещичьи крестьяне из Тесовской округи (Обидные дела..., 1697/98. Л. 11 об.–12).

Особый интерес представляет древнерусский могильник, расположенный у бывшей деревни Веряжино. Дело в том, что именно в этой деревне писцовая книга 1500 г. фиксирует одиннадцать дворов своеземцев; мы можем считать, что все население деревни к концу XVI в. составляли новгородцы-землевладельцы.

Практически все течение реки Рыденки к 1500 г. представляло собой конгломерат небольших владений своеземцев. Более того, как показывают наблюдения над писцовой книгой Дм. Китаева 1500 г., до боярского вывода конца XV в. владения Кречатниковых и их очевидных родственников Сочевицыных и Буйносовых занимали большую территорию. Родство многих своеземческих фамилий и некоторых “сведенных” владельцев было давно замечено исследователями (Янин, 1981. С. 179). В Водской пятине такими владельцами в первую очередь выступают Кречатниковы – род мелких владельцев, часть которых после конфискации была сведена, а часть – сохранила владения, подчас в рамках одного и того же погоста. Эти группы хорошо локализируются в пространстве; владения и сведенных вотчинников, и их однофамильцев-своеземцев расположены бок о бок друг с другом, преимущественно в Тесовском, Оредежском, Ижорском и Будковском погостах. Они располагались на стыке нескольких погостов, возникнув, вероятно, вследствие освоения представителями этого рода разных периферийных территорий. Множество представителей этой фамилии (до 18–20) указывает на достаточно древнее (3–4 поколения, т.е. 100 лет) происхождение этого новгородского рода, а незначительность владений – на вероятную принадлежность этих землевладельцев к категории житых. Ни в одной другой части новгородских земель найти Кречатниковых нам не удалось. Самыми видными землевладельцами рода Кречатниковых были Григорий Кузмин и Антон Кузмин – вероятно, братья – им принадлежали крупные волости в разных погостах; именно их вотчины были конфискованы; почти все остальные

представители этой фамилии сохранили свои волости. В XVI в. Кречатниковы растворились в других сословиях. Двое из Кречатниковых стали крестьянами д. Загорье. В конце XVI в. мы встречаем Кречатниковых и среди церковного причта Водской пятины (Селин, 1997б). Их родственники Сочевицыны встречаются среди старост Тесовской волости, а другие родственники (и соседи), Буйносовы вошли в состав новгородской дворянской корпорации, хотя их род угас к 1620-м годам.

Северная (приграничная) округа Тесова

Большинство погостов Водской пятины составляли цельные территории. Однако в XVI в. мы фиксируем два случая своего рода “анклавов”, компактных территорий одного погоста, окруженных территориями другого. Так, территория Спасского погоста на Оредеже распадалась на две части. Одна из них находилась в зоне древнего освоения, на плодородных дерново-карбонатных почвах вдоль нижнего течения Оредежа, “зажатая” между землями Никольского Будковского и Климентовского Тесовского погостов. В этой части находился сам Спасский погост-место. Другая часть Спасского погоста располагалась в 20 км выше по течению р. Оредеж, только на левом берегу реки. При этом на правом берегу с юга и по обоим берегам с севера находились деревни Климентовского Тесовского погоста. Такой “северный анклав” селений Спасского погоста на Оредеже своим центром имел деревню “на Шуче на луке у часовни” (НПК. 1868. С. 82), где между 1500 и 1568 гг. была построена церковь во имя Георгия Победоносца. К 1582 г. все деревни “северного анклава” запустевают.

При Борисе Годунове деревни на среднем Оредеже возобновляются, а в первые годы Смутного времени там даже наблюдается определенный подъем. Интересна запись в таможенной книге, относящаяся к 18 ноября 1611 г.: “Тово ж дни явил с Оредежи реки Иванов крестьянин Савина Кирил Ларионов рысь, две выдры, лисица, десять куниц, восемь норк, шестнатцать овчин, три медведно, лосинка молодая, два куса сала медвежья” (ТК, 1610/14. С. 97). Поместье Ивана Савина – это деревня Савкино на левом берегу Оредежа, одна из самых северных в Тесовском микрорегионе. В 1615 г. в деревнях на среднем Оредеже уже никто не живет; более того, проживание там становится опасным (ДК, 1615. С. 11–12). Вотчина Зверинского монастыря оказалась в те годы полностью подконтрольна казакам, совершавшим рейды из Тихвина.

После Столбовского мира северные деревни Тесовского микрорегиона становятся еще и пограничными. Первым пунктом на русско-шведской границе была Осиновая Горка на Ивангородской дороге, где происходил, в частности, обмен перебежчиками (Отписка..., 1636). По данным

фольклорной традиции, здесь находились какие-то пограничные укрепления (План, 1874). Далее на пути к Новгороду находился Троицкий Зверинский монастырь, возникший в середине XVI в., где также известна существовавшая в XVII в. застава (Отписка..., 1631).

Однако в целом деревни по среднему Оредежу стали возобновляться только во второй половине XVII в. После возобновления части деревень в XVII–XVIII вв. они относятся уже к Климентовскому погосту на Оредеже. В переписной книге Водской пятины 1669 г. группа деревень Климентовского Тесовского погоста, расположенная на среднем Оредеже, вокруг возобновленной Егорьевской церкви в селе на Шуче, носит общее наименование: “деревни в Егорьевской выставке в Спасском и Климентовском погосте” (Переписная книга..., 1669. Л. 553 об., 722 об., 723).

После русско-шведской войны 1656–1658 гг. вдоль границы со Швецией была создана новая Тесовская дворцовая волость за счет заселения “зарубежными выходцами” пустующих приграничных деревень. Во второй половине XVII в. в пограничных со Швецией районах Новгородской земли формируется дворцовая волость, также получившая название Тесовской. Первое ее описание относится к 1674–1676 гг. Анализ этого описания показывает, что пустовавшие со времен Смуты деревни Климентовского Тесовского, Спасского на Оредеже и Никольского Будковского погостов вдоль шведской границы заселялись выходцами из-за рубежа, преимущественно из Копорского уезда. Эти деревни образовали особую Тесовскую дворцовую волость. В 1733 г. эта волость была передана Александро-Невскому монастырю (Указ..., 1733), а в 1775 г. отошла к Санкт-Петербургской губернии, тогда как все другие селения Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов остались в Новгородской губернии. Вероятно, переселявшиеся в XVII в. в эти деревни жители Копорского уезда были преимущественно ижорами, что определило этнический состав данной территории. Именно в районе селений Тесовской дворцовой волости и соседних деревнях, принадлежавших в XVII в. Троицкому Зверинскому монастырю, исследователи ижорского языка и культуры выделяют особый верхнеоредежский диалект ижорского языка (Кеппен, 1853; Федоров, 1983; Конькова, 1992). Интересно, что хотя именно Тесовская волость была зоной, куда с середины XVII в. стекаются перебежчики, известно и переселение за русско-шведскую границу крестьян Тесовской волости сразу после Столбовского мира.

Формирование Тесовской дворцовой волости в русско-шведском порубежье XVII в. сопровождалось еще одним обстоятельством. Как известно, по условиям Столбовского мира к Швеции отошли территории Ямского, Корельского, Ореховского, Ивангородского и Копорского уездов. Последний в XVI в. включал в себя Грезенский и Орлинский по-

госты. Возникшая в 70-х годах XVII в. на месте приграничных пустошей Тесовская дворцовая волость включала в себя деревни Сорочкино Болото, Луги и Чернецово. Все эти селения в 1500 г. числились в Орлинском и Грезенском погостах. Сознательно или случайно, часть территории Копорского уезда русские межевщики 1618 г. в ущерб условиям Столбовского договора оставили за Московским государством (Расспросные речи..., 1623).

* * *

Подведем итоги. За четыре года археологических исследований удалось накопить значительный археологический материал, относящийся преимущественно непосредственно к Тесовскому погосту. Одновременно введены в научный оборот материалы описаний XVI–XVII вв. В перспективе нам представляется важным исследование поселения столь же большими площадями – только здесь возможен видимый прорыв в исследовании – в первую очередь при выявлении комплексов XIII–XV вв. Вместе с тем перспективным представляется и исследование сельских поселений в периферийных областях Тесовского микрорегиона.

Литература

Богословский Н.Г., 1878. Раскопка курганов в Тесове, близ границы Лужского уезда Петербургской губернии в 75 в. от Новгорода // ИОЛЕАЭ. 1878/79. Т. 31. С. 205.

Бранденбург Н.Е., 1911. Краткие известия о времени построения старинных церквей в Новгородском, Пусторжевском, Великолуцком и Устюжно-Железнопольском уездах: (по сведениям 1722 и 1733 г.) // Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Вып. 1.

Ведомости о церквях г. Новгорода и его уезда (113 церквей). 1914 // ОПИ НГОМЗ. Д. 11284.

Видекинд Юхан, 2000. История десятилетней шведско-московитской войны. М.

Воробьев В.М., Дегтярев А.Я., 1986. Русское феодальное землевладение от “Смутного времени” до кануна петровских реформ. Л.

ВПЛ, 1959 – Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

Выпись..., 1550/51 – Выпись из писцовой книги дворцовых земель Водской пятины письма О. Вышеславцова. 1550/51 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 781.

Выпись..., 1584 – Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В.А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПБГИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 105–178.

Выпись..., 1629 – Выпись из писцовых книг письма и меры Ф. Маврина да подьячего А. Козловского 1629 г. за приписью дьяка Ф. Арцыбашева // СПБГИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 178 об.–329 об.

Горюнова В.М., 1997. Раннегончарная керамика Новгорода по материалам Троицкого Х раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 11.

Грамота 1556 – Грамота об отставке от службы. 1556. 12.03 // ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 47. IV. С. 66.

Грамота..., 1648 – Грамота царя Алексея Михайловича новгородскому митрополиту Аффиону об отписке на государя Олонцкого погоста. 1648. 30.04 // Карелия в XVII в.: Сборник документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. № 41.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Греков Б.Д., 1914. Новгородский дом святой Софии. СПб. Ч. 1.

Греков Б.Д., 1924. Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. Л.

Греков Б.Д., 1927. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // ЛЗАК за 1926 г. Л. Вып. 1 (34).

Гурлянд И.Я., 1900. Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Ярославль.

ДК, 1615 – Дозорные книги Полусской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова да подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // RA, NOA. Serie I: 6.

Древности русские: Кресты и образки. Киев, 1898. Вып. 1.

Кеппен П.И., 1853. Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. Т. 2, вып. 3.

Книга записей..., 1577 – Книга записей Софийской пошлыны. 1576/77 // ОР РНБ. Соф. 1548.

Книги кормовые..., 1611 – Книги кормовые Тесовского острожка. 1611, дек. // RA, NOA. Serie I: 71. Л. 61–128.

Книги кормовые..., 1614/15 – Кормовые книги Тесовского острожка. 1614/1615 // RA, NOA, serie I: 87.

Книги переписные..., 1586–1596 – Книги переписные судным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным денгам с судных и с управных дел и холопым книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1586–1596 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12.

Конькова О.И., 1992. Ижора // Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области. СПб.

Лесман Ю.М., 1980. Отчет Оредежского археологического отряда за 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 7692.

Лесман Ю.М., 1995. Древнерусский Тесов // Древности Северо-Западной России: Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб.

ЛЛ, 1910 – Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1.

Медынцева А.А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М.

Межевая книга..., 1578 – Межевая книга с. Тесова государева прикащика с. Тесова И. Левшина. 24.06. 1578 // ОР РНБ. Q IV, 28.

Межевая книга..., 1600 – Межевая книга поместья Матвеевых и В. и К. Ворониных в Дягилевском погосте. 1600. 17.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 316–322 об.

Милютенко Н.И., 1997. Культ св. Климента на Руси и в Ладогe XII в. // Ладога и религиозное сознание: Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г.: Материалы к чтениям. СПб.

Новгородские писцовые книги, издаваемые имп. Археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.

Обидные дела..., 1697/98 – Обидные дела, которые учинили великие государи его царского величества подданным с стороны его королевского величества Свейской от подданных после последнего Московского подтверждения с прошлого со 192 году (Samling av ryska befolkningens vid svensk-ryska gränser klagomål angående oförrätter av olika slag, som tillfogades dem från svensk sida. Denka samling användes vid dåtidens svensk-ryska förhandlingar och bör därför placeras vid sidan av motsvarande förhandlingsprotocoll) 1697/98 // RA. Muscovitica: 112.

Обыск..., 1614 – Обыск Н.Я. Тыркова о воровстве Дуньки, дочери Т. Романова. 1614. 27.12 // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 99.

Обыскные книги..., 1698 – Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324.

Описание..., 1751 – Описание 53 церквей Водской пятины. 1751 // ОПИ НГОМЗ. Д. 11298. Л. 73.

Опись Новгорода 1617 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3, ч. 1.

Отписка..., 1631 – Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков. 1631 // АМГ. 1890. Т. 1. С. 330–332.

Отписка..., 1636 – Отписка А.Мелницкого и С.Свербеева в Новгород о пути их на Осиную Горку для перебежчицкой размены. 29.03.1636. // СПбИИ, ф. 109, д. 595.

Отрывок..., 1568 – Отрывок писцовой книги Водской пятины письма кн. П.Оболенского и И.Зюзина с товарищи. 1568 // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1: Боярские и городовые книги. № 1-а.

Память... Вельяминову, 1621 – Память ямскому приказчику М.Вельяминову 1621. 18.08 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Л. 585.

Пальмквист Э., 1993. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 году. Новгород.

Переписная книга..., 1669 – Подлинная переписная книга поместных и вотчинных сел и деревень, дворов и людей Водской пятины, обеих половин А.М. Змеева. 1669. 22.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 984.

Перепись... делам..., 1670 – Перепись государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича Новгородским дворцовым делам судного приказного стола. 1670.1.09–1675.1.09 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 2.

Писцовая..., 1582 – Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958.

ПКОП, 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1.

План..., 1874 – План лесонасаждений и статистическое описание Орлинской лесной дачи. 1874 // РГИА. Ф. 515. Оп. 72. Д. 6662.

Платонов С.Ф., 1995. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.

Протокол..., 1924 – Протокол 203 заседания секции нумизматики и глиптики РАИМК // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 23.

Приложение к протоколам..., 1925 – Комиссия по нумизматике и глиптике РАИМК. Приложение к протоколам и отчеты о работе комиссии за 1924–1925 гг. 2-я часть // РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1925. Д. 27.

Приходно-расходные книги..., 1603–1612 – Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 112–120 гг. // RA, NOA. Serie I: 136.

Приходные книги..., 1615/16 – Приходные книги государеву хлебу с дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // RA, NOA. serie I: 108.

Прудников О.А., 2000. Церковь Рождества Иоанна Предтечи в бывшем селе Каменные Поляны Лужского района Ленинградской области // Церковь Рождества Иоанна Предтечи в Каменных Полянах. М. (Архив Архитектуры. XII: Новгородские древности; Вып. 6).

ПРСЛ. СПб., 1851. Т. 5.

ПРСЛ. СПб., 1907. Т. 17: Западнорусские летописи.

ПРСЛ. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. 3, ч. 2; М., 1988. Ч. 3.

Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1.

Раскопки А.А. Спицына в районе с. Яма Тесова на р. Оредежи Новгородской губернии 1924 г.: Переписка // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 129.

Распросные речи..., 1623 – Распросные речи о бобылях села Тесова, возвратившихся из-за рубежа и о Тесовских крестьянах, ушедших за рубеж. (1623) // СПбИИ. Ф. 109. Д. 65.

Рождественский С.В., 1916. Новгородский дом святой Софии и его вотчина (Рец. на кн.: Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии. Т. 1. Пг., 1914). Пг. (отд. отт. из ЖМНП).

Сарабьянов В.Д., 1997. Культ св. Климента папы римского и его отображение в новгородском искусстве XII в. // Ладога и

религиозное сознание: Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г.: Материалы к чтениям. СПб.

Селин А.А., 1995. О посвящении сельских храмов в Новгородской земле XVI в.: св. Климент (папа римский) // Теорет. конф. "Философия религии и религиозная философия: Россия. Запад. Восток": Тезисы докл. СПб.

Селин А.А., 1996. Ивангородская дорога. СПб.

Селин А.А., 1997а. Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Староладожский. СПб.

Селин А.А., 1997б. Церковный причт Новгородского и Ладожского уездов Водской пятины в XVI – первой половине XVIII в. // Ладога и религиозное сознание: Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г.: Материалы к чтениям. СПб.

Селин А.А., 1999. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность: Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. Вып. 2.

Селин А.А., 2000. Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб. Вып. 3.

Смирнов П.П., 1948. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л. Т. 2.

Список..., 1568 – Список с писцовой книги Водской пятины письма кн. П. Оболенского и И. Зюзина с товарищи. 1568 // РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, д. 1-б.

Список..., 1586 – Список с межевой книги дворцового села Тесова дьяка А. Арцыбашева и подьячего С. Емельянова. 1586 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84 (другой список: ОР РНБ. Q IV, 28. Л. 48–70).

Список..., 1646 – Список с переписной книги монастырских и церковных дворов, дворцовых, поместных и вотчинных сел и деревень Водской пятины стольника кн. Г.Д. Долго-

рукого и подьячего И. Раковского. 1646 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 984.

Строев П.В., 1877. Списки иереев и настоятелей Российской церкви. СПб.

Теплоухов С.А., 1929. Раскопки в Оредежском районе Лужского округа группы курганов у Бутковского и Ям-Тёсовского в 1928 г. // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122, 242.

Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996.

Указ..., 1733 – Именной указ, данный Сенату об отдаче Александро-Невскому монастырю в вечное владение вотчин Старорусского Иверского монастыря, некоторых дворцовых волостей и отписных у князя Долгорукова, взамен взятых у одного монастыря и приписных к дворцовому ведомству волостей Толмачевской, Дорской и Охонской. 1733. 11.06 // Полное собрание распоряжений и узаконений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1898. Т. 8.

Федоров И.Т., 1983. Расселение ижоры в XIX–XX веках // СЭ. № 5.

Челобитная..., 1614а – Челобитная дворцовых крестьян села Тесова, поданная Я. Делагарди и кн. И. Одоевскому. 1614. 25.07 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2: 168. Л. 15.

Челобитная..., 1614б – Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2: 284. Л. 3, 3 об.

Янин В.Л., 1962. Новгородские посадники. М.

Янин В.Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М.

Янин В.Л., 1991. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.

Goeteeris A., 1619. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616. Graven-Hage.

П.Е. Сорокин

О системе расселения в Приневье в допетровское время*

Освоение невыхских берегов – одна из проблем истории русского Северо-Запада. Известно, что, начиная с VIII–X вв., по Неве проходил международный водный путь, связывавший Восточную Европу с Балтийским регионом. Однако, на ее побережье практически не известны следы оседлости этого времени (рис. 1). Не выявлены здесь и археологические памятники более позднего времени – вплоть до XIV столетия. Но уже на рубеже XV–XVI вв. Писцовая книга Водской пятины 1500 г. фиксирует здесь развитую поселенческую структуру.

Документальные свидетельства по допетровской истории Нижнего Приневья достаточно ограничены. Наиболее подробную информацию о формировании историко-культурного ландшафта дельты Невы содержат шведские и русские карты XVII – начала XVIII столетий. Ретроспективный метод исследования позволяет в определенной мере реконструировать процесс освоения этого региона и в более ранние периоды, связав их с описаниями Писцовых и Обыскных книг XV–XVI вв. и с немногочисленными археологическими находками более раннего времени.

Эпохи неолита и раннего металла. Древние люди появляются на территории современного Северо-Западного региона России после окончания Валдайского оледенения в эпоху мезолита – в VII–V тыс. до н. э. (Герман, Мельников, Спиридонов, 2004. С. 14–27). Редкие стоянки этого времени, ближайшие к территории современного Петербурга, связываемые с культурой Кунда, известны в северной части Карельского перешейка, у устья реки Нарвы, в Центральном Полужье и Юго-Восточном Приладожье. Отнесение к их числу местонахождения Разлив (г. Сестрорецк) представляется проблематичным (Гурина, 1961. С. 41–42; Тимофеев, 1993. С. 9–18).

Более широко представлены в регионе памятники эпохи неолита середины V–II тыс. до н. э. На территории окрестностей Петербурга основная их часть обнаружена на северном побережье Финского залива – в районе Сестрорецка, в Южной части Карельского перешейка – на берегу Токсовско-

го озера (Гурина, 1961; Тимофеев, 1993. С. 18–32; Герасимов, 2003. С. 12–24). Неолитические материалы были выявлены на южном берегу Финского залива в районе Петродворца¹. Имеются также сведения об обнаружении каменных орудий в среднем течении реки Ижоры (Уваров, 1881. С. 136). Более редки в регионе памятники эпохи раннего металла II–I тыс. до н. э., два из которых, ближайших к Неве, были обнаружены вблизи Сестрорецка и Лахты. Если в мезолитическую и неолитическую эпохи в регионе преобладали западные – прибалтийские связи, то в эпоху раннего металла усиливаются связи юго-восточного направления с регионом Верхнего Поволжья (Тимофеев, 1993. С. 31–32).

Местонахождения эпох неолита и раннего металла, находившиеся в периферийных частях археологических культур того времени, можно охарактеризовать как временные стоянки рыболовов и охотников. Территориально места обитания людей на побережье рек, озер и Финского залива определялись формами присваивающего хозяйства. Незначительное количество памятников неолита и раннего металла в Приневье пока не дает возможности делать какие-либо выводы о развитии системы расселения в это время. Важнейшую роль в ее формировании играли природные условия и в первую очередь значительные изменения конфигурации водных бассейнов.

Раннее Средневековье. Согласно письменным и археологическим свидетельствам, начиная с раннего Средневековья (середина VIII–XI вв.), Нева являлась важнейшим участком международных водных путей, по которым осуществлялись разносторонние контакты народов Восточной и Северной Европы, а позднее Руси со странами Балтийского региона (рис. 2). К этому периоду относятся монетные клады (VIII–XI вв.), найденные на побережье Финского залива у устья Невы (Галерная гавань, Мартышкино, Петергоф) (Марков, 1910. С. 30; Потин, 1967. С. 138; Мельникова, Никитин, Фомин, 1984. С. 26–47; Сорокин, 1996. С. 24, 25). Монетно-вещевые и вещевые клады середины XI–XII в. были обнаружены в зоне плотного

* Статья подготовлена при поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН.

¹ Неолитическая стоянка в Петродворце была обнаружена С.Ю. Каргопольцевым, любезно сообщившим об этой находке.

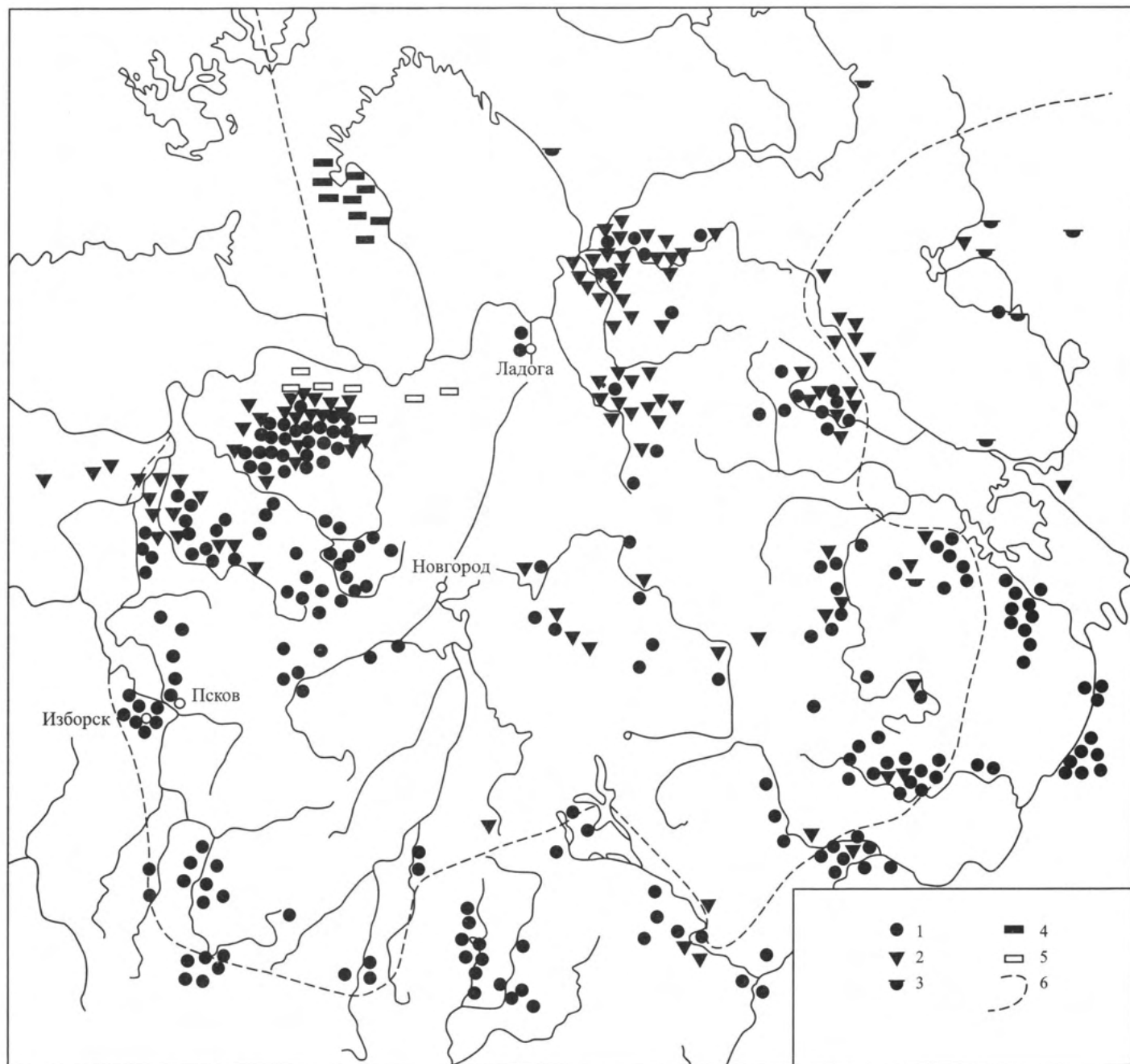

Рис. 1. Археологические памятники Новгородской земли в XII–XIV вв., по В.В. Седову

1 – курганные могильники словен новгородских и кривичей; 2 – курганные могильники води и веси; 3 – грунтовые могильники веси; 4 – могильники корелы; 5 – могильники ижоры; 6 – приблизительная граница Новгородской земли

расселения на северной окраине Ижорского плато и в Южном Приладожье (Корзухина, 1954. С. 25, 39, 101–102; Потин, 1967. С. 141). Все они связываются с водным путем, проходившим по Финскому заливу, Неве и Ладоге. Ближайшие к Нижнему Приневью скопления монетных кладов известны в достаточно плотно заселенных районах Верхнего и Нижнего Поволжья, а также в Северной Эстонии.

Клады, обнаруженные на побережье Финского залива у устья Невы, где вообще не известны поселения того времени, могли быть связаны с местами транзитных стоянок судов, определявшихся сменой

условий плавания. Вероятно, уже в этот период на побережье имелись временные поселения, жители которых занимались рыбной ловлей и обслуживанием международных торговых перевозок, а также места проведения международных торгов, куда в определенное время стекалось окрестное население (Сорокин, 1996. С. 24–25). Однако, судя по археологическим данным, основные районы расселения этого времени находились на удалении от побережья Финского залива, Невы и Юго-Западного Приладожья.

Средневековье. Археологические памятники средневекового времени на территории Приневья,

в отличие от соседних Ижорского плато, Нижнего Поволжья и Карельского перешейка, почти не известны. Ареал распространения курганов и жальников на севере Ижорского плато совпадает с его географическими границами – Балтийско-Ладожским уступом (глинтом), удаленным на 20–50 км от берега Финского залива. Наиболее близкие к устью Невы древнерусские курганные и курганно-жальничные могильники XII–XIV вв. известны на северной и северо-восточной окраинах Ижорского плато, распространяясь до реки Коваши и истоков Ижоры (Седов, 1953. С. 200–202; 1979. С. 80; Лесман, 1982. С. 65–74; Лапшин, 1990. С. 69, 79). Складывается впечатление, что северная граница древнерусского расселения в этом районе оставалась стабильной на протяжении двух столетий – с XII по XIV в. Наиболее древние археологические материалы, которые могут свидетельствовать о постоянной оседлости, происходящие непосредственно с побережья Невы – фрагменты керамических сосудов датируются XIV–XVI вв. (Сорокин, 1996. С. 29, 35–36) (рис. 3).

На территории по южному берегу Финского залива, в бассейнах рек Невы и Ижоры и Южном Приладожье известно незначительное количество грунтовых могильников ижоры: Войскорово, Мишкина и Пупышево. Из разрушенных погребений ижоры происходят, вероятно, и украшения карельских типов, найденные у деревень Колтуши и Порошкино². Эти находки могут быть суммарно датированы XI–XIV вв. Изучением их, начиная с 1930-х годов занимались А.М. Тальгрэн, В.В. Седов, Е.А. Рябинин (Tallgren, 1938; Седов, 1953. С. 200–202; 1979. С. 80; Рябинин, 1997. С. 60–81). В 1980–1990 гг. О.И. Коньковой изучались грунтовые могильники, связываемые с ижорой, на побережье Финского залива – в западной части Ленинградской области (Конькова, 1985; 1990; 1995; 2001). В 1990–2005 гг. в процессе работ Санкт-Петербургской археологической экспедиции было выявлено и частично исследовано несколько новых грунтовых могильников на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей (Сорокин, 2006). В бассейне реки Мга у деревни Кирсино был исследован могильник ижоры XII – середины XIII в. с поверхностными погребениями в соединенных между собой каменных оградках округлой формы. Костные материалы, за редким исключением, не сохранились. Захоронения, в том числе парные, сопровождалось богатым погребальным инвентарем.

К XIV–XVII вв. могут быть отнесены грунтовые, преимущественно безинвентарные могильники. Среди них исследованы могильники в Усть-Рудице; в Санкт-Петербурге: на левом берегу реки Фонтанки, у устья реки Охты, и в Павловске, а также известные по случайным находкам захоронения в Верхней Рудице, Ропше, Карлино, Реполке, Лезье, Красном Селе, в Лахте и на Стрелке Васильевско-

го острова. Гатчинский могильник, частично раскопанный В.И. Равдоникасом, включал как курганные, так и грунтовые погребения конца XIII – начала XV столетия, связываемые с племенем ижора (Равдоникас, 1932. С. 24–31). Часть исследователей согласилась с этой интерпретацией, отметив, однако, наличие в погребениях типичного древнерусского инвентаря (Седов, 1953. С. 202; Конькова, 1985. С. 74). Согласно другой точке зрения, могильник связан с продвинувшимися сюда в XII–XV вв. с Ижорского плато славянскими земледельцами (Рябинин, 1997. С. 70–71).

При сравнении данных картографических материалов XVII в. и Писцовой книги Водской пятины 1500 г. с размещением археологических находок XII–XV вв. в Приневье можно говорить об определенной преемственности в системе расселения, существующей здесь на протяжении Средневековья. Места концентрации поселений XVII столетия, совпадающие, в основном, с центрами погостов Ореховецкого уезда XV–XVI вв. (Введенский Дудоровский, Воздвиженский Корбосельский, Ильинский Келтушский, Никольский Ижерский, Никольский Ярвосольский) были наиболее освоенными землями еще в ижорское время, не позднее XII в. Они же стали районами первоочередной новгородской колонизации, происходившей, видимо, в XIV–XV вв. с территории Ижорского плато и из Поволжья по рекам: Стрелке, Лиге, Славянке, Ижоре, Назию, Мге, Тосне, Неве и Охте. Одновременно происходило заселение этих территорий ижорским и карельским населением из южной части Карельского перешейка. Этот процесс был связан с основанием в 1323 г. крепости Орешек и заключением Ореховецкого мира, по которому три западных карельских погоста перешли к Шведскому королевству.

Следует отметить, что центры погостов Ореховецкого уезда, упоминаемые в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. располагаются, так же как и ижорские древности, на возвышенностях глинта на юге и Невской долины на севере, на удалении от берегов Невы и Финского залива. Это объясняется тем, что прибрежные районы в это время были неблагоприятны для постоянного проживания из-за заболоченности и военной опасности.

В то же время следует отметить, что на рубеже XV–XVI вв. наиболее крупными поселениями в Приневье были не погосты, а села и селения, представляющие собой новообразования, объединявшие старые деревни. Села в устье Невы возникали в густозаселенных районах. В отличие от деревень, значительную часть населения сел и селений, возникших здесь, составляли поземщики, занимавшиеся торговлей и рыболовством и платившие денежные и натуральные подати. Они зафиксированы в Писцовой книге 1500 г. только “по новому письму”, тогда как “по старому письму” 1480-х годов в этом регионе были одни деревни. Для унификации с другими регионами России и удобства налогообложения

² Любезное сообщение А.И. Саксы.

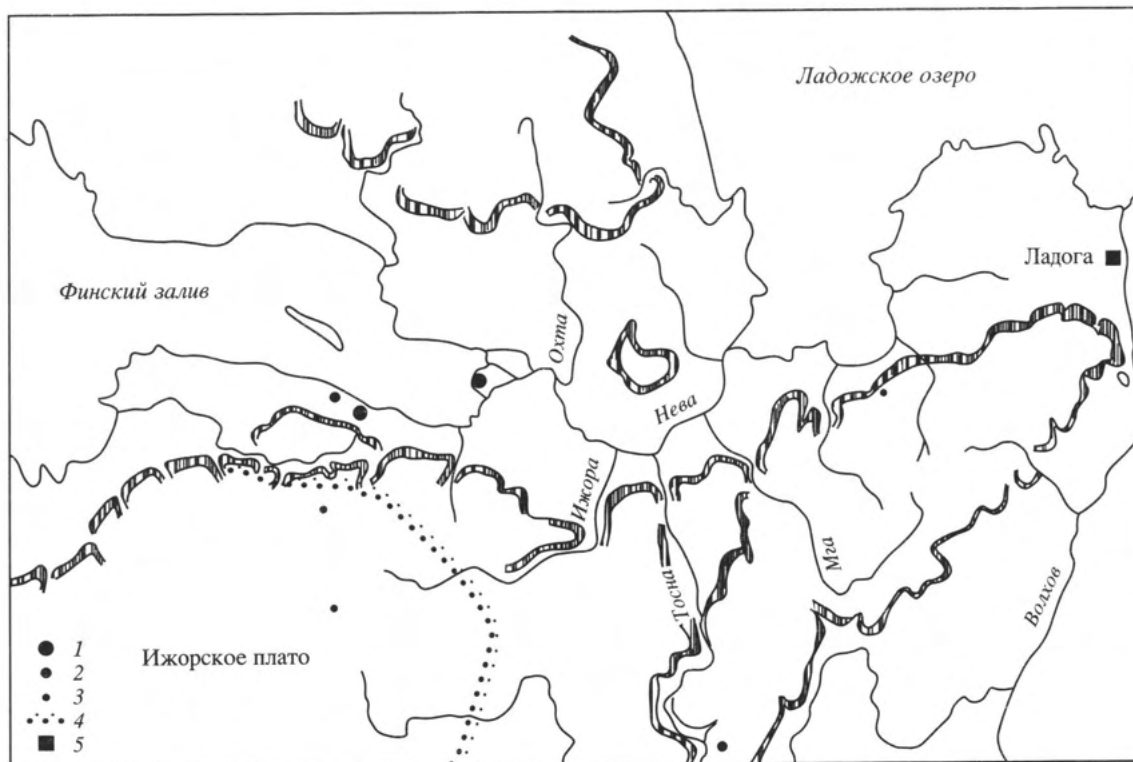

Рис. 2. Карта археологических находок VIII–XII вв. в Приневе

1 – монетные клады VIII–X вв.; 2 – монетные клады XI в.; 3 – монетно-вещевые и вещевые клады XI–XII вв.; 4 – граница древнерусского расселения на Ижорском плато; 5 – городские центры

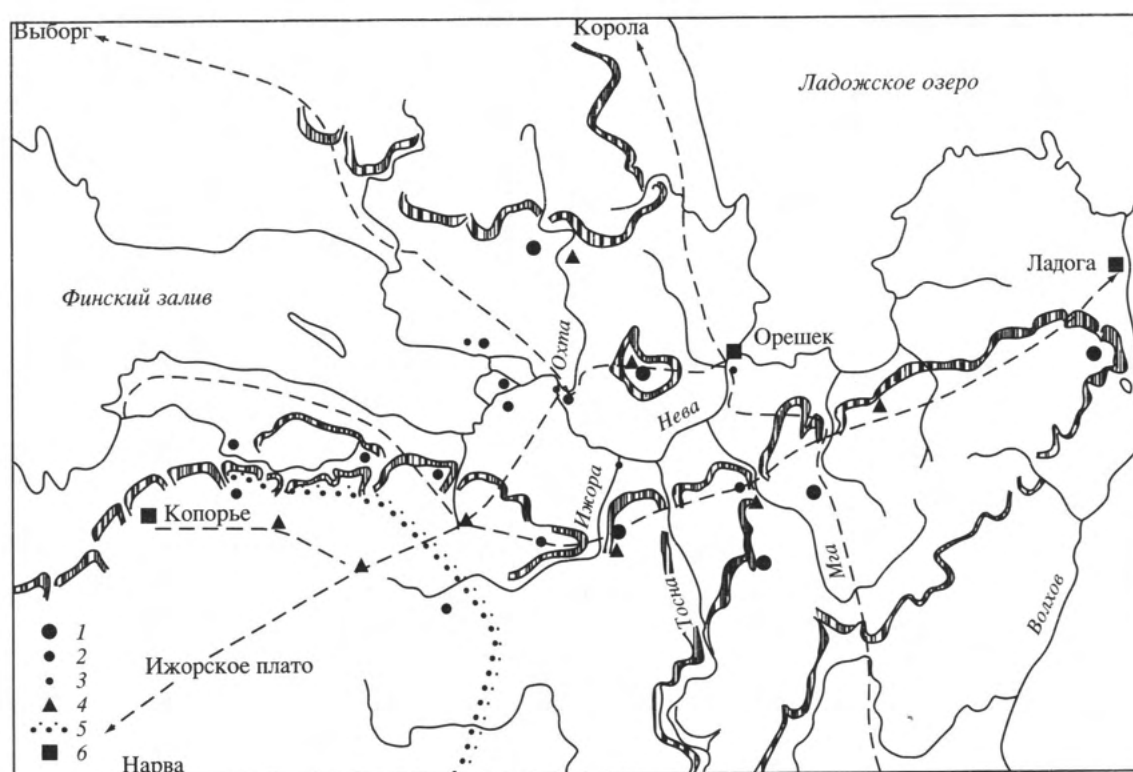

Рис. 3. Карта археологических находок XII–XVII вв. в Приневе, ижорские древности

1 – могильники и случайные находки XII–XIV вв.; 2 – грунтовые могильники XIV–XVII вв.; 3 – выявленные поселения XIV–XVII вв.; 4 – центры погостов XV–XVI вв.; 5 – граница древнерусского расселения на Ижорском плато; 6 – городские центры

отдельные деревни, располагавшиеся поблизости друг от друга и принадлежавшие одному владельцу, включаются в состав вновь образованных сел.

Позднее Средневековье, Новое время. Шведские карты XVII в. показывают, что вся территория Приневья была населена очень неравномерно (рис. 4). Районы с наиболее плотным заселением были расположены преимущественно на некотором удалении от берегов Невы и Финского залива – в среднем течении притоков Невы и рек, впадавших в залив. Обращают на себя внимание значительные поселенческие массивы в междуречье рек Стрелки и Лиги в их среднем течении (район от Дудергофа до Ропши), в среднем течении рек Ижоры (район Войскорово) и Нази. Меньшие по размерам и плотности поселенческие массивы прослеживаются: в устье и среднем течении реки Мги, в междуречье Славянки и Черной (район Пулково – Царское Село), в верхнем течении Славянки (район Павловска – пос. Динамо), вдоль южного побережья Финского залива – в районе высот, примыкающих с юга к Стрельне, Петергофу и Ломоносову. Севернее Невы это территории в среднем течении Охты и Колтушская возвышенность (*Бергенгейм*, 1827).

Дельта Невы к этому времени была достаточно хорошо обжита (рис. 5; 6). Одним из наиболее освоенных островов был современный Петроградский остров (старое название – Березовый, Койвосаари). Это же наименование, но уже в шведском варианте, закрепилось и за его крупнейшим поселением – усадьбой Бьеркенхольм. Окультуренные территории – пашни и луга, занимавшие восточную, северную и южную части острова, составляли около половины его общей площади. Они как бы окаймляли лесной массив, располагавшийся в центральных и западных районах. Усадьба Бьеркенхольм находилась на восточном берегу (побережье Большой Невки). Небольшие деревеньки, состоявшие из одного-двух дворов, были разбросаны по южным и западным берегам острова. Крупнейший на территории современного Петербурга массив освоенных земель занимал побережье Большой Невки, Кронверкского протока и район современной Троицкой площади (Атлас Ингерманландии 1701 г. № 37; *Возгрин, Шаскольский*, 1981).

Еще более древнее название этого острова – Фомин, упоминаемое в Писцовой книге 1500 г., вероятно, происходит от имени одного из первых новгородских владельцев этих земель. Здесь уже в конце XV в. располагался крупнейший в дельте Невы населенный пункт – село на Фомине острове, включавшее 38 дворов, среди которых был двор тиуна на приезд, содержавшийся за счет Спасо-Городенского и Корбосельского погостов (*Временник...*, 1851. С. 117–118). Вероятно, это поселение так же состояло из отдельных дворов, разбросанных по острову, как и в последующее время. Причем можно предположить, что преемственность в их местоположении сохранялась.

На Выборгской стороне, в истоках Большой Невки, почти напротив Бьеркенхольма, находилось селение Колсоа или Кулзея. В Писцовой книге 1500 г. оно упоминается как село Кулза, включавшее 15 дворов. Поблизости от него располагалась деревня Корабельница (*Временник...*, 1851. С. 119). На картах XVII – начала XVIII в. показано, что через Большую Невку проходил “Старый путь к Ниену” (*Ланно-Данилевский*, 1913. № 10). Таким образом, одной из причин концентрации крупных поселений в этих местах, вероятно, было прохождение здесь в средневековый период основного водного пути через невскую дельту.

На Васильевском острове, входившем в состав Никольского Ижерского погоста, освоенными были земли на Стрелке и побережье Малой Невы (современный район между Биржевым и Тучковым мостами). На картах конца XVII в., здесь показана деревня Хирвисаари, в которой к этому времени было 9 дворов и проживало 17 человек (Атлас Ингерманландии 1701 г., № 37; *Сорокин, Кашаев*, 1998. С. 13–18) (рис. 5; 6). Писцовая книга Водской пятины 1500 г. упоминает на Васильевском острове два крупных рыбацких селения: Александровские и Олферьевские ловцы, включавшие соответственно 13 и 15 дворов (*Временник...*, 1851. С. 344, 372). Вероятно, они существовали на том же месте. В XV в. они входили в состав владений знатных новгородских бояр – Александра Самсоновича и Олферия Ивановича, от которых и получили свои названия. Известно, что одним из предков последнего был боярин Василий Матвеевич, живший в Новгороде в начале XIV в. (*Янин*, 1981. С. 101, 110). Вероятно, именно с именем боярина Василия Матвеевича, получившего уже в те времена земли в устье Невы, и следует связывать название Васильевского острова. Другие относительно большие массивы окультуренных земель находились в северной и западной частях этого острова – на берегах Невы и Финского залива. При этом освоенные территории составляли не более одной четверти от его общей площади.

На Аптекарском острове окультуренные земли были в основном в восточной части, а также на западном и северном берегах. Три деревеньки располагались на побережье Большой Невки и одна в среднем течении Карповки. Смешанные, преимущественно заболоченные леса покрывали и большую часть малых островов в устье Невы: Крестовского, Елагина и Каменного, а также массив земель по правому берегу Большой Невки от Лахты до Выборгской стороны. Редкие деревни здесь также находились на берегу реки.

В XVII столетии достаточно хорошо был освоен и Адмиралтейский остров – в его центральной и восточной частях располагались деревни Усадище и Первушино. По левому берегу Невы от современного моста Александра Невского до истоков Фонтанки и далее до самого устья также тянулись небольшие возвышенности. Около половины их

Рис. 4. Приневье на шведской карте конца XVII в. Военный архив, Стокгольм.

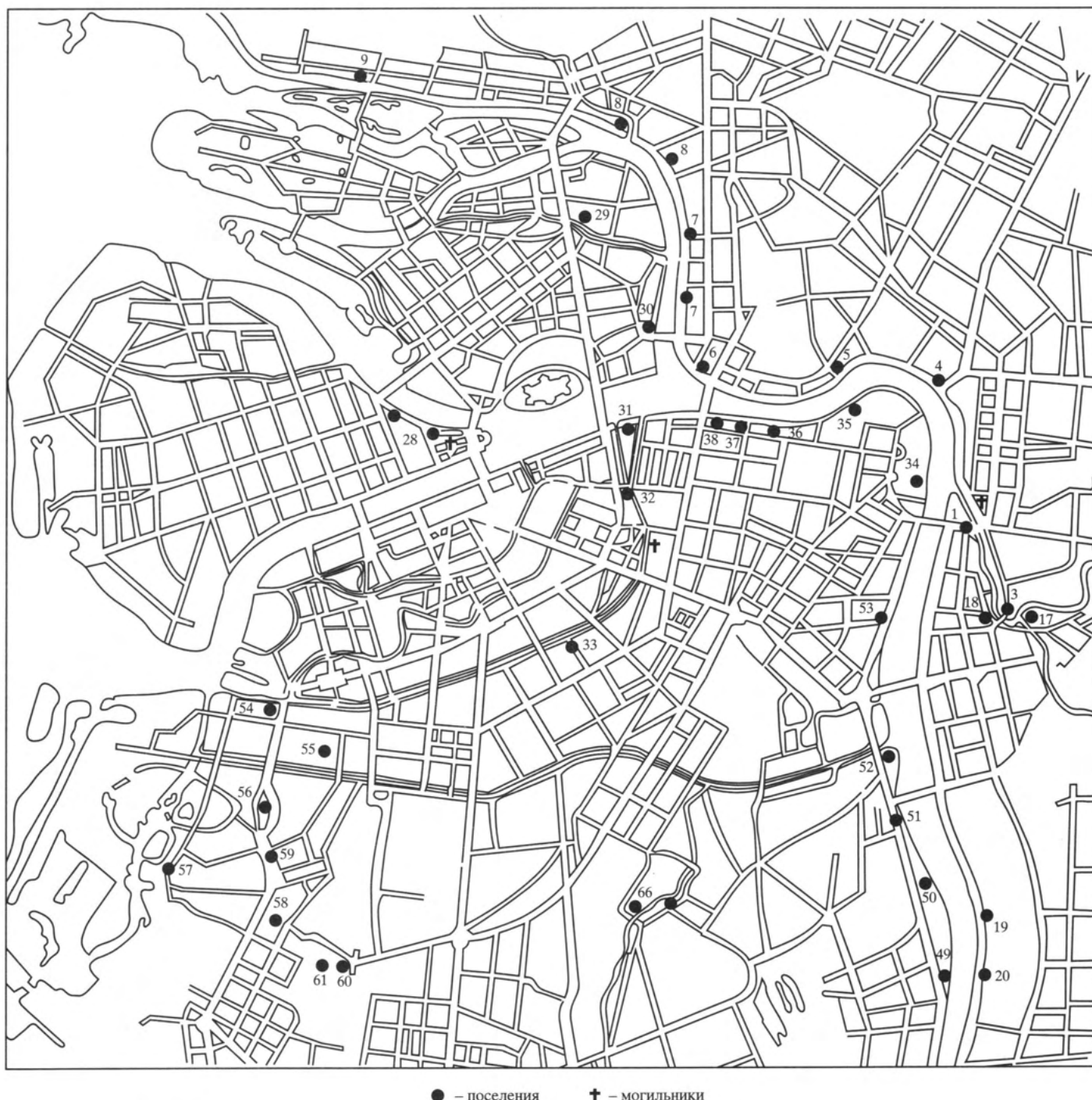

Рис. 5. Крупнейшие поселения допетровского времени в центре современного Петербурга

было занято деревнями и сельскохозяйственными угодьями: пашнями и лугами, другая часть была покрыта сосновым лесом. В районе современного Смольного монастыря, где дорога со стороны Ижорского плато подходила к Неве, располагалось село Спасское (Атлас Ингерманландии 1701 г. № 25; Возгрин, Шаскольский, 1971. С. 271–280). Первое упоминание Спасской церкви, давшей название селу, содержится в Писцовой книге 1505 г. (Гневушев, 1908. С. 67).

В глубине этой территории, представлявшей собой полуостров, находился заболоченный хвойный

лес. Напротив Спасского на правом берегу реки – в устье Охты в 1500 г. располагалось сельцо из 18 дворов (Временник..., 1851. С. 119–120). Позднее, на рубеже XVI–XVII вв., оно получает название Невское устье. В нем имелись государев гостинный двор, корабельная пристань и церковь (Якубов, 1890. С. 39–78; Селин, 1998. С. 18–21; Сорокин, 2001).

На прилегающей территории концентрация населенных пунктов прослеживается вдоль дороги Выборг – Нарва. По южному и северному побережьям Финского залива населенные пункты рас-

полагались на некотором удалении от его береговой линии (рис. 4). Более освоенными были южные приморские земли в Дудергофском погосте, где они тянулись почти сплошной полосой по краю Балтийско-Ладожского уступа (рис. 7). Южнее этих земель располагался лесной массив. На севере, в районе Лахты и Лисьего носа окультуренные территории, окружавшие населенные пункты, представляли собой отдельные островки в окружении лесов (Атлас Ингерманландии 1701 г. № 21, 30, 36, 46; Временник..., 1851. С. 117–120, 202).

Таким образом, можно заключить, что уже в XV–XVI столетиях на территории центра современного Петербурга имелась сложившаяся поселенческая структура и достаточно развитая сеть водных и сухопутных коммуникаций, замыкавшихся на магистральные пути: водный, проходивший по Неве, и сухопутный из Карелии в Ингерманландию. Именно на их пересечении – в районе устья реки Охты и возникает впоследствии городской центр, оказывавший существенное влияние на формирование культурного ландшафта в устье Невы в допетровское время. По данным обыскных книг, в 1540–1570-е годы из-за наводнений и разорения во время русско-шведских войн крупные поселения на Фомине острове и Кулза, располагавшиеся у истоков Большой Невки, пришли в запустение. Существенно пострадали и населенные пункты в устье Охты (Бутков, 1836. С. 394, 399–400; Самоквасов, 1908. С. 324, 344, 420). Тем не менее, вероятно, именно в это время центр поселенческой агломерации в устье Невы и перемещается на Охту, защищенную от внезапных набегов с моря и недосыгаемую для наводнений. Однако из-за частых войн и опричного разорения во второй половине XVI столетия дальнейшее развитие этого поселения и всей агломерации Нижнего Приневья затормозилось. Только после присоединения этой территории к Швеции и заключения Столбовского мира в начале XVII в. в устье реки Охты были основаны крепость Ниеншанц и город Ниен.

Сопоставление расположения поселений в устье Невы с зонами затопления во время наводнений показывает, что основная их часть находится вне зоны, затапливаемой малыми наводнениями, но в пределах территории, подверженной затоплениям катастрофическими наводнениями (от 3,1 до 4,1 м), происходившими в 1777, 1824 и 1924 гг. (рис. 8). При этом территория в устье Охты и в районе Спасского села не затапливалась даже такими наводнениями. Формирование центра поселенческой агломерации Нижнего Приневья в районе устья Охты основывалось на многовековом опыте местного населения, поскольку наводнения таких масштабов происходили достаточно редко – примерно один раз в столетие.

Ретроспективный метод изучения отдельных микрорегионов Петербурга с использованием картографических, письменных и археологических источников был апробирован на территории Ниена и

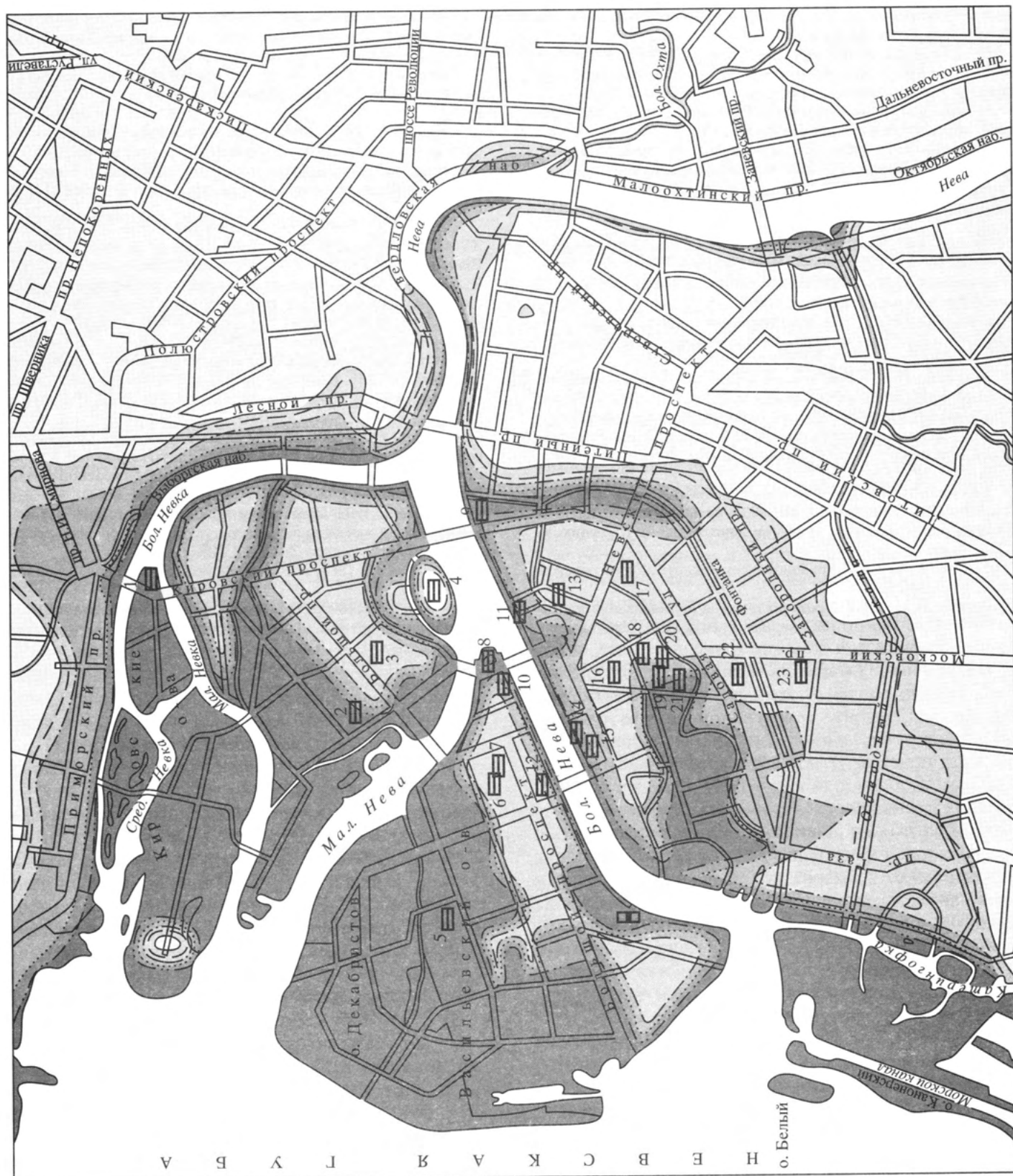
Ниеншанца, Спасского села, села на Фомине острове (усадыбы Бьеркенхольм), поселений в Усть-Ижоре и Лахте. При этом место для проведения археологических исследований выбиралось на основании шведских карт XVII столетия. В результате удалось проследить преемственность между поселениями различных эпох. Это объясняется тем, что в условиях заболоченных и покрытых лесами территорий Нижнего Приневья изначально здесь осваивались наиболее пригодные для жизни места, на которых на протяжении столетий и развивались поселения. При этом величина их не всегда была связана с площадью окружавших их окультуренных земель, что свидетельствует о значительной роли рыболовства в хозяйстве местного населения.

В Усть-Ижоре удалось локализовать четыре из пяти упомянутых в Писцовой книге 1500 г. деревень, причем местоположение их совпадало с поселениями, обозначенными на шведских картах рубежа XVII–XVIII вв., что свидетельствует об относительной стабильности существовавшей здесь поселенческой структуры. По обнаруженной здесь белоглиняной керамике время их возникновения может быть отнесено к XIV–XV вв. Деревни занимали достаточно компактную территорию по берегам Невы и Ижоры, находясь на удалении 100–200 метров друг от друга (Сорокин, 1996. С. 35–36).

В отличие от поселений, могильники на шведских картах специально не обозначались. По археологическим данным, они располагались на окраинах поселений на берегах рек либо на противоположном берегу реки по отношению к современным им поселениям. Вероятно, некоторые из этих могильников служили местом погребения жителей нескольких деревень. При этом, согласно документам, только в одном из этих мест – в устье реки Охты находилась церковь, при которой и мог существовать обнаруженный здесь могильник.

После возвращения территорий Приневья России, в мае 1703 г., на островах невольской дельты был основан Санкт-Петербург, и центр поселенческой структуры снова приблизился к устью Невы. В первые годы своего существования город занимал Заячий остров, южную половину Петроградского, северную часть Адмиралтейского островов, а также Стрелку Васильевского острова, перекрывая тем самым территории наиболее крупных населенных пунктов, непрерывно существовавших здесь с позднесредневекового времени. Далее городская территория простиралась вдоль берегов Невы, до устья реки Охты, на уже освоенных ранее, свободных от леса возвышенностях. Многие загородные усадьбы продолжают использоваться по своему прежнему назначению. В основу системы путей сообщения петровского периода была положена коммуникационная сеть, складывающаяся еще в Средневековье. Все это свидетельствует о том, что Санкт-Петербург возник вовсе не на пустом месте и многое унаследовал от предшествующего времени.

Рис. 8. Зоны затопления наводнениями от 2,5 до 4,1 м в Санкт-Петербурге

Литература

- Атлас Ингерманландии 1701 г. // РОБАН. Собр. рук. карт. Оп. доп. 1. Д. 27.
- Бергенгейм, 1827. Карта бывших губерний Ивангорода, Яма, Копорья и Нэтеборга. СПб.
- Бутков П., 1836. О состоянии местностей Санкт Петербургских в XVI в. // ЖМВД. СПб. Т. XX.
- Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., 1981. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // ВИД. Вып. XII.
- Временник..., 1851 – Временник Общества истории и древностей Российских. М. Кн. 11: Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины.
- Герасимов Д.В., 2003. История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Петербурга. СПб. Вып. 1.
- Герман К.Э., Мельников И.В., Спиридонов А.М., 2004. Основы археологии Карелии. Петрозаводск.
- Гневушев А.М., 1908. Отрывок из писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504–1505 г. Киев.
- Горбатенко С.Б., 1997. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. СПб. Вып. 5.
- Гурина Н.Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87.
- Конькова О.И., 1985. Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Конькова О.И., 1990. Исследования ижорских могильников: Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л.
- Конькова О.И., 1995. Ижора и корела: Проблема ранней дифференциации // Русский север. СПб.
- Конькова О.И., 2001. Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.
- Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады. М.; Л.
- Лаппо-Данилевский А.С., 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб. № 10.
- Лапишин В.А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Часть 1.
- Лесман Ю.М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Марков А., 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
- Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В., 1984. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Потин В.М., 1967. Топография находок западноевропейских монет X–XII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ.
- Равдоникас В.И., 1932. Ижорский могильник в городе Красногвардейске (б. Гатчина) // СГАИМК. Л. № 11–12.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Самоковасов Д.Я., 1908. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М. Т. 2.
- Седов В.В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. Вып. XVIII.
- Седов В.В., 1979. Этнический состав населения новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л. (Археология СССР).
- Селин А.А., 1988. К исторической топографии Невского устья // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб.
- Селин А.А., 1998. Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // Археология Петербурга. СПб. Вып. 2.
- Сорокин П.Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. СПб. Вып. 1.
- Сорокин П.Е., Кашаев С.В., 1998. Разведочные археологические исследования на Васильевском острове // Археология Петербурга. СПб. Вып. 2.
- Сорокин П.Е., 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
- Сорокин П.Е., 2006. Погребальные памятники позднесредневекового времени на территории Санкт-Петербурга и окрестностей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Тимофеев, 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб.
- Уваров А.С., 1881. Археология России: Каменный период. М. Т. 2.
- Якубов К.И., 1890. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // Чтения в обществе истории и древностей российских. М. Кн. 4.
- Янин В.Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М.

Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов русского Средневековья*

Материалы Генерального межевания последней трети XVIII в. используются в отечественных историко-археологических и историко-географических исследованиях достаточно давно. В последние годы этот источник получил признание как один из важнейших, имеющих колоссальное значение при попытке реконструкции любых исторических явлений, имеющих “географическое измерение” (Буров, 1995. С. 44–58; Чернов, 1998; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Селин, 2003; Пиотух, Фролов, 2003. С. 198–233; Кусов, 2004; Чернов, 2005, и др.). Наиболее привлекательны для историка две особенности материалов Генерального межевания: 1) практически любой регион обеспечен полным набором крупномасштабных планов дач (1:8400) и уездных планов (1:84 000 и др.); 2) для многих регионов это древнейшие картографические материалы, т.е. они по времени максимально приближены к Средневековью. В комплекс материалов Генерального межевания, помимо названных, входят полевые записки, составленные во время работы на меже землемерами, и Экономические примечания, содержащие текстовое описание размеров дачи, основные топографические ориентиры в ее пределах, размеры пахотных угодий и т.п. Наиболее полный комплект материалов Генерального межевания хранится в РГАДА. Дубликаты некоторой части материалов (в частности, многие планы дач) хранятся также и в областных архивах.

Итак, при Генеральном межевании единицей описания и учета являлась земельная дача – территория, обведенная одной межей. Границы дач, зафиксированные в ходе Генерального межевания, – результат развития землевладения на протяжении нескольких столетий, а расположенные в пределах этих дач топонимы – итог столь же длительного развития топонимической системы. Лучше всего это подтверждается сравнением конфигурации границ дач Генерального межевания с межевыми описаниями XV–XVII вв. Более того, даже

межа, описанная в жалованной грамоте Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на погост Ляховичи (1134 г.) в деталях воспроизведена при Генеральном межевании (Фролов, 2003. С. 57–65). Поэтому именно планы земельных дач – источник, чрезвычайно ценный для историка и археолога (рис. 1). Важно, что помимо населенных пунктов, большинство которых имеется и на картах XIX в., планы дач Генерального межевания регистрировали названия пустошей (например, “план деревни Сатыгиной с пустоши Марихино, Маньково тож, Глининою и Мошником” (План деревни Сатыгиной..., 1778). Фиксируя границы дачи, землемеры тем самым фиксировали пределы, в которых локализуется один или несколько такого рода топонимов, наносили с разной точностью объекты, расположенные внутри земельной дачи. Вот почему вопрос о точном нанесении на современную карту границ земельных дач XVIII в. имеет важное значение.

Конечно, следует иметь в виду, что некоторое количество земельных дач и их границ было образовано незадолго или во время Генерального межевания. Не касаясь этого, менее распространенного случая, попытаемся ответить на общий вопрос: насколько точно границы дач передавали исторически сложившиеся контуры земель поселений и пустошей? Некоторая вероятность искажения в передаче исторически сложившихся границ происходит от общей установки, из которой исходило правительство при организации Генерального межевания: “Каждый при своем”. Документация, удостоверяющая право владения, требовалась только в случаях поземельных споров (Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12474), однако “спорщики” были поставлены в чрезвычайно невыгодные условия, что, несомненно, стимулировало полюбовное решение вопросов о границах владений (Милов, 1965. С. 16–20).

Другой момент, дающий вероятность ошибки – техника межевания. Для съемки плана землемеры применяли методику так называемой полуинструментальной съемки. Граница дачи фиксировалась путем промера расстояния в сажнях между точками

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 04-06-96702_центр.

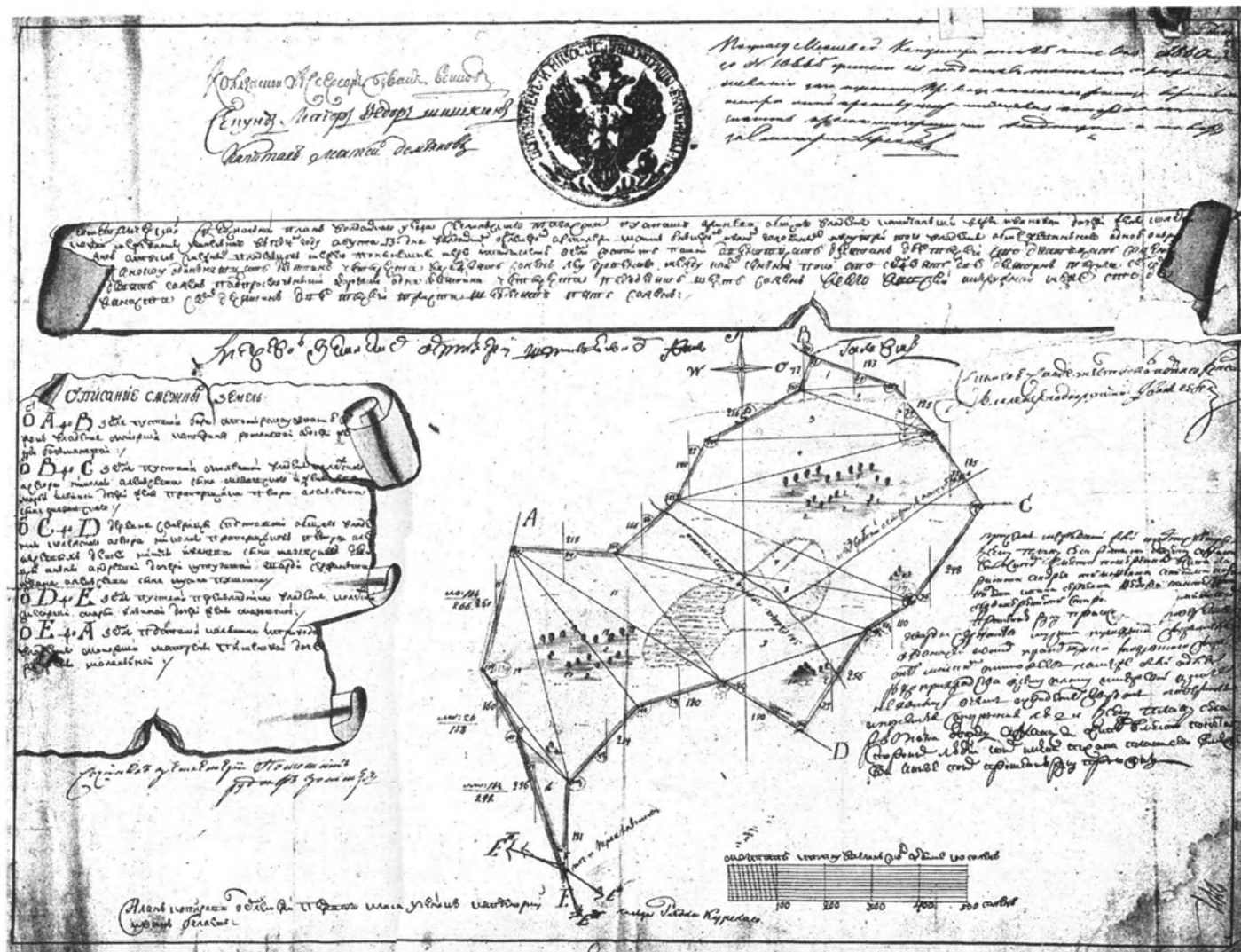

Рис. 1. Геометрический специальный план Валдайского уезда, Сеглинского погоста, пустоши Гринева, съемка 1784 г. (План пустоши Гриневой, 1784)

поворота межи (с помощью десятисаженной цепи – рис. 2, 1), румбического угла (“ромба”, т.е. отклонения визируемой линии межи от меридионального направления – без учета магнитного склонения – рис. 2, 2) и астролябического угла (“угла”, т.е. угла поворота при переходе от одного отрезка межи к другому – рис. 2, 3) в градусах и минутах (с помощью астролябии). “Угол ли или ромб наперед снимать, то все равно, но только б верно сняты и записаны были” (Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12711). На практике землемеры иногда, видимо, ограничивались лишь одним из замеров, получая данные о другом параметре путем арифметического пересчета. Причем о первичности значений румбического угла перед астролябическим свидетельствуют черновые записи пересчета первого во второй на полях некоторых чертежей (например: План сельца Березовский Рядок, 1783; План сельца Великий Двор, 1779). Точность замеров была, естественно, ниже современной – 0,5 сажени и 0,5 (реже 0,25) градуса. Однако поскольку замер “ромба” производился на каждом визируе-

мом направлении (а сенатская инструкция – “Наставление” – рекомендовала для контроля точности на одном отрезке производить несколько замеров (Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12711)), погрешность в определении углов не накапливалась. Не замеряя вертикальный угол, землемер не мог учитывать перепады рельефа. Поэтому действительные расстояния на пересеченной местности могут быть в целом несколько меньше замеренных. В результате различных погрешностей измерения возникала невязка (рис. 2, 4). При начертании плана она никогда не получала отображения: контур всегда замкнут. Очевидно, чертежник просто соединял первую и последнюю точки межи, либо “разгонял” полученную ошибку. Но реально конфигурация границ дачи была несколько иной, чем можно видеть.

В пределах дачи с разной точностью обмерялись отдельно пахотные, сенокосные, лесные угодья и непригодные для сельского хозяйства площади (усадища, дороги, болота). Общая площадь дачи вычислялась как сумма площадей треугольников,

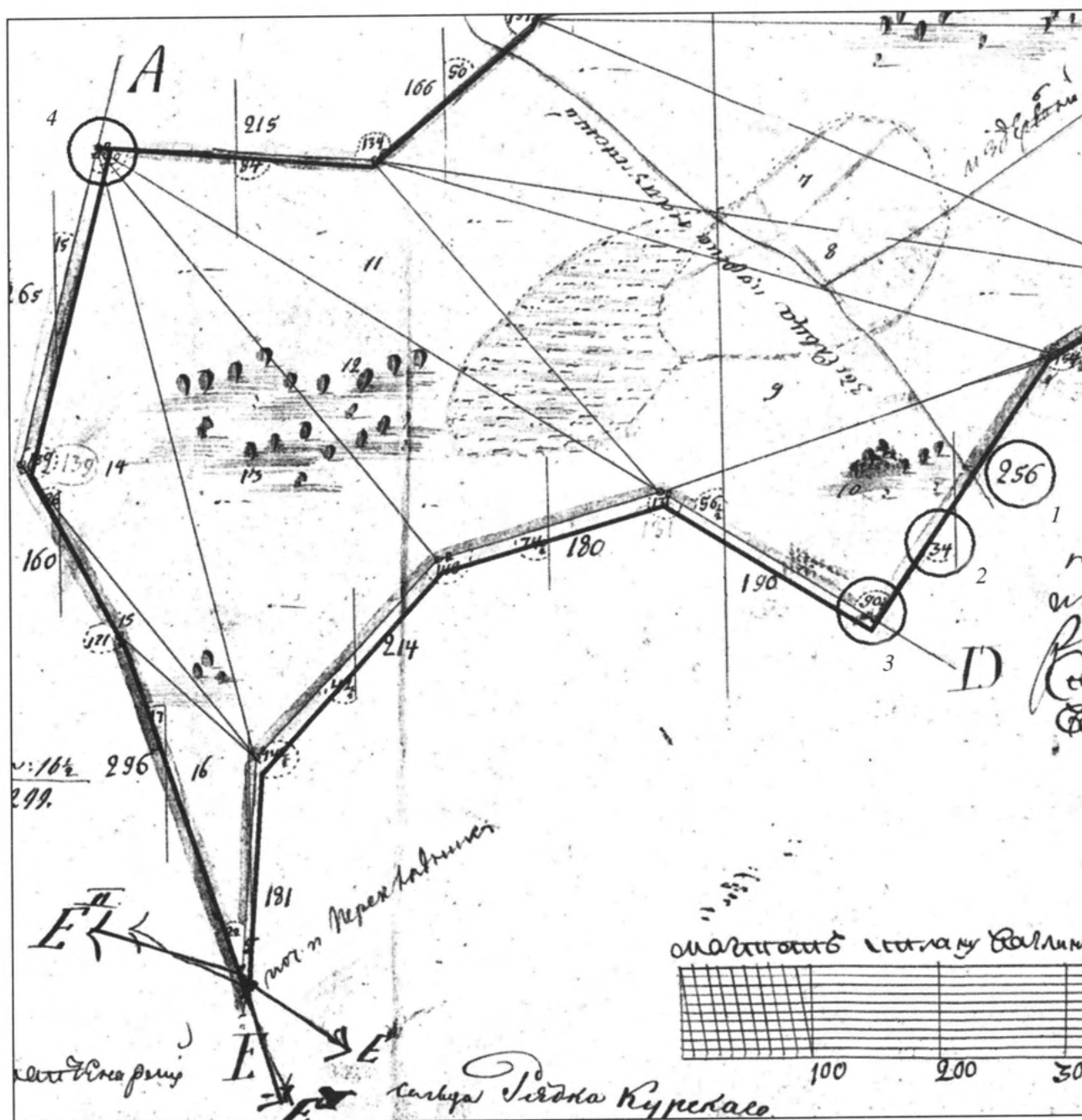

Рис. 2. Фрагмент плана дачи по чертежу, изготовленному в XVIII в. (План пустоши Гриневой, 1784), с нанесенной границей, построенной в AutoCad2000 по тем же полевым замерам (обозначена жирной черной линией)

Под цифрами кружками обведены: 1 – расстояние между точками поворота межи; 2 – румбический угол; 3 – астролябический угол; 4 – невязка

на которые она разбивалась (Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12711). Все поселения, дороги, водоемы и ландшафтные зоны всегда отображались на плане схематично (только однажды мне встретился план дачи, по детальности проработки внутренних зон чертежа равный современным планам землепользования масштаба 1:10 000 (План деревни Сатыгиной, 1778)). Сверка сведений планов с состоянием местности и с современными крупномасштабными планами свидетельствует, что несмотря на приблизительность передачи особенностей ландшафта, на планах всегда досто-

верно отражены местоположение населенных пунктов, расположение угодий (в том числе пашенных) относительно сельских дорог и водоемов (слева/справа), наличие дорог, ведущих в населенные пункты, факт пересечения дорог на пашне. Этому способствовала практика визирования некоторых объектов, расположенных внутри дачи, с нескольких точек межи. С наибольшей точностью нанесены те объекты, которые выходили непосредственно на межу, поскольку их координаты землемеры получали непосредственно в процессе съемки (рис. 3). Проблема состоит в том,

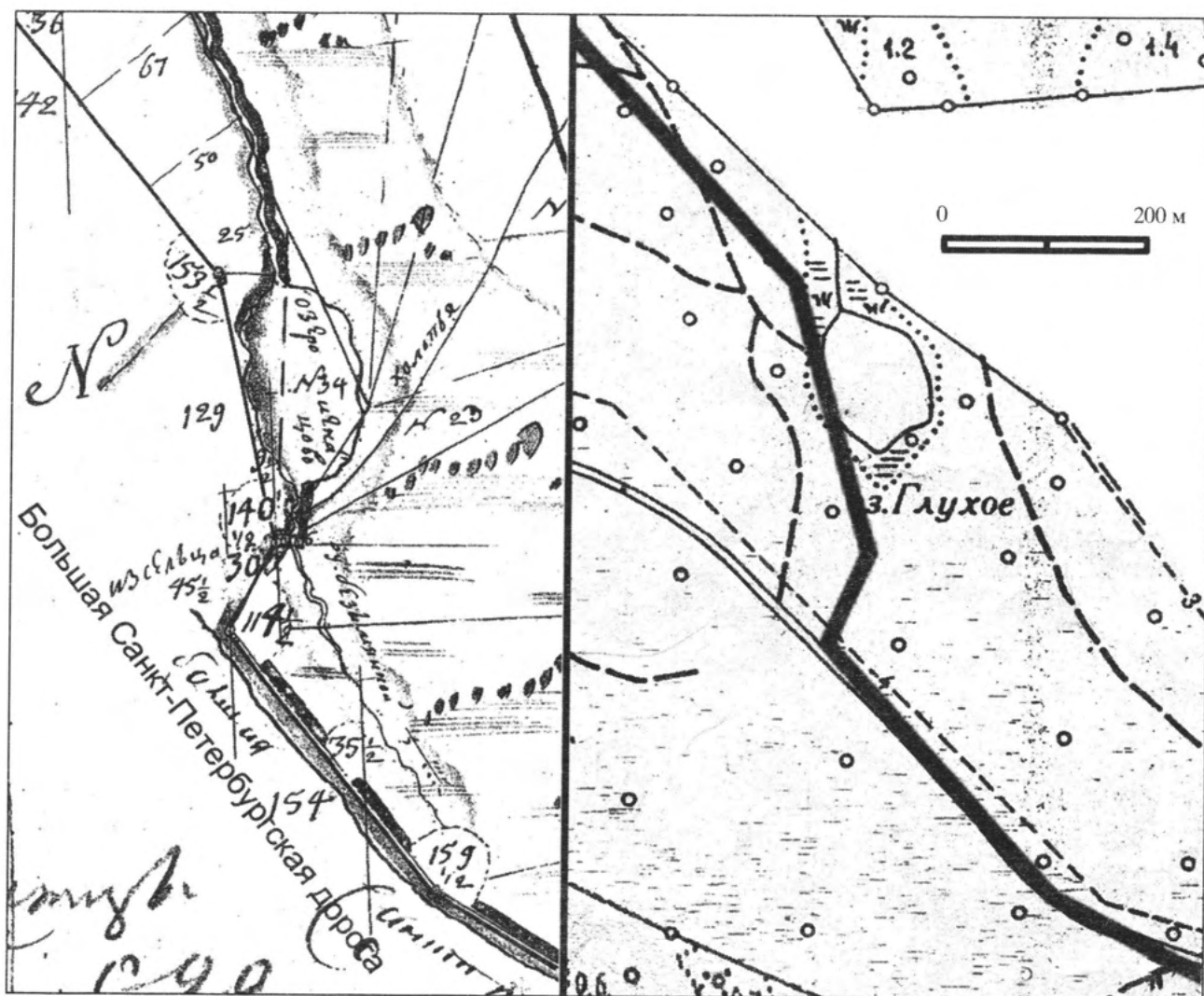

Рис. 3. Фрагмент границы “дачи сельца Великий Двор” в районе оз. Игнатцово: слева – план 1779 года (План сельца Великий Двор, 1779), справа – тот же участок на современном плане землепользования совхоза Валдайский

как привязать план дачи Генерального межевания к современной карте для того, чтобы можно было надежно идентифицировать указанные на нем объекты.

Одним из первых планы дач Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов стал использовать С.З. Чернов (1987). Позднее В.А. Буров, учитывая опыт С.З. Чернова, подробно изложил методику соотнесения плана XVIII в. с картой (Буров, 1997. С. 341). Суть ее заключается в приведении (путем ксерокопирования или сканирования с масштабированием) архивной копии плана к масштабу современной геоподосновы (желательно 1:25 000 или крупнее) и их совмещении по характерным элементам ландшафта. Несомненным достоинством данной методики является простота самой идеи, однако она имеет и минусы: технические неудобства и потерю точности привязки. Они особенно ощущаются при работе с планами, имеющими большой размер (существуют планы, сопоставимые с площадью читального зала в архиве). Полностью недостижимыми оказываются планы ветхие,

которые не подлежат выдаче в читальный зал. Масштабирование изготовленной копии плана, включающее пересчет из английской системы в метрическую, чревато появлением погрешности в определении размеров и контуров дачи. Искажения, связанные с адаптацией плана, накапливаются в случае, если план дачи не имеет выразительных топографических ориентиров и может быть локализован только посредством локализации смежной с ним дачи (зачастую столь же неопределенной).

Независимо от того, насколько часто в исследовательской практике встречаются названные технические сложности и насколько часто возникает потребность повысить точность локализации, уместным кажется поиск альтернативных решений, основанный на свойствах самого исторического источника. Одной из таких попыток является методика И.И. Кондратьева, нацеленная на адаптацию исторических планов – прежде всего в условиях русского города, но также и планов Генерального межевания на сельских территориях. Предложенная им методика учитывает особенности формиро-

вания съемочного обоснования и сборки различных локально точных кусков карты в условиях отсутствия единой геодезической сети (Кондратьев, 2005). Как и методика С.З. Чернова и В.А. Букова, данная методика предполагает выбор в качестве пунктов привязки такие точки, которые одинаково хорошо определяются и на исторической, и на современной картах (соответственно “старой” и “новой подосновах”, по терминологии И.И. Кондратьева). Но при этом выявленные пункты привязки используются и в качестве вершин треугольников, на которые “разрезается” “старая подоснова”. Каждый такой участок подвергается трансформации (с помощью программы редактирования изображений, например, Adobe Photoshop) по отдельности – в той степени, в какой это требуется для совмещения соответствующих точек привязки “старой” и “новой подоснов”. Как и любая другая методика, помимо плюсов она обладает и минусами. Основной из них – это то, что в условиях сельской местности план очень часто не имеет трех или более пунктов привязки, поэтому построение треугольника оказывается невозможным. Такое “бедственное” положение усугубляется тем, что весьма опасно в качестве пункта привязки выбирать объект, удаленный от межи, поскольку, как говорилось выше, такие объекты наносились приблизительно. Скорее всего надежными пунктами привязки могут являться лишь те объекты, которые расположены непосредственно на меже.

Полагаю, что трудности, которые могут возникнуть в ходе использования сведений планов дач Генерального межевания как источника по истории ландшафта, делают востребованной и еще одну методику, основанную на учете особенностей подготовки планов дач. Из сказанного выше ясно, что на точность, с которой граница исторического урочища может быть посажена на современный план, влияет целый ряд факторов: 1. Проведение границ по принципу “каждый при своем”, давшее возможность землевладельцу и землемеру отклониться от исторических границ урочищ. 2. Промер расстояний и углов каждого ребра многоугольника, описывающего границы дачи, с погрешностью, следствием которой является “невязка”. 3. Изображение результатов съемки в виде плана дачи, сопряженное с ликвидацией “невязки” путем “подгонки” на плане длины отдельных отрезков межи и угла поворота межи. Результатом является искажение в изображении границ дачи. 4. Адаптация графического изображения контуров дачи к современной географической подоснове (копирование, масштабирование, перевод в метрическую систему), ведущих к дополнительной потере точности.

Только от первого и второго из названных факторов избавиться действительно невозможно, поскольку их влияние зависело от педантичности землевладельцев и землемеров XVIII столетия. От воздействия остальных избавиться можно полностью, если при локализации границ дач обра-

щаться не к плану, а к его математической основе. Ведь именно она является исходной, а вследствие этого – более точной по определению. Планы дач вычерчивались уже на станции по результатам промера, занесенным в журнал в ходе полевых обмеров. Землемерам предписывалось “по прибытии на станцию... на планы наносить с своего журнала, не упуская ни малаго времени, дабы можно было, когда на плане какая неверность окажется, и по номерам и углам фигура не сомкнется, тотчас в натуре освидетельствовать и выправить. Вследствие сих узаконений и должно каждому землемеру, когда которую дачу будет обходить, то все хождения его линии, по приезде на станцию, того ж самого дня вносить на план; а таким же образом поступать в наложении и внутренней ситуации, чего при самом снятии ускорить будет не можно. Окончивать же те планы, а равно и межевые книги белые сочинять в ненастное время и тогда, когда совершенно за какими препятствиями межевания производить не можно” (Полное собрание законов..., 1830. Т. XX. № 14296; см. также: Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12570, 12711). Наиболее ценным качеством планов в связи с этим является то, что каждый отрезок межи имеет не только графическое отображение, но и характеристику длины, румбического и астролябического углов.

Максимально точная локализация границ земельной дачи на современной карте возможна с помощью компьютерных технологий, которые позволяют быстро и вообще без погрешностей проделать ту же работу, что выполнял чертежник более двухсот лет назад – построить границу дачи по парам цифр (расстояние, угол), которые характеризуют каждый отрезок межи. При этом моментально оценивается точность съемки и аккуратность каждого плана – по тому, насколько велика невязка. Построение контура выполнимо даже в случае отсутствия самого плана дачи – на основе цифр, указанных в полевых записках. В зависимости от задач, стоящих перед исследователем, такой метод может избавить и от необходимости изготовления копии плана в архиве. Во всяком случае, использование портативного компьютера позволяет локализовать на современной карте искомые объекты прямо в архиве – в течение нескольких минут.

Доступным способом решения задачи является построение контура, например, в программе AutoCad2000. Характеризуя ее в связи с данным вопросом, важно отметить: 1) способность строить ломаные линии, откладывая указанное расстояние от предыдущей точки и указанный угол от заданного нуля в заданном направлении; 2) способность без потери в точности пересчитывать сажени в метры и приводить контур дачи к масштабу имеющейся картографической подосновы; 3) возможность автоматизированного выполнения названных задач посредством обработки “пакетного файла”, в который последовательно записываются

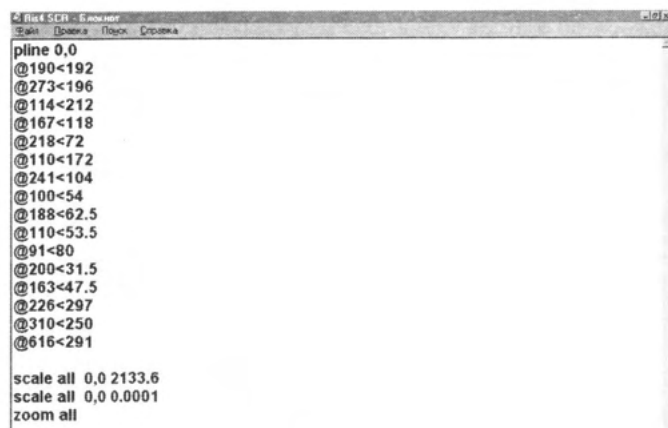

Рис. 4. “Пакетный Файл”, содержащий алгоритм построения контура земельной дачи деревни Бехово Липичи Валдайского уезда (План деревни Бехово Липичи, 1783) для программы AutoCad2000

все пары цифр, характеризующие отрезки межи, а также необходимые команды и масштабные коэффициенты (рис. 4); “пакетный файл” занимает несколько байт, при необходимости он позволяет быстро внести исправления в данные о положении точек, выполнение “пакетного файла” занимает несколько секунд (рис. 5); 4) возможность экспор-

тировать результаты работы в виде растрового или векторного изображения в программы для графического редактирования; 5) возможность привязки полученного контура к электронной карте в мировой системе координат, например, с помощью программы компьютерного картографирования ArcView. Последнее особенно ценно, ибо позволяет не ограничиваться использованием результатов работы в качестве картинок, а интегрировать их в геоинформационную систему, содержащую, к примеру, данные об исторических поселениях или уже выявленных археологических селищах. Такая интеграция чрезвычайно полезна не только для научных исследований. Прикладное значение данный подход может иметь и в деле охраны археологических памятников – например, для экспресс-оценки насыщенности земельного участка древностями, в первую очередь – средневековыми селищами XIII–XVII вв.

Минусом предлагаемого решения является необходимость довольно обстоятельного знакомства с AutoCad, освоение которой занимает больше времени, чем, например, программ Microsoft Office (впрочем, не исключая возможности существования более простых в обращении программных продуктов, годных для тех же целей). Принципиальным моментом остается обращение не к графиче-

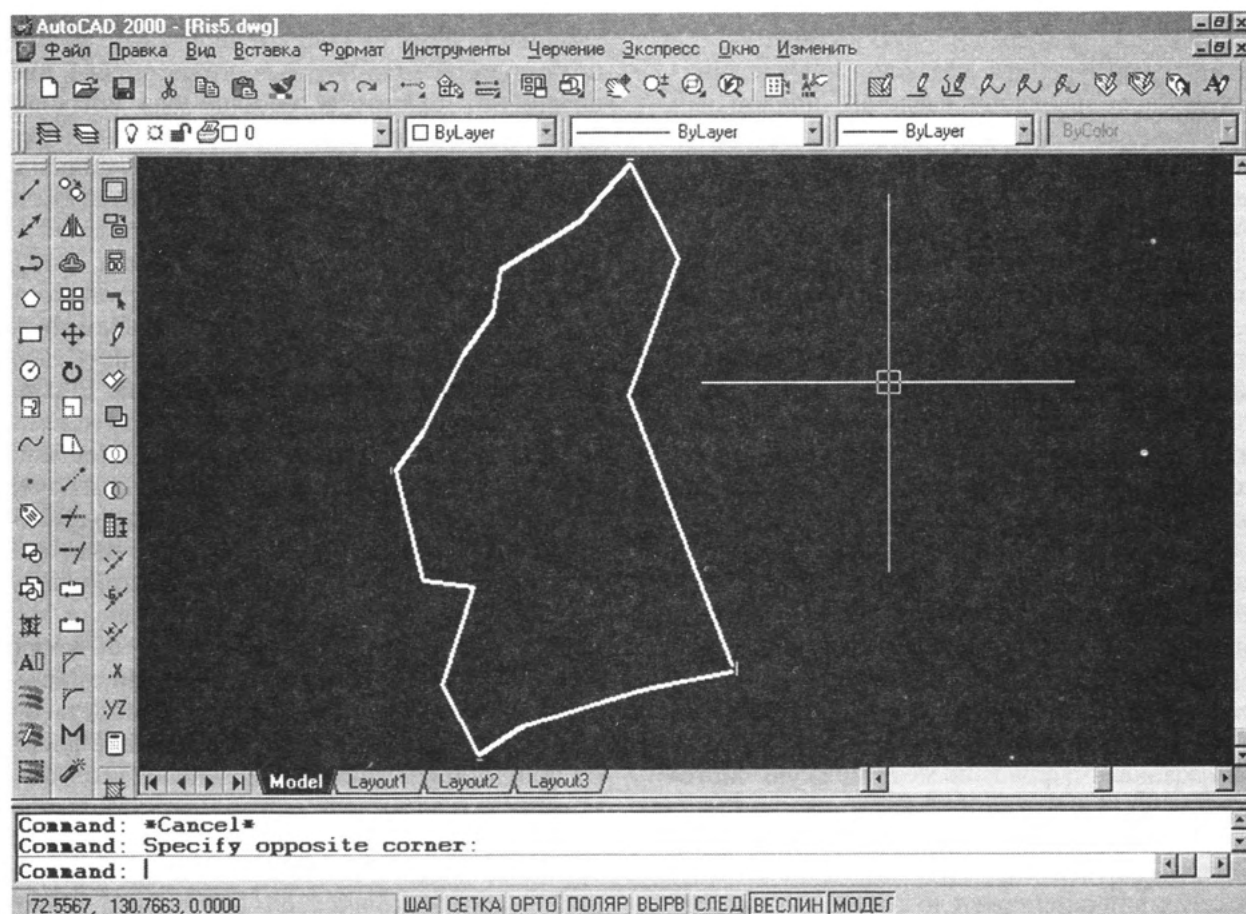

Рис. 5. Результат работы “пакетного файла”, описывающего контур земельной дачи деревни Бехово Липичи Валдайского уезда (План деревни Бехово Липичи, 1783)

скому изображению, а к математической основе плана дачи. Следует также придерживаться определенной последовательности ввода точек, воспроизводящей последовательность полевых промеров. “Починной столб”, от которого начиналась съемка плана, в большинстве случаев отмечался на нем квадратиком, а при описании границ смежных земель, которые обозначались буквами по краям чертежа, граница у “починного столба” отмечалась буквой “А”. Еще одним указанием на положение починного столба может являться то, что за отправную точку съемки “Наставление” рекомендовало выбирать поворот межи, смежный с поворотом, на котором уже установлен рубежный знак в ходе межевания соседней дачи. В этом случае одна диоптрия астролябии устанавливалась в направлении этого рубежного знака, а вторая – в направлении движения по меже (Полное собрание законов..., 1830. Т. XVII. № 12711). В связи с этим на чертеже замеры “ромба” отрезков межи, сходящихся у починного столба, иногда направлены в обе стороны от него – вместо обычного порядка, отражающего движение по периметру дачи. Соблюдение последовательности съемки при построении контура дачи позволяет точнее оценить характер погрешностей, допущенных землемерами. В целом предложенный подход экономичнее по затратам труда и времени. Наиболее выгодно применение данной методики для обработки большой серии планов дач.

В качестве примера, демонстрирующего информативность точной локализации границ, приведу некоторые результаты изучения исторического ландшафта в округе современной деревни Филимоново в Бологовском районе Тверской области. В числе других современных деревень нижнего течения р. Березайки и полутора десятков деревень, исчезнувших за период с XVI по XIX в., эта деревня описана в писцовой книге Деревской пятины письма 1495–1496 гг. В конце XV в. здесь было поселение из четырех дворов, положенных в 4 обжи (Новгородские писцовые книги, 1859. Стб. 508). В обыскной книге 1572/73 г. Филимоново описано как деревня, в которой в 1568/69 г. запустело 1,5 обжи, еще 1,5 обжи запустели в 1569/70 г. (Обыскная книга..., 1573. Л. 539). Итого, живущей осталась 1 обжа. Но уже книга письма и дозора Дмитрия Замыцкого 1581/82 г. фиксирует переход Филимонова в разряд пустошей: “пашни перелогом сорок чети в поле, а в дву по тому ж, сена пятьдесят копен, а в нем четыре обжи” (Писцовая книга..., 1582. Л. 350 об). С последних десятилетий XVI в. документы умалчивают о судьбе Филимонова, что отчасти объясняется состоянием источниковой базы. Тем не менее, судя по заголовку плана 1784 г. (“План пустоши Филимоновой, что ныне сельцо”), незадолго до межевания сельцо Филимоново было поставлено на одноименной пустоши (План пустоши Филимоновой, 1784). Экономические примечания описывают “сельцо Филимоново, что прежде

была пустошь”, в котором насчитывалось девять дворов, в том числе господский (Экономические примечания... Л. 148 об.).

Возникает вопрос, совпадает ли место поселения XV–XVI, XVIII и XX–XXI вв.? Археологическое обследование большинства огородов современной деревни обнаружило лишь керамику, датируемую не ранее XVII в. (Фролов, 2001. Л. 30), следовательно, территория нынешнего Филимонова не совпадает с местонахождением деревни эпохи писцовых книг. Старожилам известно, что прежде деревня стояла через ручей от восточной окраины современного поселения, в урочище “Барское село”. Соответствующее ей селище локализовано и археологически (рис. 6, А). Фрагменты керамики XIV–XVIII вв. собраны вдоль берега реки на протяжении 340 м в полосе шириной 25–65 м. Селище сильно пострадало при разработке песчаного карьера, открытого при постройке новой дороги из с. Березовский Рядок. Это обстоятельство, как и несовершенство датировок позднесредневекового керамического материала, не позволяет с помощью археологии определить верхнюю дату селища.

Данные плана 1784 г. и Экономические примечания дают основания предполагать, что Генеральное межевание застало именно тот момент, когда была основана современная деревня. Однако возможен и другой вариант. Деревня была возобновлена незадолго до Генерального межевания в пределах пятна культурного слоя средневекового селища. На свое нынешнее место она была перенесена позднее – в XIX или XX в. В таком случае на селище отложились комплексы середины – второй половины XVIII в., а значит верхняя дата его по показаниям письменных и картографических источников от 1573–1582 гг. сдвигается на период после 1784 г. Решить вопрос в пользу второго варианта позволяет именно план дачи (рис. 6, А, Б). Точная методика привязки позволяет утверждать, что сельцо 1784 г. было возобновлено на месте средневекового селища, а место современной деревни в то время находилось под пашней. Любопытно, что границы селища весьма точно соответствуют границам сельца, проведенным по краю огородов. Такая точность позволяет определенно указать и местоположение домов XVIII в. в пределах пятна культурного слоя.

Другим примером является реконструкция исторического ландшафта в округе современной д. Бехово Бологовского района Тверской обл. Название земельной дачи, в пределах которой расположена эта деревня (“План деревни Бехово Липичи, что прежде была пустошь Созоново с пустошми Выворотка и Пестово” (План деревни Бехово Липичи 1783)), поначалу давало основания для предположения о соответствии современной деревни Бехово и исторической деревни Созоново, известной по писцовой книге Деревской пятины письма 1495–1496 гг. (Новгородские писцовые кни-

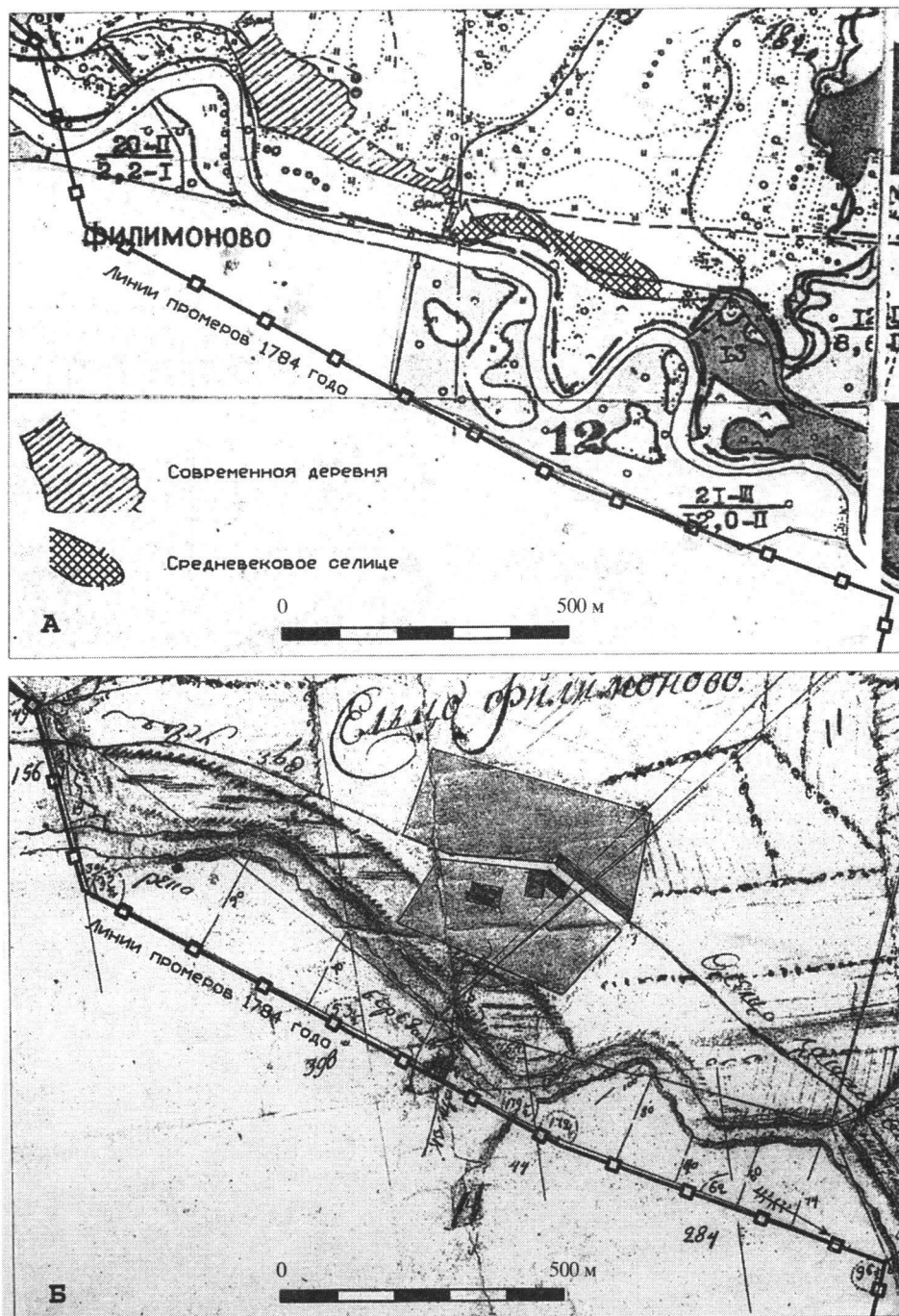

Рис. 6. Деревня Филимоново (Бологовский район Тверской обл.). Историко-археологический комплекс XIV–XXI вв.

А – современная деревня, средневековое селище и линии промеров с плана дачи 1784 г. (План пустоши Филимоновой, 1784) на плане масштаба 1:10 000; Б – соответствующий план дачи 1784 г.

ги, 1859. Стб. 514). Такое отождествление казалось тем более вероятным, что две другие пустоши, упомянутые в пределах земельной дачи XVIII в. (“Выворотка” и “Пестово”), были хорошо известны местным жителям (рис. 7). Этим пустошам также соответствуют одноименные деревни конца XV в. По данным обыскной книги 1572/73 г. все три селения заустевают в 1569/70 г. (Обыскная книга..., 1573. Л. 539 об.–540), после чего более не возрождаются.

Однако предпринятое археологическое обследование подавляющего большинства огородов со-

временной деревни не дало керамики древнее XVIII в. (Фролов, 2001. Л. 11). Вместе с тем, помимо селищ XIV–XVI вв., открытых в урочищах “Выворотка” и “Пестово”, в округе д. Бехово было обнаружено и третье – севернее д. Бехово. Никакого особого названия соответствующее урочище сейчас не имеет. При изложенных обстоятельствах для отождествления данного селища со средневековой деревней Сазоново необходимо лишь одно – доказательство принадлежности соответствующей территории к земельной даче деревни Бехово. Совмещение границ этой дачи с совре-

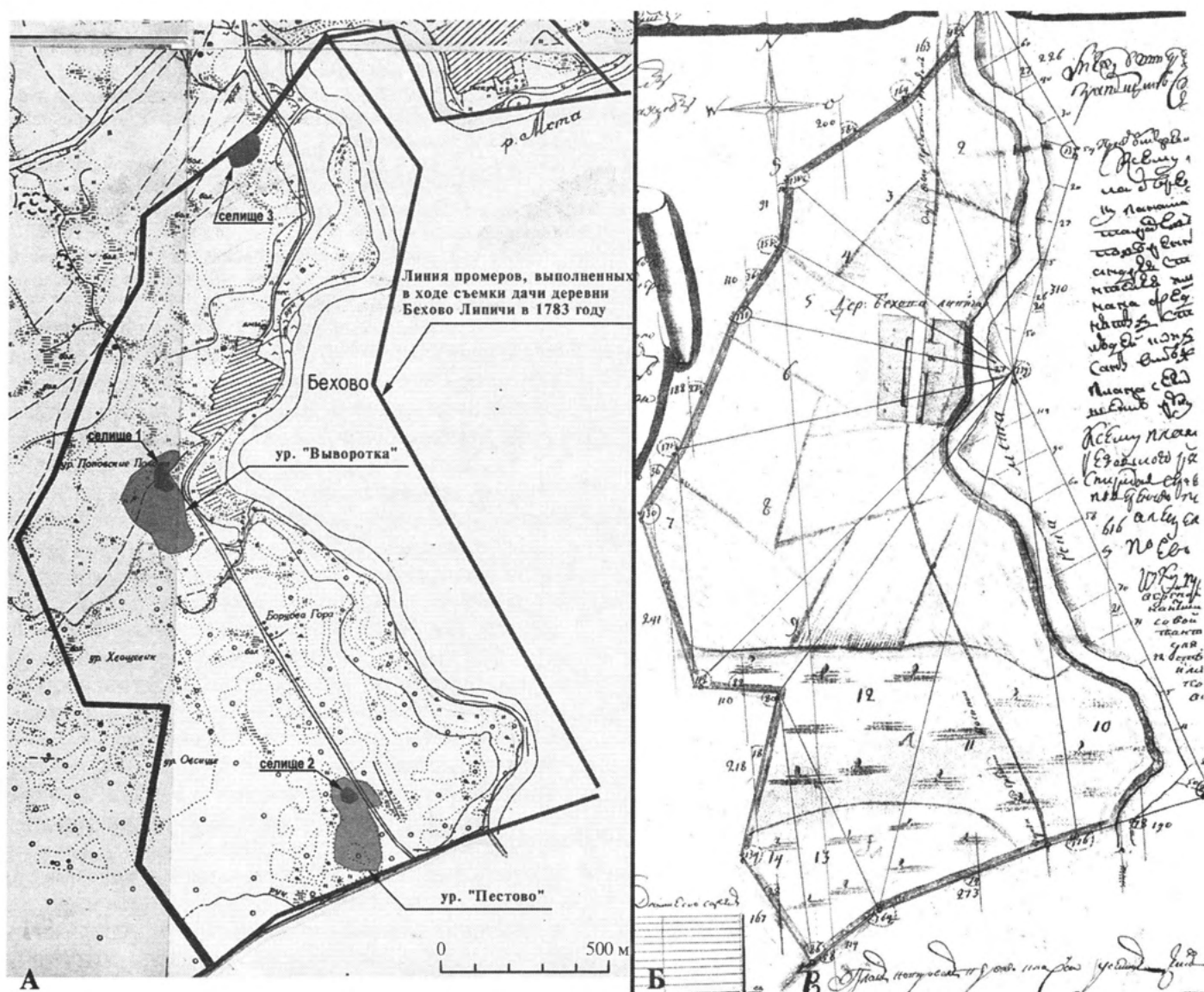

Рис. 7. Исторический ландшафт окрестностей д. Бехово (Бологовский район Тверской обл.)

А – современная деревня и близлежащие урочища, археологические селыща и линии промеров с плана дачи 1783 г.;
Б – фрагмент плана дачи деревни Бехово (План деревни Бехово Липичи, 1783)

менным планом масштаба 1:10 000 свидетельствует о нахождении открытого селыща на северной границе дачи в ее пределах и, соответственно, подтверждает справедливость его отождествления со средневековой деревней.

Литература

- Буров В.А., 1995. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // РА. № 2.
Буров В.А., 1997. Материалы Генерального межевания XVIII в. и средневековая археология (по данным новгородской волости Жабна) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
Кондратьев И.И. Картография 18 столетия: от артефакта к источнику // www.archeologia.ru/Library
Кусов В.С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII веке: Карты уездов. Описание землевладений. В 2-х т. М.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

- Миров Л.В., 1965. Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию. М.
Новгородские писцовые книги. СПб, 1859. Т. I.
Обыскная книга Деревской пятины Г. Плещеева и В. Чудова. 1573 г. // РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 117. Ч. 1.
Пиотух Н.В., Фролов А.А., 2003. Электронный историко-географический атлас Деревской пятины // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: Труды VIII конференции Ассоциации “История и компьютер”. Москва; Барнаул.
Писцовая книга Деревской пятины письма и дозора Дмитрия Замыцкого и подьячего Третьяка Мокеева // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 960.
План деревни Бехово Липичи, что прежде была пустошь Созоново с пустошми Выворотка и Пестово, 1783 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. Б-20 син.
План деревни Сатыгиной с пустошми Марихино Маньково тож, Глининою и Мошником. 1778 год // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 496. Ч. 1. С-66 крас.
План пустоши Гриневой, 1784 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. Г-93 син.

План пустоши Филимоновой, что ныне сельцо, 1784 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. Ф-3 син.

План сельца Березовский Рядок, 1783 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. Б-2 крас.

План сельца Великий Двор, 1779 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. В-3 син.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVII.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX.

Селин А.А., 2003. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб.

Фролов А.А., 2001. Отчет об археологической разведке в Бологовском районе Тверской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Фролов А.А., 2003. К дискуссии о характере пожалования Юрьеву монастырю “Терпужского” погоста Ляховичи // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 9 (19).

Чернов С.З., 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.

Чернов С.З., 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации / Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. М. Т. 1.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах: 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М. Т. II.

Экономические примечания к дачам Валдайского уезда Новгородской губернии // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 861.

Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья*

Культурное пространство, понимаемое как освоенное, обжитое и “осмысленное” человеком, составляет предмет изучения ряда наук, в котором свое место занимает топонимика, исследующая географические названия – своеобразные знаки, метки освоенной территории.

Пространственное распределение географических названий в виде топонимных ареалов, их противостояния, границ и т.д. всегда находилось в сфере интересов топонимики. Внимание привлекало также формирование и бытование локальных топонимов, привязанных к конкретной микротерритории, например, отдельному поселению или группе поселений. Понятно, что пространственная характеристика существенна не только для анализа самих топонимных систем. Она может быть использована для извлечения существенной историко-культурной и языковой информации, особенно с учетом значительной устойчивости топонимов во времени. Новые возможности открывает применение методик и технологий ГИС, которые позволяют, во-первых, представить топонимию как систему названий, привязанных к искомой территории, во-вторых, проводить ареализацию по заданным параметрам.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН совместно с отделом ГИС Петрозаводского университета начал осуществление многолетнего проекта, нацеленного на создание электронной топонимической карты Карелии, связанной с соответствующей базой данных¹. Последняя, в свою очередь, позволяет осуществлять хранение и поиск материала по целому ряду параметров, в том числе по типам географических объектов, языку происхождения (этимология), структурным компонентам, географической и административной привязкам и др. Проект стал возможен благодаря наличию обширной картотеки

(более 300 000 единиц хранения) с детально картографированным, привязанным в ходе полевых экспедиций к топографическим картам, микротопонимическим материалам.

В качестве полигона избрана территория Заонежского полуострова, расположенного на северном берегу Онежского озера. Компактная территория Заонежья (70 км в длину, 50 км в ширину) была одной из наиболее заселенных в Карелии, чем обусловлена богатая и разнообразная коллекция здешней топонимии – около 10 тыс. названий. Русское Заонежье сохраняет бесспорные прибалтийско-финские, а также саамские элементы наследия в языке и культуре.

Прежде чем продемонстрировать возможности использования создаваемой электронной топонимической карты для исследования культурного ландшафта, позволим себе представить принцип ее работы (см. подробнее: Муллонен, Ляля, 2004).

Все атрибутивные сведения по каждому топониму заполняются через карточку топонима, содержащую такие поля, как топоним, его транскрипция, варианты названия, вид объекта называния, административная и географическая привязка, легенда, паспортизация. В качестве примера выбран топоним *Синий камень*.

В поле “Письменные источники” заносятся сведения о топониме по источникам, поля “Структура” и “Этимология” обеспечивают поиск и выборку по структурным моделям и языку происхождения.

Главный идеологический принцип создаваемой системы состоит в возможности связи БД с картой. Для этого на форме “Отбор топонимов” составляется специальный запрос, в результате выполнения которого пользователь получает список топонимов (рис. 1).

Полученный список топонимов можно картографировать, выполнив команду “Карта”. Карта отражает ареал бытования модели *Синий камень* в юго-западном Заонежье. Как и почему сформировался этот микроареал, сказать пока невозможно, нет и достаточных данных для выяснения того, как возникла топонимная модель, каково ее семантическое наполнение. *Синие камни* становились уже объектом исследования, в том числе и топонимического. Обращается внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень* на Яро-славщине, их считают возможным мерянским

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 05-04-12420в.

¹ Для хранения, обработки и анализа данных используется программное обеспечение MapInfo Professional V 7.0. Для хранения атрибутивных данных применялась СУБД FireBird SQL Server (свободно распространяемая версия профессионального SQL-сервера, разрабатываемого компанией Borland). Ее применение обеспечивает надежное хранение больших объемов информации и позволяет организовать многопользовательский вариант работы с системой, что дает возможность подключить группу специалистов для ввода данных.

Карточка топонима

Топоним: Синий камень

Вид: ☐ камень ☒ Члоренна: Синий камень

Транскрипция: s'ln'ij kam'ln'

Форма местного падежа: у Каменн

Варианты: ☐ Составили запись ☐ Легенда ☐ Письменные источники ☐ Структура ☐ Звукозапись

Местоположение: ☐ Карта ☐ Составили запись ☐ Легенда ☐ Письменные источники ☐ Структура ☐ Звукозапись

Регион: Республика Карелия

Район: Великолуцкий район

Сельсовет: Великолуцкий

Нас. пункт: Вигоево

по 1926 году современное

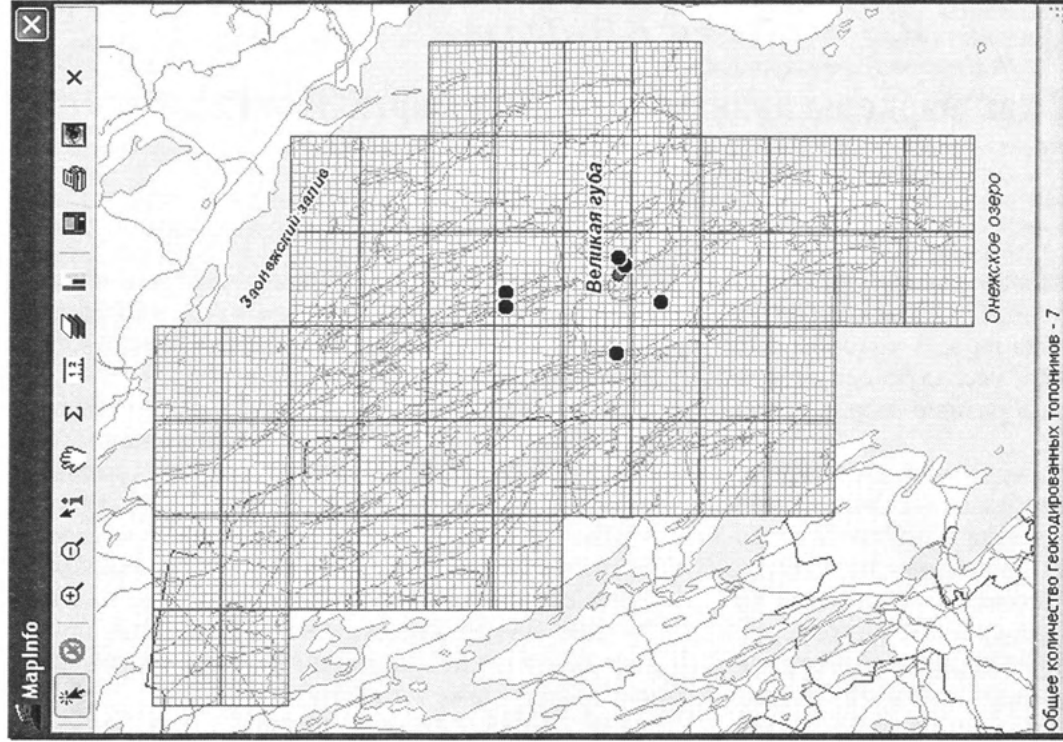
Новый Печать Применить Отменить Помощь OK

1

Список топонимов

Название	Вид
Синий камень	камень
Синий камень	камень
Синий камень	камень
Синий камень	угодье
Синий камень	угодье
Синий камень	угодье
Синий камень	угодье

2

3

Рис. 1. Картографирование списка топонимов Синий камень

наследием (Матвеев, 1996. С. 16; Алквист, 1996. С. 247), следы их сакральности обнаружены также в зоне Верховажья в Вологодской области (Березович, 2000. С. 437–438). Определенный отголосок мифологических представлений связан, по крайней мере, и с одним из заонежских *Синих камней*, около которого “чудилось”. Какой-то другой информации нет, но ее можно попытаться извлечь из создаваемой системы. В ней заложена возможность совмещения электронной карты миллионного масштаба с растровыми крупномасштабными картами. Мы вывели топоним на растровую карту и на нее же вывели информацию о размещении других топонимов, среди которых оказалось несколько, указывающих на прежнюю зимнюю дорогу: *Зимняк*, *Зимницкий Мох*, *Маткозеро* (*matka* ‘путь, волок’). Мы попытались по данным этих топонимов реконструировать эту дорогу. Оказалось, что *Синий камень* маркирует начало сухопутного участка старой дороги. Эта реконструкция вводит заонежские Синие камни в один ряд с ярославскими, для которых А. Алквист тоже отмечает привязку к дорогам. Кстати, реконструированная нами дорога существовала уже в прибалтийско-финский период Заонежья и представляла собой участок пути, пересекавшего полуостров.

Как еще можно использовать создаваемую электронную топонимическую карту для исследования культурного ландшафта?

Топонимический материал перспективен для анализа формирования локальных микротерриторий, в частности групп поселений, традиционно объединенных в Заонежье в гнезда или кусты. Одно из таких гнезд, Вырозеро (в источниках XV–XVI вв. Вирозеро) включало в себя в недавнем прошлом около 20 деревень, разместившихся по берегам четырех небольших внутренних озер и реки Калей в восточной части полуострова. Картошка топонимов Вырозера включает более четырехсот топонимов, подавляющее число которых удалось привязать к карте. В Вырозере соблюдается общая для Заонежья закономерность: привязка топонимов с прибалтийско-финскими истоками к наиболее крупным, значимым объектам: р. *Калей* < **Kal’l’oja* ‘Скалистый ручей’, *Кибручей* (*kivi* ‘камень’), *Римское болото* (*rieme* ‘болото’), урочища *Саранжа* (**saranž* ‘разветвление реки’), *Кумбыша* (*kumbi* ‘холм, пригорок’), *Падьма* (*patama* ‘обширная безлесая низина, в которой весной и осенью стоит вода’) и др., всего около 7% топонимов. Такая дистрибуция увязывается с первоначальным прибалтийско-финским заселением округи, что в общем контексте Заонежья обычно. Более интересное историко-культурное содержание несет ареальное распределение названий с прибалтийско-финскими и русскими истоками. Выстроенная с помощью применения методик ГИС технологий карта (рис. 2) показывает, что топонимы прибалтийско-финского происхождения явно преобладают на южной окраине гнезда посе-

лений, в окрестностях озера Ганьковского, по мере удаления на север их количество убывает. Данное ареальное распределение в сочетании с привязкой топонимов прибалтийско-финского происхождения к наиболее значимым объектам на местности связано, очевидно, с историческими реалиями, с тем, что освоение округи началось именно с побережья Ганьковского озера. Этот вывод тем более интересен, что он дает ориентиры для поиска озера с названием Вырозеро, давшего наименование всей округе. Необычность ситуации заключается в том, что ни одно из четырех озер округи не называется сейчас Вырозером. Местная традиция склонна считать Вырозером озеро Никольское, при котором располагался центр села – Никольский погост. Однако в связи с обрисованной топонимической ситуацией предпочтительнее оказывается озеро Ганьковское, получившее свое современное название от расположенной на озерном берегу деревни Ганьковской. Соперничество между Никольким и Ганьковским озерами на роль Вырозера окончательно решает в пользу Ганьковского этимология топонима Вырозеро. Озеро Ганьковское напоминает по форме дугу, крюк, образуемый вторгающимся глубоко в озеро мысом Конनावолок (рис. ЛII). Эту особенность и отразило название Вырозеро, в котором закрепилось карельское *vierä* или вепсское *vär* ‘кривой’ (об особенностях фонетической адаптации см.: Муллонен, 2000).

Топонимия в сочетании с ландшафтной характеристикой позволяет, кажется, предполагать и более точно, где размещалось если не первое, то одно из наиболее ранних прибалтийско-финских поселений Вырозера. Название упоминавшегося уже мыса *Конनावолок* содержит в основе вепсское *kond*, карельское *kondu* ‘крестьянский двор, хозяйство, земельный участок’ (SSA), которое, как свидетельствует широкий прибалтийско-финский топонимический контекст, сохраняет память об исторических однодворных деревнях, включавших в себя крестьянский двор с принадлежавшей ему землей. В ходе адаптации топонима в русское употребление произошло закономерное упрощение сочетания согласных на стыке составных элементов сложного топонима: *Конनावолок* < **Конднаволо*. Дополнительным аргументом в пользу относительного раннего появления поселения является его расположение. Оно укладывается в традиционное для Заонежья размещение поселений на озерных мысах (рис. ЛII), при этом в целом ряде случаев это не просто рядовые поселения, а центры прежних погостов (Толвуя, Кузаранда, Шунга, Яндомозеро), что может рассматриваться как доказательство приоритетного, исторически более раннего, примарного освоения мысов на фоне других прибрежных участков.

Вырозерский **Конднаволо* укладывается в ряд других заонежских топонимов с основой *kond-*, при этом практически все они привязаны терри-

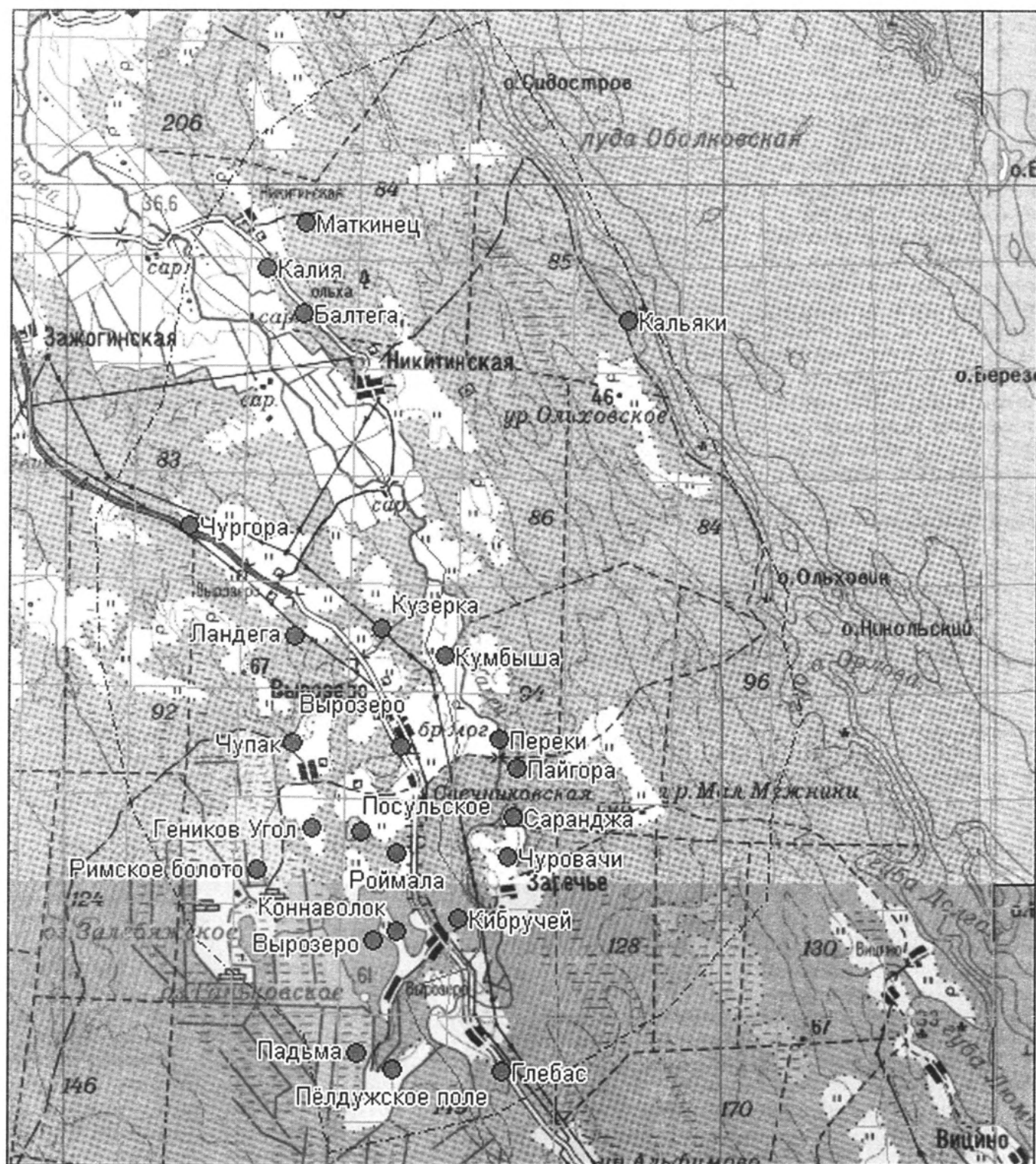

Рис. 2. Топонимия Вырозера

ториально к южной части Заонежского полуострова, где известны деревни Конда и Кондобережская, сельскохозяйственные угодья Под Кондой, Гладкая Конда, За Кондой, Конда, Старинная Конда, Кондушка и др. Скрывается ли за таким ареальным членением некая этноисторическая информация? Заманчиво думать, что ареал сформировался

не случайно и отражает южные связи Заонежья. В этом контексте важно, что деревня Конда истари существовала в южном конце самого южного в Заонежье Клименецкого острова, в отдалении от основной массы поселений острова, являясь первым пунктом на пути в Заонежье с юга, в частности, с вепсского юго-западного побережья Онеж-

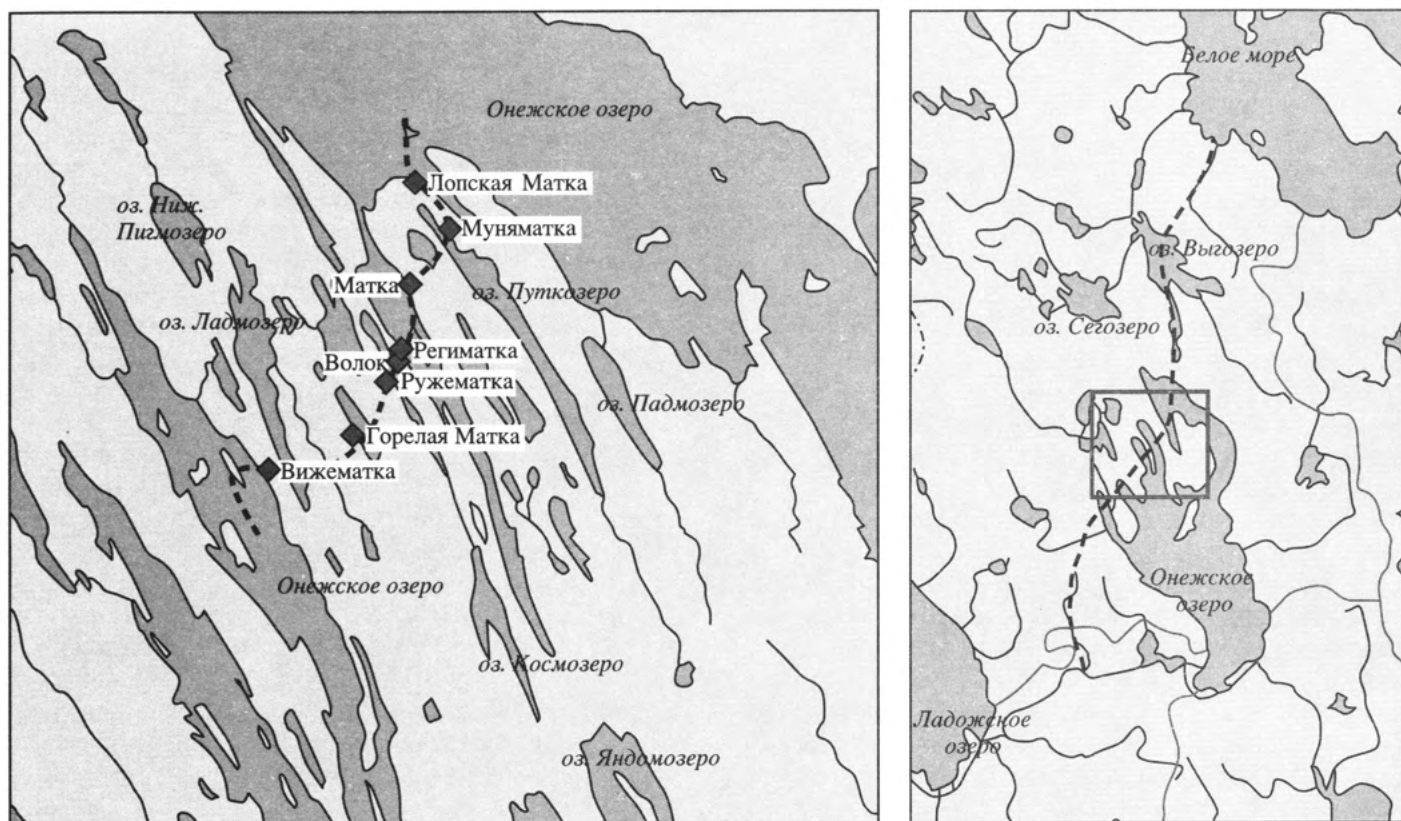

Рис. 3. Водно-волоковой путь, маркированный топонимами с элементом “матка”

ского озера вдоль Шокшинского зимника. Ареальные связи указывают, таким образом, на вепские истоки топонимной основы и, соответственно, на присутствие вепского, связанного с южным Обонежьем, компонента в населении Вырозера. С другой стороны, в топонимии Вырозера есть и явные карельские признаки (Муллонен, 2000), так что этнический состав прибалтийско-финского населения Вырозерской округи был явно неоднороден.

Карта заонежских топонимов с основой *конд* показывает возможности использования создаваемой электронной топонимической карты для выявления топонимных ареалов, обладающих историко-культурным содержанием. Для понимания условий формирования топонимных ареалов принципиально важно то, что, во-первых, топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически, т.е. каждое время и каждая территория характеризуется своим набором топонимных типов. Во-вторых, в ходе освоения новой территории присвоение названий географическим объектам происходило в рамках традиционной, принесенной с материнской территории системы называния. Эта особенность называния позволяет выявлять основные пути освоения территории, границы историко-культурных зон, этноязыковые контакты, происходившие на разных этапах.

Еще одно перспективное использование топонимии – реконструкция таких элементов культурного ландшафта прошлого, как дороги и границы. И те,

и другие напрямую связаны с организацией расселения. В базе данных топонимии Заонежья содержатся десятки топонимов с элементом *матка* (Маткозеро, Маточка, Ветхая Матка и др.), который соотносится с прибалтийско-финским словом *matka*, причем не в современном, а в историческом значении ‘волок, путь посуху’ (SSA). Именно эту семантику отражает целая серия географических названий (Вижематка, Горелая Матка, Ружематка, Региматка, Кугаматка, Муняматка, Лопская Матка) в северной части полуострова. Нанесенные на карту, они вытягиваются в цепь, пересекающую Заонежский полуостров с запада на восток, и маркируют исторический водно-волоковой путь, пересекавший многочисленные заливы и озера (рис. 3). На самом деле речь идет о заонежском участке транзитной дороги, шедшей со Свири через северное Заонежье в Беломорье. Языковые истоки приведенных выше топонимов доказывают, что дорога активно использовалась в прибалтийско-финский (скорее, вепский) период истории Заонежья, причем уже на его раннем этапе, о чем говорит использование слова *matka* в изначальном значении. Впрочем, дорога не утратила своего значения и позже, на русском этапе освоения полуострова, ибо именно с ней, видимо, связано формирование северного участка границы западных и восточных говоров Заонежья (см. ниже). Более того, возникнув в глубокой древности, дорога активно использовалась в XVII–XVIII вв., а затем и позднее, на что указывает связанный с ней топо-

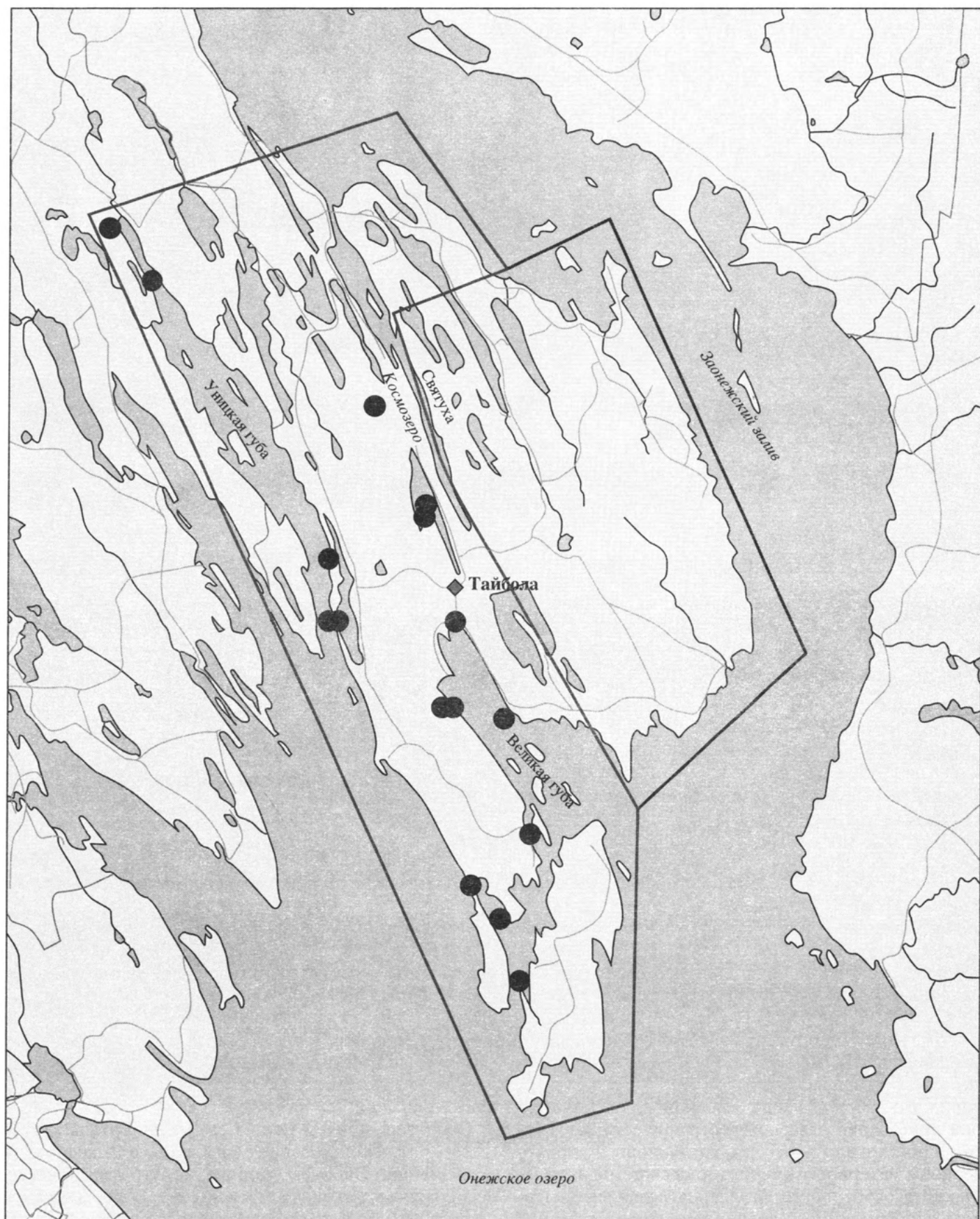

Рис. 4. Топонимы с элементом “тайбола” в границах двух языковых зон Заонежья

ним Олонецкий зимник, бытовавший в местной традиции еще совсем недавно.

Не менее важным в формировании культурного ландшафта Заонежья был другой водно-волоковой путь, в отличие от предыдущего до сих пор не попадавший в поле зрения исследователей языка и культуры Заонежья. Он пересекал полуостров с юга на север и шел из залива Великая Губа на южной оконечности полуострова через волок в узкое и длинное озеро Космозеро и выходил в Повенецкий залив на северной оконечности полуострова. Упомянутый волок длиной в 2,5 км реконструируется по данным топонимики: на водоразделе залива Великая губа и озера Космозера есть урочище *Тайбола* (рис. 4), название которого восходит к карельскому *taipale*, *taibale* 'путь; переход (например, из деревни в другую по глухой лесистой местности), перешеек между озерами или реками' (SSA). Косвенным свидетельством в пользу древнего волока является система расселения: уже самые ранние письменные источники по территории Заонежья фиксируют на Космозере поселения, входящие в состав одного погоста с деревнями, примыкающими к побережью Великой губы Онежского озера. Именно с этой реконструированной дорогой связано отмеченное уже А.А. Шахматовым, но не получившее до сих пор убедительного объяснения деление говоров Заонежского полуострова на западные и восточные (Гринкова, 1947). В то время как западные сформировались вдоль водного маршрута, проходившего по Заонежскому заливу Онежского озера, восточные явно тяготеют к реконструированной выше дороге. На северном участке в формировании границы принял участие другой путь – отмеченный топонимами с элементами *матка*, о котором речь шла выше.

Существование двух меридиальных дорог в освоении Заонежья подтверждается и некоторыми дифференцирующими топонимическими моделями, привязанными к этим путям. Показательна в этом плане топооснова *Соломя* 'пролив' – прибалтийско-финское заимствование (из *salmi* 'пролив') древнерусского времени (Срезневский). Топонимы с элементом *соломя* (*Соломенное*, *Соломени*, *Соломенная губа* и др.) вписываются в границы западной группы говоров. Модель полностью отсутствует на востоке полуострова.

Топонимия приводит еще к одному существенно выводу, касающемуся времени формирования границы между западным и восточным Заонежьем. Граница проходит по заливу *Святуха*, название которого в контексте общей топонимической ситуации в Заонежье является, скорее всего, переводом прибалтийско-финского оригинала с основой *pyhä* – 'святой' (см. подробнее: Муллонен, 2002. С. 145–155). В последней же современное религиозно-магическое значение выросло из первоначальной семантики 'изгородь, ограда, граница'. Именно это значение отражено в названиях многих расположенных в верховьях водной системы, водо-

раздельных озер в Финляндии, Эстонии и на Российском Северо-Западе. По ряду параметров заонежская *Святуха* – явное "пограничное" озеро: оно примыкает к водоразделу, на его берегах отсутствуют (и отсутствовали прежде) поселения, оно находится в стороне от водно-волоковой дороги, оно, наконец, находилось на границе трех исторических погостов Заонежья – Толвуйского, Кижского и Шунгского. Все это подтверждает, что *Святуха* – русский перевод оригинального прибалтийско-финского гидронима. В данном контексте логично предполагать, что деление Заонежья на западное и восточное сложилось еще в дорусскую эпоху, а русское освоение, сопровождавшееся образованием двух диалектных зон, происходило вдоль уже известных водно-волоковых дорог и в границах сложившихся вокруг них в прибалтийско-финское время зон. Границы средневековых погостов Заонежья также, очевидно, восходят к дорусскому времени². При этом ареальная характеристика "святых" (т.е. с основой *pyhä* – и ее переводным эквивалентом *свят-*) гидронимов в Обонежье свидетельствует о том, что модель названия пришла в Заонежье с вепсских территорий южного Обонежья. В сочетании с древней семантикой слова *pyhä* это означает, что граница по *Святухе* могла сложиться уже в конце I тысячелетия.

Представленные выше возможности использования электронной топонимической карты для извлечения этнокультурной информации свидетельствуют о безусловной информативности топонимического материала и перспективности дальнейших исследований.

Литература

- Алквист А., 1996. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Jyväskylä. Pars VII: Litteratura. Archaeologia. Anthropologia.
- Березович Е.Л., 2000. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург.
- Гринкова Н.П., 1947. К изучению олонекских диалектов // А.А. Шахматов 1864–1920: Сборник статей и материалов / Под ред. акад. С.П. Обнорского. М.; Л.
- Матвеев А.К., 1996. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. № 1.
- Муллонен И.И., 2000. Вырозеро // Кижский вестник. Петрозаводск. № 5.
- Муллонен И.И., 2002. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск.
- Муллонен И.И., Ляля Е.В., 2004. Геоинформационная аналитическая система "Топонимия Заонежья" // Вопросы ономастики. № 2.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. 1–3.
- KKS: Karjalan kielen sanakirja. Ensimmäinen osa. Helsinki., 1968.
- SSA: Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Helsinki, 1992–2000. 1–3.
- Suvanto S., 1972. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere.

² На территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *pyhä* – привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам (Suvanto, 1972. С. 54).

Н.А. Кренке

Археолого-этнографическое исследование крестьянской усадьбы Квашниных в селе Дьяково

“Да, знаешь, приятель, жизнь была, я не знаю как бы это... корова хорошая стоила пятьдесят-шестьдесят рублей, а вот старенькая – то двадцать пять рублей... но жизнь была, я тебе скажу, все обливное было, все занятое... все вкусно, ни крику, ни зависти... песняка была и Смоленская”.

Из разговора автора с жителем д. Коробово Московской обл. Иваном Алексеевичем Андриановым, 1912 г. р.

Археологическое изучение памятников XIX–XX вв. в настоящее время стало распространенным явлением. В конце 1970-х годов появились первые монографические публикации по этноархеологии Бинфорда (Binford, 1978) и Йелена (Yellen, 1977). Через тридцать лет после выхода этих книг уже никем не оспаривается, что археология позволяет увидеть людей недавнего прошлого объемнее и беспристрастнее, дополняет письменные источники и устную историю. Различные аспекты возможных направлений развития “поздней археологии” были детально рассмотрены на круглом столе, организованном редакцией журнала “Российская археология” (2005. № 1).

Археолого-этнографические исследования, проведенные в 1987 г. в с. Дьяково имели цель исследовать крестьянскую усадьбу XIX–XX вв. Хозяйство жителей этого подмосковного села имело выраженную специализацию. Разведение овощей на полях в пойме Москва-реки и выращивание ягод, которые продавались на рынках Москвы, по большей части “на Болоте”, а также на Смоленском и Тишинском составляло основу благосостояния всех жителей села (Глазунова, 1991).

В 1987 г. в старинном селе Дьяково¹ сохранялся один жилой дом № 90 (рис. 1–4), где проживал Илья Иванович Квашнин (1906–1989), благообразный дед-старообрядец с окладистой бородой, отказавшийся переехать в предоставленную ему городскую квартиру (рис. 5). Он стал нашим основным информатором. Вторым информатором являлся

племянник Ильи Ивановича – Федор Федорович Квашнин (1929 г. р.).

Археологические работы² велись параллельно с опросами хозяев усадьбы.

*Родословная Квашниных и постройки усадьбы*³. Дед Ильи Ивановича – Прокопий Васильевич, родился в первой трети XIX в., умер около 1893 г., был женат на уроженке своего села, имел трех сыновей и дочь. По рассказам (археологические данные им не противоречат), именно он положил начало строительству усадьбы, поставил дом, фундамент которого с массивными белокаменными блоками по углам виднеется над землей и сейчас (дом сгорел в 1972 г.). В доме была жилая комната с печью, облицованной изразцами, сени и холодная клеть. Сзади к дому примыкал крытый прогал, служивший летним коровником, а за ним была конюшня, выстроенная из баржевых досок. Рядом кирпичный погреб для хранения “товара” – бочек с солеными огурцами и квашеной капустой (см. рис. 6). Сбоку к дому примыкал крытый двор, от которого осталась к 1987 г. одна балка, покрытая глубокой глухой резьбой.

Дядя Ильи Ивановича, Федор Прокопьевич (ум. 1947 г.), по кличке⁴ “Ураган” (он был кулачным бойцом), расширил усадьбу. Около 1900 г. он построил новый двор. Вход на двор открывали ворота с дубовыми верями. Возле въездных ворот в 1930-е годы дети играли в расшибалку старыми, взятыми у деда, пятаками, ставили “на кон”. Палисадников тогда не было перед крестьянскими дома-

¹ Село впервые упомянуто в духовной грамоте князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича, которая датируется 1401–1402 гг. С середины XV в. входит в Коломенскую вотчину великих московских князей. При царе Алексее Михайловиче в 1662 г. было перенесено на новое место из-за устройства “государева сада”. С тех пор развивалось непрерывно до недавнего времени, в 1950-е годы насчитывало до 150 домов.

² В работах принимали участие: Елена Нефедова, Сергей Андреев, Игорь Бойцов, Сергей Драчёв, Александр Зверев, Леонид Ланцман, школьники 57-й математической московской школы под руководством Р.К. Гордина.

³ Записи интервью с И.И. Квашниным в 1982 и 1987 гг.

⁴ Клички в селе имели почти все, и они были более известны, чем фамилии.

Рис. 1. Вид со стороны улицы (с юго-запада) на усадьбу дома № 90 в с. Дьяково

На переднем плане – фундаменты разрушенных построек: слева – остатки дома, построенного Прокопием Васильевичем Квашниным во второй половине XIX в. (сгорел в 1972 г.); справа – фундамент избушки 1973 г. (снесена в 1986 г.). На заднем

плане – дом, построенный Иваном Прокопьевичем Квашниным в 1914 г. и примыкающий к нему крытый двор. Фото автора, апрель 1987 г.

ми, они появились лишь в послевоенное время, в 1940-е–1950-е годы.

Под общей крышей на дворе находились “хомутная” избушка, коровник, сеновал. За двором, ближе к околице, располагалась “уборочная площадка”, где разделявали овощи, которые привозили сюда с поля.

Важно было не только работать, но и похвалиться перед проезжавшими по дороге. Перед домом Федор Ураган устраивает беседку для чаепития из живых вязов, связав их верхушки и прикрепив к ним гирьку.

Отец Ильи Ивановича – Иван Прокопьевич (1873–1956), по прозвищу Чирик (дано вроде бы за то, что любил стоять возле дома и позванивать монетами в кармане), стал строить новый дом в 1914 г. Лес покупали на складе в Царицыно, рубили дом наемные пришлые плотники. Клетки в доме не было – “капиталу не хватило”. До войны семья так и не въехала в новый дом, внутренняя отделка которого была закончена лишь в 1919 г. Иван Прокопьевич вернулся из австрийского плена в 1918 г., но его не сразу заметили – семья собирала малину. Малина эта была, видимо, действительно густая как джунгли. В 1922–1924 гг. Иван Прокопьевич стал председателем сельсовета, потом сам отказался – “все дезертиры были на его шее”. К нему, жившему в крайнем доме в селе, не раз приезжала конная милиция человек по 50, но крестьяне, жившие в своих домах – сразу в кусты, и их не удавалось найти. В 1917 или 1918 г. за уборочной площадкой установили два врытых в землю “дошника”. Дошниками назывались огромные деревянные бочки, которые продавались в Коломенском на Вознесенской ярмарке. Капусту рубили возле дошников в разборных деревянных корытах сечками. В каждое корыто входило 1–1,5 тонны. В дошник – 12 корыт. Поставлялась эта капуста на продажу в частную лавку на Остоженке, возили ее туда на своей лошади.

После перенесенного голода 1920–1921 гг. село ожило. В 1921 г. даже состоялся общий хоровод, заведенный по старинным правилам, когда запедали мужики (правда, он оказался последним). На усадьбе Квашниных – перемены. В новом доме ставят русскую печь и украшают ее изразцами. В 1924 г. старый двор, поставленный еще Прокопием Васильевичем, разбирается, и на его месте ставится новый двор на дубовых столбах. Покосившиеся они стоят и сейчас, возле них – громадный чугунный котел. Илья Иванович пояснил: “Из Москвы привезли, когда в Москве в 1923 г. ликвидировали коров и поросят. Москву очищали от поросят. В этом котле держали корм, хозяин привез на телеге, отдал бесплатно, сказал – только возьми”.

У отца и дяди Ильи Ивановича в двух хозяйствах было 6 га земли, из них 2,5 га хорошей заводной (т.е. на противоположном берегу Москвы-реки), на которой выращивали огурцы и капусту, 3,5 га – полевой, под картошку. В мусоре возле дома был обнаружен кол для посадки капусты – точеная деревянная палка, а на конце ее массивный бронзовый наконечник – (рис. 7, 3). Кол был один на двух хозяев (подробнее о посадочных колах см.: Глазунова, 1991). Капусту сажали целой процессией: первый колом лунку бьет (медный наконечник – чтобы земля не прилипла), второй сажает, третий поливает, четвертый гряды делает.

Огурцы собирали с 15 июля по 20 августа, в урожайный год по 0,5 тонны через день. Их мыли перед домом, отбраковывали желтые и маленькие – “кубарики”, а затем сами солили в бочках. Для их хранения в 1928 г. расширили старый погреб. Размеры нового впечатляют – 10 × 6,5 м при высоте более трех метров. Стены кирпичные, на полу песок, крыша плоская – деревянный накат, в нем два люка-творила. Бочки по 120–140 кг подвозили

Рис. 2. Вид на фасад, обращенный к улице, дома № 90 в с. Дьяково. Фото автора, июнь 1987 г.

на полке (телеге) и опускали втроем-четвером в творила на руках – блок не успели сделать. В погребе был лед, свежая капуста хранилась всю зиму. Остатки этого погреба сохранились за домом и были расчищены при раскопках (рис. 8).

В 1930 г. с введением колхозов крестьянское хозяйство Квашниных прекращается. Погреб становится общественным, но у него на следующий же год проламывают крышу, дощники пусты – товара не стало. В колхоз Квашнины не

пошли, но весь инвентарь и скот пришлось отдать – иначе нельзя было получить справку, без которой не брали на работу. Работали кто где – рабочим в магазине, сторожем на кладбище, в музее, на фабрике, а брат Ильи Ивановича – Федор был даже председателем сельсовета больше двух лет, но затем попал в тюрьму, так как не смог правильно обслужить “красный обоз”, приехавший из города за продуктами (погиб Федор на фронте под Сталинградом).

Рис. 3. Окно на южном фасаде дома № 90, справа видна крыша крытого двора.
Фото автора, июнь 1987 г.

В конце 1930-х годов русские печи в обоих домах усадьбы (как и во всем селе) разбираются, дров не хватало, не на чем было их возить. Вместо них строятся маленькие голландки. Ставят печь и в бывшем коровнике – теперь здесь живет купившая его семья, бежавшая со Смоленщины в Москву от раскулачивания.

После войны в селе и на усадьбе Квашниных наблюдается слабое возрождение: к дому была сделана пристройка, в заброшенном погребе, натаскав

туда землю, завели огород, но затем, после смерти жены Ильи Ивановича, ухаживавшей за этим огородом, сюда стали сваливать мусор, который за 15 лет заполнил почти половину объема погреба. На нем из огрызка выросла яблоня.

В 1966 г. на месте давно разобранной конюшни ставят сарай. Он принадлежит потомкам беженцев от раскулачивания, которые все еще возделывают часть усадьбы. В 1973 г. рядом со сгоревшим домом ставится маленькая избушка. Ее снесли вместе с

Рис. 4. Дом № 90 (1914 г.) в с. Дьяково, фасад, обращенный к улице. Обмеры и зарисовка Л.Б. Ланцмана

Рис. 5. Илья Иванович Квашнин возле своего дома в с. Дьяково. Фото автора 1988 г.

другими постройками села в 1986 г. и в оставшемся фундаменте Федор Федорович развел огород. Илья Иванович, занимавший половину дома, умер в 1989 г. Вторая половина дома, принадлежавшая некогда Михаилу Ивановичу Квашнину (брату Ильи Ивановича), была уже к 1987 г. выморочной. Один из проживавших здесь хозяев, пристроивший в 1940 г. терраску, после войны оказался в Канаде.

Материалы раскопок. На территории усадьбы было заложено два раскопа площадью 26 и 35 м². Они примыкали с юга к фундаменту самого старого дома усадьбы и частично покрывали участок крытого двора.

Один раскоп охватывал участок между домом и деревенской улицей, а также место въезда во двор. Общая толщина культурного слоя не превышала 20 см. Слой был насыщен мелкими хаотично разбросанными фрагментами кирпичей. Был прослежен столб, выдвинутый на 1 м в сторону улицы от фундамента дома. По словам Ф.Ф. Квашнина, это след забора. На глубине около 5 см встречались медные монеты 1940–1980-х годов. Самая ранняя монета – 5 копеек 1872 г. Параллельно южной стене фундамента была прослежена дорожка, мощенная обломками кирпичей конца XIX в., имевших на постели углубление овальной формы с буквенным

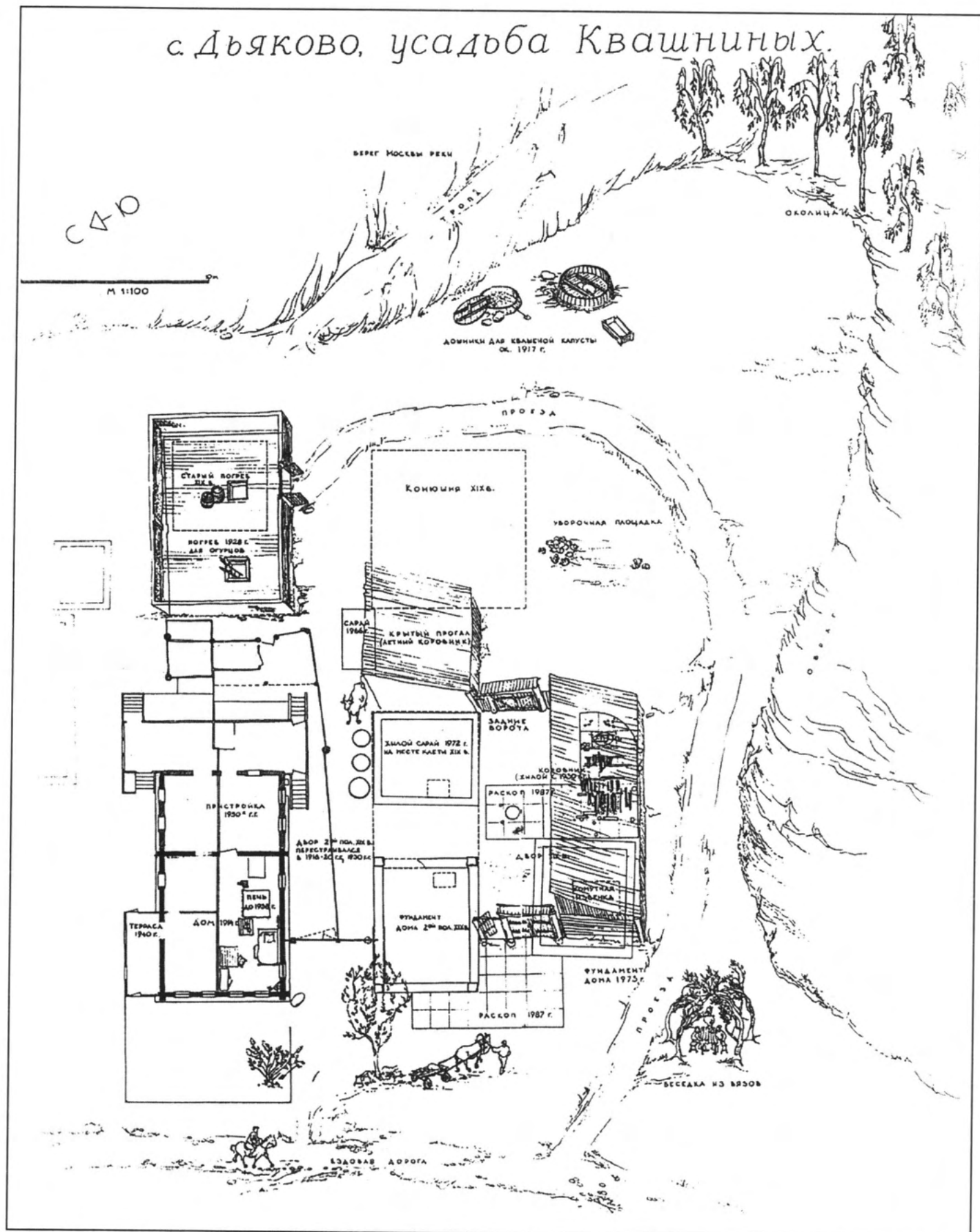

Рис. 6. Реконструкция планировки усадьбы Квашниных в с. Дьяково по данным архитектурного обмера, опросов владельцев и результатам археологических раскопок. Рисунок Л.Б. Ланцмана

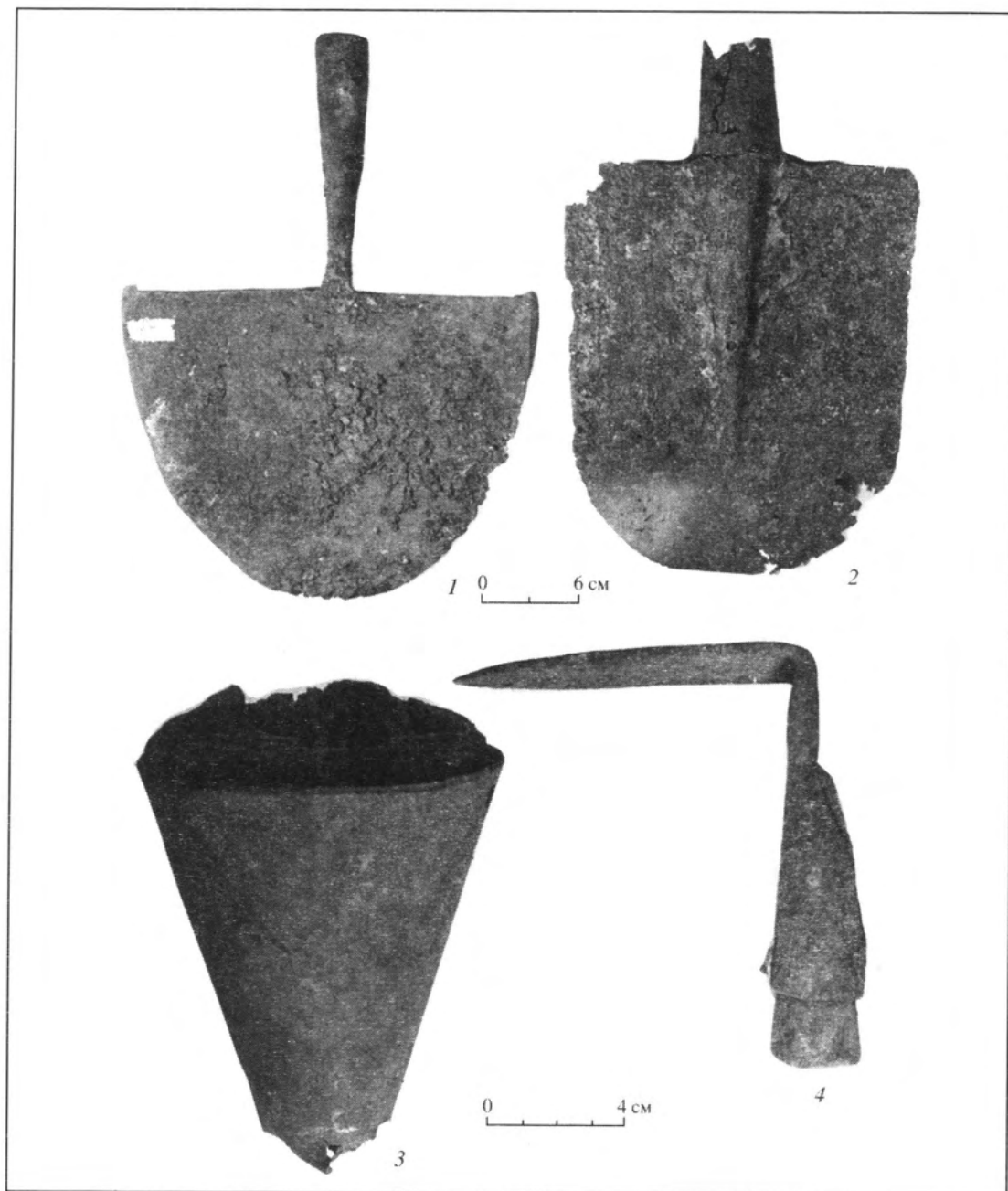

Рис. 7. Находки из археологических раскопок и сборов на усадьбе Квашниных в с. Дьяково

1 – сечка для капусты; 2 – лопата; 3 – бронзовый наконечник кола для посадки капусты; 4 – “полотик” – инструмент для прополки. Фото Л.Ю. Виноградова

клеймом (“К”). При зачистке материка было установлено, что дорожка вела в промежутке между двумя столбами. Оба столба имели прямоугольное сечение и плоское основание. Основания столбов находились в ямах, забутованных глиной. Большой столб диаметром 40 см был вкопан на 90 см и отстоял от стены фундамента на 130 см. Другой столб, меньших размеров (диаметр 25 см), стоял почти вплотную к фундаменту. Расстояние между столбами равнялось 90 см. Видимо, здесь находилась калитка. Большой столб можно интерпретировать как вереву от ворот.

Второй раскоп частично охватил территорию, где, по рассказам Квашниных, находился крытый

двор. Мощность культурного слоя здесь достигала 30 см. Почти на поверхности были зачищены доски пола, настеленного в бывшем коровнике, превращенном в 1930-е годы в жилое помещение. Это сооружение почти полностью вошло в раскоп. При последовательной разборке слоев были найдены настил и лаги пола, остатки печи и подпечная яма (рис. 9), а рядом горелое зерно – это уже след 1941 г. Когда разбомбили Братеевский элеватор, за зерном приезжали не только из Дьяково и Коломенского, но даже из Марьино.

Под лагами пола прослежена песчаная подсыпка толщиной до 3 см.

Рис. 8. Погреб 1928 г. для хранения огурцов и капусты на усадьбе Квашниных. Высота сохранившейся части стены – 3,2 м. Рисунок Л.Б. Ланцмана

На настиле пола в “коровнике” был найден цоколь электрической лампы, медные монеты конца 1930-х – начала 1940-х годов, многочисленные осколки фарфора XX в. (конаковский и пр.), гильзы, подковы.

На территории двора в верхнем слое было встречено большое количество железных инструментов – лопаты, напильники, ножи-косари, сечки, полотик (инструмент для прополки гряд) (рис. 7, 1, 2, 4), части дверного прибора, подковы, стеклянные пузырьки, крышки, помадная банка (рис. 10, 1–3) и т.п.

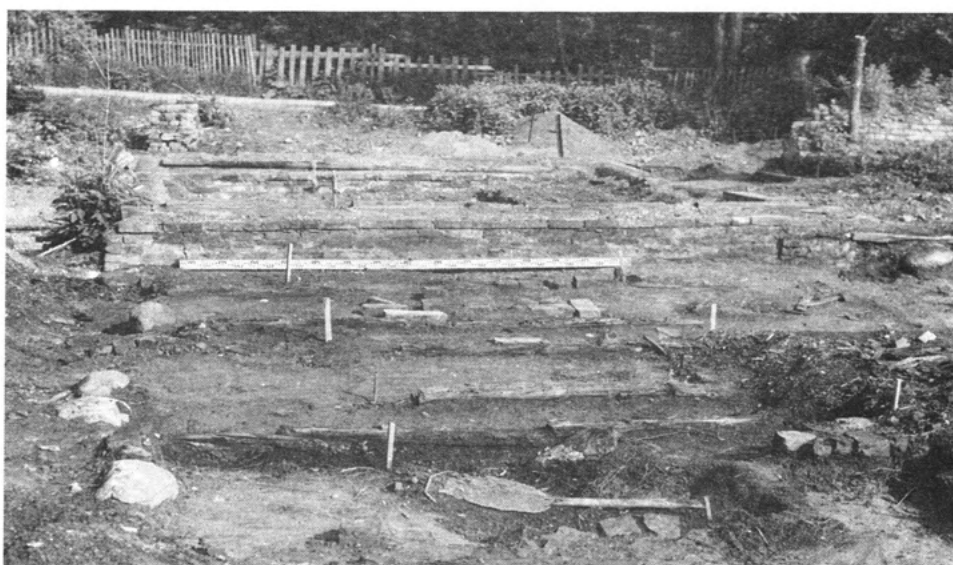
При дальнейшем углублении раскопа были вскрыты конструкции двора 1900 г. – ямы от столбов его южной стены. Столбы были сделаны из бруса 20 × 20 см в сечении, вкопаны на 70 см. Расстояние между столбами – около 2 м. Прясла стены были сделаны из полубревен и баржевых досок (доски от разобранных барж были самой дешевой древесиной и широко использовались при строительстве в с. Дьяково). В заполнении одной из столбовых ям была найдена глиняная игрушка, скорее всего “конек” (ноги и голова отбиты), раскрашенная полосками охристого цвета (рис. 10, 8). Вдоль южной границы двора в линию лежали четыре больших камня размерами 50 × 25 см. Толщина культурного слоя под этими камнями составляла около 5–7 см.

На территории двора в западинах, углубленных в материк, были обнаружены многочисленные осколки изразцов XIX в. с голубой каймой по периметру и цветами в центре на белом фоне (рис. 10, 11), глиняные головки от детских кукол (рис. 10, 9, 10), бронзовые пуговицы (рис. 10, 6), керамика, в том числе чернолощенная, столовая утварь – ножи, чайная ложка, вилки с костяными накладками на рукояти (рис. 11). Интересно отметить, что, по словам Ф.Ф. Квашнина, вилки в довоенное время мало были в ходу.

По результатам археолого-этнографического обследования была составлена схема эволюции усадьбы Квашниных (рис. 12), наглядно показывающая, что кульминационной точкой ее развития стал 1929 г. Затем наступает резкая деградация. Наиболее ценные “производственные мощности” – погреб для бочек с солеными огурцами и дощники для капусты уже не используются по прямому назначению. Помещения дробятся перегородками, возникают мелкие пристройки. Важно отметить, что превращение пространства внутри фундамента дома в огород, а погреба – в мусорную яму было прослежено и в других усадьбах села. В этих превращениях можно видеть некий “стереотип поведения” и характеристику экономического состояния хозяйства. Аналогии можно найти в материалах

1

2

3

Рис. 9. Археологический раскоп на усадьбе Квашниных

1 – вид с юга на настил пола в коровнике 1900 г.; 2 – вид с востока на лаги пола в коровнике 1900 г., на переднем плане остатки печи 1930-х (?) годов; 3 – зачистка материка на участке коров-

ника 1900 г., на переднем плане – подпечная яма, слева – яма от столба ограждения двора, на заднем плане – фундамент избушки 1973 г. Фото автора 1987 г.

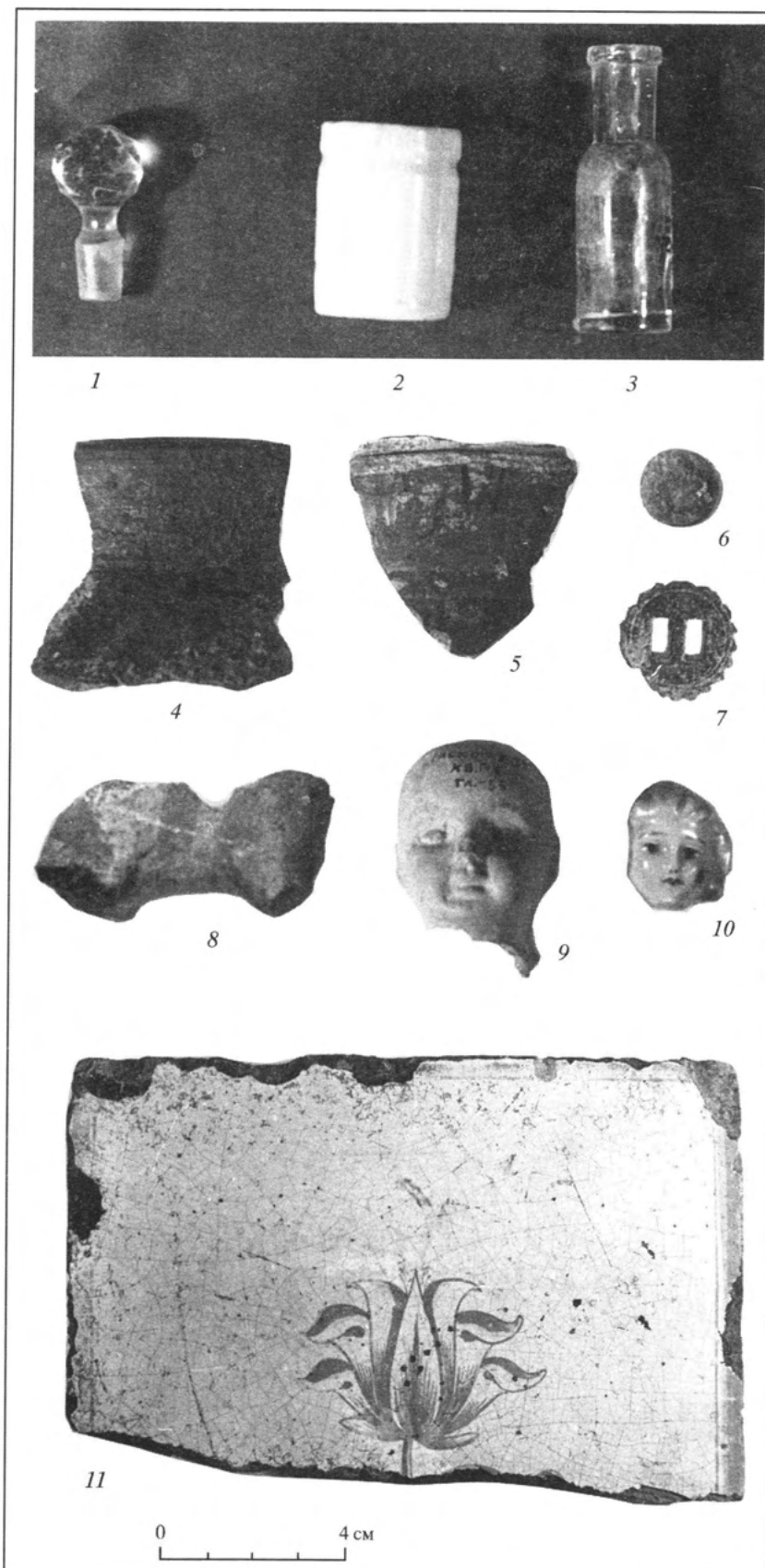

Рис. 10. Находки вещей XIX – начала XX в. из археологических раскопок на усадьбе Квашниных в с. Дьяково

1 – пробка от графинчика; 2 – аптечная банка; 3 – пузырек;
4, 5 – венчики глиняных сосудов; 6 – пуговица; 7 – сбруйная
бляшка; 8 – игрушка “конек”; 9, 10 – головки кукол; 11 – глад-

кий изразец с голубой росписью по белому фону (1, 3 – стекло;
2, 10 – фарфор; 4, 5, 8, 9, 11 – керамика; 6, 7 – бронза). Фото
Л.Ю. Виноградова

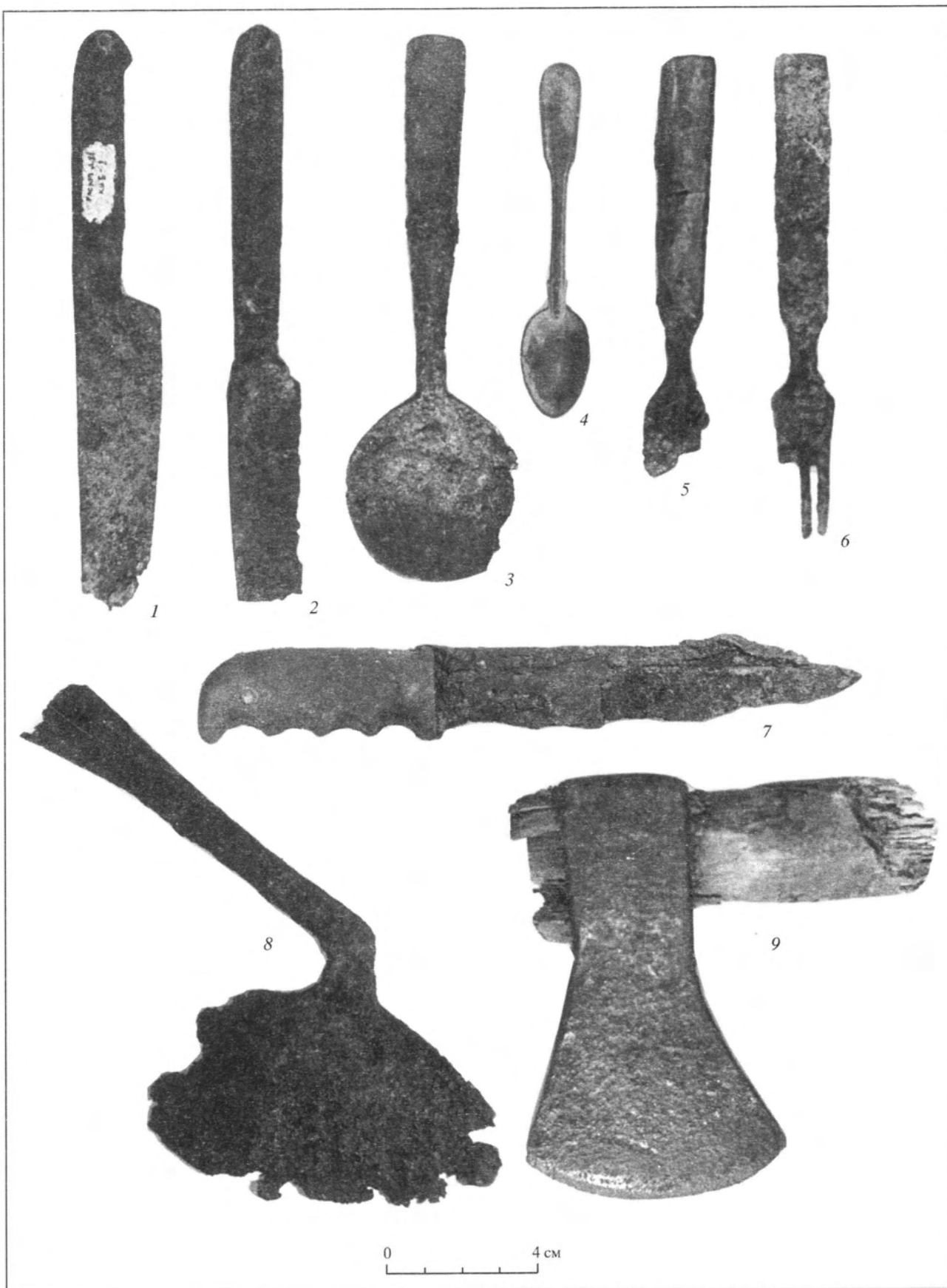

Рис. 11. Находки вещей из раскопок на усадьбе Квашниных

1, 2 – столовые ножи; 3 – ложка со втулкой для длинной ручки для приготовления огуречного рассола; 4 – чайная ложка; 5, 6 – вилки; 7 – нож-“финка”; 8 – сечка; 9 – топор. Фото Л.Ю. Виноградова

Рис. 12. Реконструкция эволюции усадьбы Квашниных в с. Дьяково

1 – вторая половина XIX в. (1 – жилой дом, 2 – конюшня, 3 – погреб, 4 – крытый прогал – летний коровник, 5 – крытый двор); 2 – 1900 г. (6 – крытый двор Федора Урагана); 3 – 1914–1917 гг. (7 – жилой дом 1914 г. И.П. Квашнина);

4 – 1918–1929 гг. (8 – дощники для капусты, 9 – роща на окраине, 10 – беседка из вязов); 5 – 1930–1972 гг.; 6 – 1973–1986 гг. (11, 13 – сараи, 12 – избушка). Рисунок Л.Б. Ланцмана

раскопок средневековой Москвы. В частности, при раскопках на подоле Кремля, проводимых Институтом археологии в 2007 г., было открыто множество погребов под наземными постройками, первоначально очень тщательно сделанных (дренаж, гидроизоляция, подсыпки пола), а затем забитых различными отходами жизнедеятельности (щепы, навоз и пр.) еще до гибели построек в пожарах.

Литература

Глазунова О.Н., 1991. Хозяйственная специализация сел Коломенское, Дьяково и Садовой слободы во второй половине XIX – начале XX в. // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 2.

Binford L.R., 1978. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York.

Yellen J.E., 1977. *Archaeological approaches to the present*. New York.

Принятые сокращения

- АКР – Археологическая карта России
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР
АС – Археологический съезд
АС ГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АТСП – Акты Троице-Сергиевой лавры
АФЗ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
БАН – Библиотека Академии наук. Санкт-Петербург
БKM – Белозерский краеведческий музей
ВДИ – Вспомогательные исторические дисциплины
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВМУ – Вестник Московского университета
ВСРПО – Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение
ВЦНИИЛКР – Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации Министерства культуры РСФСР
ВЯ – Вопросы языкознания
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ДДЗ – Данные дистанционного зондирования
ЕГУ – Елецкий государственный университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗИН РАН – Зоологический институт Российской академии наук
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИГ – Институт географии
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КБИАХМ – Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей
КС – Киевская старина
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КСИАУ – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Московская археологическая экспедиция
МДА – Московская духовная академия
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МУСА – Международная уния славянской археологии
НА – Научный архив
НА ИА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НПК – Новгородские писцовые книги
НПЛ – Новгородская первая летопись младшего и старшего извода
НПЦ – Научно-производственный центр
НІУЛ – Новгородская четвертая летопись
НЭ – Нумизматика и этнография
ОАВЕС – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
ОР – Отдел рукописей
ПАЭ – Подмосковная археологическая экспедиция
ПВЛ – Повесть временных лет
ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПЭ – Подмосковная экспедиция
РА – Российская археология

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САЗ – Суздальская археологическая экспедиция
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры

СПБII – Санкт-Петербургский институт истории
СЭ – Советская этнография
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
РО – Рукописный отдел
ССЕМ – Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь
ТК – Таможенные книги
УГК ОИПИК – Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры
УГЖ – Український історичний журнал
ЦНИИгеолнеруд – Центральный научно-исследовательский институт геологии и нерудных месторождений

Сведения об авторах

- Александровский Александр Леонтьевич* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Алексеев Алексей Викторович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Алешинская Анна Сергеевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Бронникова Мария Артемовна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Валиулина Светлана Игоревна* – Татарский государственный университет, г. Казань
- Веремейчик Елена Михайловна* – Черниговский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко, г. Чернигов (Украина)
- Галушка Людек* – Археологический институт Академии наук Чешской Республики, г. Брно (Чехия)
- Гольева Александра Амуриевна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Грибов Николай Николаевич* – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Ениосова Наталья Валерьевна* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Ершова Екатерина Георгиевна* – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва
- Зайцева Ирина Евгеньевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Карпухин Алексей Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кириянова Наталья Алексеевна* – Государственный Исторический музей, г. Москва
- Коваль Владимир Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Королев Юрий Борисович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кочанова Мария Дмитриевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кренке Николай Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кудряшов Александр Валентинович* – Музей археологии Череповецкого музейного объединения, г. Череповец, Вологодская обл.
- Лаврушин Юрий Александрович* – Институт геологических наук РАН, г. Москва
- Леонтьев Андрей Евгеньевич* – Государственный музей-заповедник “Ростовский Кремль”, г. Ростов, Ярославская обл.
- Ляля Елена Владимировна* – Петрозаводский государственный университет
- Макаров Николай Андреевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Марфенина Ольга Евгеньевна* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Молчанов Аркадий Анатольевич* – Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
- Муллонен Ирма Ивановна* – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск
- Мурашева Вероника Владиславовна* – Государственный Исторический музей, г. Москва
- Ойе Ингвильд* – Университет Бергена (Норвегия)
- Павленко Сергей Владимирович* – Институт археологии НАНУ, г. Киев (Украина)
- Папин Илья Валерьевич* – Научно-производственный центр “Древности Севера”, г. Вологда
- Пушкина Тамара Анатольевна* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Рыкунов Александр Николаевич* – филиал Ярославского государственного университета им. К.Д. Ушинского, г. Рыбинск, Ярославская обл.
- Рыкунова Ирина Ивановна* – Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Рыбинск, Ярославская обл.
- Сарачева Татьяна Григорьевна* – Государственный Исторический музей, г. Москва
- Селин Адриан Александрович* – Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, пос. Старая Ладога, Волховский р-н, Ленинградская обл.
- Сорокин Петр Егорович* – Государственный Эрмитаж, г. С.-Петербург
- Спиридонова Елена Александровна* – Институт археологии РАН, г. Москва

Томашевский Андрей Петрович – Институт археологии НАНУ, г. Киев (Украина)

Тропин Николай Александрович – Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец

Федорина Анастасия Николаевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Фролов Алексей Анатольевич – Автономная некоммерческая организация “Новоторжская археологическая экспедиция”, г. Торжок, Тверская обл.

Цыбин Михаил Васильевич – Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва

Черных Наталья Борисовна – Институт археологии РАН, г. Москва

Шполянский Сергей Владимирович – Государственный Исторический музей, г. Москва

Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва

Summary

N.A. Makarov

Archaeological study of the Northern Rus village: approaches, methods and results

The archeology of “Rural Rus”, or the “Ancient Rus village”, has come a long way, its main landmarks being the investigations of Ancient Rus kurgans as necropolei of the rural population, the first excavations at Medieval dwelling sites, the survey of rural territories and the compilation of archaeological maps which show the structure of settlement in the rural areas, and, finally, interdisciplinary projects which use archaeological and natural science methods for reconstructing the actual appearance of Medieval rural landscapes. Nowadays the topic in question is closely interwoven with European Medieval studies, wherein the topic of rural and village archaeology have been the focus of attention for several decades. In this respect, Ancient Rus was no exception: it was the development of the specific rural way of life as well as the emerging towns that served as basis for the country’s consolidation.

In the latest decades, archaeological research of the Ancient Rus village was conducted as a series of hardly interrelated regional and local projects. Hence the profound and original studies of individual regions and sites (Культура средневековой Москвы, 2004, *Шполянский*, 2003; *Гоняный, Кац, Наумов*, 2003; *Кудряшов*, 2000; Средневековое поселение Настасьино, 2004) and shortage of comprehensive generalizing works. Thus, comparison of the results obtained in the course of individual local and regional projects, overall survey and generalization of the accumulated material and identification of the common features peculiar to “Rural Rus” north of the Dnieper are an important task for the archeology of the Northern Rus village.

Identification and inspection of the sites, complemented in the latest years by interdisciplinary studies, actually revealed the medieval cultural landscape to scientists and laid the groundwork for modern knowledge about the spatial organization of the rural world before and after the Mongol invasion.

In the Center and the North of European Russia, on the territory of what is now Pskov, Novgorod, Leningrad,

Vologda, Tver’, Yaroslavl, Smolensk, Moscow, Kostroma, Nizhny Novgorod, Ivanovo and Vladimir oblast’s, excavations at areas over 80 square meters were conducted at 66 dwelling sites belonging to the 10th – first half of the 13th cc. and containing artifacts of Ancient Rus appearance.

Excavation coverage of dwelling sites varies as to region. About one-third of the excavated dwelling sites are located in the Northeastern areas. In the other regions, only individual sites are being excavated.

For most of the dwelling sites in Northern and Central Rus, the excavation area does not exceed 500 square meters, at 10 settlements the excavation area comprised 500 to 1000 square meters, at 7 – over 1000 square meters. The excavations revealed that, individual and regional differences notwithstanding, the cultural layer at the majority of Northern Rus dwelling sites is shallow and affected by plowing. Hence the importance of collecting all the available items, which are frequently the only “output” of the excavations.

The currently available data on the artifact assemblages from 49 excavated dwelling sites give a certain picture of the saturation of the cultural layer with artifacts and the items themselves. The overall structure of the collections shows that the cultural layer of pre-Mongol rural settlements in the North and the Center is rich in Medieval items, and the collections at our disposal are sufficiently representative to provide for characterizing the material culture of rural settlements.

One the major results of investigating the Northern Rus village is that the intensive processes of settling and developing the agrarian landscape on the vast areas of the East European forest zone in the 10th – first half of the 13th cc. became visible. It is evident that the period in question saw rapid growth of rural population and agricultural production. During the period in question, the settlement network of a large part of the North and Center of Medieval Rus was forming on a new basis, without connection to the preceding territorial structures.

This conclusion is confirmed, among other things, by the series of palynological sections that show intensive felling of the forests and the formation of clearings in the forest zone (*Спиридонова, Алешинская*, in press).

Archaeological sources prove the quite high prosperity of the 10th – 13th cc. rural society, its participation in trade, the complex economy of rural settlements, in which crafts had an important part, and show that the rural population had access to many of the household wares and ornaments that were widely encountered in towns. Finds of prestigious items and imports are typical of many rural sites, even though the selection of items may vary from site to site.

It appears that at the end of the 1st millennium AD, new social and economic mechanisms emerged, giving a new dynamics to the development of rural territories in the forest zone of Eastern Europe. The key to comprehending those lies in detailed study of the situation in individual micro-regions. An example of micro-regional study of the Northern Rus village can be found in the Minino project on lake Kubenskoye, which was intended as an in-depth study of the history of colonizing a compact rural territory on the Northern outskirts of Rus. The enormous collection of artifacts and paleoecological material characterizes the two and a half centuries of existence of the two large rural settlements (*Кубенское озеро...*, 2001; *Макаров, Захаров*, 2003). The settlement appeared in the second half of the 10th c., and was based on an integrated agrarian and hunting economy, with part of the produce intended for internal consumption and part for trade, primarily the valuable varieties of fur. It is evident that fur came to the market not only as a result of compulsory tolls, but also through a chain of trade operations of which the inhabitants of forest settlements were immediate participants. Thus, the prosperity of the inhabitants was the result of their own labor and not of confiscation and redistribution of goods produced at other settlements.

The central settlement at Minino declined at the beginning of the 13th c., yet despite the unfavorable climate conditions and the fur trade crisis life went on. The most ancient colonization centers weren't completely aban-

doned and became the basis for future local centers, *pogosts* and *volost's*.

The excavations at Minino revealed the character of the regional culture that had developed in the process of colonizing the North. The specific feature of Minino antiquities, as well as lake Beloye ones, is cultural elements distinctly related to the Ancient Rus metropolis and at the same time vividly original traits that it would be natural to ascribe to Finnish traditions.

The new field investigations in Suzdal Opol'ye revealed an unusually condensed cluster of rural settlements that covered about 2% of the center of Suzdal lands. The main "frame" of the system was large settlements, with an area of over 5 hectares, many of which formed the basis for contemporary Suzdal villages. The settlement structure and the landscape of Opol'ye is in sharp contrast with the cultural landscape at lakes Beloye and Kubenskoye, which has been noted in the earliest publications. (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. P. 19–34; 2005. P. 196–215). Yet the latest excavations near Suzdal unexpectedly yielded materials that show the similarity of economy and, hence, of the means of accumulating riches, in Northern and Central rural society at the initial phases of colonization.

Suzdal Opol'ye has traditionally been considered a major agricultural region of Northeastern Rus, as a territory the economic upsurge whereof was determined by the productivity of agriculture on the fertile dark soils. Nonetheless, the excavations at Ves' 5 settlements prove that in Suzdal Opol'ye in the first half – the middle of the 10th c. there were settlements with a combined fur-hunting and agricultural economy that provided for wide inflow of imports, including silver coins, which was covered by export of fur, that is, the same economic system that has been well investigated in the North after the excavations at Krutik, Minino and several other sites. It became the framework for the economic prosperity of Rostov-Suzdal Rus.

Thus, the rural Ancient Rus community nowadays appears as a dynamic environment that in the 10th – 12th cc. was in the process of evolution, developing new economic modes and new forms of settlement and culture.

S.Z. Chernov

Micro-regional studies of 13th – 16th cc. rural Rus as integrated research of archaeological and written sources

The article analyzes the results of micro-regional studies of the settlement structures and economic and cultural types of development of Medieval Rus landscapes (1991–2005). The grown interest towards micro-history and historical anthropology provided for a higher demand for the results of the studies in question, and the development of digital technologies and search engines made map information available to a wide range of users. At the same time, the systemic problems connected with

the usage of the relevant information for comprehension of medieval society became clearer. Hence the necessity to interpret the results, to analyze the difficulties and to focus attention on the most important conclusions. It is also relevant to point out the advantages and drawbacks of various methodological approaches, to estimate the "field" in which the micro-regional method proved to be the most effective and to evaluate the validity of the interpretations offered.

The current comprehension of the difference between archaeological and written testimony about our past gave rise to a skeptical view as to the ability of archaeology to reconstruct social structures and processes. Nonetheless, the very fact of comprehension contains a huge potential for learning, and the actual issue is its implementation in the process of research. The best results have been achieved within a combined methodological system for the study of written, archaeological and natural science sources pertaining to different cultural spheres of Medieval Rus (integrated source studies in Ancient Novgorod, architectural archaeology, integrated investigations of historical territories).

Combined micro-regional study of economic development and of the genesis of cultural and economic types of the social landscape in Medieval Rus can give researchers priceless opportunities for understanding the social and political history of the country in the 13th –

16th cc. For this, it is necessary to create the “ground” – territories which have been studied in detail both at the level of landownership and at the level of settlement and land use. Figuratively speaking, the windows of micro-regional studies give us a distinct and varied view of life in the Russian lands. Yet for this the windows need to be positioned systematically and give the widest possible view. Speaking more definitively, it would be relevant to develop, for each Medieval Rus principality, a detailed landownership and settlement history for several volost’s, including written sources from the 14th – 16th cc. and reflecting different models for the development of feudal landownership. A system of reference micro-regions, the material from which could help to investigate a wide range of historical issues, could serve as a micro-historical tokamak for processing a wide range of social, economic and cultural topics pertaining to the history of 13th – 16th cc. Russia.

Ingvild Øye

The medieval farm – revisited. Recent archaeological case studies from Western Norway

In Norway medieval archaeology has for a long period been more or less synonymous with urban archaeology. But during the last decade several archaeological studies have led to new insight into peasant society and land use in the Middle Ages. This article is devoted to the some results of the recent archaeological investigations of the farms Havrå, Ormelid, Lee, Kroken and Grinde. Although they mainly relate to Western Norway, the questions and results from this region may have general interest, both empirically and methodologically.

The main object of the archaeological researches has been to illuminate agrarian development in the region of West Norway.

The investigations have concentrated on the agrarian landscape as such – the whole resource area of a farm, both infield and outfield, including mountain pastures and seasonal summer farming. The archaeological project has concentrated on studies of patterns of cultivation and methods of exploitation, but also on developing methods of studying and understanding such phenomena. One of the aims has been to trace the earliest archaeological remains of agrarian exploitation at the farms. The investigations focussed on surveying, mapping, excavating, analysing, dating, interpreting and understanding the structures within the context of their total territories.

A high degree of continuity in main structures has been recognized. Even farms that are traditionally considered marginal and medieval or post-medieval, like Ormelid, appear to have been used at an early stage, in the early Iron Age and probably even earlier. In spite of the continuity, shifts in land use and farming are also evi-

dent. The different stratigraphical layers in old preserved lynchets, their compound and thickness that can be analysed in the profiles of the excavated trenches indicate different systems of production and changes in such systems in a long-term perspective.

At all five farms agrarian activities have been shown to be much older than previously thought, dating back to the transition period between late Neolithic and the early Bronze Age. Whether the areas have been used continuously, however, is difficult to prove by means of the methods used and the laconic information provided by the radio-carbon dating. The results of the pollen analyses that were carried out at one of the farms, Havrå, generally correspond to and confirm the archaeological results, demonstrating stability and continuity in agrarian exploitation, but with different methods of exploitation in different periods, from extensive periodic ways of cultivation to more intensified practises. At the other farms there *may* have been breaks in the production, and probably therefore also in settlement, most clearly demonstrated at Lee in the late Middle Ages.

Seen in an archaeological perspective, the results gained from examining these farms are not all that surprising. In several aspects, the results fit in with the general pattern that archaeologists have in the last years been able to draw of agrarian development in this part of the country, starting in the late Neolithic. But those results have been achieved at smaller and more scattered sites, and have not been looked upon from the perspective of old farm territories. Furthermore, farms at such high altitudes as Lee and Ormelid, earlier regarded as marginal and fairly young farms, have been proven to be just as old as the farms with larger arable and located

closer to the fjord. The new and fruitful element in these projects, then, has primarily been the spatial framework of the historic farm and the evaluation of the agrarian development both spatially and temporarily

in a long time perspective. So far, it seems that archaeologists and historians may have underestimated the age as well as the continuity of farming and permanent settlement.

Ludek Galushka

Rural settlements in Early Medieval Moravia: to the issue of zones of influence of the major Great Moravian fortified sites in the context of Stare Mesto – Ugerske Gradishte agglomeration

Archaeological investigations identified three stages of development of rural settlements on the territory of Great Moravia (the 6th – middle of the 7th c., middle of the 7th – end of the 8th c., the 9th c.). They are characterized by specific environmental conditions under which the settlement structure was formed, by population density figures, by the structure and social organization of the dwelling sites, by the predominant economic activities. One of the most important centers of Great Moravia and its extensive rural areas was the Stare Mesto – Ugerske Gradishte agglomeration. And the most significant site dating to that period is the Slavic settlement in Ugerske Gradishte – Sady (7th – 10th cc.).

During the Great Moravian period, the majority of settlements and dwelling sites were located in the

fertile areas near large and small watercourses, but not in their floodlands. The largest clusters of dwelling sites were located near fortified settlements or power centers. The finds allow to identify some elements of the agglomerations' social structure, and also the presence of specific household and dwelling zones. The location of trade routes, both local and European, including the Amber route, played an important role in the structuring of the rural settlements. Research at Early Medieval settlements in Moravia and the environs of Stare Mesto – Ugerske Gradishte is still at the initial stages, in contrast with the research at the now defunct Medieval settlements that flourished at the zenith of the Middle Ages.

A.P. Tomashevsky

Colonization, paleoecology and production in Ovruch volost' during the Middle Ages

The article gives a brief summary of research concerning the settlement of Ovruch volost' and the Ovruch range and determines the sum of spatial, geographical, geotectonic, ecological, social, historical and technological factors that brought about the emergence of Medieval Ovruch volost' as a unique natural, social and historical entity. GIS analysis allowed to create models for determining the probable locations of Ancient Rus sites, which models underwent checking and amendment in the field.

The article gives a brief historical overview of the settlement system and identifies several stages, from the 10th to the 13th cc. AD. Systematic settlement of the range should be connected with state mastering of the region after the 945 events and the military destruction of the settlement system of the Drevlyane alliance. The development of the Ovruch range territories is a unique example of the great Prince's administration in Kiev conducting a purposeful, planned, organized and directed settlement of a large and promising non-frontier region. This interesting phenomenon fits within the concept of state feudalism.

The article considers arguments as to the possible participation of Byzantines in the development of local production, administration and the system of settlement as such.

The article gives spatial data for the territory, considers the issue of its density and development, gives basic characteristics of the settlement system. It considers the results of investigating the cultural layer at the discovered Ancient Rus inhabited localities. Data on proto-agglomerational phenomena is given.

The communication model of the volost' is analyzed. The issue of the geological, geotectonic basis of the volost's development is raised. The geomorphological aspect of settlement of the volost', the range and its individual regions is considered.

Analysis of settlements comprises means of settling, orographic and microtopographic models. Profiles of the settlements and the geomorphological profile of the range and the settlements are given.

Fortified settlements on the Ovruch range are analyzed. The details and specific features of their topography and their connection with the erosional ravine net-

work are considered. The position and the role of the fortified settlements in are shown.

Kurgan cemeteries are shown in the overall settlement system and within individual inhabited localities and micro-regions.

For the first time, ancient stone quarries are shown within the system of communications of Ancient Rus settlements.

Special attention is devoted to the functional aspects of the settlement system and its segments. Functional segments dominated over the other areas and thus influenced the development of the entire settlement system, determining its spatial and qualitative characteristics.

The uniqueness of the settlement system in question lies in the fact that from the outset it was purposefully developed for specific aims. On the Ovruch range, settlement followed specific industrial purposes, primarily related to the Ovruch pyrophyllite industry.

The article also identifies the administrative, military and agrarian centers.

The ecological and landscape basis of the settlement, the landscape structure of resource zones are considered.

Ovruch volost' gives a rare opportunity to track and to

research the details of cultural and chronological continuity between Ancient Rus and Late Medieval times.

Juxtaposition of the map of the borders and centers of the Late Medieval volost' reconstructed from written sources and the Ancient Rus archeological map showed their significant spatial correlation. Spatial convergence of Ancient Rus and Late Medieval settlements is observed, sometimes with displacement at the microtopographic level. It is now possible to see whether there were any interruptions in settlement or whether any of the settlements were moved. In the future, the data in question can be analyzed jointly with local toponymics, microtoponymics, hydronymics and linguistic, folk lore, ritual and anthropological data.

At present, unified geoinformational passports are being developed and compiled for each of the ancient inhabited localities and their archaeological sites. It contains the entire information on location, dating, specific features and composition of the cultural layer, artifacts, ecological facts, ecology and geography of the resource zone, the meand and degree of investigation, the current condition of the sites and possible threats to their preservation.

A.E. Leont'yev

Puzhbol, Shurskol and Sogilo. Archaeological data on the history of settlements in the environs of Rostov

All the three currently existing settlements are located near Rostov Velikiy (4 to 12 km) on the slopes of lake Nero bank in the Northwestern part of the lake basin. The settlements are related to archaeological sites, their names are quite individual and belong to the substrate (pre-Slavic) toponyms that are numerous in lake Nero basin. *Puzhbol* and *Shurskol* are traditionally considered to be oikonyms of Merya origin due to their formants (suffixes).

Puhbol is mentioned as an inhabited locality in the Tver sbornik under the year 1213. The kurgan group near Puzhbol village relates to Ancient Rus times, the 11th – 13th cc. No early Ancient Rus dwelling sites of the 10th – 13th cc. are known in the immediate vicinity of the village. Survey of the territory showed that the settlement had initially existed in that particular location.

Shurskol is known from sources dating to the end of the 17th – the 18th cc. The archaeological site to which the name could have initially referred is Shurskol 3 dwelling site. It is one of the largest Merya settlements on the shores of lake Nero and has an area of over 10 hectares. It emerged in the 7th c. at the latest and appeared to have functioned at the time when the Ancient Rus population arrived. The Ancient Rus settlement (Shurskol 2) existed

in the 10th – the beginning of the 13th c. The modern village appeared in the 14th – 15th cc. and since that time its name and location remain the same.

The name *Sogilo(la)* is formed with the help of the oikonymic suffix – *la*, which is known in Baltic-Finnish languages and encountered in a series of place names on the former Merya territory. In the environs of Rostov, the toponym Sogilo is known from sources dating to the 17th – the middle of the 18th cc. The earliest dwelling site, where the cultural layer is characterized by finds of hand-made pottery, is Sogilo 2. In the 12th c., one large settlement, Sogilo 1, remained on the promontory between two streams and it must have existed up to the 18th c.

Thus, the history of Puzhbol, Shurskol and Sogilo had its own distinguishing features, yet in all of the cases there is a continuous chronological sequence, even though not an absolute one, of settlements that superseded each other. Everything started with small villages, in the case of Puzhbol and Shurskol obviously of Merya origin. Yet in both cases the modern village occupy different locations which are nonetheless geographically close to the former ones. The archaeological sites near Sogilo village call for more detailed study.

Village settlements in Chernihiv Poles'je at the end of the 9th – the first half of the 13th centuries

The territory around Chernihiv together with surrounding villages was very attractive from the economic and political point of view. There was a struggle for it in the middle of the 13th century, and some echoes of that can be found in chronicles.

Investigations of different parts of Chernihiv region started in the 20th century, and some settlements of the 10th – 13th centuries have been found (D.I. Blifeld., E.M. Veremeychik, Ju.S. Vinogradskij, G.V. Zharov, G.A. Kuznetsov, A.G. Pil'nik, A.A. Popko, V.V. Prostantinova, A.V. Shekun, etc.). Except for the investigations of the territory and searching for the monuments, archaeological investigations of some settlements have been carried out in the region during the end of the 70-s – the middle of the 90-s (Avtunichi, Desnjanka, Klonov, Krinitsa, Kozarki, Leskovoe, Ovramenkov Krug, Rov 2, Rudka, Shumlaj, etc.).

Chernihiv Poles'je occupies the territory on the Left Bank of the Dniپر from the place where river Desna flows into the Dniپر in the west and to the place where river Ubed' flows into the Desna in the east. River Desna is a kind of a core which divides this geographical zone into unequal parts. It is expedient to regard only the monuments of Chernihiv Poles'je to the north of the Desna in the proposed investigation. There is a forest-steppe zone near the woodlands zone on the territory of the historical Zadesen'je (territory across the Desna) (the left bank of the river), which significantly influenced the system of settling, farming, the ethnic structure, and, as a result, the material culture of the region.

Five hundred and fourteen sites dating to the end of the 9th – the first half of the 13th centuries are known in the Northern part of Chernihiv Poles'je, among them: 50 fortified localities, including big towns like Chernihiv, Ljubetch, Snovsk and others; 337 village settlements, 121 kurgan burials and 6 ground burials.

Mapping of the monuments showed that nearly all wavy moraine-water-ice plains, layered with sandy soils and sandy loamy soils with turf containing podzol and gray forest soils, situated in the basin of the river Belous and parts in the basin of the right bank of the river Snov and more or less dispersed forest plains with typical blacksoil (sections in the basins of the rivers Belous, Strizhen', Snov, Desna) have been nearly completely mastered in Chernihiv Poles'je during the 10th – 13th centuries. Several village settlements are marked in the flood-lands of the big rivers – Dniپر, Desna, Snov.

Hilly-wavy and low-wavy sandy moraine-water-ice plains with turf containing podzol soils, situated between Zamglaj and the river Smyach and on the left bank of the river Snov, which are under pine and pine-oak forests are characterized by a low level of land development. Except for this, in the investigated region there are several landscapes which underwent little development in Ancient Rus times and later periods. These are old alluvial plains with sandy turf containing podzol soils which are under pine and pine-oak forests, situated in the lower part of the territory between the rivers Desna and Dniپر and on the left bank of the lower flow of the river Snov.

Thus, in Ancient Rus times the land development on the territory of the Chernihiv Poles'je was not uniform. On the one hand there are regions where the settlements are fixed in 0,5 – 3 km and on the other hand regions where they are placed far one from another (in 6 – 15 km). The materials from settlements in Chernihiv Poles'je give evidence about the development of the agricultural production and handicrafts, and about the level of the development of trade and crafts. Now the issue for researchers is correlation of these branches and their role in the economy of the Mediaeval village.

A.V. Kudrayshov

Rural settlements of Lozsko-Azatskaya lake system in the Middle Ages

The article deals with Lozsko-Azatskaya lake system, which is part of the Belozerje historical area. The lake system is situated 15–20 km to the south of lake Beloe.

About 70 Medieval settlements are known in the region.

The author notes that the earliest of them refer to the second half of the 1st millennium A.D.

In the 10th – 11th centuries, the number of settlements increased 2,5 times.

They belonged to the Finno-Ugric population.

In the 11th – 13th centuries, the number of settlements increased 2,5 times and amounted to 30.

The author observes that there was a process of merging of two cultures – the local Finno-Ugric one and the Slavic-and-Russian culture then entering the region.

At that time the local population was engaged in agriculture, cattle breeding, hunting and fishing, it established trade relations with the city of Beloozero and Sheksninskiy trade route.

In the second half of the 13th – 14th centuries the number of settlements in Lozsko-Azatskaya lake system increased to 50.

The author points out that the formation process of the rural settlement system in the region began at that time and existed up to the 20th century.

M.V. Tsybin

Russian settlements on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don area

The territory of the Middle Don area (from the estuary or the Voronezh to the estuary of Ilovlya) is definitely of interest for the research of the Rus – Golden Horde frontier. Archaeological sites belonging to different ethnic groups have been discovered and studied in the Middle Don area, and the circumstance in question influenced the specifics of the settlement and economic development of the area by the Russian population in the 14th – the beginning of the 15th cc. Over 60 Russian settlements are known in four regions. Topographically, the settlements are divided into 3 groups according to their loca-

tion: floodland, floodland-terrace, streamside (slope). The most interesting, representative and best-researched settlements are Shilovskoye, Verkhnekarabutskoye 1 and 2, Dronikha and the stratified settlements Shapkino 2 and Almazovo 2.

In order to determine the nature of Russian settlements, their status on the periphery of the Golden Horde and the peculiarities of the population's economic activity it is necessary to continue research at the micro-regional level. At present, this approach is beginning to be implemented to sites along the Bituyg.

N.A. Tropin

Medieval settlements of the 14th – 17th cc. in Yelets district (a comparative historical characteristic of the history of settling along the river Yelchik)

The article uses archaeological and written sources, including the end of the 18th – beginning of the 19th "ordnance survey" maps, to investigate settlement systems in two chronological ranges, the 14th c. and the end of the 16th – first third of the 17th c. in the middle reaches of Yelchik river (right tributary of Bystraya Sosna). Attempts are made to reconstruct the main elements of the historical landscape of the period in question (localization of dwelling sites, forests and roads).

In the 14th c., dwelling sites were usually located alongside rivers, and less frequently alongside ravines and gullies. Topographically, most of the settlements are situated on slopes. Sites on terraces are rarer. The area of dwelling sites is mostly around 0.1–0.4 hectares. The nature of settling the areas alongside Yelchik looks mostly like free dispersed development of the areas near the river due to migration or economic processes.

Aleksandrovskoe fortified settlement, a stratified site on river Yelchik, has been excavated by archeologists. In the second-third quarters of the 14th c., a homestead belonging to a well-to-do owner was located here, which is testified to by imported dishware from the Crimea. And also by the choice of the homestead location on the ancient fortified settlement which had noticeable defenses.

Settlements of the end of the 16th – first half of the 17th cc. are characterized by: 1) settling along ravines and gullies, watersheds and rivers, which correlates with an economy based on agriculture and farmwork. The settle-

ments were mostly situated along gullies with perennial watercourse or along riverbeds; 2) The settlements located in the upper reaches of the gullies and in the watershed appeared due to the Novosilskaya route and the Sakma; 3) All of the settlements were located near forests, which was also in accordance with economic needs. But the forest was also a kind of "refuge" during the period of Tatar threat, which in the Yelets district was relevant up to the third quarter of the 17th c.

Even though the systems of settling at the end of the 14th and the end of the 16th – 17th cc. were different, consistent general patterns can be observed.

1) Significant congruence between the main settlement area in the environs of Yelets in the 14th and the end of the 16th c. The territory in the lower Vorgol and Palna interfluvial area, known as the nucleus of Yelets lands, was the basis on which the future Yelets district was formed. This congruence is based on economic, political and psychological reasons, on the historical memory of generations. The settling of Bystraya Sosna was connected with the territory of the Oka region, both in the second half of the 13th – the 14th c. and at the end of the 16th c. In this case steady ethnographic population groups could have been involved; 2) The 14th c. dwelling sites discovered in the ravine and gully system could indirectly testify that a road functioned along the Yelchik-Palna watershed; 3) Dwelling sites of the 14th – 17th cc. distinctly gravitate towards forested areas.

Landscapes of the Suzdal Opol'ye and anthropogenic influence in the Middle Ages (on the basis of archaeological and paleobotanical data)

The emergence of Northeastern Rus as a specific center of Ancient Rus expansion and statehood is closely connected with developing part of the Volga-Klyazma interfluvial area, a region characterized by specific landscape and soils. The territory in question, named Vladimir Opol'ye, extends almost 110 km Southeast to Northwest, from the inflow of the river Nerl' into the Klyazma to the Berendeev swamp near Pereyaslavl-Zalessky, and is an island of woodless areas and black and grey forest soils in the mixed forest zone. The geographical term Opol'ye (Opolskiy stan) which shows a specific quality of landscape has been encountered in written sources starting from the end of the 15th c. and is affixed in the administrative division of Vladimir and Suzdal districts (*uezds*), part of which became *Opolye stans* in the 17th c. (Водарский, 1977. P. 235, 244–245). Several major Northeastern Rus town centers were located within the Opol'ye or on its frontier, – Suzdal, Vladimir, Kleshin, Pereyaslavl-Zalessky, Yuryev-Polsky. The historians and archaeologists who studied the earliest Rostov-Suzdal history (Любавский, 1996. P. 107, 152; Воронин, 1961. P. 23; Горюнова, 1961; Седова, 1997. P. 4–5; Леонтьев, 1996. P. 193); never failed to stress the importance of Opol'ye landscapes as a special environment that was favorable for agriculture and saw the most intensive colonization processes. “Even now the area from Yur'yev to Vladimir bears the name of Opolschina... The chronicle perceived Suzdal lands as having little or no forests, and consequently was called Zales'ye, and the main city, Vladimir Zalessky ... The fact that this was the earliest area to be settled and the most densely populated one can probably be explained by lack of forests...” (Любавский, 1996. P. 107, 152). The Opol'ye landscape was perceived, on the one hand, as one of the prerequisites for successful agrarian colonization and, on the other hand, as a result of many centuries of agrarian activities.

For the natural sciences, the genesis of Vladimir Opol'ye as a special extrazonal landscape is equally important. For over 100 years now scientists have been aware of the issue of the emergence and nature of fieldlands on the Russian Plain. As early as 1896 G.I. Tanfil'yev, in “Prehistoric steppes of European Russia”, analyzed the reasons why the field areas had appeared and were later superseded by forests. The subject had been investigated by many researchers, but the first comprehensive study was undertaken by L.S. Berg (1947), who called the field areas islands of prehistoric forest-steppes and was of the opinion that they had appeared due to climate fluctuations in the post-glacial period. F.N. Mil'kov (1964) connects the appearance of field areas with carbonaceous undersoils and, primarily, with loessial soils, and with climate conditions similar to those of the contemporary Northern forest-steppe.

The mean July air temperature in the Southeast of Vladimir Opol'ye is 18 °C – the same as in the West of the Mid-Russian forest-steppe around Tula and Kaluga (Климатические ресурсы..., 1956). In Vladimir, the sum of air temperatures for the period with steady temperature over 10 °C equals about 2000 °C, and the days per year with diurnal mean air temperature over 10 °C amount to 130, the same as in Kazan in the North of the Volga forest-steppe. The average many-year precipitation total equals 500–600 mm, with occasional very strong rainfall in summer, like in the forest-steppe zone. Like in the North of the Mid-Russian forest-steppe, the humidity factor is higher than 1. Common natural features also point to the Northern-forest-steppe character of Vladimir Opol'ye, which is situated inside the mixed forest zone about 200 km from the Northern forest-steppe border (Мильков, 1964). The same author traces a certain connection between field areas and woodlands, defining their role as major interzonal landscape complex on the Russian Plain. The centuries-long economic activity is also seen as an important factor in the formation of field area landscapes. L.M. Akhromeev (2000) is of the opinion that landscapes of field area type appeared in the 13th–15th cc., the period in question being the starting-point for Vladimir Opol'ye.

Thus, the open landscape of Suzdal Opol'ye is a secondary formation which appeared as a result of Medieval colonization of the wooded territories and had remained unpopulated or sparsely populated in the second quarter – middle of the 1st millennium AD. The opinion voiced by some historians that lack of forests in the area was the reason why Suzdal lands were especially attractive from the agricultural point of view is not confirmed by palynological material, neither is the notion that field areas were formed as a result of anthropogenic influence in the 13th–15th cc. (Ахромеев, 2000). Our investigations showed that active transformation of landscapes had begun much earlier. The first clearings of forest must have been carried out by Merya population in the 7th c. Starting from the 9th–10th cc. humans become the force behind landscape change. At that time the landscape of the territory already included indigenous and natural and anthropogenic groups of plant complexes, the correlation between which was changing in time and was determined to a large degree by anthropogenic influence. Open landscape was formed by the 12th c., during the period of mass colonization from Ancient Rus, when the climate warming contributed to agricultural expansion Northwards, as was the case in other regions of Rus.

The results of studying contemporary surface samples of plant formations show that the transformation of the natural complex has reached its peak. For instance, notwithstanding where the samples were taken, – in pine or pine-birch forest, in forest outskirts, meadows

or tilled ground, – all of the palynological specters show a large amount of birch pollen and weed pollen, which point to the important role of secondary natural-anthropogenic communities that obscured the role of primary groups. The floristically rich multilayered vegetation cover of the Suzdal Opol'ye was transforming and simplifying.

The work that had been carried out allowed to determine the role of primary field area formations in different periods during the Medieval Ages, to determine the

anthropogenic component in the landscape and to follow the gradual change of landscape zones on the territory in question during the Middle Ages. Further research will be concerned with more detailed study of the changes in the vegetation cover that took place in the second half of the 1st millennium AD and with specifying the nature of anthropogenic influence on the environment during the period immediately preceding the Slavic colonization and during its initial stages.

S.V. Shpoliansky

Settling the watershed areas in Suzdal Opol'ye (based on recent research data)

In 2001–2006, the IA RAS Suzdal archaeological expedition conducted investigations aimed at studying the Medieval settling and the cultural landscape on part of the territory which constitutes the historical center of Suzdal lands. A small area of about 160 square meters was investigated, located on both the banks of the Nerl' river and in the interfluvium of its right tributaries – Irmes and Kamenka, to the North – Northwest of Suzdal. In the course of the work, 140 Medieval settlements and localities of the second half of the 1st – first half of the 2nd millenniums AD were discovered and investigated.

Among the most important results of the investigations are the representative materials documenting the extremely dense development of Opol'ye lands, which was expressed in a well-developed multilevel settlement structure. One of the peculiarities characteristic of the development of Opol'ye in Ancient Rus times is the presence of a well-developed settlement network in watershed areas, away from the main water arteries of the region.

The results of the investigations allow to speak of a unified scheme for developing the structure of Ancient Rus settlement in elevated territories within the area chosen for investigation. The settlement network is based on relatively large settlements (1.5 to 2.5 hectares), around which entourage of small sites were formed, compatible in size with the settlements numbering few households which occur in the forest regions of Northeastern Rus.

The intensive land use on watershed territories around individual groups of sites is documented by the significant amount of localized finds of Ancient Rus items and pottery, which could possibly be interpreted as the remains of seasonal agricultural settlements.

The emergence of the absolute majority of the watershed sites and of the developed structure of settlements and land use can be dated to the 12th – 13th cc. The stable existence of dwelling sites in watershed areas is confirmed by the high density of finds dated to the period in question and by the presence of so-called status items (weaponry, equestrian and horse equipment, prestigious devotional objects, fragments of amphorae).

Yet starting presumably from the end of the 13th c. the number of dwelling sites in watershed areas goes down. So far, the reasons for the disappearance of a large part of

the watershed settlements in the 14th – 15th cc. are not completely clear. Against the background of stable development of large villages in river valleys and active development of the woody left bank of the Nerl', the decline of the watersheds around Suzdal cannot be explained simply by decrease of population. An explanation can most probably be found in the possibilities of further usage of the resources of a territory that in the 12th – 13th cc. was one of the most densely developed in Eastern Europe.

By way of conclusion we should note several important points that distinguish the development of rural settlement in the area in question from the trends in developing the watersheds and the network of rural settlements that are currently known for the forest territories of Northeastern Rus.

1. Development of watershed slopes is recorded in the Suzdal Opol'ye starting from at least the beginning of the 12th c., which is exactly a century earlier than the appearance of the first "settlements on the sloping hills" in Moscow lands.

2. Contrary to the hardly hierarchical settlement system that was dominant in the forest territories of Vladimir-Suzdal lands until the middle of the 13th c., the network of rural settlements discovered around Suzdal evolved as local groups that included major "central" dwelling sites surrounded by a retinue of smaller settlements. On the whole, the same principle of forming settlement clusters is typical of watershed settlements as well.

3. On the territory under investigation, watershed dwelling sites flourished in the second half of the 12th – the 13th cc., whereas the time starting from the second half of the 13th c., which became the era of "uphill movement" for sites in the Moscow region and evolution of a dispersed settlement system with clear hierarchy of dwelling sites, brought about gradual stagnation of the Opol'ye watershed settlement system.

All of the above allows to assume that the innovations in developing large watershed territories appeared precisely under conditions of high population density in the Opol'ye. These innovations meant a spatial not linear approach to the development of territories, which was later reflected in the processes that Russian historical science named "internal colonization".

Agricultural activity of the population of ancient Gnezdovo

For a long time, the trade and crafts character of 10th – the beginning of 11th cc. Gnezdovo has not been a matter of doubt. The many years of field investigations at the entire complex of Gnezdovo sites yielded abundant material which allows to speak of a high level of local metalworking, including the production of precious and non-ferrous-metal jewelry, the presence of pottery and bone-carving production, active usage of silver coins as means of payment. Of late, the interpretation of Gnezdovo as an early town center has become popular. Hence the inevitable question of the life support conditions at this vivid center dating to the period when the Ancient Rus state was forming.

The settlement at Gnezdovo appeared when the climate was somewhat arid and the Dnieper flood-lands, occupied by forest growth, were dry enough to contain various kinds of buildings. At some areas of the settlements, situated on the first terrace above the flood-lands, traces of forest-type soils have been found, pointing to the fact that the territory was covered by forests when its economic development began. An indirect confirmation of this can be found in the predominance of goat bone remnants over sheep, as discovered in the course of excavations at the Western part of the dwelling site. Palynological investigations showed that the forest areas were reduced fairly quickly, and floods increased gradually. The increased share of indicators of human economic activity in palynological diagrams also show the important role of pasture farming and plant cultivation in the economy of the settlement.

Many domestic animals were bred at Gnezdovo, – horses, small cattle, dogs, pigs, fowls (gallinaceous). In the osteologic collection from the settlement, bones from great cattle predominate (46 to 69%). Horse bones, frequently noted among the remnants of sacrificial animals in kurgans, are also represented at the settlement, where they comprise from 5% to 10% of the investigated material. The main part of the osteologic finds is kitchen waste, wherein the bones of animals slaughtered at an early age dominate. This applies primarily to pigs and small cattle (about 56 and 33% of the livestock). Among great cattle, the percentage of young stock slaughtered was smaller, – about 20%. Horse bones have been found among kitchen waste, – they mostly belong to old specimens. Horse meat must have played an insignificant part in the diet of the settlers, hence only the animals that were no longer useful were slaughtered for food. Bones of fowl – chicken and geese – comprise only a small percentage. Only isolated finds of bones of wild animals have been encountered.

Palynological specters show pollen from wheat, buckwheat, hemp, some rye pollen and also pollen from weeds and open landscape and pasture vegetation. The composition of cultivated plants' pollen partially correlated with the plants discovered in the washed cultural layer from various parts of the settlement. Samples

contained the grains of eight agricultural plants: barley, wheat, millet, rye, oats, peas, beans and flax. Among those, the first five are the staples. So far, the presence of hemp and buckwheat pollen in the palynological column has not been supported by finds of seeds. Palynological analysis showed that hemp constitutes about 5% of the total amount of pollen-grain.

The finds from different areas of the settlement show a wide range of cultivated plants, many of which were known in the forest zone of Eastern Europe for several centuries. The similarity of the plants cultivated at Gnezdovo to those known to the population of the Smolensk Dnieper region in the third quarter of the 1st millennium AD. At Gnezdovo, the important role of barley and wheat crops is evident. By the beginning of the 11th c., more frequent occurrence of rye in the cultural layer is recorded, alongside with simultaneous decrease of the amount of millet. The tendency towards increased occurrence of rye in the material from Gnezdovo has been traced on substantial material from the 11th – first half of the 13th cc. In the layers of the near-terrace area of the dwelling site dating to the first quarter of the 11th c., a high percentage of millet and a very low occurrence of rye have been recorded. This could point to the important role of short-term plowed areas. The cultivated plants discovered in the materials from Gnezdovo could have been grown in different land areas. The decreased share of tree pollen together with the simultaneously increased share of pollen from grassy plants and the significant amount of wheat pollen during the period of the settlement's active growth shows that forest plots for long-term use existed near the settlement.

Remnants of the arable horizon were discovered in the immediate vicinity of the Western part of the settlement, under the Dnieper group kurgans. The tilled plot, occupying 1.5 hectares, ceased to be used by the end of the 10th c. Prior to that, the land had been tilled "crossways", probably with a pronged plough. Hence the importance of the two ploughshares found inserted one in the other. The existence of the plough presupposes the usage of draught animals, which is confirmed by the bones of great cattle found in the cultural layer and bearing traces of deformation caused by hard physical effort.

Fallow soils were usually tilled with tools with metal terminals, similar in shape to those found in the flood-land part of the dwelling site. The same tools could have been used for loosening the soil at the plots of long-term usage. It is believed that a plot cleared in the course of burnt earth farming was planted 2–3 years in a row, and then had to "rest" over 30 years. The forest fallow system implied a much shorter term of "rest", – 10–16 years. For identification of the agricultural systems used at Gnezdovo in the 10th – 11th cc. we need to take into consideration the biological peculiarities of the main cultivated plants.

In accordance with preliminary estimates, over 1000 hectares of area under crop were required to provide sustenance for the inhabitants of Gnezdovo. It is hard to imagine where these fields could have been, since the area occupied by the kurgans and the settlement

(including the territory between the groups of kurgans) equals about 207 hectares. It appears that part of the agricultural products came from surrounding territories. Yet the relations between Gnezdovo and its environs remain unclear to this day.

V.V. Murasheva, M.A. Bronnikova, A.A. Gol'yeva, O.E. Marfenina

Natural science methods for interpreting the objects found within the cultural layer of the flood-land part of the dwelling site at Gnezdovo archaeological complex

The archaeological complex at Gnezdovo is one of the major archaeological sites dating to the time of emergence of the Ancient Rus state. The site is located 10.5–16 km West of Smolensk and has a complex topography, it comprises two fortified settlements and a dwelling site, the total settlement area is 30 hectares. The necropolis at Gnezdovo includes several groups of kurgans, the overall number of kurgans is around 4000, – the largest cemetery in Medieval Europe. Gnezdovo was a major strategic, trade and political center on the route “from Varangians to Greece”, which connected the North of Europe and Byzantium, the center of the civilized world in the Early Middle Ages. “Classical” Gnezdovo is dated to the 10th – beginning of the 11th cc., yet various forms of activity at the site continued up to modern times.

Biomorphic analysis implies consecutive study under a microscope of the components of the biogenic fraction of a sample (pollen, spores, wood and plant detritus, remnants of roots, microscopic free carbon, fungal flocci, coprolites and biogenic silicon earth, i.e., phytolites, diatomic algae, sponge spiculae) with subsequent review of the complex in its entirety (Гольева, 2000. P. 12–17). Together with palynological analysis, biomorphic analysis is quite widely used in archaeological research for reconstructing paleolandscapes. The authors attempted to use the method in question for studying the remnants of constructions in the cultural layer (in 2002–2003, over 30 soil samples were selected and studied).

The results of the biomorphic analysis proved to be crucial for the interpretation of some of the structures. One of those was a trench-like pit, 5 m 80 cm long, up to 2 m wide, 60 cm deep. Since there are no remnants of a heating device, the structure cannot be interpreted as a dwelling. The functional purpose of such structures is difficult to determine when the assemblage of finds is inexpressive.

On the territory of the flood-land part of the settlement, two sections were investigated. One of those was connected with the trench-like household pit (pit 28) already described above, the other one was related to a pit near a large stone hearth used for production. As it has already been noted, the cultural layer in this area is buried

under a thick layer of alluvial deposits (over 1 m), which does not occur at the rest of the site's territory. It had been assumed that due to the depth of burial, the content of vestiges of fungi in the layer would be extremely low, yet it turned out to be not lower than in the cultural layer of the terrace.

It is important to compare the results obtained for the samples taken from the filling of various objects and from the profile which represents all the main stratigraphic elements of the cultural layer; for each of those geochemical characteristics were obtained. The geochemical association is usually comprised of 2 to 5 elements. Only phosphorus has a high concentration ratio. The total contamination ratio is low in all of the samples. Thus, not a single stratigraphic unit of the archaeological section revealed any noticeable geochemical anomalies, whereas such anomalies are present in other points at different stratigraphic levels. This shows the advantage of areal geochemical sampling of the cultural layer substance over stratigraphic sampling.

Thus, the initial results of investigating the spatial variability of the elements in the cultural layer showed that this analysis is a sensitive method for diagnosing paleoanthropogenic geochemical anomalies. Nonetheless, the usage of geochemical data for diagnosing the type of economic activity and the economic zoning of the settlements calls for a database of the elements within the cultural layer and their archaeological context, and also for further development of research methods, including quantitative criteria for identifying the zones connected with various types of activity.

Thus, by way of summing-up we should state that the results of biomorphic, mycological and geochemical analysis of samples from the cultural layer can be considered another type of archaeological sources. In an entire range of cases, traditional archaeological methods proved to be insufficient. The use of natural science methods has helped to significantly expand the range of information obtained and played an important role in the interpretation of some of the objects. The methods in question can be used in field investigations at uninformative sites where wood is not preserved in the cultural layer.

*A.L. Aleksandrovsky, E.G. Yershova, M.D. Kochanova, Yu.A. Lavrushin,
E.A. Spiridonova, S.Z. Chernov, A.V. Engovatova*

The 2003 Investigations of buried soils in the St. Sergius Trinity Lavra and reconstruction of the primal vegetation

The investigations of buried soils at the St. Sergius Trinity Lavra was started in 1989 by the IA RAS Moscow archaeological expedition. The first works proved to be successful. An excavation trench near the entrance to the Metropolitan's chambers revealed buried soils on the slope of an ancient ravine which started to the South of the altars in the cathedral of the Trinity. An ancient plowing horizon was discovered near the Northern entrance to the Dormition cathedral area. The investigations showed that fully profiled tufen podzol soils were preserved on the primary bank of Konchura river, 30–85 m to the East of the apses of the Trinity cathedral. No traces of tillage or erosion have been recorded in the areas under investigation. The content of iron and microelements in the buried soils is close to the natural level typical of ecologically pure natural areas. Despite the good state of preservation and the lack of traces of plowing, the buried podzol soil bears strong traces of human activity (weed pollen).

The buried soil that formed under the woodlands covering the Makovets hill prior to the foundation of the monastery contains information about the species composition in the forest both at the time of St. Sergius of Radonezh (+1392 г.) and several centuries earlier. In all palynological spectra of buried soils in sections Lavra 1, 2 and 3, among trees, pine and linden pollen dominates. This allows to assume that prior to the foundation of the monastery (1341) the primary bank of the Konchura river was covered by primary pine and linden forest with an admixture of birch.

Thus, Makovets hill was part of the moraine elevation landscapes which were characterized by broadleaf-conifer forests. Primary forests with predominance of pine are not typical of the Kli-Dmitrov range. Neither is the abundance of linden pollen and almost complete absence of oak and other broadleaf species entirely typical of the region in question. It can be explained by the thinness of the loamy ground overlaying the sands.

Analysis of the palynological spectra of the humus horizons of sections Lavra 1, 2, and 3 also gives a certain picture of life at the monastery in the second half of the 14th – the 15th cc. The sharply increased amounts of pollen from grains and meadow grasses in the humus layer together with the decreased amount of tree pollen could point to selective felling of trees and to haymaking.

Palynological spectra of Lavra 4 section outside the initial territory of the monastery also testify to the felling of trees, – the share of pollen from conifers in the upper soil layer is decreased, yet there is no increase in the amount of grain and grass pollen which are indicators of haymaking.

The presence of weed pollen testifies to human activity. Pollen from cultivated grains (barley and wheat) is most probably related to agricultural land in the vicinity. In 1989, an ancient monasterial arable field was discovered 100 m to the North of the sections in question, behind the cathedral of the Dormition. This field could have supplied the grain for St. Sergius's granary, which remained preserved in the Northeastern corner of the monastery up to the middle of the 17th c. (Голубинский, 1909. P. 102).

A.V. Alekseev, Yu.B. Korolev

Archaeological and paleobotanical investigations at the Vvedensky pogost near Zvenigorod (based on 2005 data)

The article is devoted to identifying the localities mentioned in the 1504 *gramota* which describes the borders of the Zvenigorod principality. The 2005 reconnaissance allowed to find the settlements which are relevant for understanding the ancient document. Among the sites discovered is the dwelling site Chigasovo 1, identified with the Vvedensky monastery which had been ruined during the Time of troubles. The site is in a unique state of preservation, and its location in the center of a forested area allowed to con-

duct paleobotanical research for the purpose of determining the ecological succession on the territory of the archeological site.

Preliminary conclusions have been made about the former vegetation and the overgrowth of the former settlement location, information has been obtained about the environmental changes connected with economic activity in the 14th – 16th cc. and subsequent reorganization of the spatial structure of agrarian landscapes after the Time of troubles.

The peculiarities of cultural layer development on the territory of the Kirillo-Belozersky monastery

The accepted date for the foundation of the Kirillo-Belozersky monastery – on of the major monasteries of Medieval Rus – is 1397. Archaeological research at the monastery has been going on for over 100 years. The most significant amount of information about the cultural layer at the monastery has been obtained during the last 10 years, due to the archaeological investigations conducted in the course of large-scale restoration work on the territory of the reserve museum. During the years of investigations, 4 digs with a total area of almost 200 square meters and 29 prospective trenches with a total area of 160 square meters were opened. Much data was obtained from geological work; geologists have been monitoring the condition of the architectural monuments since the end of the 1980-s.

The data available allowed to compile an approximate scheme of the thickness of the cultural layer on the territory of the reserve museum. The maximum thickness of anthropogenic deposits (about 4 m) occurs in arrears near the lake and the river, and the average thickness of the cultural layer does not exceed 2 m.

As to origin, four groups of layers can be identified on the territory of the monastery. 1. Layers of natural origin which were later subjected to anthropogenic influence (podzol, turf, river drifts), and also the layers that were deposited on the territory in question as a result of anthropogenic activity prior to the beginning of the monastery's history (Kirillov-1 Neolithic site has been discovered on the territory). 2. Damp, partially peaty layers deposited during the period of economic activity at the beginning of the 16th – the 17th cc., which preserve numerous remnants of wooden constructions and artifacts made of organic materials. The thickest layers (up to 2 m) are those of earthen and timber causeways alongside the lake and, partially, the Sviyage river. 3. Layers of construction waste that were formed both in the course of stone construction on the territory and in the course of dismantling of some of the buildings. 4. Layers deposited in recent times. Those are characterized by a combination of significant layers of brick and lime that were deposited in the course of construction work and by a large amount of domestic and construction waste.

N.B. Chernykh, A.A. Karpukhin

Main results of dendrochronological analysis of the timber from the cultural layer at Kirillo-Belozersky monastery

The results of dendrochronological analysis of the timber samples from the stone fortifications at the "Old town" at the Kirillo-Belozersky monastery allow to say the fortifications should be dated to the two latest decades of the 16th c. The construction work appears to have started in the 1580-s with the building of the fortifications at the monastery of the Dormition, and it was only in the 1590-s that construction work extended to the Ivanovsky monastery. The poles for the walls of the Dormition monastery were made out of the used timber stocked at the end of the 15th – in the first quarter of the 16th cc. It may be provisionally assumed that the supplementary inside arcade was also added in the 1590-s.

After 1610, work was started on reinforcing the walls and building up their height.

Comparison of the annual growth of the construction timber used at the Kirillo-Belozersky monastery and that from two wooden churches located in the basin of the Sheksna river showed that the Kirillo-Belozersky monastery must have probably obtained construction timber from the territory of the Sheksna river basin. At the same time, comparison of the growth of the timber from archeological and architectural sites in the Sheksna and Sukhona basin revealed important differences in the dynamics of annual ring growth, at least for the second half of the 16th – 17th cc.

S.V. Pavlenko

**Investigations of Ancient Rus settlements specializing
in pyrophyllite slate processing
(on the example of Pribytki I settlement)**

The article publishes the results of investigating settlements specializing in pyrophyllite slate processing in Pribytki microregion. The structure of a unique cultural layer of settlements and fillings of workshop is analyzed, the special technique of their studying is shown. All categories of industrial artifacts are analyzed: shavings, mineral raw waste products, discarded work-

pieces, half-finished items and waste from manufacturing pyrophyllite spindle-whorls. Traces of tools on industrial artifacts are studied. Manufacturing of crosses and small pyrophyllite decorations is briefly covered. The results of the first archaeological research into medieval quarries (pits) of pyrophyllite slate are described.

N.N. Gribov

**The Russian possessory village
of the period of appanage principalities
(based on materials of archaeological research
of the rural open site Blizhnye Konstantinovo 1)**

The present work attempts to reconstruct the appearance of the Russian possessory village of the Golden Horde period exclusively on the basis of archaeological research. It is well-known that there is a shortage of well-studied rural open sites of this time. The image of one of the possessory villages of late 13th – the beginning of the 15th cc. is reconstructed on the basis of archaeological data received in the result of the excavation of the rural open site Blizhnye Konstantinovo 1. The site is situated at a distance of 11 kilometers from the Oka River estuary in the close vicinity of Nizhniy Novgorod. The article considers the position of the settlement in the local Middle Age settlement pattern, the peculiarities of layout, housing and domestic buildings, the specifics of stock, the ration of nourishment of the inhabitants. Integrated research in archaeological and archeobotanical material showed that agriculture was dominant in the local economy. The article shows that a consistent model for the local economy presupposes commercial agriculture. The big farmstead was the nucleus of the settlement. It consisted of dwelling, economic and industrial buildings. Dwellings are differentiated according to the social status of the inhabitants. Urban elements in the material culture are one of pecu-

liarities of this site. The collection of finds from Blizhnye Konstantinovo 1 includes a large number of various Oriental imports, elements of military equipment and accoutrements of saddle-horse, silver and copper coins. Most of the imported artifacts discovered at the site are well-known from archaeological research of the Golden Horde towns near the Volga River. Since the site is off the main highways and close to one of the biggest towns, it was suggested that the great part of the imported objects had found their way to the settlement through Nizhniy Novgorod. The social heterogeneity of the inhabitants can be seen from their diet. Bones of valuable varieties of fish were discovered, the fish could only have been brought to the settlement on specific request. The pottery assemblage allows to speak about the ethnic heterogeneity of the community in question and about the presence of Mordva inhabitants. Numerous crosses-pendants and small icons were discovered at the settlement. They testify to the dominance of Christians among the inhabitants. The article gives arguments in favor of the existence of a churches building at the settlement. The archaeological features of the settlement are summarized, defining its social status as possessory village.

Nonferrous metal in Northeastern Rus in the 9th – 14th centuries

The present work analyses the chemical composition of nonferrous metal of Northeastern Rus. In order to determine the characteristics of the raw materials base, the authors used a representative assemblage of finds from Belozerye, Arkhangelsk oblast', Supruty and Sary fortified sites, Vladimir, Vyatich kurgans and towns, Merya and Mordva sites.

Summing up the results obtained in the course of the research, the authors can conclude that tin and tin-lead bronzes are the most typical alloys used in Northeastern Rus in the 11th – 15th centuries, more than half of the items studied were made of those. Metal from the terri-

tory in question differs from Northwestern bronze alloys, which are characterized by a low (Sn – 2–10%) concentration of alloying element, in its medium or high content of tin. The accepted opinion is that tin bronzes found their way to Northwestern Ancient Rus from Bulgaria Volga. At early sites on the territory, – Supruty and Sary, Podbolotyevskoe and Lyadinskoe cemeteries, brasses dominate. On the whole, the amount of brass items in the Northeast tends to increase starting only from the second half of the 13th century at sites on Kulikovo field, settlements in the Moscow oblast' and the upper horizons at Serensk.

I.E. Zaitseva

Metal ornaments for the hands and arms, Minino archaeological complex

The article analyzes the rings and bracelets (123 items) found in the course of investigations at settlements and cemeteries of Minino archaeological complex. The insignificant amount of bracelets in the cultural layer and in burials (a total of 30 bracelets) may show that this particular ornament was seldom used by Minino population and did not constitute a necessary element of burial costume. The same conclusion is indicated by the fact that the bracelets are typologically varied with no series of standard items. It is possible, though, that some of the bracelets were actually manufactured in Minino.

Unlike bracelets, rings were a constant part of the local costume. Even though a variety of types existed, their chronological confines show significant regularity. In the second half of the 10th – first half of the 12th centuries, Minino inhabitants wore simple wire and rod rings, with narrow or wide plate. In the second half of the 12th – first half of the 13th centuries those were replaced by pseudotwisted and plated items. The artifacts show a significant standardization, many found their way to distant settlements due to barter.

S.I. Valiulina

Glass beads from Semyonovskoe I and Izmerskoe I sites

Semyonovskoe I and Izmerskoe I sites are situated on the left bank of the Volga to the Northwest of the modern village of Izmeri. The sites have been flooded after the KuibysheA man-made lake was built, hence most of the beads are stray finds collected on banks after flood decline.

The glass beads from Semyonovskoe I (1346 items) and Izmerskoe I (395 items) sites are stored in the National Center for archeological research of the Institute of History of Republic of Tatarstan Academy of Sciences, Bulgar state historical and architectural reserve, Archaeological museum of Kazan State University, and in private collections to which researchers have no access.

The beads have been systematized according to the technological principle suggested by Z.A. L'vova (*Львова*, 1968) and the classification of the beads from Bulgar by M.D. Poluboyarinova (*Полубояринова*, 1988).

The collection from Izmerskoe I consists to a large degree of types of beads characteristic of the 11th century: these are triangular, nodular, ellipsoid or prismatic black beads with symmetrical white ornament, zoned opaque beads with concentric eyes; all of those are made with winding the glass mass around the core. Archaic types are few: lemon-shaped beads and beads made of drawn glass tube and drawn rod. The morphological and technological characteristics of the beads and the chemical composition of the glass show that the items belong to at least two glassmaking schools: Near Eastern and Byzantine, the second being dominant. According to the classification by R. Andrea, such a collection can be determined as main combination, that is, one comprising for the most part synchronous beads of the same origin yet containing also material of a different origin. The Izmeri "necklace" would have been fully classical for the 11th century had it included also

blue white-rhombic and gold-glass beads. Such an assemblage has been encountered at many sites in Central Europe and Ancient Rus. The necklace from burial 17 at Minino II is especially expressive. Yet mid-Volga sites lack gold-glass and blue white-rhombic beads, with the exception of the one item found at Bulgar (*Полубояринова*, 1988. P. 180, pit. 82, 41). The Finnish sites (Kjulo, Luistari) which contained material very similar to the finds from Semyonovskoe I have, in 11th century burials, beads which are close to the ones from Izmeri. Relations with the mid-Volga region are indicated by Bulgar imitations of Arab coins, in the necklace from burial 56 at Luistari and burial 28 at Kjulo (*Talvio*, 2002. P. 180, 188). Necklaces from 11th century Finnish sites have their distinct peculiarities, they comprise many blue and blue white-rhombic beads, e.g., burial 56 at Luistari (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. Col. pl. III, 9), no triangular (only one item found at Luistari) (*Ranta*, 1998. P. 95, kuv. 3) or nodular beads, few gold-glass ones. According to Callmer, after the 10th century beads came to Finland from Ancient

Rus and the Danube region (*Callmer*, 1997. P. 201). These regions must have acted as mediators and composed bead assemblages for trade. Starting from the 11th century, Kiev Rus controlled all imports of Byzantine goods into Eastern Europe. These changes are reflected in the collection from Izmeri, – its assortment is much narrower than that of the preceding period. For the population of Bulgaria Volga, glass beads remained primarily a money equivalent in fur trade and did not become a traditional adornment in costume (*Валиулина*, 2005. P. 118).

It is possible that in order to provide for uninterrupted international trade a workshop could have been set up in Izmeri, producing triangular and some other types of beads.

Among Bulgar sites, analogies of Izmeri beads are best seen in Bilyar, which became an active participant of international trade in the 11th century.

Thus, Semyonovskoe I and Izmerskoe I sites and their bead assemblages serve as definite indicators of the changes in international trade in Eastern Europe at the end of the 10th – beginning of the 11th centuries.

A.N. Fedorina

Pottery assemblage from dwelling site Vishenki 3 near Suzdal

The article considers the pottery materials discovered in the course of archaeological investigations at Vishenki 3 dwelling site, Suzdal region.

The entire assemblage of pottery was divided into eleven types, grouped into three mutually overlapping chronological groups. The three most popular types are VIII, VI and XI (listed in decreasing order as to their proportion in the collection). All of these types had existed for long periods and the usage of the majority of the types spans the 12th c. Fragments of early wheel-made pottery and the pottery forms that could be considered as chronological indicators of the 11th – the beginning of the 12th c. are not numerous at the dwelling site in question. In the future, identification of closed complexes at Suzdal dwelling sites could provide for more distinct division of 11th and 12th c. materials, yet it is

evident that 12th – first half of the 13th cc. pottery forms are much more abundant than earlier ones, which allows to characterize the period in question as the time of the most intensive colonization. A similar picture can be observed at the majority of the sites that were inspected. Analysis of the collection revealed a high homogeneity of pottery forms in the pre-Mongol period, and also the predominance of the dishware types common for Rus in general. It appears that we could speak of a certain standardization of pottery vessels in Suzdal and its rural environs. The pottery complexes from Suzdal land town centers – Vladimir and Suzdal – resemble to a large degree those from rural settlements, as exemplified by Vishenki 3 dwelling site. Most of the wheel-made pottery types identified in pottery collections from towns are represented at the dwelling site as well.

A.A. Molchanov, I.I. Rykunova, A.N. Rykunov

The 2005 excavations at Ust'-Sheksna and the hoard of 10th c. Samanid coins

Ust'-Sheksna site is situated on the right bank of the Sheksna river where it flows into the Volga. Part of the site is submerged under Rybinskoye artificial lake, the area preserved amounts to 15 hectares. Planned investigation of the site started in 1991. The excavations revealed the settlement's stratigraphy, which is practically the same for all its parts, – production complexes (ironworking and jewellery) and remnants of dwellings. The finds show that the inhabitants were engaged in

trade, agriculture, hunting, and fishing, and also attest to their relatively high prosperity. The main cultural layers at the settlement are dated to the middle of the 11th – the 14th cc. At present, Ust'-Sheksna is the main source of information about the Early Medieval history of the micro-region.

The most important find of the 2005 season was the hoard of 33 dirhams, carnelian beads and a bronze needle-case. The hoard contained silver coins of the

Samanid dynasty minted, as it seems, exclusively in Middle Asian towns (Bokhara, Samarkand, ash-Shash)) almost throughout the 10th c. The coins have been determined by A.A. Molchanov. The 2005 hoard of coins refers to the terminal stage of usage of Arabian coins on

the territory of Ancient Rus. The possible date for its deposition – last quarter of the 10th or the beginning of the 11th c. – is quite in agreement with the hypothesis that Ust'-Sheksna Medieval settlement appeared earlier than the middle of the 11th c.

A.V. Engovatova, V.Yu. Koval'

Myakinino 1 dwelling site in the settlement structure of Northwestern Moscow area

Myakinino 1 dwelling site is the central, most ancient (appeared not later than the middle of the 12th c.) and the largest (about 2 – 2.5 thousand square meters) settlement in the Myakinino archaeological complex on the Northwestern border of contemporary Moscow near Myakinino village on the right bank of the Moskva river (fig. 1). The complex includes 3 Medieval dwelling sites (Myakinino 1, 2 and 4), a kurgan cemetery, 3 Early Iron Age dwelling sites and the remains of a Late Medieval (16th c.) field site. The investigations have been carried out within the framework of salvage excavations that were required for the construction work on the territory of the Myakinino flood-land. At Myakinino 1 and 2 dwelling sites, areas of 10 thousand square meters have been investigated. At Myakinino kurgan cemetery, an area of 3100 square meters has been investigated during the three years of excavations (2004–2006), 23 kurgans underwent a complete study.

Myakinino 1 has been investigated almost in its entirety (in the part that remained undisturbed in the course of construction work) – on an area of 10300 square meters. As to the size of the area opened, it is the foremost but one Medieval Russian rural settlement on the territory of Eastern Europe (the first place is still occupied by Avtunichi in the Ukraine, with over 25 thousand square meters investigated). Only individual small areas on the periphery of the site remained uninvestigated due to various reasons which had to do with the ongoing construction work. Unfortunately, almost one-third of the dwelling site's territory had been damaged by a construction pit dug out without agreement with archaeologists and site preservation authorities even before systematic excavations were organized. In addition, part of the territory of the site had been destroyed by landslides due to the underwashing by the waters of the Moskva river. Finally, part of the site was destroyed during the construction of the main collector which crossed the Moskva river bed at exactly this point. Yet all the above losses notwithstanding, over half of the area of the

dwelling site was investigated, including the central part. Only some of the peripheral ones were not covered by digs. Thus, at present the site is one of the best investigated Medieval rural Russian settlements in Eastern Europe (the materials from the site are dated to within the middle of the 12th – second half of the 15th c.).

For Medieval East European archaeology, Myakinino 1 is unique in that it was excavated together with its kurgan cemetery. Judging by the fact that the cemetery was situated in 200 m from the dwelling site area, it belonged to this particular settlement. The dates for the burials that were opened fit into the interval between the middle of the 12th – first half of the 13th c., which fully correlates with the initial stage of life at Myakinino 1.

The finds assemblage from the Golden Horde time is characterized by the disappearance of glass bracelets and beads, a sharp decrease of the amount of bronze bracelets and by an increased amount of rings, pendant crosses and the appearance of various iron and non-ferrous mounts for decorating horse harness.

The pre-Mongol pottery complex from the two sites and the kurgan cemetery is similar to materials from Moscow and Vyatichi Moskvorech'ye. The only important difference is that mid-12th – c. complexes include a large amount of white clay ware manufactured according to Southern Rus traditions and characterized by a higher production technology and a series of morphological differences from the red clay pottery then popular in Moscow and Moskvorech'ye. The fact that "Southern Rus" pottery appeared in Moskvorech'ye could be explained by migration, in the first half or middle of the 12th c., from the Dnieper left bank (or the Upper Oka region?), where such pottery had been produced starting with the early 12th c. (Коваль, Хижняков, 2005. P. 177). Its production ceased in the second half of the 12th c., which can be explained by the relocation of South Russian migrants to other places or, which appears more probable, their merging with the Moskvorech'ye Vyatichi.

Results of the investigations at Tesovski pogost in the Vodskaya pyatina, Novgorod lands

Tesovskaya *volost* is located in the middle reaches of the Oredezh – the largest tributary of the Luga. The Tesovo of chronicles is correlated with Zapol'ye-2 settlement. It is located in an elevated area near a cemetery and the ruins of a 1827 church of St. Clement. During the four years of archaeological works (1998–2001), 420 m² have been investigated at Zapol'ye 2 (Tesovski pogost). The results of the investigations allow to say that the main investigated area was occupied by a dwelling area dated to the 11th (end of the 10th?) – 12th cc. No vivid archaeological materials have been discovered for the 13th c. It should probably be assumed that in Ancient Rus times the dwelling area at the Tesovski pogost was moved from place to place. It is known that on the border of the 14th – 15th cc. Tesovo was not an ordinary settlement in Novgorod lands. Nonetheless, no

vivid complexes dating to the time in question were discovered. The Moscow period (16th – 17th cc.) is also rather poorly represented by archaeological material from the site. So far, the issue of the location of the village of Tesovo remains open. Written sources from the 16th – 17th cc. and later allow to define the topography of Tesovo and its environs much more exactly.

Thus, the four years of archaeological investigations allow to accumulate a significant amount of archaeological material, mainly about the Tesovski pogost itself. The 16th – 17th cc. descriptions have been published. In the future we deem it important that similar open area excavations should be conducted at the settlement, primarily for identifying 13th – 15th cc. complexes. Investigation of rural settlements on the periphery of Tesovo micro-region can also yield important results.

P.E. Sorokin

On the settlement system in the Neva area before the time of Peter the Great

The settling of the Neva river banks is one of the problems in the history of the Russian Northwest. It is known that starting from the 8th – 10th cc. the Neva served as international water route connecting Eastern Europe and the Baltic region. Nonetheless, the banks show practically no traces of habitancy during the period in question. Neither have historical sites dating to later times been discovered, up to the 14th c. Yet on the border of the 15th and 16th cc. a well-developed settlement structure is already observed.

Retrospective research at individual St. Petersburg micro-regions with the use of maps and written and archaeological data was tested on the territory of Nien and Nienschanz, Spasskoye selo, the village on Fomin island

(Bjerkenholm homestead) and the settlements at Ust'-Izhora and Lahta. The place for archaeological investigations was chosen on the basis of 17th – c. Swedish maps. As a result, it became possible to trace the continuity between settlements dating to different times. This is explained by the fact that the Lower Neva areas are a bogged and forested region, and for centuries settlements continued to evolve in the places that were best suitable for living. The size of the settlements wasn't always correlated with the area of cultivated lands around them, which indicated that fishing played an important part. The center of the Lower Neva settlement agglomeration formed near the estuary of the Ohta based on the centuries-old experience of the local population.

A.A. Frolov

Complementary possibilities of using "General land-surveying" materials for Russian medieval landscapes study

Materials of the "General Land-surveying" of the last third of the 18th c. play an important role in Russian medieval landscape studies. Topographical plans and other documents that were created during the "General Land-surveying" registered borders of cadastral parcel and toponyms that had emerged within foregoing centuries. The exactitude of adaptation of ancient borders to the contemporary plan may influence the authenticity of scientific conclusions. The article describes a new method of this adaptation. It is based on studying the specific features of topographical survey in the 18th century.

For localizing a cadastral border, this method uses not a graphic image of the plan (as is usually done) but its mathematical base, i.e. the data of topographical survey of the 18th c., on the basis of which the plan was constructed. Any plan contains data about the length of each edge of the border, angle between each two edges and azimuth angle. Computer technologies give an opportunity to reconstruct the border of parcel with the same exactitude that topographical survey was made, to measure an error of the topographical survey data.

I.I. Mullonen, E.V. Lyallya

Toponyms as markers of the Zaonezh'ye cultural landscape

The RAS Karelia center Institute of language, history and literature, together with the GIS department at Petrozavodsk University are implementing a long-term project for creating an electronic toponymic map of Karelia. The project became possible due to the extensive card index (over 300 000 storage units) containing precisely mapped micro-toponymic material which had been correlated with topographic maps in the course of field expeditions. The data is stored, processed and analyzed with Map-Info Professional V 7.0. Attributive data was stored with FireBird SQL Server.

The testing ground was the Russian Zaonezh'ye on the Northern bank of lake Onezhskoye, where Baltic-Finnish and elements of Lapp heritage are indisputably present in language and culture.

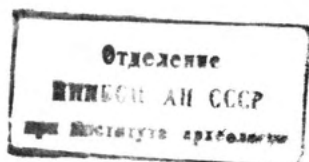
The research methods showed that the electronic toponymic map can be successfully used for analyzing the development of local micro-territories linked to the initial Baltic-Finnish settlement of the area, for identifying the areas of toponyms which have a historical and cultural content, for determining the main routes of settling the territory and the borders of historical and cultural zones and for revealing the ethnic and linguistic contacts at different stages, mainly in the Southern part of the Zaonezh'ye. It is possible to reconstruct such elements of the former cultural landscape as roads, water and portage routes and borders, including the time when the border between Eastern and Western Zaonezh'ye was formed.

N.A. Krenke

Archaeological and ethnographical investigations of the rural homestead of the Kvashnins in D'yakovo

In 1987 were carried out excavations at last homestead in D'yakovo settlement (now it is located within the territory of Moscow). At the same time the owners of the homesteads – Fedor and Ilia Kvashniny gave their comments to the finds, told life stories of themselves, genealogy line was reconstructed. As a result it became possible to describe a lot of hidden realities of material

culture of rural settlement dated from late 19th–20th c. The homestead reached its peak at 1920-es and then agonized. Formed cellars, barrels for harvest became the cesspits, the space within the basement of destroyed dwellings became gardens, the plan of house changed. The main inference is that archaeology is able to put new light and enlarge our knowledge about modern time.

Содержание

<i>Н.А. Макаров.</i> Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты.....	5
<i>С.З. Чернов.</i> Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы	16

Сельское расселение и колонизация

<i>Ингвилд Ойе.</i> Новое открытие средневековой фермы: Недавние археологические исследования в Западной Норвегии	31
<i>Людек Галушка.</i> Сельское заселение раннесредневековой Моравии: К вопросу о зонах влияния главных великоморавских городищ с учетом агломерации Старе Место – Угерске Градиште.....	40
<i>А.П. Томашевский.</i> Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте	50
<i>А.Е. Леонтьев.</i> Пужбол, Шурскол и Согило: Археологические данные к истории поселений ростовской округи	74
<i>Е.М. Веремейчик.</i> Сельские поселения Черниговского Полесья конца IX – первой половины XIII века	82
<i>А.В. Кудряшов.</i> Сельские поселения Лозско-Азатской озерной системы в эпоху Средневековья	91
<i>М.В. Цыбин.</i> Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье	101
<i>Н.А. Тропин.</i> Средневековые поселения XIV–XVII веков в округе Ельца: Сравнительно-историческая характеристика систем заселения по реке Ельчик.....	108

Сельскохозяйственная деятельность, природная среда и ее преобразование

<i>А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Н.А. Макаров, Е.А. Спиридонова, А.А. Карпухин.</i> Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований).....	127
<i>С.В. Шполянский.</i> Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет).....	157
<i>Н.А. Кирьянова, Т.А. Пушкина.</i> Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова.....	171
<i>В.В. Мурашева, М.А. Бронникова, А.А. Гольева, О.Е. Марфенина.</i> Опыт использования естественно-научных методов для интерпретации объектов в составе культурного слоя пойменной части селища Гнёздовского археологического комплекса	177

<i>А.Л. Александровский, Е.Г. Ершова, М.Д. Кочанова, Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова, С.З. Чернов, А.В. Энговатова. Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году и опыты реконструкции коренной растительности</i>	187
<i>А.В. Алексеев, Ю.Б. Королев. Археологическое и палеоботаническое исследование Введенского погоста под Звенигородом (по материалам работ 2005 года)</i>	207
<i>И.В. Папин. Особенности формирования культурного слоя на территории Кирилло-Белозерского монастыря</i>	222
Н.Б. Черных , <i>А.А. Карпухин. Основные итоги дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря</i>	230

Материальная культура и хозяйство сельских поселений

<i>С.В. Павленко. Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пиррофиллитового сланца (на примере поселения Прибытки-1)</i>	241
<i>Н.Н. Грибов. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1)</i>	253
<i>Н.В. Енисосова, Т.Г. Сарачева. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках</i>	265
<i>И.Е. Зайцева. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса</i>	275
<i>С.И. Валиулина. Стекланные бусы Семеновского I и Измерского I селищ</i>	288
<i>А.Н. Федорина. Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Сузда- лем</i>	299
<i>А.А. Молчанов, И.И. Рыкунова, А.Н. Рыкунов. Раскопки раннесредне- векового археологического памятника Усть-Шексна в 2005 году и клад саманидских монет X века</i>	308
<i>А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль. Мякининское 1 селище в поселенче- ской структуре Северо-Западного Подмосковья</i>	319

Комплексное изучение исторических территорий

<i>А.А. Селин. Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли</i>	333
<i>П.Е. Сорокин. О системе расселения в Приневье в допетровское время</i>	351
<i>А.А. Фролов. Дополнительные возможности использования материа- лов Генерального межевания для изучения ландшафтов русского Средневековья</i>	363
<i>И.И. Муллонен, Е.В. Ляля. Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья</i>	373
<i>Н.А. Кренке. Археолого-этнографическое исследование крестьянской усадьбы Квашниных в селе Дьяково</i>	380
Принятые сокращения	392
Сведения об авторах	394
Summary	396

Contents

<i>N.A. Makarov</i> . Archaeological study of the Northern Rus village: approaches, methods and results.....	5
<i>S.Z. Chernov</i> . Micro-regional studies of 13 th – 16 th cc. rural Rus as integrated research of archeological and written sources.....	16
Rural settlement and colonization	
<i>Ingvild Øye</i> . The medieval farm – revisited. Recent archaeological case studies from Western Norway	31
<i>Ludek Galushka</i> . Rural settlements in Early Medieval Moravia: to the issue of zones of influence of the major Great Moravian fortified sites in the context of Stare Mesto – Ugerske Gradishte agglomeration.....	40
<i>A.P. Tomashevsky</i> . Colonization, paleoecology and production in Ovruch volost' during the Middle Ages.....	50
<i>A.E. Leont'yev</i> . Puzhbol, Shurskol and Sogilo. Archaeological data on the history of settlements in the environs of Rostov	74
<i>E.M. Veremeychuk</i> . Village settlements in Chernihiv Poles'je at the end of the 9 th – the first half of the 13 th centuries.....	82
<i>A.V. Kudryashov</i> . Rural settlements of Lozsko-Azatskaya lake system in the Middle Ages.....	91
<i>M.V. Tsybin</i> . Russian settlements on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don area	101
<i>N.A. Tropin</i> . Medieval settlements of the 14 th – 17 th cc. in Yelets district (a comparative historical characteristic of the history of settling along the river Yelchik).....	108
Agricultural activity, the environment and its transformation	
<i>A.S. Alešinskaya, M.D. Kochanova, N.A. Makarov, E.A. Spiridonova, A.A. Karpukhin</i> . Landscapes of the Suzdal Opol'ye and anthropogenic influence in the Middle Ages (on the basis of archaeological and paleobotanical data).....	127
<i>S.V. Shpoliansky</i> . Settling the watershed areas in Suzdal opol'ye (based on recent research data)	157
<i>N.A. Kir'yanova, T.A. Pushkina</i> . Agricultural activity of the population of ancient Gnezdovo.....	171
<i>V.V. Murasheva, M.A. Bronnikova, A.A. Gol'yeva, O.E. Marfenina</i> . Natural science methods for interpreting the objects found within the cultural layer of the flood-land part of the dwelling site at Gnezdovo archaeological complex.....	177
<i>A.L. Aleksandrovsky, E.G. Yershova, M.D. Kochanova, Yu.A. Lavrushin, E.A. Spiridonova, S.Z. Chernov, A.V. Engovatova</i> . The 2003 investigations of buried soils in the St. Sergius Trinity Lavra and reconstruction of the primary vegetation	187

<i>A.V. Alekseev, Yu.B. Korolev.</i> Archaeological and paleobotanical investigations at the Vvedensky pogost near Zvenigirod (based on 2005 data)	207
<i>I.V. Papin.</i> The peculiarities of cultural layer development on the territory of the Kirillo-Belozersky monastery	222
<i>N.B. Chernykh, A.A. Karpukhin.</i> Main results of dendrochronological analysis of the timber from the cultural layer at Kirillo-Belozersky monastery.....	230

Material culture and economy of rural settlements

<i>S.V. Pavlenko.</i> Investigations of Ancient Rus settlements specializing in pyrophyllite slate processing (on the example of Pribytki I settlement).....	241
<i>N.N. Gribov.</i> The Russian possessory village of the period of appanage principalities (based on materials of archaeological research of the rural open site Blizhnye Konstantinovo 1)	253
<i>N.V. Yeniosova, T.G. Saracheva.</i> Nonferrous metal in Northeastern Rus in the 9 th – 14 th centuries	265
<i>I.E. Zaitseva.</i> Metal ornaments for the hands and arms, Minino archaeological complex.....	275
<i>S.I. Valiulina.</i> Glass beads from Semyonovskoe I and Izmerskoe I sites	288
<i>A.N. Fedorina.</i> Pottery assemblage from dwelling site Vishenki 3 near Suzdal	299
<i>A.A. Molchanov, I.I. Rykunova, A.N. Rykunov.</i> The 2005 excavations at Ust'-Sheksna and the hoard of 10 th c. Samanid coins	308
<i>A.V. Engovatova, V.Yu. Koval'.</i> Myakinino 1 dwelling site in the settlement structure of Northwestern Moscow area.....	319

Integrated studies of rural territories

<i>A.A. Selin.</i> Results of the investigations at Tesovskiy pogost in the Vodskaya pyatina, Novgorod lands	333
<i>P.E. Sorokin.</i> On the settlement system in the Neva area before the time of Peter the Great	351
<i>A.A. Frolov.</i> Complementary possibilities of using "General land-surveying" materials for Russian medieval landscapes study	363
<i>I.I. Mullonen, E.V. Lyallya.</i> Toponyms as markers of the Zaonezh'ye cultural landscape.....	373
<i>N.A. Krenke.</i> Archaeological and ethnographical investigations of the rural homestead of the Kvashnins in D'yakovo.....	380
List of abbreviations.....	392
About the authors	394
Summary	396

Научное издание

**Сельская Русь
в IX–XVI веках**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 02.10.2008
Формат 60 × 90 1/8. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 53,0 + 5,0 вкл. Усл.кр.-отт. 73,5
Уч.-изд.л. 56,0
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.)
Тип. зак. 3618

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**В издательстве “Наука”
готовятся к печати книги:**

Алексеев Л.В., Богданов В.П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. 34 л.

Книга представляет собой продолжение исследования западно-русских земель домонгольского периода (Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. М., 2006). Проблемы изучения ранней истории западно-русских земель рассмотрены в контексте общих политических и культурных процессов, происходивших в России и Европе в XI–XXI вв. Исследование охватывает период от возникновения исторического знания в русских землях (начало летописания) до работ современных авторов.

Для всех интересующихся археологическим исследованием Белоруссии и Смоленщины и историографической тематикой.

Археологические вести. № 16. 35 л.

В выпуск вошли статьи по изучению искусства малых форм от палеолита до Средневековья. Рассматриваются “мобильное искусство позднего палеолита, мотив спирали в орнаментации неолитической керамики Восточной Азии, художественный металл Боспорского царства, средневековая торевтика малых форм с территории Саяно-Алтая, мотив птицы в изделиях художественного ремесла Белоруссии XII–XIII вв. Анализируется вариативность конского снаряжения пазырыкского времени, раннескифские псалии юга Восточной Европы и серебряные монеты Пантикапея с надчеканкой. Впервые публикуются результаты раскопок Лооского храма Большого Сочи и уникальные находки тканей из Пскова. На материалах каменных индустрий Южной Африки прослеживается направленность культурной динамики в среднем палеолите, рассматриваются актуальные вопросы исследования средневековых поселений Северного Кыргызстана. Дается информация о международных конференциях и обзор отечественных и зарубежных публикаций по археологии. Один из разделов посвящен истории науки.

Для археологов, этнографов, историков.

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

5282.